

ЧУВАШСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ
ГУМАНИТАРНЫХ
НАУК

ISSN 2225-7314

№ 19

ЧУВАШСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

АРХЕОЛОГИЯ
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЯ
ПРАВОВЕДЕНИЕ
СОЦИОЛОГИЯ
ФИЛОЛОГИЯ
ЭКОНОМИКА
ЭТНОЛОГИЯ

2024

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

№ 19

**ЧУВАШСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ
ВЕСТНИК**

АРХЕОЛОГИЯ
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЯ
ПРАВОВЕДЕНИЕ
СОЦИОЛОГИЯ
ФИЛОЛОГИЯ
ЭКОНОМИКА
ЭТНОЛОГИЯ

Чебоксары 2024

*Учредитель БНУ ЧР «Чувашский государственный институт
гуманитарных наук» Министерства образования
Чувашской Республики*

Редакционная коллегия:

Ю.Н. Исаев, доктор филологических наук (главный редактор),
Ю.М. Артемьев, доктор филологических наук, профессор,
Д.В. Басманцев, кандидат исторических наук,
И.И. Бойко, доктор исторических наук, профессор,
А.П. Долгова, кандидат филологических наук (заместитель главного редактора),
Д.В. Егоров, кандидат исторических наук,
С.М. Заяц, доктор филологических наук,
Р.Р. Исхаков, доктор исторических наук,
И.Ю. Кириллова, кандидат филологических наук,
В.Н. Клементьев, кандидат исторических наук,
М.Г. Кондратьев, доктор искусствоведения, профессор,
Н.С. Мясников, кандидат исторических наук,
А.К. Салмин, доктор исторических наук

Ответственный редактор
А.П. Долгова

Чувашский гуманитарный вестник
Чебоксары, 2024. № 19

Научный журнал
Основан в феврале 2006 г.
Выходит 1 раз в год

© Чувашский государственный институт
гуманитарных наук, 2024
© Редколлегия журнала
«Чувашский гуманитарный вестник»
(составитель), 2024

Чебоксарская Спасо-Преображенская Геронтьевская подгородная пустынь была основана между 1658—1665 гг. на средства горожан после эпидемии чумы. Находилась на берегу Волги на расстоянии около километра выше Чебоксар. Основала несколько поселений. Секуляризационной реформой Екатерины II оставлена на самообеспечение. После большого городского пожара 1773 г. частные пожертвования сократились, и пустынь захирела. В 1838 г. была упразднена и приписана к Чебоксарскому Троицкому монастырю. В 1901 г. бывшую монастырскую Спасо-Преображенскую церковь отремонтировал купец П.Е. Ефремов для нужд рабочих своего лесопильного завода. В 1920—1923 гг. церковь функционировала как приходская. В 1925 г. была закрыта и вскоре снесена.

Ключевые слова: Казанская епархия, Геронтьевская пустынь, Чебоксарский Троицкий монастырь, церковная история Чебоксар.

Несмотря на более чем 200-летнюю историографию, церковная история столицы Чувашии изобилует лакунами и белыми пятнами. Малоизученной является и история Чебоксарской Спасо-Преображенской Геронтьевской подгородной пустыни — одной из шести обителей Чебоксар. Настоящая статья призвана восполнить этот пробел.

Историография по истории Геронтьевской пустыни невелика. Первые упоминания о ней содержат справочные издания начала XIX в. А.М. Щекатова¹ и Амвросия (Орнатского)². Сведения о пустыни приведены в авторитетном справочнике о монастырях А. Ратшина. Его автор сообщил, что Геронтьевская пустынь иначе звалась Владимирской, т. е. объединил ее с другой пустыней — Владимирской³. Ошибку Ратшина повторил В.В. Зверинский⁴. Чебоксарский краевед И.М. Барсов исправил ошибку последнего (труд Ратшина был ему неизвестен), указав, что речь идет о двух разных

Юрий Владимирович Гусаров — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник секции истории исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: gsr63@yandex.ru.

монастырях⁵. Несмотря на это, ошибка повторяется и в современной справочной литературе⁶. В 1892 г. вышел путеводитель по приволжским селениям Казанской губернии, чья историческая справка о пустыни⁷ долгое время оставалась самой полной и авторитетной.

Советская историческая наука руководствовалась классовым подходом. Так, В.Д. Дмитриев в книге об истории Чувашии XVIII в. рассмотрел вопрос о зависимом положении крестьян Геронтьевской пустыни, обойдя вниманием его историю⁸. В постсоветский период, когда интерес к церковной истории возродился, В.А. Нестеров опубликовал газетную статью о монастыре, в которой использовал архивные документы⁹. Тогда же В.Д. Дмитриев в книге о чувашском историческом фольклоре привел сведения о расширении вотчины Преображенского монастыря в XVII в.¹⁰ О Геронтьевской пустыни упоминается в книгах по истории Чебоксар, изданных в начале XXI в.¹¹ В те же годы нами опубликована сначала энциклопедическая статья о монастыре¹², а затем газетная и журнальная, явившиеся первым опытом обзора его истории¹³. А.А. Чибис в статье о монастырском землевладении в Чувашии рассмотрел вопрос о землевладении Спасо-Преображенского монастыря¹⁴. Позднее в статье о начальной истории монастырей правобережья Волги оспорил устоявшуюся дату основания Геронтьевской пустыни¹⁵.

Письменные источники о возникновении монастыря рассказывают одинаково, но расходятся в его датировке. В краткой исторической справке о пустыни, составленной в начале XIX в. ее строителем иеромонахом Иннокентием*, говорится, что она была основана в 1653 г. по обещанию горожан в благодарность Богу за избавление от эпидемии чумы. Рассказывается, что чебоксарцы пригласили старца Царевококшайской Мироносицкой пустыни (основана в 1649 г.) Геронтия, который «испросил» у казанского митрополита Лаврентия грамоту на «устроение» обители. В том же году в ней была построена деревянная церковь¹⁶. Версию Иннокентия приняли авторы упомянутого путеводителя 1892 г., благодаря чему она утвердилась в литературе. Иногда называется дата, близкая к названной, — 1654 г.¹⁷

В справке о монастырях Казанской епархии, составленной в 1782 г., говорится, что пустынь была основана в 1656/57 г. после эпидемии чумы по просьбе монаха Геронтия и «в должное Господу Богу благодарение иждивением градских чебоксарских жителей»¹⁸. Согласно офицерской описи

* В 1810 г. Иннокентий назначен строителем в Геронтьевскую пустынь из казначеев Седмиозерной Богородицкой пустыни; не ранее 1825 г. переведен на ту же должность в Сызранский Вознесенский монастырь¹⁹. Изучив архив обители, Иннокентий собрал три тетради выписок из старинных грамот по ее истории и составил «Краткое историческое описание Чебоксарской Спасо-Геронтиевской пустыни», доведя изложение до 1813 г.²⁰ Его рукопись была открыта чувашским переводчиком П.И. Талиевым в старых книгах, купленных в Казани в 1823 г. В 1870-е гг. бумаги Иннокентия оказались в руках И.А. Износкова. От него рукопись описания попала к В.К. Магницкому, в личном архиве которого отложилась²¹.

1764 г., Геронтьевская пустынь была построена в 1671/72 г. по повелению царя Алексея Михайловича по прошению чебоксарских купцов «по обещанию [за спасение] от смертоносных язвы»²², т. е. чумы.

Первые две даты не соответствуют историческим фактам. Как известно, чума свирепствовала в Поволжье в 1654 и 1656 гг. Архиепископ Лаврентий был назначен на казанскую кафедру в июле 1657 г., в должность вступил 3 января 1658 г. Наконец, третья дата, которой доверяет А.А. Чибис, опровергается тем фактом, что в августе 1665 г. пустынь получила в оброчное держание сенокосы за Волгой²³. Из сказанного следует, что Геронтьевская пустынь возникла не ранее 1658 г. и не позднее 1665 г.

Первым ее руководителем был бывший монах Мироносицкой пустыни Геронтий. Вкупе с фактом установления в 1677 г. казанским митрополитом Иоасафом крестного хода из этой пустыни с иконой Богородицы со святыми женами мироносицами в города Чебоксары, Цивильск и Козьмодемьянск, это свидетельствует о ее тесных связях с Чебоксарами.

Вышеназванная храмозданная грамота (сохранилось ее начало, вторая половина утрачена), была дана старцу Геронтию в ответ на просьбу о разрешении построить («по обещанию ево») в пустыни, расположенной в двух верстах выше Чебоксар, деревянную церковь во имя Преображения Господня с приделом в честь Богородицы, разобрав перед этим часовню²⁴. К часовне мы вернемся, а здесь скажем, что в действительности пустынь располагалась примерно в полукилометре (по прямой) выше города, «в полугоре» — на террасе на склоне высокого правого берега Волги, поросшего густым смешанным лесом.

Для пустыни было выбрано знаковое место. В путеводителе по Волге 1865 г. говорится, что в 50 саженях позади нее рос огромный старый вяз, которому поклонялись и приносили жертву чувашки, называя его малой киреметью²⁵. Киреметь называлась так в отличие от двух больших, на месте которых были воздвигнуты Введенский собор и Сретенская (Владимирская) пустынь (строительство православных храмов на киреметищах было распространенной практикой²⁶). Думаем, рассказ о киремети относится к прошлому, поскольку в источниках XIX в. она не упоминается. Зато известно, что в 1820-е гг. чувашские крестьяне посещали пустынь и покупали свечи. В 1874 г. архимандрит Троицкого монастыря Варсонофий писал, что Спасо-Преображенский храм (бывший монастырский) постоянно посещают богомольцы, «особенно из чуваш»²⁷. Можно думать, что чувашские крестьяне почитали это место, помня о его сакральности.

Когда и для чего была построена часовня, неизвестно. Вероятно, ее появление связано с формированием монашеской общины вокруг духовного лидера (Геронтия). Со временем часовня уступила место церкви, что положило начало истории монастыря. Право на существование, на наш взгляд, имеет версия о постройке часовни на месте чувашской киремети. Что же касается вяза, то к нему могла перейти роль срубленного священного дерева.

По главной церкви пустынь называлась Преображенской, по народному названию праздника Преображения Господня (Яблочный Спас) —

Спасо-Преображенской. По первому настоятелю именовалась также Геронтьевской, что зафиксировано в надписи на Тихвинской иконе Божией Матери «с чудесами», принесенной в пустынь из Великого Новгорода и Великих Лук в 1685 г.²⁸ С первой половины XVIII в. использовалось объединенное название — Спасо-Преображенская Геронтьевская пустынь.

20 февраля 1683 г. Спасо-Преображенская церковь сгорела — «и в ней иконы и книги, и ризы, и всякая утварь». В 1694 г. «с дозволения» царей Ивана и Петра Алексеевичей на ее месте построен каменный храм того же имени²⁹. Не позднее 1696 г. по повелению царей-соправителей к нему пристроен теплый придел во имя св. Алексея человека Божия — небесного покровителя царевича Алексея Петровича. Одновременно было запрещено приписывать пустынь к другим монастырям³⁰.

В начале XIX в. (по другим данным, в конце XVIII в.³¹) «по слабости грунта» Спасо-Преображенский храм с пристроенными к нему кельями более чем на аршин ушел в землю, а в его стенах образовались большие трещины. По аварийному состоянию он был упразднен и превращен в двухэтажный келейный корпус для настоятеля и братии³². По-видимому, это произошло в 1808 г., когда два ясачных крестьянина Вятской губернии подрядились отремонтировать «каменную келью» на территории обители. Они обязались покрыть ее тесовой крышей, настелить потолки и полы на обоих этажах, устроить переборки и двери, пристроить кухню и сени с крыльцом и др.³³

В 1817 г. келейный корпус пострадал от пожара, в 1828 г. был восстановлен³⁴. В 1840 г. его разобрали на кирпич, из которого в 1842 г. возвели хозяйственные постройки (трапеза, кухня, каретник, погреб) в Троицком монастыре³⁵, к которому незадолго до того была приписана пустынь.

В первой половине XVIII в. упоминается вторая монастырская церковь — деревянная надвратная во имя Пресвятой Богородицы Тихвинской³⁶. К 1764 г. она была построена из камня, завершалась колокольней. Обе монастырские церкви были покрыты тесом, их главы — зеленой черепицей, увенчаны железными позолоченными крестами.

Ктиторм Тихвинской церкви был чебоксарский купец Федор Кочелин, который умер, не успев оснастить ее иконостасом и церковной утварью³⁷. Известно, что Кочелин (Качалин) был «главным продавцом Нижнетагильского железоделательного завода Демидовых» — торговой конторы знаменитых уральских заводчиков в Чебоксарах. В 1753 г. он пожертвовал железо на строительство Владимирской церкви Чебоксарского Николаевского женского монастыря³⁸. По сведениям авторов путеводителя 1892 г., надвратная церковь была построена в 1756 г. с разрешения епископа Казанского и Свияжского Гавриила (Кременецкий) чебоксарским купцом-промышленником М.Ф. Котельниковым³⁹. Возможно, в данном случае имеет место путаница, вызванная схожестью фамилий.

После ликвидации Преображенской церкви главным и единственным храмом монастыря стала Тихвинская. Ее нижний этаж состоял из двух сводчатых помещений размерами 3×12 и 12×14 м, разделенных капитальной

стеной. В первом помещалась теплая Спасо-Преображенская церковь, во втором — монашеские кельи (пять комнат). Второй этаж занимала холодная Тихвинская церковь (8,2×8 м), в которой хранились святыни монастыря: упомянутая выше Тихвинская икона Богоматери и особо чтимая икона св. мученицы Фотины Самарянки. Иконостас верхней церкви имел три яруса, нижней — один. Третий этаж составляла колокольня диаметром 3 м⁴⁰. По нижнему престолу церковь часто называли Спасо-Преображенской.

Пустынь была обнесена деревянной оградой, на восточной стороне которой находились святые и хозяйственные ворота. В первой половине XVIII в. из хозяйственных построек имелись каменный погреб, пять деревянных настоятельских и братских келий, такие же хлебня с сениями и три амбара. За пустынью располагался конюшенный двор⁴¹.

Монастырские строения располагались компактно по причине небольших размеров волжской террасы. Из-за особенностей грунта возможности для каменного строительства были ограничены, поэтому большинство построек были деревянными.

Монастырю принадлежали каменная часовня Животворящего Креста Господня на базарной площади Чебоксар и постоянный двор на берегу Волги в 13 верстах выше города⁴². К часовне была пристроена торговая лавка, которая сдавалась в аренду⁴³.

Обитель славилась ключом, бившим из подошвы горы в 64 м от монастырских ворот. В 1797 г. о нем упомянул в своем дневнике возвращавшийся из ссылки А.Н. Радищев. В XIX в. родник называли Пустыньским, в 1930-е гг. — ключом Святого Геронтия. Это был сильный источник с дебитом воды несколько сотен ведер в час. Вода была «так мягка и приятна на вкус», что в народе звалась живой. Над ключом находилась деревянная часовня, которая возобновлялась по мере ветшания. В 1930-е гг. она носила имя св. Фотины Самарянки⁴⁴. По воспоминаниям, стены часовни покрывала церковная роспись⁴⁵.

В храмовый праздник (6 августа) в пустынь совершался крестный ход из Введенского собора; перед литургией в часовне над родником проводилось освящение воды. Упомянувшийся строитель Иннокентий считал, что крестный ход был посвящен избавлению Чебоксар от чумы⁴⁶. Вряд ли это так: крестные ходы в память этого события в Чебоксарах проводились во второе и третье воскресенье после Троицы следующим порядком: городское духовенство собиралось во Введенском соборе и в первый день обходило одну половину города, во второй — другую⁴⁷.

В начальный период пустынь влачила жалкое существование. В 1678 г. строитель писал о «скудости свечами, ладаном и вином церковным, от коей... церква Божия бывает без пения»⁴⁸. В 1690 г. строитель Симеон жаловался, что «у них же место пустынное и скудное, и безвотчинное, питаютца от подаяния мирских и проезжих людей, хлеб и соль, и одежду, и всякую потребу купят с торгу», «скитаютца в миру последнею нищетою». Монахи собирали подаяние «монастырю на созидание и братии на пропитание», ездили на проплывающие по Волге суда служить молебны⁴⁹.

В 1674/75 г. после жалобы строителя Геронтия на неполучение монастырем денежной и хлебной руги, пустыни были пожалованы оброчные рыбные ловли⁵⁰, а в 1674 и 1678 гг. — оброчные сенокосы в Заволжье выше Чебоксар на Голодяевской гриве (ранее — Сосновая грива) по р. Травенке⁵¹. Там монастырь построил мельницу и основал д. Голодяиха (ныне пос. Сосновка Чувашской Республики), первопоселенцами которой, по преданию, были сосланные разинцы⁵². По писцовым книгам при д. Голодяихе числился «строенный лес», пожалованный с правом расчистки под пашню (крестьяне расчистили 15 дес.)⁵³.

Владения монастыря активно увеличивались при строителе (с 1694 г. — игумен) Симеоне (1684 — не позднее 1699 г.). В 1686 г. пустынь получила в вотчину рыбные ловли на р. Цивиле, а в 1688 г. — по рекам Волге и Криуше, которые арендовала «с давних лет»⁵⁴. В 1689 г. монастырю были даны прилегающие к нему «порозжие» земли: вниз по Волге до Обрескова оврага, с поляной «на горе» напротив пустыни, вверх по реке — до дачи (т. е. владения) помещика М. Болотникова «с товарищи», Большого оврага у с. Нового, Ларионово тож и земельного участка подьячего П. Степанова, а также о. Мокрец напротив упомянутого села⁵⁵. В 1693 г. приказ Казанского дворца передал пустыни порожнее мельничное место «Логоиновская мельница» на берегу р. Чебоксарки, где она поставила мукомольную мельницу⁵⁶.

Тем же годом датировано самое крупное земельное приобретение пустыни. Его история такова. В 1687/88 г. монастырь получил оброчное мельничное место на р. Сорме близ чувашской д. Сорма-Маресево Чебоксарского уезда, где построил мельницу. В 1691 г. строитель Симеон подал в приказ Казанского дворца челобитную о пожаловании пустыни взятых ею в оброк пустующих земель близ этой деревни. В 1693 г. казна передала обители искомые выморочные «черемисские» земли, а именно: 375,5 десятин пашни, 300 десятин сенокоса, 20 десятин «пашенного» и 15 квадратных верст «непашенного» леса (последний — в общее владение с чувашскими крестьянами)⁵⁷. Здесь монастырь основал с. Русская Сорма (ныне одноименное село Аликовского муниципального округа Чувашской Республики). По чувашскому преданию, первым из русских в этих краях появился *хора тум* (монах), живший на монастырской мельнице. В русском же говорится, что один из русских переселенцев предложил местным чувашам заколоть семь быков, нарезать из их шкур ремни и обвести ими окружность, с тем чтобы вошедшая в нее земля отошла к инициатору сделки. Наивные крестьяне согласились, а хитрец «бычачьими ремнями обмерил деревню чуваш и с местожительства их прогнал»⁵⁸.

Монастырь участвовал в земельных спорах, которые не всегда заканчивались в его пользу. Так, в 1697 г. по жалобе жителей Чебоксар городу были возвращены его выгонные земли, которыми ранее, нарушив межу, «завладели» Спасо-Преображенский монастырь и чебоксарские помещики⁵⁹.

Монастырская вотчина прирастала и частными вкладами: в 1686 г. чебоксарский отставной иноземец М.П. Воленский подарил пустыни мельничное место на берегу р. Чебоксарки⁶⁰.

В конце XVII в. рост вотчины монастыря прекратился. К тому времени он превратился в землевладельца средней величины.

Нуждаясь в рабочих руках, монастырь принимал и селил на своих землях «гулящих» людей и беглых крестьян. По переписной книге 1677/78 г. ему принадлежали 15 бобыльских дворов «пришлых» людей. Там же сказано, что в Чебоксарах, Чебоксарском уезде и за Преображенским монастырем числится 58 дворов «пришлых» крестьян. В монастырской ведомости, составленной по указу от 29 июля 1741 г. данные этого источника о крепостных крестьянах пустыни переданы в следующей редакции: «...дворов: крестьянских 6, бобыльских 10, итого 16»⁶¹. Выходит, что во втором случае речь идет о дворовладениях пришлых крестьян, поселившихся в Чебоксарах и его уезде, из которых монастырю принадлежало одно. Бывало, помещики отыскивали своих беглых крестьян, но «полюбовно» дарили их монастырю. Монастырь практиковал и покупку крестьян: в 1721 г. чебоксарский помещик О.А. Кадников продал ему 23 крестьянина, в 1729 г. подьячий Чебоксарской таможни В.М. Юшков — пятерых⁶².

У стен монастыря возникла Подгородная (Геронтьевская) слобода, где жили его крестьяне. В 1688 г. в ней числилось 15 бобыльских⁶³, в 1710 г. — 35 крестьянских дворов⁶⁴. До секуляризационной реформы Петра III слободские крестьяне обрабатывали два монастырских поля площадью 10 десятин рядом с пустыней и косили сено на голодаевских лугах. После 1762 г. кормились за счет рыбных ловель пустыни, платя ей оброк⁶⁵. Рыболовство оставалось их основным занятием и в XIX в.⁶⁶

В конце XVIII в. Геронтьевская слобода входила в приход городской Вознесенской церкви⁶⁷. По давней и «нерушимо» соблюдаемой традиции на Петровское заговенье в слободе проходило народное гуляние. По оценке А.А. Фукс, оно было «самым блестящим» из подобных, устраивавшихся в трех пригородных деревнях, которые в качестве зрителей посещали горожане⁶⁸. «Испивши из родника холодной ключевой воды и походя между могил по ограде», писал современник, гости поднимались на крутой берег Волги посмотреть на пляски и игры геронтьевских крестьян и послушать их песни⁶⁹. Гуляния с играми и угощением проходили здесь до начала XX в.⁷⁰

С Геронтьевской пустыней связано первое упоминание о церковных социальных учреждениях Чебоксар: на рубеже 1670—1680-х гг. она получила порожнее место за Настасьинскими воротами городского острога для строительства богадельни⁷¹. В XVIII в. Казанская духовная консистория, в соответствии с указами о содержании в монастырях потерявших здоровье отставных военных, направляла таковых и в Геронтьевскую пустынь. В 1741 г. в ней жили «на пропитании» боцман и солдат, в 1761 г. — боцман, два капрала, два солдата, в 1764 г. — драгун и два солдата⁷².

В первой половине XVIII в. монастырь зарабатывал от сдачи в аренду пашни, сенокосов, рыбных ловель, постоянного двора и хлебных амбаров, от продажи сена, кож домашнего скота, свечей, получал доходы от мельниц (помольные деньги) и платной бани, а также пожертвования (часовенные деньги) — всего 153 руб. 85 коп. С пашни, пожалованной от казны (64 десятин), собиралось 140 четвертей ржи и овса. «За умалением... вотчин» все доходы оставались монастырю, в Коллегию экономии ничего не платилось. Доходы тратились на покупку товаров на церковные потребности (кагор, ладан, мука на просфоры и др.), продуктов для братии, конюшенных при-

пасов, телег, саней, железа, бумаги и канцелярских принадлежностей, свеч, оплату труда канцеляристов и певчих, плату за оброчные статьи и др.⁷³

В середине XVIII в. монастырь владел 400,5 десятинами пашни, 360 десятинами сенокосов, 2020 десятинами леса (из них 20 десятин — пашенные), 255 крестьянами муж. пола (в д. Голодаяхе — 16, Подгородной слободе — 106, с. Русской Сорме — 133), четырьмя мельницами, рыбными ловлями на Волге общей протяженностью 27 верст⁷⁴.

При Петре I и его преемниках проводилась политика экономического давления на монастыри, в ходе которой маловотчинные и малобратственные присоединялись к крупным. В 1723 г. в Спасо-Преображенскую пустынь были переселены монахи упраздненного Цивильского Вознесенского монастыря. В декабре 1724 г. уже Геронтьевскую пустынь приписали к Козьмодемьянскому Спасо-Юнгинскому монастырю, куда перевели ее братию и цивильских монахов⁷⁵. В 1727 г. Екатерина I отменила распоряжение о приписке бедных монастырей к «степенным», и пустынь вновь обрела самостоятельность⁷⁶.

В 1762 г. по манифесту Петра III о секуляризации церковных и монастырских земель Коллегия экономии землю Геронтьевской пустыни передала ее крестьянам, переводя их на оброк в пользу монастыря в размере 1 руб. с ревизской души. Крестьяне продолжали косить сено и варить пиво для пустыни. С того же года братия и причт стали получать денежное жалованье из монастырских доходов⁷⁷. Одновременно пустынь лишилась скота и рыбных ловель: воевода Чебоксар В.П. Обресков первые продал, вторые отдал в аренду чебоксарскому купцу Д.И. Микулину. Вскоре по указу от 12 августа 1762 г. рыбные ловли и деньги, полученные за их аренду и проданный скот, были возвращены обители⁷⁸.

По секуляризационной реформе 1764 г. пустынь подлежала упразднению. Монастырские земли отошли к ее бывшим крестьянам, поступившим в ведение Коллегии экономии; мельницы и рыбные ловли Чебоксарская воеводская канцелярия сдала в аренду. Горожане и местные помещики выступили в защиту обители, подав казанскому архиепископу Вениамину прошение, в котором обязались ежегодно «доставлять» на пропитание монахов 100 руб. и 50 четвертей хлеба. После этого пустынь была оставлена на собственном содержании⁷⁹. В 1766 г. ей возвратили три мельницы (кроме Голодаевской), рыбные ловли и деньги, поступившие от арендаторов за два года⁸⁰. За пустынью осталась пожалованная ей в 1689 г. земля вместе с волжским островом, которая, как писал ее строитель Петр, «до крестьян не принадлежит»⁸¹.

По «древнему установлению» пустынью управляли строители, с 1694 г. — игумены, после 1764 г. — вновь строители. Определением Монастырского приказа численность братии была установлена в 11 человек (игумен, казначей, два священника, диакон, пономарь, четверо крылошан, просвиряк), а служителей (из крепостных крестьян) — в 14. В 1730 г. в пустыни состояло по одному иеромонаху и иеродиакону — в два раза меньше, чем в 1721 г. К 1739 г. их не осталось, богослужения проводил вдовый белый поп. В 1741 г. были учтены 4 монаха (игумен, казначей, пономарь, просвиряк), священник (белец), и 13 служителей (в том числе 4 — на мельницах), в 1764 г. —

игумен, 2 иеромонаха, 1 иеродиакон, 2 бельца (дьячок, пономарь) и 7 служителей (хлебник, сторож, конюх, кузнец, каменщик, портной, истопник). В 1740-е гг. по недостатку доходов денежное и хлебное жалованье монахам было заменено питанием «за общею монастырскою трапезою». Монастырские служители получали денежное жалованье и питались «обще с братией»⁸². Среди насельников обители были выходцы из разных сословий. Скажем, в 1702 г. упоминается слепой монах Авраамий — бывший гражданский и кокшайский помещик, дворянин А.И. Амачкин⁸³.

После 1764 г. по указному предписанию в пустыни полагалось быть строителю, трем иеромонахам, иеродиакону, двум монахам. На практике эта норма не соблюдалась. Скажем, в 1830-е гг. числилось три монаха⁸⁴.

Заштатная пустынь быстро захирела: оброчные доходы были невелики, а после большого пожара Чебоксар 1773 г., разорившего многих горожан, сократились частные пожертвования. В результате монахи «претерпевали нужду», монастырские строения ветшали.

В 1777 г. для улучшения материального положения монастыря в его ведение была передана упраздненная Владимирская подгородная пустынь, находившаяся под его управлением до 1789 г.⁸⁵ В 1797 г. монастырю назначена казенная милостинная дача в размере 300 руб. в год⁸⁶. В следующем году в совместное владение Геронтьевской, Царевококшайской Мироносицкой пустыней и Чебоксарского Троицкого монастыря пожалованы рыбные ловли в пяти озерах по берегам Волги в Чебоксарском уезде⁸⁷. Вероятно, в те же годы «от монарших щедрот» пустыни была дарована отхожая дача близ д. Второе Туруново Козьмодемьянского уезда с сенокосами (4 десятины) и

Геронтьевская пустынь во второй половине XVIII в.
Рисунок-реконструкция И.К. Кугуракова. 2024 г.

мельницей на р. Моргаушке, а также сенокосные луга за Волгой в Чебоксарском уезде (21 десятина)⁸⁸. В 1810—1817 гг. по решению Сената передана городская мельница на р. Чебоксарке, которая после упразднения монастыря перешла в ведение Казанской палаты государственных имуществ⁸⁹. Первое время угодья пустыни обрабатывались монахами и наемными людьми, затем сдавались в аренду.

В начале XIX в. территория пустыни была размежевана и закреплена за ней указом Сената от 30 июня 1832 г. Вместе с кладбищем, садом и огородом ее площадь составляла 4 десятины 1110 кв. саженей⁹⁰. В 1834 г. в пользу пустыни была отмежевана земельная дача с садом и огородом в Подгородной слободе⁹¹.

В 1825 г. благочинный над монастырями писал, что в храмах пустыни соблюдалась чистота, церковной утварью и облачением они были снабжены «средственно». Новые деревянные настоятельские покои и каменные братские кельи под холодной церковью были «чисты и опрятны». В пустыни проживали монах (настоятель), белый дьякон и послушник, богослужения проводились по праздничным и воскресным дням⁹².

В декабре 1774 г. после смерти настоятеля Иринарха и заменившего его иеромонаха Арсения Казанская духовная консистория временно передала пустынь под управление Троицкого монастыря. В последующие месяцы новый настоятель не появился, и в апреле 1775 г. внешнее управление пустыней было продлено⁹³ (когда закончилось — неизвестно). В 1831 г. строитель иеромонах Иоасаф по болезни отказался от настоятельства, перейдя в Троицкий монастырь. В обители остались два послушника (один — неуказной) и священник, поэтому она снова поступила в ведение Троицкого монастыря; его казначей назначен ее строителем⁹⁴. В 1838 г. указом Синода вконец оскудевшая пустынь была упразднена как не имеющая нужды для епархии и приписана к Троицкому монастырю; ее угодья возвращены в казну для обмена на аналогичные в Оренбургской губернии для новоучрежденного Уфимского Благовещенского женского монастыря⁹⁵.

На момент закрытия в пустыни были описаны: каменная двухэтажная церковь, деревянные келья настоятеля и амбар, ветхая деревянная ограда; за ее пределами две часовни — ветхая деревянная на берегу Волги и каменная с пристроенными двумя деревянными лавками близ торговой площади Чебоксар. В описи монастырского имущества указана многочисленная церковная утварь, книги 36 названий, самая ранняя из которых («Толкование воскресных Евангелий») была издана в 1681 г., четыре колокола на колокольне (большой весом 9 пудов, отлит в 1785 г.⁹⁶), церковная сумма в размере 272 руб. 48 коп. и др.⁹⁷

Вступив в имущественные права, Троицкий монастырь стал сдавать Голодяевскую и Геронтьевскую пристани в аренду под склады дров, торговые лавки — торговцам, взимать плату за похороны на пустынском кладбище. Вплоть до XX в. на нем хоронили жителей Геронтьевской слободы⁹⁸. В 1897 г., рассмотрев предложение городского комитета общественного

здравия о постройке возле Геронтьевской слободы барака для эпидемических больных, снимаемых с пароходов, с захоронением умерших «в монастырской ограде», городская дума постановила открыть там особое общественное кладбище⁹⁹.

В Троицкий монастырь перешли последние насельники пустыни — 43-летний строитель Парфений (с 1830 г. являлся казначеем Троицкого монастыря) и 51-летний послушник из пахотных солдат Ф.И. Карточкин¹⁰⁰. После этого жизнь в пустыни замерла. Ее здания и имущество охранял монастырский послушник, живший в келье при церкви. Несколько раз в год в церковь приходили троицкие монахи для служения молебнов и обедней.

**Спасо-Преображенская церковь.
Начало XX в.**

Головной монастырь был небогат, денег на содержание и ремонт пустынской церкви не хватало. Спасо-Преображенский храм много лет простоял под замком. Только в 1870 г. его железную крышу покрасили медянкой. В 1874—1875 гг. нижняя церковь была отремонтирована на деньги чебоксарской купеческой дочери Е.С. Щербаковой с добавлением небольшой суммы от монастыря (престол освящен 20 марта 1875 г.)¹⁰¹.

Новую жизнь в бывшую пустынь вдохнуло строительство в 1890—1892 гг. чебоксарским купцом П.Е. Ефремовым лесопильного завода на земле, арендованной у крестьян Геронтьевской слободы. На соседнем участке, арендованном у Троицкого монастыря, купец построил бараки для рабочих¹⁰². Он же профинансировал ремонт теплой Спасо-Преображенской церкви (завершен в 1901 г.) и оплачивал Троицкому монастырю богослужения по праздничным и воскресным дням для рабочих завода¹⁰³. За богослужения в будние дни платил тот, кто их заказывал.

В 1901 и 1906 гг. обновленную пустынь посетили казанские архиереи Арсений (Брянцев) и Димитрий (Самбикин), соответственно, отметившие красоту и уединенность этого места¹⁰⁴. Авторы путеводителей и мемуаристы XIX — начала XX в. называли «древний монастырек» достопримечательностью Чебоксар, забытым уголком седой старины¹⁰⁵.

После октября 1917 г. Спасо-Преображенская церковь сохраняла связь с лесопильным заводом, который в 1918 г. Ефремовы продали Казанскому

губернскому союзу кредитных ссудосберегательных товариществ¹⁰⁶. Затем его хозяева менялись: Казанский гублеском, «Кредитартельсоюз Волжско-Камского края», трест «Средне-Волжское объединение государственной лесной промышленности», «Чувашлестрест». В июле 1920 г. при церкви было зарегистрировано Геронтьевское православное религиозное общество.

В 1922 г. в честь пятилетия Октябрьской революции лесозавод получил имя «25-е октября». В 1923 г. был остановлен из-за осадки грунта и перекоса парового котла. «Средневолголес» решил не тратиться на дорогой ремонт, а перенести производство на новое место¹⁰⁷. Предположительно в 1925—1928 гг. оборудование демонтировали и передали родственным предприятиям, производственные здания разобрали. О них долго напоминали фундаменты¹⁰⁸. Даже сегодня можно увидеть разбросанные по склону старинные кирпичи.

Ликвидация завода стала приговором Спасо-Преображенской церкви. Уже в 1923 г. она была закрыта. Пустующую церковь охранял сторож, живший при ней в бывшей квартире священника.

В декабре 1924 г. «Чувашлестрест» предложил исполкому Советов Чувашской АО закрыть бездействующий храм при заводе «25-е октября», передав ему под общежитие для рабочих. Выяснилось, что церковь пустует за отсутствием граждан, желающих взять ее «в свое ведение». Осмотр здания показал, что в нем без особого ремонта можно устроить общежитие с кухней и залом для читальни. 25 мая 1925 г. Президиум ЦИК Чувашской АССР закрыл храм¹⁰⁹. По данным Центрального чувашского музея, он не состоял на государственном учете как историко-художественный памятник¹¹⁰.

Комиссия госфондов при Наркомате финансов Чувашской АССР заняла церковь под склад. В сентябре 1926 г. освободила ее для передачи «Чувашлестресту»¹¹¹. В том же году (по другим данным — в 1928—1930 гг.) храм снесли, а кирпич использовали на нужды благоустройства города¹¹².

После этого о пустыни напоминала лишь Геронтьевская слобода. В 1940 г. она вошла в черту Чебоксар, получив статус улицы¹¹³. Улица насчитывала 58 домов, раскиданных по террасе и уступам высокого берега, из подножия которого сочились многочисленные родники. Самым большим был бывший монастырский. После войны рядом с ним построили длинную деревянную лестницу (293 ступени), связавшую улицу с городом. Она прослужила около 20 лет¹¹⁴.

Бывший монастырский родник был обустроен, вода вытекала из железной трубы, к которой на цепочке была привязана алюминиевая кружка. Вкусной родниковой водой пользовались не только жители улицы, но и горожане; в 1970-е гг. на Крещение ее приносили в Введенский собор, единственную действующую церковь в городе, для освящения и раздачи верующим¹¹⁵. В конце 1970-х гг. в связи со строительством Чебоксарской ГЭС улицу ликвидировали, ее жителей переселили. Со слов Г.Ф. Федорова (1941 г. р.) при строительстве береговых откосов уровень земли был поднят

более чем на 10 м, родник заложен бутовым камнем и засыпан намытым песком. Погребенным оказалось и место бывшей пустыни. Ныне здесь находится яхтклуб «Вига».

Геронтьевская пустынь была основана между 1658—1665 гг. на средства жителей Чебоксар после эпидемии чумы. К концу XVII в. превратилась в землевладельца средней величины. Секуляризационной реформой 1764 г. оставлена на самообеспечение. Славилась святынями: Тихвинской иконой Божией Матери и св. мученицы Фотины Самарянки, а также мощным ключом. В 1838 г. была упразднена и приписана к Чебоксарскому Троицкому монастырю. Во второй половине XIX в. получила известность как достопримечательность Чебоксар. В конце XIX — начале XX в. в бывшей монастырской Спасо-Преображенской церкви проводились богослужения для рабочих лесопильного завода купцов Ефремовых. В 1920-е гг. в числе первых чебоксарских церквей она была закрыта и разрушена. Считаем, что место сгинувшей Геронтьевской пустыни, тесно связанной с историей Чебоксар, должно быть отмечено памятным знаком.

Литература, источники и примечания

¹ *Щекатов А.М.* Словарь географический Российского государства. Ч. 6. М.: Вольная тип. Федора Любиа, 1808. Стб. 54.

² *Амвросий.* История российской иерархии. Ч. 3. СПб.: Синод. тип., 1811. С. 692.

³ *Ратишин А.* Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях в России. М.: Универ. тип., 1852. С. 108.

⁴ *Зверинский В.В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Ч. 1. СПб.: Тип. В. Безобразова и К^о, 1890. С. 245—246.

⁵ *Барсов И.М.* Сретенская Владимирская пустынь // Известия по Казанской епархии. 1914. № 27—28. С. 838.

⁶ Монастыри Русской православной церкви: справочник-путеводитель. М.: Изд-во Моск. Патриархии; Фонд «Преображение», 2001. С. 288.

⁷ Приволжские города и селения в Казанской губернии. Казань: Тип. губ. правления, 1892. С. 47—48.

⁸ *Димитриев В.Д.* История Чувашии XVIII века (до крестьянской войны 1773—1775 гг.). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1959. С. 125, 126.

⁹ *Нестеров В.А.* Забытый монастырь // Чебоксарские новости. 1993. 16 октября. С. 3.

¹⁰ *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания: очерки истории чувашского народа с древних времен до середины XIX века. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. С. 269.

¹¹ *Димитриев В.Д.* Чебоксары: очерки истории города конца XIII—XVII веков. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2003. С. 43, 70; *Димитриев В.Д., Селиванова С.А.* Чебоксары: очерки истории города XVIII века. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. С. 130—131; *Бойко И.И., Гусаров Ю.В.* [и др.] Чебоксары: исторический очерк. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. С. 43—44, 94.

¹² *Гусаров Ю.В.* Геронтьева пустынь // Чувашская энциклопедия. Т. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. С. 411.

¹³ *Гусаров Ю.В.* «Древний монастырек»: Чебоксарская Спасо-Преображенская Геронтьевская подгородная мужская пустынь // Альманах Чебоксарского Свято-Троицкого православного мужского монастыря. 2017. С. 5—13; *Его же.* Древний монастырь на волжском берегу // Советская Чувашия. 2017. 21 ноября. С. 8; 22 ноября. С. 4.

¹⁴ *Чиби́с А.А.* Монастырское землевладение в Чувашии во второй половине XVI—XVII веках (на примере Чебоксарского Троицкого и Чебоксарского Преображенского монастырей) // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2006. № 6. С. 135—136.

¹⁵ *Чиби́с А.А.* К вопросу о возникновении православных монастырей на правобережье Казанской земли во второй половине XVI — первой половине XVIII веков // Марийский археографический вестник. 2011. № 21. С. 44.

¹⁶ Чебоксары во второй половине XVI — XVIII веке: документы и материалы из фондов Государственного исторического архива Чувашской Республики. Т. 2. Ч. 1 / сост. Ю.В. Гусаров, А.А. Чиби́с. Чебоксары: ГИА ЧР, 2019. С. 169—170.

¹⁷ *Кучин Я.П.* Путеводитель по Волге между Нижним и Астраханью. Саратов: Тип. Саратов. справ. листка, 1865. С. 65.

¹⁸ Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 10. Оп. 5. Д. 511. Л. 8.

¹⁹ Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 298. Оп. 1. Д. 6. Л. 17; Д. 13. Л. 96.

²⁰ Известия о занятиях Четвертого археологического съезда, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1877. С. 53—54.

²¹ Чебоксары во второй половине XVI—XVIII веке: документы и материалы из фондов Государственного исторического архива Чувашской Республики. Т. 2. Ч. 1. С. 169—170.

²² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 280. Оп. 3. Д. 584. Л. 15.

²³ Документы по истории феодального землевладения и хозяйства в Среднем Поволжье (XVII в. — первая четверть XVIII в.) / сост. А.А. Чиби́с, Б.М. Пудалов. Чебоксары: Пегас, 2006. С. 50.

²⁴ Там же. С. 235.

²⁵ *Кучин Я.П.* Указ. соч. С. 66.

²⁶ *Денисов П.В.* Религиозные верования чуваш. Чебоксары, 1959. С. 192—193.

²⁷ ГИА ЧР. Ф. 298. Оп. 1. Д. 89. Л. 149; Д. 13. Л. 119.

²⁸ Пребывание высокопреосвященнейшего Арсения, архиепископа Казанского, в г. Чебоксарах и Цивильске // Известия по Казанской епархии. 1901. № 22. С. 1030.

²⁹ Чебоксары во второй половине XVI — XVIII веке: документы и материалы из фондов Российского государственного архива древних актов / сост. Д. В. Басманцев. Чебоксары: ГИА ЧР, 2019. С. 500.

³⁰ РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 584. Л. 15.

³¹ Чебоксары во второй половине XVI — XVIII веке: документы и материалы из фондов Государственного исторического архива Чувашской Республики. Т. 2. Ч. 1. С. 169.

³² Приволжские города и селения в Казанской губернии. С. 48.

³³ Чебоксары во второй половине XVI — XVIII веке: документы и материалы из фондов Государственного исторического архива Чувашской Республики. Т. 2. Ч. 1. С. 80.

³⁴ Приволжские города и селения в Казанской губернии. С. 48.

³⁵ ГИА ЧР. Ф. 298. Оп. 1. Д. 77. Л. 65 об.

³⁶ ГА РТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 511. Л. 16 об.

³⁷ РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 584. Л. 15 об.

³⁸ *Димитриев В.Д., Селиванова С.А.* Указ. соч. С. 181.

³⁹ Приволжские города и селения в Казанской губернии. С. 48.

⁴⁰ ГИА ЧР. Ф. Р-2687. Оп. 1. Д. 1. Л. 19—20.

⁴¹ *Покровский И.М.* К истории казанских монастырей до 1764 года // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1902. Т. 18. Вып. 1—3. С. XI.

⁴² РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 584. Л. 16 об., 26 об.

⁴³ Чебоксары во второй половине XVI — XVIII веке: документы и материалы из фондов Российского государственного архива древних актов. С. 243.

⁴⁴ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее — НА ЧГИГН). Отд. II. Ед. хр. 25. Л. 117.

- ⁴⁵ *Терентьев А.И.* Вкусен хлеб с родниковой водой // Чебоксарские новости. 1993. 16 сентября. С. 3.
- ⁴⁶ Чебоксары во второй половине XVI — XVIII веке: документы и материалы из фондов Государственного исторического архива Чувашской Республики. Т. 2. Ч. 1. С. 170.
- ⁴⁷ Там же. С. 372.
- ⁴⁸ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 13. Л. 165 об.
- ⁴⁹ Документы по истории феодального землевладения и хозяйства в Среднем Поволжье... С. 245; Чебоксары во второй половине XVI — XVIII веке: документы и материалы из фондов Российского государственного архива древних актов. С. 191, 194.
- ⁵⁰ Чебоксары во второй половине XVI — XVIII веке: документы и материалы из фондов Российского государственного архива древних актов. С. 177.
- ⁵¹ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 13. Л. 165 об.
- ⁵² НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 25. Л. не нум.
- ⁵³ РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 584. Л. 20.
- ⁵⁴ Чебоксары во второй половине XVI — XVIII веке: документы и материалы из фондов Российского государственного архива древних актов. С. 183, 191.
- ⁵⁵ Там же. С. 505.
- ⁵⁶ Документы по истории феодального землевладения и хозяйства в Среднем Поволжье... С. 133.
- ⁵⁷ Чебоксары во второй половине XVI — XVIII веке: документы и материалы из фондов Российского государственного архива древних актов. С. 194, 200.
- ⁵⁸ ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 14. Л. 103.
- ⁵⁹ *Чибис А.А.* Монастырское землевладение в Чувашии во второй половине XVI—XVII веках... С. 135.
- ⁶⁰ ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3520. Л. 34.
- ⁶¹ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 8. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1862. С. 129, 130; ГА РТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 511. Л. 47 об.
- ⁶² Чебоксары во второй половине XVI — XVIII веке: документы и материалы из фондов Российского государственного архива древних актов. С. 226, 266—267, 287—288.
- ⁶³ Там же. С. 189.
- ⁶⁴ *Покровский И.М.* Указ. соч. С. 38.
- ⁶⁵ РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 584. Л. 19 об. — 20.
- ⁶⁶ Судоходный дорожник европейской России, издаваемый Главным управлением путей сообщения и публичных зданий. Ч. 1: Река Волга от Астрахани до Рыбинска. СПб.: Тип. Глав. путей сообщ. и публ. зданий, 1854. С. 142.
- ⁶⁷ ГИА ЧР. Ф. 225. Оп. 2. Д. 21. Л. 268.
- ⁶⁸ *Фукс А.А.* Поездка из Казани в Чебоксары // Заволжский муравей. 1834. № 1. С. 48—49.
- ⁶⁹ *Попов П.С.* Этнографическое описание города Чебоксар с его уездом (1853 года) // Вестник Чувашского университета. 2003. № 1. С. 64.
- ⁷⁰ НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 2423. Л. 19.
- ⁷¹ Документы по истории феодального землевладения и хозяйства в Среднем Поволжье... С. 242.
- ⁷² ГА РТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 511. Л. 48 об.; РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 584. Л. 13 об., 18 об. — 19.
- ⁷³ ГА РТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 511. Л. 47—49.
- ⁷⁴ РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 584. Л. 19 об.—24; Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии: сб. документов / НИИ при Совете министров Чуваш. АССР; сост. П.Г. Григорьев, В.А. Нестеров. Чебоксары, 1972. С. 304.
- ⁷⁵ Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода. Стб. 407.
- ⁷⁶ *Покровский И.М.* Указ. соч. С. 54.
- ⁷⁷ РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 584. Л. 14, 17.
- ⁷⁸ ГИА ЧР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 101. Л. 1—2.

- ⁷⁹ ГА РТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 511. Л. 8 об.
- ⁸⁰ Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии. С. 105—106.
- ⁸¹ Чебоксары во второй половине XVI — XVIII веке: документы и материалы из фондов Российского государственного архива древних актов. С. 505.
- ⁸² ГА РТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 511. Л. 17, 48 об.; РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 584. Л. 18—18 об.
- ⁸³ *Димитриев В.Д., Чибис А.А.* Документы о помещичьем землевладении в национальных районах Среднего Поволжья во второй половине XVII века // *Марийский археографический вестник*. 2000. № 10. С. 159.
- ⁸⁴ *Рыбушкин М.С.* О вероисповедании в Казанской губернии // *Заволжский муравей*. 1834. № 3. С. 171.
- ⁸⁵ *Гусаров Ю.В.* Из истории Чебоксарской Владимирской (Сретенской) подгородной мужской пустыни // *Православие в Чувашском крае: история и современность: материалы регионал. научно-практич. конф. (Чебоксары, 19—20 мая 2016 г.)*. Чебоксары, 2016. С. 58.
- ⁸⁶ Полное собрание законов Российской империи Собрание 2 (далее — ПСЗРИ-II). СПб.: Тип. 2-го отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1839. Т. 13. Отд. I. № 11091.
- ⁸⁷ ГИА ЧР. Ф. 298. Оп. 1. Д. 1. Л. 75. — В XIX в. озера значились в Козьмодемьянском уезде.
- ⁸⁸ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 205. Л. 38; ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3520. Л. 24 об.; ГИА ЧР. Ф. 298. Оп. 1. Д. 23. Л. 35 об.
- ⁸⁹ *Барсов И.М.* Сретенская Владимирская пустынь // *Известия по Казанской епархии*. 1914. № 30. С. 909—910.
- ⁹⁰ ГИА ЧР. Ф. 298. Оп. 1. Д. 77. Л. 10, 10 об.
- ⁹¹ Там же. Д. 26. Л. 10.
- ⁹² Там же. Д. 73. Л. 18 об.
- ⁹³ Там же. Ф. 225. Оп. 2. Д. 5. Л. 75; Ф. 298. Оп. 1. Д. 1. Л. 21.
- ⁹⁴ Там же. Ф. 298. Оп. 1. Д. 89. Л. 1—2.
- ⁹⁵ ПСЗРИ-II. Т. 13. Отд. I. № 11091.
- ⁹⁶ ГИА ЧР. Ф. Р-2687. Оп. 1. Д. 1. Л. 2, 19 об.
- ⁹⁷ ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3520. Л. 6—10.
- ⁹⁸ *Богословский Г.К.* Справочная книга для Казанской епархии. Казань: Казан. духов. консистория, 1899. С. 553.
- ⁹⁹ ГИА ЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 284. Л. 6 об., 18 об.
- ¹⁰⁰ Там же. Ф. 298. Оп. 1. Д. 23. Л. 111 об. — 112.
- ¹⁰¹ Там же. Д. 89. Л. 149, 151.
- ¹⁰² Там же. Д. 85. Л. 90.
- ¹⁰³ *Гусаров Ю.В.* «Древний монастырек»... С. 12.
- ¹⁰⁴ Пребывание высокопреосвященнейшего Арсения, архиепископа Казанского в г. Чебоксарах и Цивильске // *Известия по Казанской епархии*. 1901. № 22. С. 1030; *Город Чебоксары, его святыни, монастыри, храмы и достопримечательности* // *Известия по Казанской епархии*. 1906. № 22. С. 693.
- ¹⁰⁵ *Немирович-Данченко В.И.* По Волге (Очерки и впечатления летней поездки). СПб.: И.Л. Тузов, 1877. С. 85; *Сидоров В.М.* Волга. Путевые заметки и впечатления. От Валдая до Каспия. СПб.: Тип. А. Катанского и К°, 1894. С. 195; *Марков Е.Л.* Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. Т. 2. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. С. 488.
- ¹⁰⁶ *Орлов В.В.* П.Е. Ефремов: легенды и действительность. Чебоксары: Чувашия, 1997. С. 148.
- ¹⁰⁷ Государственный архив современной истории Чувашской Республики. Ф. 2709/227. Оп. 1. Д. 34. Л. 39 об., 57, 131.
- ¹⁰⁸ *Студенецкий А.Н.* У подножия волжского берега // *Советская Чувашия*. 1977. 29 октября. С. 4.
- ¹⁰⁹ ГИА ЧР. Ф. Р-2687. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 6, 8, 9, 12.
- ¹¹⁰ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2340. Л. 19 об., 50.

¹¹¹ ГИА ЧР. Ф. Р-2687. Оп. 1. Д. 1. Л. 21, 22.

¹¹² *Терентьев А.И.* Чебоксары и чебоксарцы. Изд. 3-е, доп. и перераб. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. С. 115; *Иванов Е.А.* Старые Чебоксары: памятники деревянного и каменного зодчества XVI—XX веков: альбом рисунков. Изд. 2-е, испр. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. С. 54.

¹¹³ Источники называют улицу по-разному, что говорит о ее переименовании: «Слободка 25-е октября», «30-летия Чувашской АССР». См.: *Студенецкий А.Н.* Указ. соч.; *Сергеева О.Ю.* По мотивам одной картины // Троица. Альманах Чебоксарского Свято-Троицкого православного мужского монастыря. 2017. С. 22.

¹¹⁴ Воспоминания Л.А. Васильева. Рукопись. 2000 г. Личный архив автора.

¹¹⁵ *Гусаров Ю.В.* «Древний монастырек»... С. 13.

Yu.V. Gusarov

THE HISTORY OF CHEBOKSARY TRANSFIGURATION OF SAVIOUR GERONTIEVSKAYA HERMITAGE

The Cheboksary Transfiguration of Saviour Gerontievskaya hermitage was founded on townspeople' money after plague epidemic during the period of 1658—1665. It was located on the bank of the Volga at a distance of about one kilometer above town of Cheboksary. It founded several settlements. Catherine II carried out the secularisation reform thus leaving it on self-support. Big fire of 1773 led to decreasing of private donations as a result of which the hermitage withered away. In 1838 it was abolished and attached to the Cheboksary Trinity Monastery. In 1901 a prominent merchant P.E. Efremov repaired the former monastery church of the Transfiguration of the Saviour for workers' needs in his sawmill. In 1920—1923 the church functioned as a parish church one. In 1925 it was closed and soon demolished.

Keywords: the Kazan diocese, the Gerontievskaya Monastery, the Cheboksary Trinity Monastery, church history of Cheboksary.

ЧГВ, 2024 г., № 19
© Е.П. Михайлов

СЛЕДЫ РИТУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ XVIII — НАЧАЛА XX ВЕКА НА БОЛЬШЕТАЯБИНСКОМ ГОРОДИЩЕ

В статье предпринята попытка выделить и проанализировать выявленные на площади памятника следы деятельности чувашского населения округа (в основном ритуальной, обрядовой) в XVIII — начале XX в. Анализ проводится на основании результатов, полученных на болгарском домонгольском Большеятабинском городище (Яльчикский муниципальный округ Чувашской Республики) при проведении многолетних археологических раскопок. Используются также записанные у местных жителей воспоминания, выявленные полевые и архивные записи, этнографические сведения.

Ключевые слова: Большеятабинское городище, археологические раскопки, ритуальные действия, обряд прохождения в земляные ворота, святилище киреметь.

Большеятабинское городище является наиболее крупным домонгольским болгарским памятником на территории Чувашской Республики. Его археологическое изучение имеет пока не очень богатую историю. Первые разведочные раскопки А.П. Смирнова состоялись в 1948 г., масштабные работы проведены в 1957 г. под руководством Г.А. Федорова-Давыдова (изучено более 1 тыс. кв. м площади городища), небольшие раскопки на могильнике и городище осуществлены Чувашской археологической экспедицией (ЧАЭ) В.Ф. Каховского и Б.В. Каховского в 1984 и 1992 гг. С 2018 по 2024 г. совместная археологическая экспедиция ЧГИГН и Института археологии Академии наук Республики Татарстан ведет целенаправленное изучение территорий городища и могильника близ него.

Как показали результаты многолетних раскопок, основным на городище является средневековый домонгольский, болгарский слой (X — начало XIII в.). В то же время на площадке городища обнаружены находки и

Евгений Петрович Михайлов — старший научный сотрудник археологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: mihaylov.evgeniy.1958@mail.ru.

объекты намного более раннего (II тыс. до н. э.) поселения позднего бронзового века [срубная и луговская (?) культуры] в юго-западной ее части, а также следы действий, в основном ритуальных, заселившего округу городища в конце XVI—XVII вв. чувашского населения (с. Большая Таяба и другие близлежащие населенные пункты). Отметим также, что на внутренней площадке городища с давних пор и до начала 2000-х гг. таябинцами проводились сельскохозяйственные работы, поле долго распахивалось¹. Описанию и характеристике следов совершения различных ритуальных действий на городище этого населения в XVIII — начале XX в. и посвящена данная статья.

Культовые объекты считаются одним из трудных для исследования и интерпретации объектов археологии, тем более на разновременных, многослойных, распахиwaющихся ныне или распахиwавшихся в прошлом памятниках, каковым является Большетаябинское городище. Это может быть одной из причин того, что свидетельства ритуальных действий чувашского населения в Средневековье и Новое время в археологическом плане остаются недостаточно изученными.

В первой части статьи рассмотрим проемы в северном валу городища, определим причины и время их появления. Автор первого печатного описания городища С.Е. Мельников (1852) ошибочно считал, что проемы в валах, особенно северном, «кажется, разрыты при разорении его (вероятно, русскими), что особенно заметно на той стороне городка, которая обращена к селению»². По его мнению, Большетаябинское городище было взято («разорено») русскими войсками в результате походов в земли Казанского ханства³. Но в других дореволюционных описаниях памятника уже указано на наличие в северном валу каких-то «проходов» и верно отмечено, что это следы недавних ритуальных действий чувашей. Краевед-учитель И.Я. Зайцев, посещавший это городище в 1880-х гг., писал: «...валы городка чуть в каждый год портятся чувашами для своих суеверных обычаев. В те года, когда бывает падеж рогатого и другого скота или повальная болезнь в народе, сквозь вал делают земляные ворота, чрез которые пропускают всякую домашнюю скотину, начиная с крупной и кончая мелкими животными за исключением свиней. После всех животных проходят сами чуваша и берут по угольку от разведенного по сторонам ворот костра, в нарочно принесенном горшке несут этот уголек домой. Лиц, не принадлежащих сельскому обществу, сквозь ворота не пропускают, кроме пастухов, которые проходят за своими стадами»⁴.

В фонде Н.В. Никольского Научного архива ЧГИГН хранится запись-рассказ жителя с. Большая Таяба Е.К. Питеркина от 1913 г., в которой он пишет о Таябинской киремети и «сёр хапхи» на городище. По его словам, при рытье «земляных ворот» выходили обломки кирпичей, а также предметы «наподобие топоров и молотков»⁵.

В 1948 г. экспедиция А.П. Смирнова осмотрела сохранившиеся следы от «земляных ворот» на валах и получила подтверждение их «недавнего»

прорытия местными жителями. А.П. Смирнов по итогам этих раскопок пишет о 10 проемах в северном валу «различного размера, прорытых с магической целью местным населением во 2-й половине XIX века»⁶. Он ссылается на рассказы и воспоминания жителей Большой Таябы и окрестных селений, записанные в ходе этой экспедиции ее участником В.Д. Дмитриевым. Запись рассказа А.К. Ялманова (1882 г. р.): «Раньше прорывали земляные ворота в северном валу в годы, когда распространялся мор на людей и скот. Всех жителей деревни и весь скот пропускали через земляные ворота. Земляные ворота строили так: рыли проход шириной 6—7 шагов и в такую глубину, чтобы мог проходить скот. Сверху клали бревна или доски, на которые насыпали землю. Поп туда не ходил и “святой” водой не кропил. Там за мою жизнь два раза строили такие ворота. Первый раз мне было 12—13 лет... а второй раз через десять лет. Рыли от дороги в сторону деревни. Можно было по несколько раз пропускать скот через одни и те же ворота»⁷. Практически те же сведения, отличавшиеся в деталях (некоторые из них существенно разнятся с показаниями А.К. Ялманова), были представлены В.Д. Дмитриеву жителем этого же села А.А. Юдиным (1887 г. р.): «А что касается проемов [в] валу, то они образовались после земляных ворот. На моей памяти земляные ворота два раза устраивали в валу, идущем от дороги на Яльчики к западу. <...> Земляные ворота устраивали в тяжелые годы, когда на скот распространялись болезни, думая, что земляные ворота избавят от болезней. Рыли ворота люди, нанятые на деньги, собранные от населения села, иной раз нанимались рыть за угощение. Ворота рыли не сверху, а прорывали проход (тоннель), закрепляя земляной потолок досками и подпорками. Через одни земляные ворота можно было пропускать скот и людей только один раз. Ворота много раз действовать не могли. С обеих сторон ворот ставилось по иконе. Сверху ходил поп и кропил “святой” водой. В это время в деревне никто огня не разводил, а там, у ворот, без спичек и кремня, а путем трения получали огонь и разводили большой костер. Из каждой семьи один брал с собою отсюда огонь (уголек, головешку). По возвращении во всех домах разводили огонь от этого (принесенного) огня. В деревне не оставляли ни одного человека, выводили и больных, если он мог двигаться, а с тяжелобольных снимали одежду и ее проносили сквозь ворота»⁸. Схожие по содержанию рассказы о проемах в северном валу передали в 1948 г. также С.С. Сапожников, Ф.А. Шуркин, А.К. Капитонов и Г.М. Кружиков (Кужиков?)⁹. По словам С.С. Сапожникова (1900 г. р.), он помнит «устройство земляных ворот в том месте, где сохранился первый от дороги (дорога через городище на д. Малая Таяба, раньше и на с. Яльчики. — Е.М.) в западную сторону проход. В то время мне было лет 8»¹⁰. Таким образом получается, что один из последних (?) случаев рытья земляного прохода и проведения обряда относится примерно к 1908 г. Это подтверждается рассказами и других таябинцев. Значительный интерес представляют слова колхозника Г.М. Кружикова (Кужикова?) (1871 г. р., на момент рассказа помнил о двух случаях проведения обряда) о том, что обряд

прохождения через земляные ворота таябинцы устраивали не только на валу городища, но и на склонах оврагов. Проведение обряда на городище он объяснял тем, что на валу «легче копать»¹¹. По утверждению Д.К. Орлова (1878 г. р.), при рытье земляных ворот «находили стрелы, ножи»¹², И.П. Морозова (1879 г. р.) — «в северном валу во время рытья второго от села проема под земляные ворота вырыли топор. Там же находили и стрелы»¹³. Г.В. Блинов (1875 г. р.) рассказывал В.Д. Димитриеву, что рытье ворот начинали за 2—3 дня до проведения обряда¹⁴.

Проводивший в 1957 г. широкомасштабные раскопки на городище Г.А. Федоров-Давыдов также видел эти «проемы», но в своем отчете и публикации, практически не рассматривая укрепления городища, ничего не пишет и о следах ритуальных действий на валах. Однако впоследствии (в 1962 г.) он вспомнил о «проходах» в статье о Тигашевском городище, где на валу также имелись следы проведения обряда прохождения через земляные ворота: «В XVIII—XIX вв. городище близ д. Тигашево почиталось как керемет. При раскопках было найдено свыше десятка монет этого времени — приношения населения злomu духу, обитавшему на городище. На городище запрещалось ругаться, кричать, драться... В южной части внешнего вала виден проем, сделанный, как сообщили жители дер. Тигашево, сравнительно недавно; через этот проем прогоняли скот. Очевидно, это следы того же обычая, который был зафиксирован на городище Большая Тояба. В земляной насыпи (валу) прорывался проход; иногда его перекрывали досками или бревнами. Через этот проход прогоняли скот. После этой церемонии считалось, что скот защищен от болезней и падежа»¹⁵. Ссылаясь на информацию, полученную от местных жителей, исследователь вскользь упоминает, что проем был сделан сравнительно недавно. Здесь же, отмечая следы такого же обычая, зафиксированные на Большетаябинском городище, относит к более древним традициям.

Отметим, что в северном внутреннем высоком валу Большетаябинского городища (с севера проходят две линии валов) и по сей день существуют не менее 10 проемов от вырытых в XVIII — начале XX в. «земляных ворот» (ил. 1). К сожалению, они остаются археологически не изученными. Нужно заметить, что эта часть городища вообще слабо исследована. Известно, что в 1992 г. здесь проводились небольшие работы экспедицией под руководством Б.В. Каховского и В.Ф. Каховского¹⁶. Б.В. Каховский пишет об обнаружении третьего вала и второго рва¹⁷. Сохранившиеся следы прокопа таябинцами ритуальных «земляных ворот» имеют разные размеры, ныне они заросли, затянулись, задернованы, но отчетливо выделяются на линии вала. Два проема в северном вале (первый, «старый», в восточной его части — дорога на мост и д. Малая Таяба; второй — в западной части этого вала, сделан относительно недавно) ныне используются для проезда на городище и обратно в хозяйственных целях. Можно предположить, что обе эти дороги получились на местах сделанных когда-то «земляных проходов» путем их расширения. Наши расспросы о проемах в ходе экспедиций 2018,

2019, 2021—2024 гг. у современных жителей с. Большая Таяба показали, что они почти забыли их функциональное назначение, не помнят и не знают об обряде прохождения через земляные ворота. Это не означает, что обряд вообще забыт. В ходе разведочных работ 2024 г. в д. Кильдюшево (Яльчикский муниципальный округ Чувашской Республики) житель деревни В.И. Михайлов (1939 г. р.) показал участникам экспедиции (Е.П. Михайлов, Н.С. Мясников, Л.В. Сивова) место, где раньше проводился обряд прохождения в земляные ворота¹⁸.

Обряд прохождения через земляные ворота, сопутствующие ему добывание нового огня и другие действия отражены в этнографической и другой литературе, архивных источниках. Отметим, что каждый выявленный и приводимый нами источник вносит ценную информацию по вопросу. Первые сведения об обряде встречаем в записках путешествия И.И. Лепехина 1768 г., который наблюдал «духовное врачевание» скота около с. Седелкино (ныне с. Сиделькино Челно-Вершинского муниципального района Самарской области). В селе в то время проживали крещеные мордва и чуваша. И.И. Лепехин увидел в поле огонь и «толпы всякого скота»: «...Выбирают угористое место, и делают в оном подкоп с выходом, оставляя место по середине рва вместо крыши. На крыше зажигают костер дров: но огонь должен быть, как они называют, живой, который добывается трением одного дерева об другое; а обыкновенное огня добывание помощью огнива и кремня при таком случае не позволительно. Для сих обрядов созывают всех причетников с иконами, крестом и евангелием, которые при выходе прокопа освящают воду и служат просительные молебны, по окончании которых каждую скотину прогоняют сквозь прокоп, и священник окропляет святою водою»¹⁹.

В.К. Магницкий в работе 1881 г. приводит информацию об этом обряде, который, по его сведениям, последний раз проводился в 1860-х гг. при появлении падежа скота татарами д. Карамышево Чебоксарского уезда (ныне с. Янгильдино Козловского муниципального округа Чувашской Республики): «Прокапывают в каком-нибудь слишком выдавшемся бугре полукруглый сквозной проход, в котором посредине зарывают по шею живую собаку и затем в полдень сквозь вырытый проход прогоняют весь свой скот. После этого, вернувшись домой, заливают во всех домах огонь и вновь добывают его, как и чуваша, трением. Добытый этим способом огонь разводится у полевых ворот, и чрез него прогоняется с поля домой скот»²⁰. В.К. Магницкий же записал от русской женщины с. Алексеевское Чебоксарского уезда (ныне Волжского муниципального района Республики Марий Эл), где также проводился обряд «перегоня скота» через добытый трением и разводимый в специально вырытом за селом рве огонь, рассказ о том, как накануне этого обряда ткался простой холст («обыденна новина»), «нарочно напряденных из ниток, по заказу мирской сходки, девушками или женщинами»²¹.

Обряд, называемый прохождением через земляные ворота (*сёр ханха витёр тухни*) или прохождением сквозь землю (*сёр витёр тухни*), в начале

XX в. очень подробно описан по личным наблюдениям и воспоминаниям священником К.П. Прокопьевым, уроженцем с. Новое Ильмово Симбирской губернии (ныне Дрожжановского муниципального района Республики Татарстан)²². Он считал, что этот обряд занимает в жизни чувашей весьма важное место. К.П. Прокопьев пишет, что он совершается «всегда после чувашского праздника “сінсє”, пред началом паровой пашни... Около оврага выбирается удобное место, и начинают рыть. На спуске к оврагу роют проход размером с настоящие ворота»²³. Далее он пишет: «Таким образом, получаются настоящие земляные ворота со сводчатообразной крышей, в виде туннеля... Около земляных ворот, на правой стороне выхода, этим новым огнем разводят костер... Когда все соберутся к месту совершения обряда, на “новом огне” в маленьком котле варят кашу и пекут на сковороде 5—6 штук “юсманов”, т. е. тоненьких лепешек»²⁴.

К.П. Прокопьев особо подчеркивает, что прежде чувашаи придавали этому обряду огромное значение. Он считался даже выше общественного жертвоприношения — учука, а во время эпидемий — единственным средством спасения²⁵.

К.П. Прокопьев в другой своей статье отмечает: «У общества были свои киремети (урочища или места обитания злых духов), внушавшие страх как взрослому, так и молодому поколению. Ежегодно совершалось обществом большое моление (Уй чук) с принесением в жертву Богу быка, баранов, гусей и уток. В 3—4 года раз совершался целым обществом обряд “Прохождения в земляные ворота” для предохранения от эпидемий и др. общественных бедствий»²⁶. Описанию обряда прохождения через земляные ворота, проведенного чувашами, вероятно, «Алгашинского куста» (ныне Цильнинского муниципального района Ульяновской области) в 1892 г. (вероятнее всего, в голодном 1891 г.) посвящена содержательная журнальная статья-воспоминание (1920) очевидца события П. Львова²⁷.

Обряд прохождения через земляные ворота начинался с наиболее значимого ритуала — «добывания нового (“живого”) огня». По мнению Р.Р. Исхакова, можно выделить несколько вкладывавшихся в этот обряд смысловых значений: 1) начало нового жизненного цикла человека; 2) очищение человека и окружающего мира от нечистой силы и духов; 3) обновление мира²⁸. В особенностях культа огня в обрядности кряшен он видит параллели с зороастризмом²⁹.

Добывание «живого огня» наблюдал среди чувашей венгерский исследователь Д. Месарош в начале XX в.:

«В каждые три года на третий день полевого жертвоприношения “добывают новый огонь” и, по древнему обычаю, каждого жителя деревни и каждую скотину “заставляют проходить через земляные ворота”.

Добыча нового огня (*сёнё вут*) происходит таким образом. Утром третьего дня *учука* в деревне в каждом доме тушат огонь, и мужчины да почтенные старики выходят на место полевого жертвоприношения добывать новый огонь...

Если новый огонь долго не воспламеняется, то кто-нибудь возвращается в деревню и по очереди осматривает каждый очаг, на самом ли деле потушили старые огни, иначе новый огонь никогда не зажжется...

Мясо жертвенных животных варят на новом огне, кроме того, каждый берет домой горящую лучину, которой разжигает в своем очаге потушенный огонь»³⁰.

О роли «живого» нового огня этнограф П.В. Денисов пишет: «В прошлом чувашки приписывали огню охранительную силу от болезней, он же считался радикальным средством и для излечения людей и животных от разных болезней. Особенно целебными свойствами, по чувашским народным верованиям, отличался “живой огонь”, который добывали при помощи трения и использовали во время повальных болезней людей и скота. Существовал ряд способов добывания огня трением»³¹. Далее он рассказывает об одном из способов и использовании «живого огня» при проведении интересующего нас обряда: «Костры, зажженные от вновь добытого нового огня (*сёне вут*), обычно разводили около “земляных ворот”, устроенных специально для обряда очищения от болезней. В этом случае, после соответствующих культовых приготовлений, происходил обряд прохождения в “земляные ворота” и через зажженные костры: сначала проходили сами люди, а затем прогоняли скот. Через огонь переносили больных, чтобы этим очистить их от болезней и злых духов, причиняющих болезнь. В костры бросали и рубашки больных в надежде очистить их от болезней»³². В заключение отмечает: «Все эти позднейшие обряды являются, конечно, отголосками первобытных культовых обрядов с огнем, с помощью которых древние люди надеялись “очистить” себя и скот от болезней»³³.

Церемония прохождения через «земляные ворота» у чувашей состояла из нескольких этапов. Жречество и пожилые люди деревни назначали день совершения обряда, определяли людей, добывающих новый огонь, намечали сбор продуктов и выбирали вид скота на жертвоприношение. В исследовании традиции прохождения через земляные ворота и их форм конкретным и ценным материалом может послужить наблюдение Д. Месароша. По его сведениям, заранее, до назначения дня прохождения через «земляные ворота», «прорывают проход поперек небольшого холма таким образом, чтобы в результате получились земляные ворота, которые настолько глубоки, что лошадь может пройти через них, и ее голова не виднеется сверху. Сперва через эти земляные ворота проходят жители всей деревни, потом таким же образом проводят через землю (*сёр витёр кълараçсё*) всю свою скотину, спереди лошадей, за ними крупный рогатый скот и наконец овец»³⁴.

В фонде Н.В. Никольского в Научном архиве ЧГИГН сохранились немногочисленные дореволюционные описания обряда прохождения в земляные ворота. Незвестный автор (написано до 1917 г., местность не указана) рассказывает: «В связи с описанием праздников и обычаев у чуваш не лишним считаю описать один крупный обряд, который совершается во время падежа скота. Для этого на берегу реки прорывают землю наподобие ворот.

Землю отбрасывают к воде. По обеим сторонам кладут костер. Для этого огонь добывают посредством трения, и от него разводят костер у входа в земляные ворота. Скотину сначала загоняют к воде, а потом она проходит в ворота. Дымом от костра окуриваются проходящие в земляные ворота животные, для этого один из стариков берет горящую головешку и дым от нее направляет, становясь по ветру, на животных. При этом он читает такую молитву...»³⁵. На этом месте текст прерывается, продолжения записи нет.

В 1910 г. Н.В. Никольский записал от священника Е.В. Васильева, чуваша из с. Пролей-Каши Тетюшского уезда следующее: «Когда проходят *çĕр витĕр* (особый обряд) в Тет[юшском] у[езде] огонь для жертв[оприношения] добывается путем трения дерева о дерево»³⁶.

Обряды прохождения через земляные ворота и обречения (добычи) нового огня описал в 1930-х гг. по своим воспоминаниям на чувашском языке И.Н. Юркин. События происходили во времена его детства, вероятно в 1880-х гг., на его родине в д. Бюрганы (*Пуркел*) Буинского уезда³⁷.

Интерес представляет рассказ Г.П. Любимова, родившегося в 1885 г. в д. Уразкасы Цивильского уезда (ныне Янтиковского муниципального округа Чувашской Республики), услышанный им от деда о событиях середины XIX в. (запись 1957 г.): «Название *çĕр хапхи* до дедушкиного рассказа я слышал. Около деревни в трех местах есть знаки, называемые *çĕр хапхи*. От дедушки я узнал, на небольших отрогах оврага копали с обеих сторон с небольшим углублением, прокапывали тоннель в рост человека в виде ворот. Потом старейший, произнося заклинание, добывал огонь посредством трения дерева о дерево (необъяснимо, что люди неграмотные, выросшие в лесу, знали доисторический способ добывания огня), добыв огонь, разводили костер около ворот по бокам. Потом между этих двух костров сквозь земляные ворота проходили все население деревни и скот, а потом обваливали ворота, чтобы следом не прошел злой дух. Причем, прежде чем проходить в ворота, в деревне должны были погасить все огни в очагах, и при прохождении ворот старейший раздавал из костра каждому двору огонь для пользования в дальнейшем в хозяйстве»³⁸.

Следует отметить, что обряд прохождения через земляные ворота существовал и среди чувашей, переселившихся в нынешние восточные районы Татарстана, в Башкирию, Оренбургскую область. Историк В.Д. Дмитриев в ходе комплексных экспедиций ЧНИИЯЛИЭ в районы чувашской диаспоры записал в 1961—1962 гг. от жителей с. Якушкино и д. Салдакаево Октябрьского района Татарской АССР (ныне Нурлатского муниципального района Республики Татарстан), с. Шланлы, д. Асовбашево Аургазинского района Башкирской АССР (ныне Аургазинского муниципального района Республики Башкортостан), д. Артамоновка Абдулинского района Оренбургской области разные по значимости и содержанию рассказы о *çĕр хапхи*.³⁹

Обрядам добывания нового огня (*çĕнĕ вут*) и прохождения через земляные ворота (*çĕр хапхи*) посвящены работы этнографа А.К. Салмина⁴⁰. Интересно его наблюдение о фактах замены в некоторых случаях земляных

ворот полевыми воротами (*уй хапхи*)⁴¹. А.К. Салмин пишет, что обряд прохождения через земляные ворота имел повсеместное распространение, им привлечены материалы, записанные у чувашей в Хвалынском уезде Саратовской губернии, Буинском и Курмышском уездах Симбирской губернии, Чебоксарском уезде Казанской губернии, Стерлитамакском уезде Уфимской губернии⁴². В Словаре Н.И. Ашмарина (статья «Сёр хапхи, земляные ворота») приведены записи о проведении обряда в селлах Альшеево (ныне Буинского муниципального района Республики Татарстан) и Чувашская Кулатка (ныне Старокулаткинского муниципального района Ульяновской области)⁴³. Об обряде специальные научные статьи писали также Т.В. Семенова, П.П. Фокин и другие исследователи⁴⁴.

Много внимания уделял изучению земляных ворот искусствовед А.А. Трофимов. По его мнению, «Врата Земли», как он их называл, «своей архитектурной, назначением, смысловым содержанием восходят к древним временам развития культуры человечества, связаны с космогоническими воззрениями. Валы городищ-святилищ, берег реки, искусственные насыпи — “горы”, сквозь которые сооружались проходы — “Врата”, олицетворяли модель Мира с небосводом, а вершина с оградой и вместилищем для воды — “чашу небесных вод”, что находит связь с хармикой древнеиндийских ступ»⁴⁵. Он также отмечает: «Врата Земли входят в сложную систему религиозного миропонимания, в которой существует целый комплекс культового зодчества; сооружаются они на территории святилища Керемет с Дубом и рощей, вблизи возвышенных мест у родника, реки или другого водоема»⁴⁶. Ширина основания прохода, по его данным, составляла 3—5 м, расстояние от пола до потолка равнялась «высоте всадника на коне». Стены укрепляли столбами и бревнами, а также плетнем, заштукатуривали глиной. Наверху, над потолком размещалась небольшая ограда с площадкой для *мйчавйр* и корчаги или кадки с родниковой водой. Обряд начинался с разжигания «живого огня», что могло состояться «лишь после потушения домашних очагов в деревне»⁴⁷.

В 2007 г. экспедиция под руководством А.А. Трофимова обнаружила и изучила следы бывших земляных ворот у с. Сунчелеево Аксубаевского района Республики Татарстан. Как выяснилось, на холме к востоку от следов «ворот» имелось заброшенное святилище керемет, как отметил А.А. Трофимов, земляные ворота были частью его структуры. У подножия этой возвышенности есть небольшие родники, один из них оборудован срубом. Местные жители показали членам экспедиции места, где добывался «новый огонь», закалывали скот, готовили жертвенную пищу. К северо-востоку от бывшего святилища протекает полноводная река Сульча (*Сёнче*). Размещенные на западной стороне святилища «Врата Земли» имели продолговатую с запада на восток форму. Сооружались они подъемом земли, как предположил А.А. Трофимов, по древним традициям, так как об аналогичном же приеме сообщается и в литературных источниках. Далее приводятся основные характеристики: «Высота насыпи в период изучения

составляла около 6,5 м, длина — 22,20 м, ширина — 11,5 м. Высота ворот около 3 м, ширина — 4 м. Проход, забитый сегодня полностью землей, подвигался, видимо, много раз переоборудованию и ремонту. Об этом свидетельствует разнородность почвы и гниль древесины. На юго-западной и восточной сторонах, как бы защищая искусственную насыпь, растут деревья. Поверхность насыпи сплошь заросла густыми кустами малины. Слой, образованный корневой системой, довольно толстый, что говорит о долголетию жизни колючего растения. Перед началом исследования насыпь расчищалась от кустарника. Наверху на северной стороне, по центру, после расчистки обнаружилась большая ложбина — святое место свода (верхний небесный мир). Здесь во время прохождения людей и скота стоял жрец с пучком ветвей и размещалась кадка с родниковой водой»⁴⁸. В селе еще помнят рассказы пожилых людей о том, что ворота строились из бревен и досок со стойками и перекладинами; размещенные с севера и юга столбы были в виде колонн с веревочным орнаментом, а потолок ворот поначалу имел двухскатную форму, а позднее — ровную. Шествие проходило с севера на юг. Обследование данного культового объекта позволило автору сделать вывод о том, «что не всегда, но во многих случаях “Врата Земли” входили в сложную структуру святилища Керемет»⁴⁹.

А.А. Трофимов пытается найти истоки обряда «Врата Земли», изучая форму святилищ: «В традициях она (форма. — *Е.М.*) связана с космогоническими представлениями, с окружающей средой... Форма способствовала созданию сложного содержания, что не всегда понятно для нас, т. к. от тех эпох, когда сложилась мифологическая конструкция, до наших дней лежит огромное пространство времени. Образ, сотворенный сочетанием содержания и формы, всегда монументален. Чтобы познать его, необходимо обладать глубокими знаниями. В научном восстановлении “картины мира”, в дешифровке его деталей необходимы не только комплексный подход и опыт, но и восприятие мироздания и освоение древних представлений о нем»⁵⁰. Основная концепция А.А. Трофимова, имеющая отношение к содержательной стороне древнего культа, выражается так: «“Врата Земли” — одно из сложных архитектурных изысканий. Их форма повторяет древнейшие представления. Искусственная гора выступает в виде Вселенной — Мироздания с твердой вершиной — местом для бога и небесной воды»⁵¹.

Добывание «живого огня» и прохождение через земляные ворота не могут считаться только чувашскими обрядами. Многие народы полагали и верили, что «живой огонь» является хорошим средством не только для очищения, но и для предохранения как людей, так и животных от всякой порчи и болезней. Мордва, по словам Н.Ф. Мокшина, проводила в июле в новолуние обряд и моление о сохранении лошадей: выкапывали ров, над ним сооружали помост, на котором горел полученный от трения двух деревянных брусков «живой огонь», лошадей прогоняли по рву⁵². Схожие обряды отмечены и у других народов Волго-Уралья, а также карачаевцев и балкарцев на Северном Кавказе⁵³. Г.В. Юсупов, считая обряд прохождения через зем-

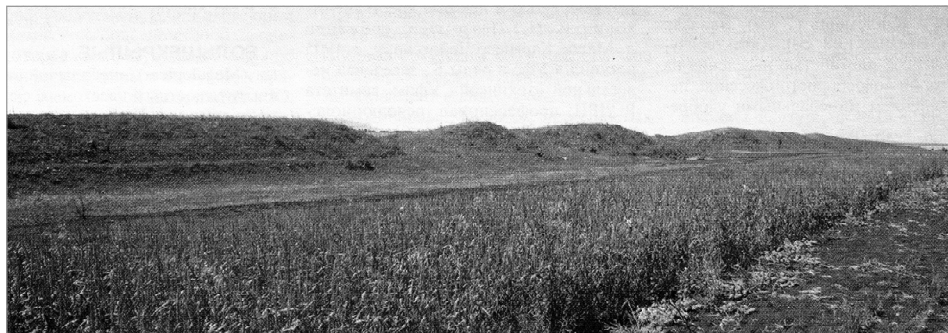
ляные ворота характерным для финно-угров, чувашей и связывая его с культом земли, отметил, что он был известен и татарам, в том числе и мусульманам (описание татарского обряда основано на работе К. Насыри и собственных наблюдениях)⁵⁴. Обряд «прохождение через земляные ворота» отмечен и у татар-кряшен. Например, Р.Р. Исхаков приводит описание обряда «избавления от болезней», записанное в 1921 г. в с. Молькеево Цивильского уезда Чувашской автономной области (ныне Кайбицкого муниципального района Республики Татарстан). Здесь во время падежа скота по краям «стилизированных» земляных ворот разводили два костра, все жители вместе со скотом проходили через ворота, затем вдоль костров⁵⁵. У татар-мусульман этот обряд под влиянием ислама был вытеснен и проводился лишь в исключительных случаях (эпизоотия и др.)⁵⁶. Использование прогона скота через земляные ворота практиковалось и у марийцев, особенно горных⁵⁷. Прогон скота между двумя кострами, зажженными при помощи «живого огня», известен среди русских и европейской части России, и Сибири. Однако обычай перегонять скот через «живой огонь», разложенный во рву или канаве, был распространен именно в Поволжье (Нижегородская, Казанская, Саратовская, Астраханская губернии)⁵⁸. Например, обряд «вытирания» нового огня был известен многим народам. Даже только в пределах славянского мира он отмечен у поляков, лужичан, чехов и словаков, болгар, сербов, словенцев, кроме того, он известен у венгров и румын⁵⁹. А.Ф. Журавлев склоняется к точке зрения, согласно которой «вытирание огня и прокапывание тоннеля представляли независимые вначале обрядовые акты, которые впоследствии контаминировали»⁶⁰. А.К. Салмин, как и многие другие исследователи, считает, что обряд прохождения в земляные ворота имеет общую индоевропейскую основу и подчеркивает: «Одновременное существование обряда у многих народов Евразии говорит не о заимствовании его народами друг у друга, а о единой архаической основе»⁶¹.

Изучение источников и литературы по вопросу приводит нас к выводу, что более широко обряд прохождения в земляные ворота был распространен среди низовых чувашей. Так считал и В.Д. Дмитриев⁶². Отметим, что случаи проведения чувашами некоторых местностей обряда прохождения в земляные ворота встречаются и в наши дни. Например, 30 мая 2015 г. этот обряд совершили жители чувашского с. Новые Убеи Дрожжановского района Республики Татарстан под руководством краеведа В. Ярухина⁶³.

Вторым объектом, оставленным окрестным чувашским населением в XVIII—XX вв. на территории Большетаябинского городища, является киреметь. Относительно киремети существует масса литературы⁶⁴. По А.А. Трофимову и Г.Б. Матвееву, киреметь (керемет) это: «1) в традиционных верованиях чувашей дух Добра и Зла высшего разряда, посредник между богами верховного мира и хтоническими духами нижнего мира...; 2) священ[ная] местность (гора или возвышен[ное] место, родник и дерево, чаще всего старый дуб), символизирующая Первосушу-Первогору с Древом и Водой потопа, и место обществен[ного] жертвоприношения (киреметище)»⁶⁵.

Мы не будем вдаваться в тонкости и сложные проблемы культа киремети. Отметим только то, что «Кереметь только умилоствуют, а не молятся ей и ни о чем ее не просят»⁶⁶. По Д. Месарошу, жертва киреметю состояла из следующих частей: большая миска каши и для каждого киреметя по два хлебца, 9 маленьких лепешек с медом сверху них, 9 жертвенных монеток 1—2 копейки, 9 маленьких восковых свечей и 9 фигурок коня из теста (орхамах)⁶⁷. Он же пишет, что «южные чувашки» приношения лошадиных фигурок не знают вообще и что раньше киреметям приносили в жертву коня, овцу, козу, гуся, утку, «соответственно тому, какой вид скотины у них заболел», но позже жертвы скотом не проводили⁶⁸. Таким образом, археологи при изучении киремети не могут рассчитывать на нахождение ими всех перечисленных жертвоприношений, кроме монет и черепов, костей домашних животных. Что касается посуды для каши, то она, вероятнее всего, была деревянная.

Существование киремети на площадке Большетаябинского городища подтверждается как рассказами местных жителей, так и результатами археологических раскопок. Среди находок экспедиции А.П. Смирнова в 1948 г. в верхнем слое раскопа в восточной части городища (раскоп I) были монеты XVIII—XIX вв.⁶⁹ А.П. Смирнов связал их с существованием на городище киремети. Это утверждение тогда основывалось больше даже не на археологическом материале, а на рассказах таябинцев. А.П. Смирнов приводит записи, сделанные в 1948 г. В.Д. Дмитриевым. Последний записал от вышеупомянутого А.К. Ялманова о многочисленных находках «крупных медных монет» (на этих монетах якобы «были рисунки лошади, тигра, льва») на городище «лет 30—40 назад», т. е. в 1900—1910-х гг.⁷⁰ Его односельчанин В.Е. Пугачев (1879 г. р.) рассказал следующее: «Это место раньше считали старым городом. На том месте, где выходят кирпичи, раньше была чувашская киреметь, туда чувашки бросали монеты и другие приношения. В детстве мы собирали эти монеты. Встречались всякие монеты: некоторые из них тогда имели хождение, а некоторые были старинные, и их не принимали. Попадались монеты и с рисунком лошади»⁷¹. Г.М. Кружиков (Кужиков?) уточнил место находок: «На городище (*хула йи*) на месте кир-

Следы «земляных ворот» на северном валу Большетаябинского городища.
Фото Г.С. Самсоновой. 2006 г.

пичного подвала была киреметь, туда бросали деньги, а других вещей туда не бросали»⁷². О находках монет и киремети на площади городища, «где раскопаны кирпичи», рассказывали в 1948 г. также С.С. Сапожников, А.А. Юдин, П.И. Терикин, Д.К. Орлов, Г.В. Блинов и др.⁷³ По утверждению А.А. Мышкина (1887 г. р.), на городище находили «медные монеты различных видов <...> 3—4 типов, среди них были и татарские монеты. У татарских монет ребра были гладкие, а не зубчатые»⁷⁴.

Следы киремети были выявлены в 1957 г. при раскопках Г.А. Федоровым-Давыдовым болгарского домонгольского глубокого кольцевидного «древнего рва» (в раскопах II, VII—XII) (по А.П. Смирнову — «внутренний ров»)»⁷⁵. Г.А. Федоров-Давыдов обратил внимание на следы поклонения киремети (монеты и много черепов и костей лошадей): «В XVIII—XIX вв. этот древний ров был объектом языческого культа. Здесь совершались жертвоприношения киремети. Кости молодых лошадей, главным образом черепа, большим скоплением и отдельными находками были открыты в верхней части заполнения рва. Они сопровождались монетами XVIII—XIX вв., что не оставляет сомнений о времени этих жертвоприношений. В этом отношении раскапываемый памятник представляет большой этнографический интерес»⁷⁶. Он также отметил, что найденные монеты относятся к 1738—1862 гг., приводит отрывок из текста чувашского языческого моления, в котором упоминаются жертвоприношения лошадей и коров (записан в 1902—1903 гг.)⁷⁷, приведенный в работе Н.И. Ашмарина⁷⁸. Г.А. Федоров-Давыдов на основании многочисленных находок черепов лошадей также и в нижних слоях рва предположил, что культ киремети и обычай приносить в жертву лошадь существовал на городище и намного ранее XVIII в., во времена его функционирования (XI — начало XIII вв.). В таком случае, отметил он, получается, что это проявление «двоеверия, соединения в одном памятнике характерных черт мусульманства (отсутствие костей свиньи) и языческого культа»⁷⁹. Г.А. Федоров-Давыдов отметил и возможность существования «некоторой преемственности в обрядах населения XVIII—XIX вв. от более ранних обычаев и верований, восходящих, быть может, к XIII веку». По его мнению, для подтверждения этого предположения древний ров следует исследовать «более детально и широко», раскопав его полностью, по всему кольцу⁸⁰. Отметим, что автор данной статьи, как и большинство современных исследователей Большетаябинского городища, в отличие от Г.А. Федорова-Давыдова и А.П. Смирнова, признает ритуальное, сакральное, а не оборонительное, назначение кольцевидного рва, что подтверждают в числе прочего и черепа, и кости животных в нижней его части, принесенных, вероятнее всего, в жертву.

В отчете и публикации по итогам раскопок 1957 г. Г.А. Федоров-Давыдов ясно указывает на следы ритуальных действий чувашского населения в XVIII—XIX вв., выявленные на площадке городища: «Археологический материал показывает, что еще в XVIII—XIX вв. ров (домонгольский кольцевидный ров. — Е.М.) был заполнен землей только на половину своей

глубины. Монеты XVIII—XIX вв. встречаются на глубине 4 и 5 штыка, в заполнении рва на глубине до 30—50 см от дневной поверхности рва (на раскопах VII и XI)»⁸¹. Он предположил, что «культ киремети и связанный с ним в этом месте обычай приносить в жертву лошадь бытовал на изучаемом памятнике и в более отдаленное время, чем XVIII—XIX вв.»⁸².

В 2018, 2019, 2021—2024 гг. совместная экспедиция ЧГИГН и Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан продолжила раскопки Большетаябинского городища. В 2018 г. было заложено три раскопа (XIV, XV, XVI). Для изучения вопроса важен раскоп XVI (68 кв. м), расположенный в западной части городища у оборонительного вала, недалеко от раскопов А.П. Смирнова 1948 г. и Г.А. Федорова-Давыдова 1957 г. Здесь было продолжено начатое в 1957 г. изучение древнейшего кольцевого рва, который, по мнению Г.А. Федорова-Давыдова, окружал первоначальное небольшое поселение. В 2018 г. установлены три этапа функционирования этого рва. В верхней распахивавшейся части раскопа и верхней части заполнения древнего рва (слои 1—3, глубина от верха 50—60 см) были обнаружены 18 медных монет номиналом в «денгу», 1—2 копейки (1757—1843), кости животных, «связанные с периодом существования на городище святилища-киремети XVIII—XIX вв.»⁸³.

В 2019 г. в раскопе XVI изученная площадь составила 92 кв. м. В слоях 2—3 найдено 10 медных монет номиналами $\frac{1}{2}$ копейки, 2 копейки, денежка — с датами от 1801 до 1859 г.; в 5-м слое найдено 6 монет с датами от 1745 до 1811 г.; в 6-м слое — 2 «денги» с датами 1750, 1766 гг. В этих же слоях найдены и кости животных. Раскоп XVII (18 кв. м) был заложен в том месте, где внутренний древний кольцевой ров обнажился песчаным карьером. В отличие от раскопа XVI в раскопе XVII, несмотря на близкую стратиграфию культурных напластований, монет, других следов от киремети не было обнаружено. Это говорит о том, что святилище XVIII—XIX вв. локализовалось в западной, вернее юго-западной части городища, на ограниченном участке древнего кольцевого рва⁸⁴.

В 2021 г. в 6-м пласте раскопа XVI площадью около 14 кв. м найдены: кости животных (вероятнее всего, от жертвоприношений), 3 медные монеты в центральной части заполнения рва, до слоя погребенной почвы, номиналом «денга» с датой 1759 г.; 2 копейки 1826 г.; неопределенная монета XVIII в. В остальных слоях монеты не найдены. В раскопе XVIII (24 кв. м), расположенном в 26 м южнее раскопа XVI, на уровне 1-го распахивавшегося пласта найдены две монеты («денга» 1735 г. и монета 1810 г.). В раскопах XIX (48 кв. м, расположенном в 14 м южнее раскопа XVIII), XX (16 кв. м, в 14 м западнее раскопа XVI), XXI (около 7 кв. м, в 15 м севернее раскопа XX) монет или других следов киремети XVIII — начала XX в. обнаружено не было⁸⁵. В 2022—2024 гг. были продолжены работы на раскопе XIX. Изучались участки, связанные с жилищем бронзового века, западным валом, частью кольцевого рва. Монеты, жертвенные кости и другие находки, связанные с чувашским святилищем, за три года обнаружены в единичных

экземплярах в верхнем распаханном слое, что, очевидно, свидетельствует о том, что здесь жертвенные дары не приносились. Подтверждаются слова местных жителей (1948) о том, что киремень была около кирпичной домонгольской постройки («бани»), т. е. близ раскопа I (1957) и раскопов XVI, XX (2018, 2019, 2021).

Дополнением к археологическим материалам служат сведения из записки-рассказа большеятабинца Е.К. Питеркина (1913 г. р.) о том, что в с. Большая Таяба как в материнское село приезжали поклониться киремети (отмечает, что «бросали монеты») под названием «Ырсем сѣрем» [в 1 версте от Большой Таябы, здесь на «лужайке, нераспахивавшейся площадке» («*сѣремпре*») было «*тѣме*» («бугор-холмик-возвышение»)] жители выселившихся из Большой Таябы трех селений [ныне деревни Малая Таяба и Старое Янашево (чув. *Таяпа Энтри*), с. Лащ-Таяба], а также из «чужих» селений⁸⁶. Не исключено, что это и есть изучаемая на городище археологами киремень. При дальнейших работах на городище необходимо выяснить месторасположение «Ырсем сѣрем».

Надо отметить, что изучение чувашских киреметей в археологическом плане имеет свою историю. Место общественного жертвоприношения XVII — начала XX в. в 1960—1961 гг. исследовал В.Ф. Каховский на могильнике (кургане) около с. Чурачики (ныне Цивильского муниципального округа Чувашской Республики). Здесь в верхнем слое были найдены медные монеты чекана 1757—1915 гг., фрагменты керамики XVII—XIX вв., обломки костей животных. Прослежены остатки изгороди, внутри которой совершался обряд жертвоприношения. Обследовано место сжигания остатков жертвенных животных (определены кости лошади, крупного и мелкого рогатого скота, домашней птицы)⁸⁷. Следы киремети XVII—XIX вв. (монеты, жертвенные черепа и кости, следы заборов и др.) обнаружены также в последние годы при раскопках (Н.С. Мясников, Е.П. Михайлов, Н.С. Березина и др.) в 2012—2017 гг. Сендимиркинского древнемордовского могильника II—III вв. н. э. (на территории современного Вурнарского муниципального округа Чувашской Республики)⁸⁸, в 2011, 2015 гг. — Девлетгильдинского средневекового могильника и селища (на территории современного Мариинско-Посадского муниципального округа Чувашской Республики)⁸⁹ и некоторых других памятников. На Шинерпосинском святилище (на территории современного Чебоксарского муниципального округа Чувашской Республики) в 2012, 2014 гг. проведены стационарные раскопки (В.Г. Харитонova, Н.С. Березина и др.)⁹⁰. Изучению чувашских и марийских святилищ и их сравнительному анализу посвящена специальная статья археологов⁹¹.

Проведенные на Большеятабинском городище многолетние раскопки дали большой материал для рассмотрения вопроса о ритуальных действиях чувашского населения в XVIII—XIX вв. на территории памятника волжских болгар X—XIII вв. Однако проходы (бывшие «земляные ворота») в северном валу до сих пор остаются не изученными археологически. Их исследование дало бы дополнительные сведения к имеющимся этнографичес-

ким данным, могло бы уточнить время их прорытия. К тому же они представляют собой редкий случай использования вала городища в более позднее время для проведения обрядов. Остается много вопросов по расположению, территории, ритуальным объектам святилища-киремети XVIII — XIX вв. (включая ограду, ворота, дом) и др. Неясно, почему место для киремети было выбрано на площади городища и конкретно около кирпичной постройки (бани), монеты XVIII—XIX вв. и жертвенные черепа и кости животных обнаруживаются в большинстве своем в верхней части древнего кольцевого рва. Все это требует продолжения работ рядом с раскопами VII—IX Г.А. Федорова-Давыдова (1957) и раскопом XVI (2018, 2019, 2021), более полного исследования кольцевого «древнего рва», внутренней его площади и близлежащих участков. Дальнейшие раскопки могут пролить свет и на взаимосвязь двух рассмотренных одновременных ритуальных объектов. Можно надеяться, что будущие исследования памятника выявят дополнительные материалы о деятельности чувашского населения на городище после прекращения его функционирования.

Литература, источники и примечания

¹ По сообщению жителя с. Большая Таяба А.К. Ялманова (1882 г. р.), записанному в 1948 г. В.Д. Дмитриевым, площадь городища «издавна обрабатывалась, то поле плодородное, поэтому при старом строе сильно тягались за получение надела на участке городища»; см.: *Димитриев В.Д.* Аслă Таяпа сывăхĕнчи хула вырăнĕ синчен пухнă материалсем = К материалам экспедиции по изучению средневекового городища Большая Таяба. 1948 г. // Научный архив ЧГИГН (НА ЧГИГН). Отд. II. Ед. хр. 177. Инв. № 427, 428. Л. 14, 55.

² *Мельников С.Е.* Село Покровское — Большая Таяба тож в Тетюшском уезде // Казанские губернские ведомости (КГВ). 1856. 24 сентября. № 39. С. 304.

³ *Мельников С.Е.* Село Покровское — Большая Таяба тож в Тетюшском уезде // КГВ. 1856. 17 сентября. № 38. С. 294.

⁴ *Зайцев И.Я.* Мелкие сообщения о городищах и курганах Восточной России: мары в Инсарском у. Пенз. губ.; городище в даче села Б. Таяба Тетюшск. уезда // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (ИОАИЭ). Т. 10. Вып. 1. Казань, 1892. С. 112—113.

⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр. 237. Л. 187—188.

⁶ *Смирнов А.П.* Исследования городища и могильника золотоордынской эпохи у села Б. Таяба Чувашской АССР // Ученые записки / ЧНИИ. Вып. 4. Чебоксары, 1950. С. 132—133; *Его же.* Железный век Чувашского Поволжья. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. С. 153. [Академия наук СССР. Институт археологии. Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). № 95]. С. 153.

⁷ *Димитриев В.Д.* Указ. соч. Л. 16, 56—57; *Смирнов А.П.* Исследования городища и могильника... С. 150.

⁸ *Димитриев В.Д.* Указ. соч. Л. 19—20, 59—60; *Смирнов А.П.* Исследования городища и могильника... С. 150.

⁹ *Димитриев В.Д.* Указ. соч. Л. 13, 20—21, 26, 28, 53—54, 60, 65; *Смирнов А.П.* Исследования городища и могильника... С. 150.

¹⁰ *Димитриев В.Д.* Указ. соч. Л. 13, 54.

¹¹ Там же. Л. 28.

¹² Там же. Л. 32, 67.

¹³ Там же. Л. 35, 70.

¹⁴ Там же. Л. 36—37.

¹⁵ Федоров-Давыдов Г.А. Тигашевское городище (археологические раскопки 1956, 1958 и 1959 гг.) // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 4. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. С. 89. (Академия наук СССР. Институт археологии. МИА. № 111).

¹⁶ Каховский Б.В. Средневожский археологический словарь: учеб. пособие. Чебоксары: ЧГПУ, 1998. С. 33, 56.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Михайлов Е.П. Полевой дневник Чувашской археологической экспедиции 2024 г. // Архив Е.П. Михайлова.

¹⁹ Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. СПб.: Императ. Акад. наук, 1778. С. 133—134; Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академиею наук, по предложению ее президента. С примечаниями, изъяснениями и дополнениями. Т. 3: Записки путешествия академика Лепехина. СПб.: Императ. Акад. наук, 1821. С. 142; Мокшин Н.Ф. Религиозные верования мордвы. 2-е изд., доп. и перераб. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1998. С. 64—65.

²⁰ Магницкий В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры. Собраны в некоторых местностях Казанской губернии В. Магнитским / издание Комиссии Миссионерского противомусульманского сборника при Казанской духовной академии. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1881. С. 137.

²¹ Там же.

²² Прокопьев К.П. Обряд прохождения в земляные ворота (Из быта чуваш) // ИОАИЭ. Т. 19. Вып. 3—4. Казань: Типолит. Императ. Казан. ун-та, 1903. С. 208—213.

²³ Там же. С. 209.

²⁴ Там же. С. 210.

²⁵ Там же. С. 213.

²⁶ Прокопьев К.П. Религиозное состояние инородцев до распространения среди них просветительной системы Н.И. Ильминского // Чичерина С.В. У приволжских инородцев. Путевые заметки. СПб.: Тип. В.Я. Мильштейна, 1905. (Приложение № 14). С. 119.

²⁷ Львов П. Сёр хапха виттёр тухни // Шурәм пус. 1920. № 1 (7). С. 25—26.

²⁸ Исхаков Р.Р. Параллели в религиозно-мифологических картинах мира и обрядовости татар и чувашей: опыт историко-этнографической реконструкции / науч. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары, 2013. С. 8. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 11); *Его же*. Очерки истории традиционной культуры и религиозности татар-кряшен (XIX — начало XX вв.): монография. Казань: Центр инновац. технологий, 2014. С. 67.

²⁹ Исхаков Р.Р. Очерки истории традиционной культуры и религиозности татар-кряшен... С. 70.

³⁰ Месарош Д. Памятники старой чувашской веры / ред. В.Д. Димитриев, А.П. Хузангай; пер. с венг. Ю. Дмитриевой. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. С. 118—119.

³¹ Денисов П.В. Религиозные верования чуваш: историко-этнографические очерки. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1959. С. 8—9.

³² Там же. С. 9—10.

³³ Там же.

³⁴ Месарош Д. Указ. соч. С. 119.

³⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр. 370. Инв. № 6629. Л. 405.

³⁶ Там же. Ед. хр. 176. Л. 486.

³⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд И.Н. Юркина. Ед. хр. 67. Л. 197—198, 202—203.

³⁸ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 132. Инв. № 949. Л. 4—4 об.

³⁹ Димитриев В.Д. Полевые записи, сделанные в комплексной экспедиции по изучению быта, языка и фольклора чувашского сельского населения Татарской АССР, Куйбышевской и Ульяновской областей (июнь—июль 1961 г.) по вопросам об общественных отношениях, о пережитках религиозных верований // НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 278. Инв. № 1975. Л. 15, 34, 45, 46, 49—50; *Его же*. Комплексная экспедиция по изучению быта, языка и фольклора сельского чувашского населения Башкирской АССР и Оренбургской

области (с 19 мая по 19 июня 1962 г.). Записи В.Д. Димитриева // Там же. Отд. III. Ед. хр. 277. Инв. № 1974. Л. 15—16, 47, 189.

⁴⁰ *Салмин А.К.* Духи требуют жертв: Система традиционных обрядов чувашей / отв. ред. Б.Н. Путилов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. С. 35—38; *Его же.* Народная обрядность чувашей / отв. ред. С.А. Арутюнов. Чебоксары: ЧГИГН, 1994. С. 57—60; *Его же.* Система религии чувашей / Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера); отв. ред. А.И. Терюков. СПб.: Наука, 2007. С. 106—111; *Его же.* Праздники, обряды и верования чувашского народа / науч. ред. С.А. Арутюнов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2016. С. 50—54.

⁴¹ *Салмин А.К.* Духи требуют жертв... С. 36.

⁴² Там же. С. 38.

⁴³ *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Вып. 13: 3—Т / ЧНИИ; подготовлен к печати Н.А. Резюковым. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1937. С. 99.

⁴⁴ *Семенова Т.В.* Обряд прохождения в «земляные ворота» в среде приволжских чувашей // Этнос. Общество. Цивилизация: II Кузеевские чтения: материалы Междунар. научно-практич. конф., посвященной 80-летию Р.Г. Кузеева / под ред. А.Б. Юнусовой. Уфа: Уфим. полиграфкомбинат, 2009. С. 173—175; *Фокин П.П.* Сёр хапхи // Чувашская энциклопедия. Т. 4. Си—Я. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. С. 169—170.

⁴⁵ *Трофимов А.А.* Зороастризм: суваро-болгарская и чувашская народная культура. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. С. 107.

⁴⁶ Там же. С. 113.

⁴⁷ Там же. С. 107.

⁴⁸ Там же. С. 116—117.

⁴⁹ Там же. С. 117—118.

⁵⁰ Там же. С. 118.

⁵¹ Там же. С. 119.

⁵² *Мошкин Н.Ф.* Указ. соч. С. 64.

⁵³ *Исхаков Р.Р.* Очерки истории традиционной культуры и религиозности татар-кряшен... С. 69.

⁵⁴ *Юсупов Г.В.* Верования и их пережитки // Татары Среднего Поволжья и Приуралья / Казанский ИЯЛИ АН СССР; отв. ред. Н.И. Воробьев и Г.М. Хисамутдинов. М.: Наука, 1967. С. 355.

⁵⁵ *Исхаков Р.Р.* Очерки истории традиционной культуры и религиозности татар-кряшен... С. 68.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ *Акцорина А.Я.* Козьмодемьянский культурно-исторический музейный комплекс [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kmk/muzei.ru/articles/4453-tradiz> (дата обращения: 20.09.2024).

⁵⁸ *Журавлев А.Ф.* Охранительные обряды, связанные с падежом скота, и их географическое распространение // Славянский и балканский фольклор. Генезис. Архаика. Традиции / Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР. М.: Наука, 1978. С. 84.

⁵⁹ Там же. С. 86.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ *Салмин А.К.* Праздники, обряды и верования чувашского народа. С. 53.

⁶² *Димитриев В.Д.* Аслă Таяпа сывăхёнчи... Л. 54.

⁶³ Земляные ворота [Электронный ресурс]. URL: studopedia.info/kontakti.php (дата обращения: 18.09.2024).

⁶⁴ *Васильев М.Г.* О киреметях у чуваш и черемис // Известия по Казанской епархии. 1904. № 8. С. 237—267 (часть неофиц.); *Пассек Т.С., Латынин Б.А.* Анализ чувашского мифа о происхождении Керемети // Яфетический сборник. Т. 6. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. С. 46—50; *Иванов Л.А.* Йерех, киреметь и другие // Наука и религия. 1969. № 2. С. 69—70; *Романов Н.Р.* Культ киремети у чуваш // Ученые записки / ЧНИИЯЛИЭ. Вып. 15: О дореволюционной культуре чувашского народа. Чебоксары, 1957. С. 190—209; *Его же.* Киреметсем

синчен. Шупашкар: Чăваш АССР гос. изд-ви, 1958. 20 с.; *Денисов П.В.* Указ. соч. С. 66—70; *Салмин А.К.* Киремет / Чувашская национальная академия; ЧНИИЯЛИЭ; отв. ред. С.А. Арутюнов. Чебоксары, 1992. 28 с.; *Его же.* Система религии чувашей. С. 404—418; *Его же.* Народная обрядность чувашей. С. 44—51; *Месарош Д.* Указ. соч. С. 151—154; и др.

⁶⁵ *Трофимов А.А., Матвеев Г.Б.* Киремет // Чувашская энциклопедия. Т. 2: Ж—Л. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. С. 251—252.

⁶⁶ *Пассек Т.С., Латынин Б.А.* Указ. соч. С. 47.

⁶⁷ *Месарош Д.* Указ. соч. С. 151.

⁶⁸ Там же. С. 153.

⁶⁹ *Смирнов А.П.* Исследования городища и могильника... С. 138.

⁷⁰ *Димитриев В.Д.* Аслă Таяпа сывăхĕнчи... Л. 14, 55; *Смирнов А.П.* Исследования городища и могильника... С. 151.

⁷¹ *Димитриев В.Д.* Аслă Таяпа сывăхĕнчи... Л. 27, 64; *Смирнов А.П.* Исследования городища и могильника... С. 151.

⁷² *Димитриев В.Д.* Аслă Таяпа сывăхĕнчи... Л. 28, 65; *Смирнов А.П.* Исследования городища и могильника... С. 151.

⁷³ *Димитриев В.Д.* Аслă Таяпа сывăхĕнчи... Л. 12, 19, 25, 32, 36, 53, 59, 64, 67, 71.

⁷⁴ Там же. Л. 38, 71—72.

⁷⁵ *Федоров-Давыдов Г.А.* Дневники (№ 1 и 2) 1-го отряда Чувашской археологической экспедиции 1957 г. // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 561. Инв. № 1581. Л. 21, 23, 27, 31.

⁷⁶ *Федоров-Давыдов Г.А.* Раскопки городища у села Большая Тояба Чувашской АССР в 1957 году // Ученые записки / ЧНИИ. Вып. 19: Вопросы археологии и истории Чувашии. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. С. 91.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ *Ашмарин Н.И.* Об одном мусульманском могильном камне в загородном архиерейском доме в Казани // ИОАИЭ. Т. 21. Вып. 1. Казань: Типолит. Императ. Казан. ун-та, 1905. С. 104—105.

⁷⁹ *Федоров-Давыдов Г.А.* Раскопки городища у села Большая Тояба... С. 91.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же. С. 90.

⁸² Там же. С. 91.

⁸³ *Михайлов Е.П.* Отчет об археологических раскопках Большетаябинского городища и могильника в Яльчикском районе Чувашской Республики в 2018 г. по Открытому листу № 534 от 23 мая 2018 г. Т. 1—2 // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2732/1, 2. Инв. № 9581, 9582; *Березин А.Ю.* и др. Итоги археологических раскопок Большетаябинского городища и могильника в 2018 году / А.Ю. Березин, Н.С. Березина, Е.П. Михайлов, Н.С. Мяников, Р.Н. Хамзин // Чувашская археология: сб. статей. Вып. 4. Чебоксары: ЧГИГН, 2022. С. 57, 59, 60, 62.

⁸⁴ *Мяников Н.С.* Научный отчет об археологических раскопках Большетаябинского городища в Яльчикском районе Чувашской Республики в 2019 г. по Открытому листу № 0585-2019. Т. 1—2 // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2748, 2749. Инв. № 9599, 9600.

⁸⁵ *Михайлов Е.П.* Научный отчет об археологических раскопках Большетаябинского городища в Яльчикском районе Чувашской Республики в 2021 г. по Открытому листу № 0949-2021. Т. 1—2 // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2752, 2753. Инв. № 9603, 9604.

⁸⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр. 237. Л. 187; *Салмин А.К.* Система религии чувашей. С. 411.

⁸⁷ *Каховский В.Ф.* Чурачикский могильник // Ученые записки / ЧНИИЯЛИЭ. Вып. 25: Археологические работы в Чувашской АССР в 1958—1961 годах. Чебоксары, 1964. С. 74—75.

⁸⁸ *Березина Н.С.* Отчет об археологических раскопках Сендимиркинского могильника в Вурнарском районе Чувашской Республики в 2014 г. // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2717. Инв. № 9545.

⁸⁹ Мясников Н.С. Отчет об археологических раскопках Девлетгильдинского святилища в Мариинско-Посадском районе Чувашской Республики в 2015 г. // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2712. Инв. № 9540.

⁹⁰ Березина Н.С., Харитонова В.Г., Ефремова Д.Ю. Предварительные итоги изучения болгаро-чувашского Шинерпосинского святилища в округе города Чебоксары (по материалам этнографии и археологической разведки) // Город Чебоксары и его округа в эпоху Средневековья: материалы Всерос. научно-практич. конф. (Чебоксары, 26 сентября 2013 г. / сост. и отв. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2013. С. 56—65; Березина Н.С., Михайлов Е.П., Харитонова В.Г. К вопросу о болгарских-древнечувашских святилищах // Мифология чувашей: истоки, эволюция и культурные взаимосвязи: материалы Межрегион. научно-практич. конф. (Чебоксары, 8 октября 2015 г.) / сост. и отв. ред. А.П. Леонтьев. Чебоксары: ЧГИГН, 2016. С. 75—82.

⁹¹ Ефремова Д.Ю., Харитонова В.Г., Березина Н.С. Древние чувашские и марийские святилища: опыт сравнительного анализа // Чуваш и марийцы — соседи по «общему дому»: материалы Межрегион. научно-практич. конф. (Большой Сундырь, Кулаково, 17 мая 2019 г.) / ЧГИГН, МарНИИЯЛИ; сост. и отв. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2019. С. 73—83.

E.P. Mikhailov

TRACES OF RITUAL ACTIONS OF THE XVIII — EARLY XX CENTURY AT THE BOLSHETAYABINSK ANCIENT SETTLEMENT

The article attempts to point out and analyze the traces of the Chuvash population's activities (mainly ritual and ceremonial) revealed on the area of the monument during the XVIII and the beginning of the XX centuries. The analysis has been carried out on the basis of the obtained results at the Bulgarian pre-Mongolian Bolshetayabinsk settlement (Yalchiksky municipality of the Chuvash Republic) during long-term archaeological excavations. The memories recorded from residents, identified field and archival records and ethnographic data have been used.

Keywords: the Bolshetayabinsk settlement, archaeological excavations, ritual actions, a rite of passage into the earthen gates, the sanctuary of Kiremet.

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ЧУВАШЕЙ ПРАВОБЕРЕЖЬЯ И ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ РЕКИ ВОЛГИ В XVI ВЕКЕ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

ЧГВ, 2024 г., № 19
© С.В. Охотникова

В статье рассмотрены социокультурные различия, проявившиеся среди чувашей правобережья и левобережья р. Волги в XVI столетии. Автором выявлена важнейшая роль конфессионального фактора в консолидации чувашского этноса и постепенном отатаривании значительной части чувашского населения Казанского края.

Ключевые слова: социокультурное развитие, язычество, ислам, отатаривание, чувашский этнос.

XVI столетие, несмотря на относительную скудность исторических источников по этому периоду, отнюдь не обделено вниманием современных исследователей истории Среднего Поволжья. Особенности этнополитического развития, а также экономического положения народов правобережья и левобережья Волги в условиях Казанского ханства и Русского государства рассматривались не раз достаточно подробно¹. В трудах историков затрагивался дискуссионный вопрос об этносоциальной структуре населения Казанского края². Не осталось забытым и культурное развитие поволжских народов в XVI в.: исторические исследования посвящены их христианизации и исламизации³, в этнографических работах достаточно подробно освещено развитие материальной и духовной культуры⁴. Однако общее и особенное в социокультурном развитии чувашей правобережья и левобережья Волги в указанный период ранее не становилось предметом специального исследования.

Под социокультурным развитием подразумевается трансформация комплекса материальных и духовных ценностей, норм, традиций, особенностей организации жизни во всем ее многообразии, которые вырабатываются социумом на определенной территории в ходе исторического процесса. Эти

Светлана Валерьевна Охотникова — кандидат исторических наук, научный сотрудник секции истории исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: svetlana-goncharova7@rambler.ru.

традиции и нормы создают неповторимый облик народа и формируют отличительные особенности его характера. Целью данной статьи является сравнение социокультурных изменений среди чувашей правобережья и левобережья р. Волги в XVI в. Рассмотрение данной проблематики на основе комплексного изучения этих двух территорий позволит выделить как общие черты, так и специфику в социокультурном развитии населения.

Социокультурные различия чувашей правобережья и левобережья Волги, имевшиеся в XVI в., сложились не одномоментно, а в течение долгого исторического периода, началом которого стало завоевание Волжской Болгарии монголо-татарами к середине XIII в. Спасаясь от гнета захватчиков, значительная масса болгаро-чувашей (мусульман и язычников) с левобережья и из южных районов правобережья переселилась в центральную и северную части современной территории Чувашии. Согласно утвердившейся в чувашской историографии точке зрения, вследствие этих миграций некоторая часть проживавших в северных районах Чувашского Поволжья финно-угров (марийцев), исповадовавших язычество, во второй половине XIV—XV в. подверглась ассимиляции⁵. Однако ассимиляционные процессы имели влияние и на болгарское население: попадая в среду язычников, болгары-мусульмане отходили от ислама и возвращались к своей прежней этнической идеологии и культуре⁶. Этому процессу способствовало и то, что они не испытывали столь существенного влияния кыпчаков и мусульманской веры, как их соплеменники, проживавшие на левобережье.

Территориальными границами исследования являются области расселения чувашского народа в XVI столетии. К началу этого века образовались два главных района обитания болгаро-чувашей: первый — правобережный район между Волгой и Сурой, ограниченный на юге линией рек Кубня и Киря (центральные и северные районы современной Чувашской Республики); второй — левобережный приказанско-заказанский район, где от Казани на восток, вплоть до р. Камы, простиралась Чувашская даруга Казанского ханства (со второй половины XVI в. — Казанского уезда). Некоторое количество левобережных чувашей проживало также в Арской, Галицкой и Алатской даругах. Основу обеих территориальных групп этноса составило преимущественно сельское земледельческое болгарское население, не принявшее ислам или отошедшее от него. По подсчетам В.Д. Димитриева, численность чувашского населения к середине XVI в. составила 250 тыс. чел.: около 150 тыс. чел. проживало на правобережье и 100 тыс. — на левобережье Волги⁷.

Правобережье Волги

По мнению чувашских исследователей, исламская религия начала играть в Среднем Поволжье роль одного из важнейших этноразделительных факторов в эпоху Золотой Орды с появлением в регионе мусульманизированных кыпчако-татар и носителей среднеазиатских культурных признаков⁸. С возникновением Казанского ханства пришел конец мирному сосуществованию язычников и мусульман, так как господствующие кыпчако-

татарские группы установили режим эксплуатации немусульманского (т. е. нетатарского) населения края. По мере укрепления ислама в культуре татар устанавливались среднеазиатские традиции, мусульманская религия стала одним из средств утверждения татарской власти. В этносоциальном строе ханства народы Среднего Поволжья, в их числе чуваш, составили массу феодально-зависимого ясачного населения, казанские татары — замкнутую категорию свободной социально-политической элиты. В основном все административные должности занимали татары, назначенные тарханами чуваш, играли второстепенную роль в управлении. Доверие к ним могло быть только при принятии ими исламской веры⁹.

В чувашских преданиях, записанных на территории Чувашии в XIX в., сохранились сведения о социально-экономическом гнете татарских феодалов. В одном из них указано, что «казанские цари жили почти за счет чуваш, населяющих богатую страну, часто временно посылали своих подчиненных обирать их и уводить в неволю их дочерей... Татары... при малейшем сопротивлении оказывали всю варварскую жестокость: резали нещадно мирных людей и грабили их достояние»¹⁰. В другом предании рассказывается о татарском феодале, который сильно обижал подвластных ему чувашей, брал у них рекрутов по семь раз в год. Чуваше обратились за помощью к русскому царю, и он выслал войско, разгромившее городище татарского наместника¹¹.

Наряду с экономическим гнетом присутствовал гнет религиозный. Правители и духовенство ханства продолжили болгарскую традицию распространения ислама среди подвластных народов и снаряжали мусульманских миссионеров на периферию ханства и соседние земли¹². О характере распространения ислама среди чувашей правобережья свидетельствуют и чувашские предания. Так, одно из них сообщает, что отряд татар увез в Казань чувашек, участвовавших в свадьбе в д. Средние Шешкары (ныне Моргаушского муниципального округа Чувашии), и там они были обращены в мусульманство. Женщин отпустили домой, но вернувшись, они остались приверженками ислама¹³.

Таким образом, в первой половине XVI в. «противоречия между верхами и низами казанского социума, вельможами и простыми людьми, осложнялись этнической и конфессиональной несовместимостью правящей аристократии ханства (в основном состоявшей из казанских татар, исповадовавших ислам) и языческой массы нетатарского населения периферийных районов Казанского государства»¹⁴.

В составе Казанского ханства часть чувашей правобережья исповедовала мусульманскую веру, что подтверждается многочисленными свидетельствами европейских путешественников. В частности, барон С. Герберштейн, посетивший в 1517 и в 1526 гг. Московское государство, сообщал: «Нижний Новгород — это большой деревянный город... И здесь, можно считать, проходит граница христианской религии. Ибо хотя государь Московии имеет далее этого Новгорода крепость, которая называется Сурою

(Васильсурск. — *С.О.*), живущие там народы, именуемые черемисами (в данном случае, вероятнее всего, речь идет о горных марийцах и чувашах. — *С.О.*), следуют вере не христианской, а магометанской... Ибо черемисы живут за Волгою на севере; для различения между ними живущие около Новгорода называются черемисами верхними или горными...»¹⁵. Кроме того, «имена некоторых представителей чувашских (Магомет), которые от всей горной стороны били челом Грозному (1551), свидетельствуют, что магометанская религия между ними имела своих последователей»¹⁶.

В одном из татарских преданий говорится о сражениях мусульман с русскими войсками на территории Чувашского края: «В прежние до взятия Казани годы происходило много сражений в Цивильском и Ядринском уездах. Иван Васильевич в целях взятия Казани послал в ту сторону много войска и истребил народ. Над могилами людей и прочих великих, павших в войне против иноверцев, были поставлены с надписями камни. Эти камни и донныне имеются. Из них, например, имеется один камень в Цивильском уезде, на кладбище чувашской деревни, называемой Шигалеево. Этот камень относится к 1549 г., и на нем значится: “В девятьсот сорок девятом... Кузый углы погиб от руки неверного”. Есть кроме этого много других камней»¹⁷. Действительно, на территории Чувашии имеются мусульманские надгробия, датируемые 1530/31, 1542/43, 1550 и другими годами. Археологи считают, что они были установлены на могилах части чувашской феодальной верхушки, принявшей ислам для упрочения своего положения¹⁸.

О проживании мусульман на территории Чувашского края и их насильственной христианизации после взятия Казани сообщают чувашские предания, записанные в середине XIX в. Одно из них гласит, что находившиеся недалеко от современных Чебоксар деревни Тутаркасы (Атлашево) и Юртакасы до 1552 г. были настоящими мусульманскими городами с ханами, медресе и ученой знатью. После захвата этих поселений Иваном Грозным во время похода на Казань «татары разбежались... оставшиеся были насильно крещены», а деревни стали чувашскими¹⁹.

Таким образом, ислам, будучи государственной религией Казанского ханства, активно проявил себя не только на левобережье, но и на правобережье Волги. Однако чуваша правобережья, несмотря на насаждение ислама, в основной своей массе придерживались традиционных верований. Языческая религия регламентировала жизнь и быт правобережных чувашей, в какой-то мере даже их хозяйственную деятельность. Она играла важную роль в сохранении и сплочении чувашского этноса, препятствовала его ассимиляции другими народами, являлась составной частью национальной культуры²⁰. Данный вывод подтверждается археологическими данными: большинство изученных кладбищ XVI в. оставались языческими. Чувашское население, проживавшее между Сурой и Свиягой, было мало затронуто мусульманской культурой²¹.

О сохранении традиционных религиозных представлений и восприятии служилых татар чужаками в среде чувашских крестьян-язычников

Чувашию края свидетельствуют также исторические предания. По рассказу жителя д. Четрики Красноармейского района, недалеко от его селения в период Казанского ханства находилось укрепленное татарское городище. Один из воинов, служивших в городище, завел отношения с чувашской девушкой из д. Четрики. Узнав об этом, отец девушки сильно наказал дочь, и от стыда она повесилась. Солдаты татарского князя отомстили тем, что убили его²². Вероятно, это предание сообщает не только об осуждении внебрачных связей, но и о негативном отношении в чувашской общине к иноверцам-угнетателям.

В XVI в. среди правобережных чувашей-язычников по-прежнему было значительно влияние культуры финно-угров, которые оставались приверженцами традиционных верований вплоть до XVIII—XX вв.²³ Чувашское население смешивалось с горными марийцами, воспринимая многие комплексы их культуры²⁴. В результате чуваша, по мнению Р.Г. Кузеева, оказались бикультуральным (т. е. с двойственной культурой) этносом: «Сохраняя архаичный тюркский язык и определенный слой культурных признаков, унаследованных от болгарского времени, — отмечал ученый, — они в то же время развивали культуру, во многих отношениях близкую к культуре финно-угорского мира»²⁵.

Верным считаем вывод о том, что «в общей религиозной структуре чувашей данного региона мусульманское влияние носило лишь поверхностный характер, оно не изменило коренной сущности их ранних представлений и культа. Такой тип религиозного синкретизма можно условно назвать “языческо-мусульманским”, где домусульманский элемент оставался господствующим»²⁶.

С середины XVI в. начинается привлечение правобережных чувашей в православие. Понимая, что удержать приволжские земли силой одного лишь меча невозможно, правительство стремилось к усилению христианского влияния в регионе для органической интеграции «страны горной черемисы» в состав Московского государства. В течение второй половины столетия на правобережной части Среднего Поволжья возникло восемь монастырей, причем главным учредителем обителей являлось государство. Первыми из них были основаны свияжские Троицкий (между 1553 и 1554 гг.) и Богородице-Успенский (1555) монастыри²⁷. Отдавая приказ о строительстве города-крепости Свияжск, Иван Грозный повелел «церквей и города рубити»²⁸. Следуя указанию монарха, во второй половине XVI в. здесь построили пять церквей. Свияжск стал не только первым русским городом Среднего Поволжья, но и новым духовным, точнее, монастырским и миссионерским центром²⁹. Следовательно, в правобережье формирование монастырской системы шло очень активными темпами.

В то же время наблюдалось отсутствие последовательной христианско-просветительской деятельности со стороны Русской православной церкви и развитой церковной инфраструктуры в местах компактного проживания чувашей, а также недостаток духовных пастырей, знавших чувашский язык.

Зародившееся при архиепископе Гурии (1555—1564) миссионерство не получило активного продолжения при его преемниках. Исследователями отмечалось, что источники XVI в. дают весьма неопределенные и обобщенные сведения о масштабах христианизации чувашей, в них не отражаются ни число людей, приходивших к крещению, ни местность, где проводилось крещение. В отдельных работах указывается, что при архиепископах Гурии и Германе были крещены несколько тысяч магометан и язычников³⁰. Таким образом, во второй половине XVI в. в силу слабости организации работы результативность православной миссии на Горной стороне была низкой, и в основной своей массе чувашаи еще не прониклись христианским учением. Эти обстоятельства привели к тому, что правобережные чувашаи восприняли лишь внешние стороны православия, фактически оставаясь последователями традиционных верований. Важную роль в сохранении языческих религиозных представлений сыграла община как основа социальной организации чувашей, создавшая у них замкнутую, устойчивую модель культурно-религиозной автономии, стойкую к внешним культурным экспансиям.

Вхождение в состав Российского государства обеспечило правобережным чувашам не только освобождение от социально-экономического притеснения Казанским ханством, но и ориентирование народа на православие. Несмотря на то, что чувашаи попали в руки к российским помещикам и священникам, этот исторический факт помог им сохранить себя как народ — «была предотвращена угроза установления в Среднем Поволжье крымско-турецкого ига»³¹. Но этот поворот событий для народной религии чувашей в последующие столетия, как отмечают исследователи, оказался тлетворным³².

Проводниками русского культурного влияния на правобережье Волги были города Свияжск и Чебоксары, а также основанные в стратегических целях Тетюши (1554—1578), Козьмодемьянск (1583) и Алатырь (1552), основное население которых составляли русские служилые люди. Кроме того, в XVI в. все большее число русских крестьян переезжало на Среднюю Волгу и селилось вдоль степных границ Казанского края. К этому времени его центральная часть была плотно заселена чувашами, поэтому здесь практически не было русских переселенцев. Дворяне, зависевшие от труда крепостных, также редко поселялись на землях, занятых чувашами. Таким образом, усилившееся в рассматриваемый период заселение русскими восточных окраин обошло стороной основные области компактного расселения чувашей. Влияние на чувашское население оказывали не только русские переселенцы (в основной своей массе ремесленники), но и русские пленники, численность которых в Казанском ханстве, включая территорию Чувашии, к 1551 г. составляла более 100 тыс. чел.³³ По летописным сведениям после взятия Казани на родину было возвращено 60 тыс. русских³⁴. Оставшаяся часть «полоняников» настолько прочно осела на землях Казанского края, что предпочла остаться на прежних местах. Писцовая книга

сообщает, что «В Свияжском же уезде в татарских и чувашских селех и в деревнях живут полоняники с новокрещены и с татары и с чувашею вместе, а пашни свои полоняники пашут не в розделе с татарскими и чувашскими пашнями смесь по полосам»³⁵. Тем не менее вплоть до конца XVII в. доля русских в центральной части Чувашии оставалась незначительной (ниже 5 %), в то время как на левом берегу Волги, в центральных районах бывшего Казанского ханства, она составляла почти 25 % всего населения³⁶.

Несмотря на малочисленность русского населения на правобережье, начиная с XV в., согласно археологическим исследованиям, отмечается усиление русского влияния в различных элементах материальной культуры, найденных на территории Чувашии: в керамике, в ремесленном инвентаре, в постройках³⁷. В первой половине XVI в. культурные заимствования жителей Горной стороны от русских становятся все более ощутимыми. Подолгу живя с ними по соседству, чуваша правобережья начинают постепенно учить русский язык, перенимать ремесленное мастерство и некоторые обычаи³⁸.

Бесспорно, в составе Московского государства произошли определенные сдвиги в социокультурном развитии чувашского народа, однако в XVI столетии они не имели значительного влияния на духовную культуру и в целом на весь процесс формирования его самосознания. Чувашское общество правобережья Волги, состоявшее преимущественно из крестьян, в основной своей массе оставалось отгороженным от внешнего мира. Посредниками в мир русских, в сферу чиновничества были старосты деревень, переводчики, представители местной знати. Компактное проживание на общей территории явилось важным фактором языковой и культурной консолидации чувашей Горной стороны.

Левобережье Волги

Перейдем к рассмотрению социокультурных особенностей развития левобережных чувашей, ядро которых составляли приказанско-заказанские чуваша. Как известно, судьба этого многочисленного населения Казанского края сложилась весьма своеобразно: большая их часть в XVI—XVII вв. переселилась в Чувашию, во второй половине XVI—XVII столетий — в Уфимский уезд, на башкирские земли, в конце XVI — первой половине XVII в. — в Закамье. Оставшаяся их часть, приняв ислам, вошла в состав казанских татар.

С образованием Казанского ханства города стали центрами распространения ислама на левобережье Волги. Элитная мусульманская «городская» культура татарского этноса противостояла традиционной «сельской» культуре чувашей, сохранявших болгарское наследие. Начиная с XV в. и в течение XVI в. жившие на левобережной территории Казанского ханства чуваша-язычники подвергались более значительному влиянию ислама, чем правобережная часть чувашского этноса. Это прослеживалось в их духовной и отчасти материальной культуре, а также сохранении некоторых пережитков кочевой жизни. В условиях господствующего положения мусульманской культуры татар духовное развитие чувашей задерживалось.

Тем не менее существуют свидетельства того, что в рассматриваемый период чувашаи левобережья Волги сохраняли общие с правобережными чувашами социокультурные черты. Чувашские историки приводят в пользу этого тезиса следующие аргументы. В районах Татарстана, населенных в период Казанского ханства упомянутыми в источниках «чувашами», в XIX в. записаны легенды, идентичные правобережным чувашским преданиям (к примеру, у чувашей и татар существовала одинакового содержания легенда о девушке с коромыслом и ведрами, вознесшейся на луну³⁹). Топонимы селений «ясачных чувашей» Казанского уезда, упоминаемых в писцовых книгах, — чувашские. Названия многих деревень центральной части Казанского уезда этимологизируются на основе чувашского языка⁴⁰. Многие селения ясачных чувашей Казанского уезда, сохранив свои прежние названия, переселились в XVII в. в Нижнее Закамье и до настоящего времени являются чувашскими. Многочисленные элементы языческой религии у сельского татарского населения, совпадающие с чувашскими⁴¹, объясняются ассимиляцией последних первыми во времена Казанского ханства и позже.

Некоторые свидетельства, подтверждающие сохранение основной массой левобережного чувашского населения ханства языка чувашского типа и языческих верований до середины XVI в., подвергаются критике со стороны татарских ученых. Однако их аргументы в пользу того, что в XVI в. «ясачные чувашаи» Казанского края говорили на татарском языке кыпчакского типа и исповедовали ислам, не лишены противоречий и многовариантны в толковании⁴².

В связи с этим несомненный интерес для реконструкции этнокультурных процессов на левобережье Волги в XVI в. представляют археологические исследования данной территории. В частности, примечательные выводы были сделаны татарскими и чувашскими археологами, проводившими раскопки Тарлашского могильника в Казанском Предволжье в 2016 и 2018 гг. Несмотря на сложность и неоднозначность материалов могильника, пик функционирования которого отнесен ко второй половине XVI — первой половине XVII в., исследователи связывают выявленный некрополь с одной из групп местного населения региона, подвергнувшейся христианизации, но сохранившей элементы языческой обрядности. По их предположениям, население, оставившее могильник, зафиксировано в письменных источниках под названием «ясачная чюваша» и обитало южнее, в населенных пунктах «Починок Смойлева займище» и «Починок Екшеиков»⁴³. Данные раскопки, не обнаружившие следов мусульманских традиций при погребении, позволяют думать, что в первой половине XVI в. на левобережье Волги определенно существовали селения чувашей, сохранивших языческие верования.

После присоединения Поволжья к Русскому государству чувашаи, принявшие ислам, были отнесены к сословию ясачных татар, вероятно, для того чтобы отделить от ясачных чувашей-язычников правобережья Волги. Однако изменения во внешнем обозначении не изменили внутренней иден-

тификации, и чувашаи левобережья сохраняли самоназвание и в XVII в.⁴⁴ Именуя в источниках еще недавних чувашей «татарами», царская администрация стремилась к созданию искусственной «этнической границы» между язычниками-«чуваши» и мусульманами-«татарами». Чувашские исследователи не раз подчеркивали, что термин «ясачная чюваша», как, впрочем, и термин «служилые татары», является конструктором московской приказной администрации⁴⁵. В силу политических событий — мирного вхождения правобережных чувашей в состав Русского государства и военного завоевания левобережья Казанского ханства, для облегчения управления присоединенным краем царским властям было выгодно разделение «мирных» и «мятежников». В 1552 г. Иван Грозный наставлял свияжского воеводу П.И. Шуйского следующим образом: «...горных людей управливати и ясаки имати и во всем им беречи велел, и горным людям всякую управу велел чинить в Свиязском городе, а луговым и арским велел управу в Казани чинити, а о смесных делех горним с казаньскими государь велел ссылатися воеводам казаньским с свиязькими и свиязьским с казаньскими»⁴⁶.

Действия русских властей вполне обоснованны, учитывая, что центром борьбы против вхождения Казанской земли в состав России в 1552—1557 гг. была Арская сторона, активное участие принимала Луговая сторона⁴⁷; в «черемисской войне» 1581—1584 гг. центром восстания выступала Луговая сторона. Иногда эти движения разрастались до района Горной стороны: в 1571—1573 гг. происходило восстание горных и луговых марийцев, а также соседних с ними чувашей. Но в основном Горная сторона сохраняла верность России и к концу XVI в. стала опорой подавления движений на левобережье Волги⁴⁸. Причины народных волнений большинство историков видят в ухудшении экономического положения населения левобережья из-за постоянного роста ясака. Однако «Новый летописец» обозначил и религиозный фактор как одну из главных причин восстаний: «По тридесят же едином лете (через 31 год после присоединения Казанского края к Московскому государству. — С.О.) они окаянии бусурмани не похотеша видети православные христианския веры и под государевою рукою жить не похотеша, воздвигоша рать и плениша многие города»⁴⁹.

Ко времени присоединения Казанского края руководство православной церкви уже имело опыт миссионерской деятельности в среде нерусского языческого населения. Но на левобережье Волги ему впервые пришлось столкнуться с крупными этносами (татарами и чувашами), исповедующими ислам. Образование в 1555 г. Казанской епархии, создание во второй половине XVI в. четырех монастырских обителей, первой из которых стал Казанский Свято-Успенский Зилантов монастырь, возведенный в октябре 1552 г., — все это позволило создать в Казани мощный православный центр, обладавший значительными материальными ресурсами⁵⁰.

Центрами закрепления Казанского края за Россией на левобережье Волги была Казань, ставшая во второй половине XVI в. городом с преиму-

щественно русским населением, а также городки Арск и построенный в 1557 г. Лаишев. Кроме того, русские поселения располагались на дворцовых землях (согласно подсчетам по дозорной книге Казанского уезда 1599 г. в дворцовых селах проживало около 3 тыс. чел. обоего пола⁵¹). Помимо дворцового ведомства крупными землевладельцами являлись Казанская епархия, монастыри, дворяне и дети боярские. Их земли также были заселены русскими крестьянами. Дозорная книга 1599 г. подтверждает, что к концу XVI в. русскими поселенцами на левобережье Волги были освоены не только города и ближайшие к ним территории, но и земли уезда, расположенные вдали от Казани. Помимо этого, указанный источник свидетельствует, что в русские общины принималась часть новокрещен: среди дворцовых крестьян встречаются прозвища представителей нерусских народов Поволжья⁵². Следовательно, межэтнические контакты левобережных чувашей с русским населением также имели место быть, и даже являлись гораздо более тесными, чем на правобережье.

Вместе с тем во второй половине XVI в. бывшие русские пленники, оставшиеся на левобережье Волги, подверглись отатариванию, как и остальное немусульманское население края. Многие из них переходили из христианства в мусульманство. В 1593 г. казанский и астраханский митрополит Гермоген писал: «Многие де русские полоняники и неполоняники живут у татар и у черемисы и у чуваша, и пьют с ними и едят с одного и желят у них... и те де все люди также хрестьянские веры отпали и превратились у татар в татарскую веру»⁵³.

Таким образом, как на правобережье, так и на левобережье Волги в рассматриваемый период христианизация населения Казанского края проводилась чрезвычайно осторожно, об агрессивной миссионерской политике на присоединенной территории не было и речи. Вплоть до начала XVII в. христианизацией было охвачено только служилое население края, практически не затронуто ясачное мусульманское и языческое. Служилые «новокрещены», как правило, при благоприятных условиях вновь возвращались в лоно ислама, а православные переселенцы, оказавшись в окружении мусульман, нередко принимали ислам⁵⁴.

Мусульманство Среднего Поволжья, покоренное силой оружия, во второй половине XVI в. переживало острый кризис. После взятия Казани Иван Грозный приказал выселить за ее пределы мусульман и закрыть все мечети в городе, запрет на строительство мусульманских культовых зданий действовал до 1760-х гг. Татарские предания утверждают, что «все цари, правившие до Бабушки-царицы (Екатерины II. — С.О.), относились к мусульманам враждебно»⁵⁵.

В условиях преследования мусульманское духовенство не могло рассчитывать на существенное влияние. Поэтому оно меняет тактику: начинает заигрывать с местным населением с позиций «обиженной» народной религии Среднего Поволжья и Приуралья, стремится создать впечатление сходства судеб «гонимых царизмом» язычества и ислама. Имамы старались

подчеркнуть общность истории, языка и быта чувашей и татар, близость языческого верования с мусульманством. Особый упор делался на оппозиционный характер ислама по отношению к православию, его веротерпимость, доступность и ритуальную простоту. Сближение мусульманского духовенства с придерживающимися язычества народами способствовало усилению исламского элемента в языческо-мусульманской среде и исламизации части местного населения⁵⁶. Во многом благодаря более последовательной миссионерской политике мусульман со второй половины XVI в. левобережные чуваша были уже не столь бескомпромиссны в отношении ислама, сколь прежде. Напротив, они входят в тесный контакт с татарами, что, как правило, вело к смене этнической принадлежности. Безусловно, основные причины отатаривания связаны также с географическим положением чувашского и татарского этносов, родством языков, стереотипов поведения и т. п.⁵⁷

Первые годы после взятия Казани, когда еще шло яростное сопротивление бывшей элиты Казанского ханства и населения левобережья Волги, русские власти предпринимали определенные жесткие меры. Но в дальнейшем они стремились утихомирить край с помощью дипломатических мер — в частности, путем включения в сословие служилых татар татарской аристократии, исповедовавшей ислам. Во второй половине XVI в. в Казанском крае произошло массовое «испомещение» переведенных из Мещерского края служилых татар, основу которых составляли золотоордынские выходцы и их потомки. В итоге основную массу служилых татар Казанского уезда составили люди мусульманского вероисповедания⁵⁸. Предоставление служилым татарам «на кормление» земельных угодий и других привилегий в обмен на военную, административную и иную службу возвышало сословие служилых татар над ясачным населением Казанского края. Такое положение подготавливало условия для религиозной и этнической ассимиляции окружающего чувашского населения.

Относительно второй половины XVI в. Г.И. Перетяткович писал, что «если сравнить между собой луговую и нагорную стороны Поволжья, то мы прежде всего заметим малость населения в луговой части сравнительно с нагорною, несмотря на то, что вообще земель и угодий служилым людям в Казанском уезде отмерено было гораздо больше, чем в Свияжском»⁵⁹. Автор связывает этот факт с тем, что около Казани велись «опустошительные войны», а также в нагорной стороне к тому времени было больше городов, чем на луговой. В связи с этим примечательно наблюдение Н.И. Егорова, отметившего следующую закономерность: «Прослеживается обусловленность этнолингвокультурных процессов в Поволжье во второй половине XVI — XVII в. от соотношения численности военно-служилого и автохтонного населения: в тех уездах, где сосредоточивалось значительное число служилого населения, автохтонное население к концу XVII в. отатарилось, а в тех уездах, где служилые татары в источниках XVII в. не зафиксированы, до сих пор проживают чуваша и марийцы»⁶⁰. То есть на правобережье Вол-

ги, где концентрация служилого татарского населения была не столь велика, чувашское население избежало ассимиляции, которой подверглись чувашаи левобережья.

Подводя итоги нашего исследования, отметим следующие основные моменты. Заметную роль на формирование этнокультурного облика правобережных чувашей в XVI столетии оказало иноэтничное влияние марийцев и русских, обусловленное не только территориальным фактором, но и конфессиональным. Христианизация в этот период не приобрела значительных масштабов, и основная масса чувашей оставалась язычниками, однако русское влияние определенно сказывалось на социокультурном развитии чувашей Горной стороны. В то же время процесс дальнейшей исламизации левобережных чувашей привел к вытеснению и ассимиляции исламом традиционных религиозных верований. Рассмотрение места язычества и ислама в развитии установок межэтнического общения и характера функционирования языка и традиционной культуры на примере правобережных и левобережных чувашей указывает на решающую роль этих факторов в XVI в.

Борьба Запада и Востока завершилась для булгаро-чувашского населения бывшего Казанского ханства к началу XVII в. разделением на «чувашей» правобережья и «татар» левобережья Волги. Свою роль сыграло и наличие природных границ — рек Волги и Свияги, отделявших формирующиеся этносы друг от друга. Однако в течение всего XVI в. это были этнически близкие группы с общим, за исключением некоторых особенностей, социокультурным пространством.

В целом исследование социокультурных различий чувашей левобережья и правобережья Волги позволяет говорить о том, что важнейшая роль в консолидации чувашского этноса принадлежит религиозному началу. Уникальность роли традиционной религии чувашей заключается в том, что она стала идеологической основой для формирования этноса и его культуры⁶¹. Следовательно, сформировавшийся в XV—XVI вв. чувашский этнос выжил благодаря тому, что строго придерживался канонов своей этнической культуры, перешедшее же в ислам чувашское население левобережья Волги в последующие столетия быстро отатарилось и вошло в состав казанских татар. Углубить и детализировать данные выводы в перспективе могут помочь новые археологические раскопки некрополей XVI в. на территории современного Татарстана, подобные вышеупомянутому исследованию Тарлашского могильника.

Литература и источники

⁶¹ Бахтин А.Г. XV—XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола: Марийский полиграфическо-издат. комбинат, 1998. 192 с.; Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI — начало XIX в.). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. 456 с.; Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV — первая половина XVI в.) / репринт. воспроизв. канд. дис. Казань: Ихлас; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. 276 с. и др.

² *Исхаков Д.М.* От средневековых татар к татарам нового времени (этнополитический взгляд на историю волго-уральских татар XV—XVII вв.) Казань: Мастер Лайн, 1998. 276 с.; *Галлямов Р.Ф.* После падения Казани...: Этносоциальная история Предкамья (вторая половина XVI — начало XVIII в.). Казань: Татар. кн. изд-во, 2001. 143 с.; *Петрова О.Н.* Средневожские народы в политических и социально-экономических условиях Казанского ханства: дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2004. 341 с.; *Димитриев В.Д.* Чувашский народ в составе Казанского ханства: предыстория и история. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. 190 с. и др.

³ *Денисов П.В.* Религиозные верования чуваш: историко-этнографические очерки. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1959. 408 с.; *Браславский Л.Ю.* Ислам в Чувашии: исторические и культурологические аспекты. Чебоксары: Чувашия, 1997. 158 с.; *Макаров Д.М.* Самодержавие и христианизация народов Среднего Поволжья (XVI—XVIII вв.). Чебоксары: ЧГУ, 2000. 280 с.

⁴ *Сироткин М.Я.* Дописьменная культура чувашского народа // Материалы по истории Чувашской АССР. Чебоксары, 1958. Вып. 1. С. 208—221; *Кузеев Р.Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992. 347 с.

⁵ Чуваши: этническая история и традиционная культура / авт.-сост. В.П. Иванов, В.В. Николаев, В.Д. Димитриев. М.: ДИК, 2000. С. 36, 37; Чуваши / отв. ред. В.П. Иванов, А.Д. Коростелев, Е.А. Ягафова. М.: Наука, 2017. С. 29.

⁶ *Никольский Н.В.* Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI—XVIII веках: исторический очерк. Казань: Типолит. Императ. ун-та, 1912. С. 30.

⁷ *Димитриев В.Д.* Чувашский народ в составе Казанского ханства. С. 102, 142.

⁸ *Егоров Н.И.* Булгаро-чувашско-кыпчакские этноязыковые отношения в XIII—XVI веках // Болгары и чуваш: сб. статей. Чебоксары: ЧНИИ, 1984. С. 99—101; *Иванов В.П.* Этническая география чувашского народа: историческая динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005. С. 87, 103.

⁹ *Салмин А.К.* Исламизация тюрок Поволжья // Исламоведение. 2017. Т. 8. № 4. С. 68.

¹⁰ *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания: очерки истории чувашского народа с древних времен до середины XIX в. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. С. 71.

¹¹ Там же. С. 72.

¹² История Татарской АССР (с древнейших времен до наших дней) / А.Х. Халиков, Ш.Ф. Мухамедьяров, Е.И. Чернышов и др. Казань: Таткнигоиздат, 1968. С. 95—97; *Кузеев Р.Г.* Указ. соч. С. 106, 107.

¹³ *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. С. 76.

¹⁴ *Котляров Д.А.* От Золотой Орды к Московскому царству: вхождение народов Поволжья в состав России. СПб.: Изд-во О. Абышко, 2017. С. 165.

¹⁵ *Герберштейн С.* Записки о Моковитских делах // Хрестоматия по культуре Чувашского края. Дореволюционный период / под ред. М.И. Скворцова. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. С. 66, 67.

¹⁶ *Перетяткович Г.И.* Поволжье в XV и XVI веках. Очерки из истории края и его колонизации. М.: Тип. Грачева и К°, 1877. С. 122.

¹⁷ Татарское народное творчество: в 15 т. Т. 5. Казань: Татар. кн. изд-во, 2015. С. 85.

¹⁸ *Михайлов Е.П.* Золотоордынский и казанскоханский периоды истории Чувашии по археологическим данным // Исследования по истории Чувашии периода феодализма. Чебоксары, 1986. С. 18.

¹⁹ *Браславский Л.Ю.* Указ. соч. С. 21; *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. С. 93.

²⁰ *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. С. 251.

²¹ *Михайлов Е.П.* Указ. соч. С. 18.

²² *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. С. 72.

²³ Чуваши: этническая история и традиционная культура. С. 39.

²⁴ *Степанова А.А.* Религиозно-культурные связи чувашей и марийцев по материалам языческих похоронно-поминальных обрядов: XVI — начало XX в.: дис. ... канд. ист. наук.

Саранск, 2003. 365 с.; *Федулов М.И.* Этнокультурные компоненты в погребальном обряде чувашей // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6. Ч. 3. С. 53—61.

²⁵ *Кузеев Р.Г.* Указ. соч. С. 87.

²⁶ *Кудряшов Г.Е.* Динамика полисинкретической религиозности. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1974. С. 65.

²⁷ *Чибис А.А.* Монастыри правобережья Казанской земли во второй половине XVI — первой половине XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2011. С. 57, 58, 298.

²⁸ *Летописец начала царства* // ПСРЛ. Т. 29. М.: Наука, 1965. С. 60.

²⁹ *Бурдин Е.А., Лямаева Д.А.* Православная колонизация Средневолжья в середине XVI — первой половине XVIII в. // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2020. № 1 (72). С. 29.

³⁰ *Коршунова О.Н., Карпов А.В.* Христианское просвещение народов Среднего Поволжья в контексте исторической памяти // Вестник Чувашского университета. 2015. № 2. С. 73.

³¹ *Димитриев В.Д.* Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству. Чебоксары: НАНИ ЧР, 2001. 120 с.

³² *Салмин А.К.* История взаимодействия верований чувашей с православием // Исповеди в зеркале: Межконфессиональные отношения в центре Евразии (на примере Волго-Уральского региона XVIII—XXI в. Н. Новгород: Изд-во НГЛУ, 2012. С. 313.

³³ *История о Казанском царстве (Казанский летописец)* // ПСРЛ. Т. 19. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1903. С. 75.

³⁴ *Царственная книга* // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1906. С. 470.

³⁵ *Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1565—1567 гг.).* Казань: Тип. Императ. ун-та, 1909. С. 106.

³⁶ *Каппелер А.* Чуваш. Народ в тени истории. Чебоксары: ЧКИ РУК, 2019. С. 63.

³⁷ *Михайлов Е.П.* Указ. соч. С. 19, 20.

³⁸ *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. С. 81, 82.

³⁹ *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка: в 17 т. Т. 3: Е—У(О). Чебоксары: Нар. ком. по просвещению ЧАССР, 1929. С. 177.

⁴⁰ *Саттаров Г.Ф.* Антропонимы Татарской АССР. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1973. 282 с.; *Скворцов М.И.* Чувашский языковой материал в «Писцовой книге Казанского уезда» 1602—1603 годов // Межязыковое взаимодействие в Волго-Камье: межвуз. сб. науч. трудов / отв. ред. И.А. Андреев. Чебоксары: ЧГУ, 1988. С. 89—101.

⁴¹ *Каховский В.Ф.* Булгарские традиции в культуре чувашского и татарского народов // Городище Хулаш и памятники Средневековья Среднего Поволжья. Чебоксары, 1972. С. 167—199.

⁴² *Охотникова С.В.* «Ясачные чуваш»: некоторые итоги и задачи изучения / науч. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары, 2014. С. 16—23. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 16).

⁴³ *Михайлов Е.П., Вязов Л.А., Салова Ю.А.* и др. Исследования Тарлашского могильника в Казанском Предволжье в 2016 и 2018 гг. // Чувашская археология. 2021. Вып. 4. С. 198—225; *Писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 годов.* Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. С. 50.

⁴⁴ *Хамидуллин С.* «Исчезнувший» народ чуваш в этнологическом конструктивизме // Ватандаш. 2015. Январь [Электронный ресурс]. URL: <http://vatandash.ru/?article=2500> (дата обращения: 25.11.2020).

⁴⁵ *Егоров Н.И.* Еще раз о заказанских ясачных чувашах // Чувашский гуманитарный вестник. Чебоксары: ЧГИГН, 2016. № 11. С. 62.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1904. С. 222.

⁴⁷ *Димитриев В.Д.* Антимосковское движение в Казанской земле в 1552—1557 годах и отношение к нему ее Горной стороны // Народная школа. 1999. № 6. С. 111—123.

⁴⁸ *Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI—XVII вв. Управление Казанским краем. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. С. 18, 34, 35.

- ⁴⁹ Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1910. С. 34.
- ⁵⁰ *Елдашев А.М.* Православная культура в Казанском крае (XVI—XX вв.): очерки истории. Казань: Татар. кн. изд-во, 2013. С. 12, 16; *Дубман Э.Л.* Районирование и особенности освоения юго-востока Европейской России в конце XVI — начале XVIII в. // Северо-Запад в аграрной истории России: межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 22. Калининград: Изд-во Балтийск. федерал. ун-та, 2016. С. 55.
- ⁵¹ *Ермолаев И.П., Липаков Е.В.* Крестьяне дворцовых сел Казанского уезда в конце XVI — первой четверти XVII в. (по материалам дозорных и переписных книг) // Исследования по истории крестьянства Татарии дооктябрьского периода. Казань, 1984. С. 16.
- ⁵² Там же. С. 20.
- ⁵³ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук: в 4 т. Т. 1. СПб.: Тип. II отделения С.Е.И.В.К., 1836. № 358. С. 438.
- ⁵⁴ *Дубман Э.Л.* Указ. соч. С. 55.
- ⁵⁵ Татарское народное творчество. Т. 5. С. 103, 117.
- ⁵⁶ *Браславский Л.Ю.* Указ. соч. С. 19, 23.
- ⁵⁷ *Герасимова Н.И.* Указ. соч. С. 13.
- ⁵⁸ *Галлям Р.Г., Кадыров Р.В.* «Служилые татары» в Русском государстве XVI — начала XVIII в.: понятийно-методологический аспект // Вестник ТГГПУ. 2011. № 2 (24). С. 72—75.
- ⁵⁹ *Перетяткович Г.И.* Указ. соч. С. 253, 254.
- ⁶⁰ *Егоров Н.И.* Еще раз о заказанских ясачных чувашах. С. 75, 76.
- ⁶¹ *Герасимова Н.И.* Культуросоцидательная роль религии в процессе формирования чувашского этноса: автореф. дис. ... канд. культурологии. Киров, 2003. С. 12.

S.V. Okhotnikova

SOCIOCULTURAL DEVELOPMENT OF THE CHUVASH OF THE RIGHT-BANK AND LEFT-BANK OF THE VOLGA IN THE XVI CENTURY: COMMON AND PECULARITIES

The article deals with the socio-cultural differences having appeared among the Chuvash of the right-bank and left-bank of the Volga River in the XVI century. The author reveals the most important role of the confessional factor in the consolidation of the Chuvash ethnos and its gradual influence by the Tatars.

Keywords: socio-cultural development, paganism, Islam, gradual influence by the Tatars, the Chuvash ethnos.

**АРХИТЕКТОРЫ
И ХУДОЖНИКИ ЧУВАШИИ —
ЖЕРТВЫ
СТАЛИНСКИХ
РЕПРЕССИЙ**

ЧГВ, 2024 г., № 19
© Н.Б. Смирнова

В статье исследована одна из малоизвестных страниц истории Чувашии — политические репрессии в отношении архитекторов и художников республики в 1930—1940-е гг. на основании рассекреченных документов.

Ключевые слова: Чувашская АССР, сталинские репрессии, архитекторы, художники, культура и искусство.

Массовые политические репрессии 1930—1950-х гг. затронули практически все социальные группы советского общества, в том числе деятелей изобразительного искусства и архитекторов. Репрессии против этой категории интеллигенции в региональной историографии не были предметом специального изучения. В публикациях советского периода сведения о «тюремном и лагерном» прошлом деятелей культуры, как правило, замалчивались или излагались в обтекаемых формулировках. Например, в монографии Н.А. Ургалкиной о художнике Ю.А. Зайцеве период от его ареста до реабилитации был представлен как «тринадцатилетний перерыв в творческой работе»¹. Уже в постсоветские годы появились работы Р.К. Рахимова, в которых представлены некоторые сведения о репрессированных архитекторах².

Источниковую основу статьи составили материалы периодической печати (газета «Красная Чувашия») и фондов Государственного исторического архива Чувашской Республики. Нами изучены архивно-следственные дела репрессированных архитекторов В.Н. Александрова и Ф.С. Сергеева, художников В.А. Филиппова, М.И. Магницкого и Ю.А. Зайцева³, проанализированы отчеты творческих объединений чувашских художников в 1930-е гг.⁴

Наталья Борисовна Смирнова — кандидат исторических наук, научный сотрудник секции истории исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: da7771@yandex.ru.

Мы ознакомились также с воспоминаниями художника Ю.А. Зайцева, хранящимися в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук. Интересующие нас сведения содержатся также в фондах Государственного архива современной истории Чувашской Республики⁵, среди которых особый интерес представляют протоколы заседаний, отчеты, доклады о работе, списки членов организации за 1930—1940-е гг. Целью нашей статьи является проанализировать и ввести в научный оборот новые сведения о репрессированных на территории Чувашии художниках и архитекторах.

В 1930-е гг. в Чувашской АССР активно развиваются архитектура и изобразительное искусство, появляются творческие объединения их представителей. Значительную роль в становлении архитектуры в республике и застройке г. Чебоксары сыграла Чувашская государственная проектная контора «Чувашпроект», учрежденная в 1932 г.⁶ Развитию профессионального изобразительного искусства Чувашии способствовало открытие в 1934 г. Алатырского художественно-граверного училища. В 1935 г. был создан Союз чувашских советских художников (СЧСХ), объединивший живописцев, графиков, скульпторов⁷. Эта организация не только консолидировала художественное сообщество и подводила под творческую деятельность устойчивую материальную базу, но и устанавливала идейно-политический контроль над ее представителями.

Партийно-советские органы строго следили за соответствием художественного творчества нормам социалистического реализма, вели борьбу с формализмом и натурализмом, мешавшим, по их мнению, социальному прогрессу. В начале 1936 г. в центральной прессе появились разгромные статьи о состоянии советской культуры: «Какофония в архитектуре», «Против формализма и натурализма в живописи», «Против формализма в архитектуре» и др. Материалы этих публикаций включили в сборник «Против формализма и натурализма в искусстве», увидевший свет в 1937 г.⁸

Тема критики отдельных произведений культуры и искусства была подхвачена региональными изданиями. Например, в публикациях газеты «Красная Чувашия» некоторые художники обвинялись в отсутствии идей, безвкусице созданных ими картин, отмечались «недостатки в работе и факты вопиющих безобразий, творящихся в Союзе чувашских художников»⁹. Жесткой критике подверглась деятельность этой организации в период пере выборов правления. В отчете о работе СЧСХ за 1936—1937 гг., в частности, говорилось, что он едва оправдывает свое название как советская организация, его членами состояли лица, не имевшие ничего общего с изобразительным искусством, разоблаченные «буржуазные националисты»: И.Д. Кузнецов (председатель правления), А.И. Золотов, М.Т. Трофимов (также был председателем правления) и др. Критиковали за явную запущенность и развал работы в аппарате правления, отсутствие политико-воспитательной работы¹⁰. 15 октября 1937 г. решением собрания СЧСХ художников А.Д. Демидова, Н.К. Сверчкова и Ю.А. Зайцева лишили членства.

На собрании союза 26 октября 1937 г. художник А.Ф. Мясников сделал доклад «О вредительстве в СЧСХ и ликвидации последствий». Обращает на себя внимание стиль изложения докладчика. Художника Ю.А. Зайцева он охарактеризовал как антисоветчика, обвинял в подхалимстве перед бывшими членами правительства В.И. Токсиным, А.Н. Никитиным, в связях с репрессированным писателем Н.В. Шубоссинни, портрет которого был им написан в 1935 г. А.Д. Демидова называл «врагом народа», способствовавшим развалу и вредительству в СЧСХ. Н.К. Сверчкова упрекал в зазнайстве, восхвалении своей персоны, а также в том, что он якобы заявлял о необходимости войны для предотвращения быстрого роста населения в СССР. Отметил, будто картины Сверчкова были написаны в националистическом духе, русский народ показан угнетателем чувашей. Будучи заместителем председателя СЧСХ, он, по мнению докладчика, ничего не сделал для творческого роста художников¹¹.

Названные представители изобразительного искусства были объявлены «врагами народа», их не допустили к участию в выставке, посвященной 20-й годовщине Октября, хотя Ю.А. Зайцев и Н.К. Сверчков при подготовке к ней были официально «законтрактованы»¹². В отчете Управления по делам искусств Чувашии за 1937 г. отмечалось, что выставка не имела успеха. Одним из виновников назывался бывший начальник Управления А.И. Золотов¹³. Художников упрекали «в полной беззаботности о повышении своего идейно-политического уровня, что неизбежно сказалось на качестве и содержании их творческой работы»¹⁴. Впоследствии была признана необоснованность выдвинутых обвинений, и в 1938 г. в СЧСХ были восстановлены А.Д. Демидов, Н.К. Сверчков, в 1940 г. — Ю.А. Зайцев.

Архитекторы и художники были и среди обвиненных в контрреволюционной деятельности (по статье 58 Уголовного кодекса РСФСР). В Чувашской АССР к уголовной ответственности по данной статье были привлечены архитекторы В.Н. Александров, Ф.С. Сергеев, художники В.А. Филиппов, М.И. Магницкий и Ю.А. Зайцев.

Архитектор Василий Николаевич Александров (1888—1953) проектировал здания Главного суда, Дома крестьянина, занимался проектами благоустройства и озеленения Красной площади, расширением и надстройкой здания аптеки по улице Бондарева в Чебоксарах. Судя по архивным документам, поводом для его преследования стала не столько профессиональная деятельность, сколько дореволюционное прошлое. В поле зрения органов внутренних дел он впервые оказался в 1928 г. в связи с пожаром, произошедшим в Доме крестьянина. Архитектор был обвинен в том, что, будучи прорабом на его строительстве, при возведении здания допустил использование недоброкачественных материалов. В результате после первой же топки печей произошло возгорание¹⁵. В ходе следствия в пользу обвинения сыграли факты из прошлого В.Н. Александрова — владение лесопильным заводом в Казани до революции и участие в боях против Красной Армии на стороне белогвардейцев (последнее подтверждено не было, но оставило на нем тень подозрения¹⁶). Главный суд Чувашской АССР приговорил архитектора к 5 годам лишения свободы¹⁷.

Второй раз В.Н. Александрова арестовали 23 декабря 1937 г. и заключили в Чебоксарскую тюрьму¹⁸. Его обвинили в активной контрреволюционной деятельности с первых дней установления советской власти, в частности в том, что в 1917—1918 гг. В.Н. Александров состоял в организации «Союз земских служащих», но с началом ареста ее членов спешно уехал из Чебоксар в Казань. В материалах уголовного дела утверждалось, что он «пользовался особым доверием белочехов и руководства народной армии Комуча»¹⁹, при отступлении белых из Казани перебрался в Самару и только в 1923 г. перебрался в Чебоксары. Еще один пункт обвинения касался профессиональной деятельности В.Н. Александрова. Ему вменяли в вину то, что, работая техником-строителем, вплоть до дня ареста вел подрывную работу, осуществляя строительство одновременно по заказам нескольких организаций, создавал «вредительские» проекты. По версии следствия, при возведении десятиквартирного дома В.Н. Александров нарушил плановые расценки работ, приобретая строительные материалы с превышением сметных цен, что привело к перерасходу 125 тыс. руб.²⁰

Вредительскими и преступными были признаны и некоторые другие проекты с участием В.Н. Александрова. Так, в постановлении Совнаркома Чувашской АССР от 15 ноября 1937 г. о состоянии работ на строительстве Дома Советов отмечалось: «Строительство было начато по старому вредительскому проекту, что дало убыток 507 837 рублей и поставило дальнейшее строительство в исключительно тяжелое положение. Из-за отсутствия лимитов и денег создалась реальная угроза срыва этого строительства»²¹.

В.Н. Александрова обвиняли и в спаивании строителей в рабочее время, разложении производственной дисциплины и антисоветской агитации. Согласно материалам дела, он «в 1937 г. во время процесса над троцкистско-бухаринской бандой вел агитацию против руководителей партии и советской власти, высказывал сожаление троцкистско-бухаринским бандитам»²². В результате архитектор был осужден спецтройкой НКВД по статье 58 пункт 7 («вредительство») и приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Поданная его родственниками кассационная жалоба осталась без удовлетворения, и приговор вступил в силу²³.

Во время отбывания наказания В.Н. Александров работал по специальности в городах Магадан, Находка, Биробиджан и на острове Сахалин²⁴. В Чебоксары возвратился в 1948 г. После заключения ему не доверяли строительство крупных объектов, пребывание в неволе негативно сказалось и на здоровье. В.Н. Александров умер 19 мая 1953 г., не дожив до реабилитации, которая произошла спустя три года — 30 мая 1956 г.

Жертвой репрессий стал и архитектор Ф.С. Сергеев, заключенный в застенки НКВД в начальный период Великой Отечественной войны. Феофан Сергеевич Сергеев (1906—1978) является автором проектов ряда сооружений в г. Чебоксары — зданий Министерства внутренних дел Чувашской Республики, Чебоксарской городской администрации, Государственного Русского драматического театра, бывшего кинотеатра «Родина», жилых домов. 6 июля 1941 г. он был заключен под стражу по обвинению в рас-

пространении контрреволюционных провокационных слухов в адрес одного из руководителей Советского Союза — В.М. Молотова²⁵.

Согласно показаниям Ф.С. Сергеева, 18 июня 1941 г. архитектор отправился в рабочую поездку в г. Мариинский Посад, на следующий день выехал обратно на пароходе «Иосиф Сталин». В ходе поездки он разговаривал со своим знакомым Н.В. Колесниковым, который заявил, что на этом пароходе не видно портретов В.М. Молотова, так как он якобы уехал за границу («сбежал»), в связи с чем его портреты будут постепенно изыматься²⁶. На вопрос Ф.С. Сергеева, откуда ему об этом известно, Н.В. Колесников ответил, что данную информацию ему сообщил по секрету знакомый сотрудник НКВД. Ф.С. Сергеев рассказал об этом разговоре начальнику спецчасти Чувашстройтреста И.И. Ильину, о чем вскоре стало известно в НКВД. Ф.С. Сергеева и И.И. Ильина заключили под стражу.

Во время следствия архитектор находился в тюрьме № 1 НКВД Чувашской АССР в г. Чебоксары. Согласно материалам дела, практически сразу после ареста начались ночные допросы, очные ставки, в деле были задействованы ложные показания свидетелей. Хотя арестованный не признал своей вины, 6 ноября 1941 г. его обвинили по статье 58 пункт 10 Уголовного кодекса РСФСР («Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений»). 22 декабря 1941 г. было вынесено судебное решение об осуждении Ф.С. Сергеева на 10 лет лишения свободы с поражением в правах на 5 лет²⁷.

Обвиняемый отказался от услуг адвоката²⁸, но подал кассационную жалобу, в которой писал, что предъявленное ему обвинение считает ошибочным и подлежащим пересмотру. Далее Ф.С. Сергеев подробно по пунктам изложил аргументы в пользу своей невиновности. Во-первых, он признал, что допустил грубую ошибку, сообщив И.И. Ильину о разговоре с Н.В. Колесниковым, но отметил, что не преследовал цель распространения ложных слухов, а, наоборот, намеревался пресечь дальнейшее их продвижение. Следовательно, считает Ф.С. Сергеев, беседа с И.И. Ильиным не может являться высказыванием контрреволюционного, провокационного измышления. Он также подчеркнул, что является членом ВКП(б) с 1929 г., «не занимался и не мог заниматься контрреволюционной деятельностью»²⁹.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 28 февраля 1942 г. приговор ему был отменен, уголовное дело прекращено, и осужденный освобожден из-под стражи³⁰. Однако НКВД Чувашской АССР направил в Третье (секретно-политическое) управление НКВД СССР письмо за подписью заместителя наркома Андреева, в котором акцент делался на том, что «факт умысла распространения провокационных измышлений бесспорен, так как эти измышления стали достоянием более широкого круга населения, что не снимает ответственности за распространение таковых Ф.С. Сергеевым»³¹. НКВД Чувашской АССР обратился с просьбой о ходатайстве к прокурору СССР об отмене определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР и передаче дела на новое рассмотрение³². Данная просьба была отклонена, с Ф.С. Сер-

геева сняты все обвинения: «Определение Уголовной коллегии Верховного суда РСФСР вынесено правильно, так как в процессе следствия не установлено, что Сергеев действительно распространял контрреволюционные провокационные измышления, а сообщил лишь высказанный ему знакомым агрономом Колесниковым провокационный слух об одном из членов Советского правительства начальнику спецчасти Стройтреста Ильину с целью того, чтобы он проверил в соответствующих органах его правдоподобность. Допрошенный в качестве свидетеля бывший начальник спецчасти Ильин показания Сергеева полностью подтвердил»³³. После освобождения и реабилитации Ф.С. Сергеев продолжил трудовую деятельность, был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»³⁴. В 1965 г. вышел на пенсию, 2 апреля 1978 г. его жизненный путь завершился.

4 ноября 1937 г. был арестован талантливый карикатурист и гравер-литограф, работавший в журнале «Капкан» и в Чебоксарской типографии № 1 Василий Андреевич Филиппов (1896—1970). В поле зрения НКВД он попал как бывший белогвардеец, служивший прапорщиком в армии А.В. Колчака³⁵. Во время следствия художник находился в Цивильской тюрьме и обвинялся в участии в контрреволюционной деятельности в составе группы бывших белых офицеров: распространении провокационных слухов о скорой войне и падении советской власти, намерениях участвовать в будущем вооруженном конфликте на стороне противника, в оказании материальной помощи семьям репрессированных³⁶.

26 ноября 1937 г. В.А. Филиппов был осужден спецтройкой НКВД к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Неоднократные жалобы на имя наркома внутренних дел СССР в течение нескольких лет результата не дали. Художник был освобожден досрочно после 9 лет заключения «за самоотверженную работу на строительстве стратегической железной дороги «Комсомольск-на-Амуре—Советская Гавань»³⁷. В 1955 г. был реабилитирован.

Художник товарищества «Чувашихудожник» Михаил Иванович Магницкий (1909—1980) был арестован и помещен в Чебоксарскую тюрьму 1 сентября 1939 г. Его обвиняли в том, что он 24 и 25 августа 1939 г. высказывался об отсутствии в магазинах продуктов и товаров первой необходимости («ничего нет, кроме вина. Мы построили социализм, а у нас ничего нет, кроме черного хлеба, а когда построим коммунизм, то неизвестно, что будет»³⁸), будто бы он поведал о том, что готов выехать за границу и жить там, если бы ему разрешили³⁹.

М.И. Магницкий обвинялся в распространении клеветы на ВКП(б) и советское правительство. Суд, состоявшийся 26 октября 1939 г., приговорил его к 5 годам лишения свободы и поражению в правах на 3 года. Несмотря на признание вины, художник посчитал приговор слишком суровым и написал кассационную жалобу, которая осталась без удовлетворения. Отбыв срок полностью, М.И. Магницкий вернулся в Чебоксары. В 1956 г., после XX съезда КПСС, на котором был разоблачен культ личности И.В. Сталина, он написал письмо прокурору Верховного суда Чувашской АССР

с просьбой о реабилитации. В письме он, в частности, утверждал, что его высказывание в 1939 г. «объективно отражало действительную картину жизни»⁴⁰ и поэтому считает, что был осужден несправедливо. В 1957 г. художника реабилитировали на том основании, что «его высказывания не являлись контрреволюционными, и ранее ничего предосудительного за ним замечено не было»⁴¹.

Во второй половине 1940-х гг. началась новая волна репрессий против различных категорий населения: военных, политических деятелей, интеллигенции... Одной из жертв послевоенной репрессивной волны стал художник Ю.А. Зайцев.

Юрий (Гурий) Антонович Зайцев (1890—1972) был арестован 31 мая 1945 г. на основании постановления НКГБ Чувашской АССР. В квартире художника и в доме его первой жены был произведен обыск, были изъяты материалы переписок, тетради, записи, каталоги с выставок, обложка членской книжки фотографа на имя Ю.А. Зайцева и семь фотографий⁴².

Согласно материалам дела, художник обвинялся в участии в анти-советской группировке и контрреволюционной агитации на протяжении ряда лет, в озвучивании мыслей о неминуемой гибели Советского государства, восхвалении царского режима, в распространении клеветы на советскую действительность, в критических высказываниях о положении интеллигенции в Советском Союзе и отношении к искусству руководителей партии и правительства. Обвинение было построено на показаниях свидетелей, которые утверждали, что он в 1942 г. «говорил о подвиге комсомольца Матросова, который, спасая жизнь своего подразделения, своим телом закрыл вражеское орудие, что поступать, как он, бессмысленно»⁴³, осенью 1943 г. сказал, что «только в СССР творится такое безобразие да у Гитлера, где гонят на фронт всех, даже детей: иди и умирай. В Англии и Америке не так воюют, там воюет тот, кто хочет. Семья погибшего на фронте обеспечивается пожизненно материально всем, а здесь у нас только нищета...»⁴⁴. Среди показаний свидетелей, использованных в следствии, фигурировали также высказывания в негативном свете, будто бы прозвучавших из уст художника, о внутреннем положении и экономическом состоянии страны, в частности, о проблемах в советской торговле, о голодной жизни колхозников в деревне и рабочих, о своем недоверии по отношению к советской власти⁴⁵, в критике положения творческой интеллигенции в советской стране и т. п.⁴⁶

Во время следствия Ю.А. Зайцев содержался во внутренней тюрьме НКГБ Чувашской АССР. Об изнурительных днях заключения, особенностях тюремного режима, бессонных ночах из-за никогда не выключавшейся электрической лампочки в камере и ночных допросов, о психологическом состоянии художника в таких условиях можно узнать по его воспоминаниям⁴⁷.

2 августа 1945 г. вынесено обвинительное заключение, художнику было предъявлено обвинение по 10-му и 11-му пунктам статьи 58 (антисоветская агитация и пропаганда; организационная контрреволюционная деятельность). 4 сентября 1945 г. состоялся суд. Сам Ю.А. Зайцев так вспоминает

этот день: «Суд при закрытых дверях — в Главсуде... Защита Казакова: “Слова... моего подзащитного Ю.А. Зайцева — без действия зла. Художник руками, художник мыслями. Три месяца предварительного заключения уже наказание, прошу суд взять во внимание...” Пять лет в трудовые места заключения — отбывать с тремя годами поражением в правах гражданства»⁴⁸. Во время судебного заседания были оглашены характеристики, написанные председателями правлений товарищества «Художник» и Союза чувашских художников, — в основном в негативном ключе⁴⁹. 7 сентября 1945 г. адвокатом по просьбе Ю.А. Зайцева была составлена кассационная жалоба в Верховный суд РСФСР. Художник не признавал себя виновным и считал показания некоторых свидетелей ложными, по его мнению, у них имелись с ним личные счеты⁵⁰. Кассационная жалоба была удовлетворена лишь частично — из приговора исключили обвинение по 11-му пункту статьи 58 как не имеющее достаточной доказательной базы. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 25 сентября 1945 г. обвинение в антисоветской агитации и приговор были оставлены в силе⁵¹. Ю.А. Зайцев был отправлен в Темниковский лагерь Мордовской АССР.

Отбыв срок полностью, в 1950 г. художник вернулся в Чебоксары. Вскоре он переименовал фамилию и имя — зарегистрировал себя как Антонов Гурий Антонович. В новом паспорте был поставлен другой год рождения — 1890 вместо 1884. Это решение можно объяснить теми сложностями, с которыми он столкнулся после возвращения: в течение длительного времени были проблемы с жильем, он был вынужден проживать в небольшом собственноручно сколоченном домике, зарабатывал фотографией, снимая от 30 до 60 кадров в день⁵², ему пришлось столкнуться с настороженным отношением некоторых знакомых, которые избегали разговора при встречах на улице⁵³. Психологическое состояние усугублялось и из-за того, что в его память врезались такие заявления следователя: «Мы снимем твое имя и снимем прочно, как не был художник Зайцев, “с корнем”... Вы художник, но и мы художники в своем»⁵⁴. Видимо, ему казалось, что деятель изобразительного искусства в нем полностью уничтожен.

После смерти И.В. Сталина началась массовая реабилитация жертв политических репрессий. Ю.А. Зайцев написал ходатайство на имя Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева о пересмотре дела, находившегося в Москве, в Прокуратуре РСФСР. Вскоре был получен положительный ответ⁵⁵. Решением Верховного суда РСФСР от 30 декабря 1958 г. художник был реабилитирован в связи с недоказанностью обвинения⁵⁶. 6 января 1959 г. ему выдали соответствующую справку. 15 июня 1959 г. художник вернул себе прежние имя и фамилию, «родившись сызнова»⁵⁷. Полностью реабилитированный Ю.А. Зайцев был восстановлен в Союзе художников республики и в рядах коммунистической партии, стал заниматься активной творческой деятельностью, принимал участие в престижных выставках республиканского и федерального (РСФСР) уровня. В 1968 г. ему присвоили звание «Заслуженный художник Чувашской АССР», в 1970 г. Ю.А. Зайцев был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР.

Умер художник 25 декабря 1972 г. в Чебоксарах, его именем была названа улица.

Истории жизни репрессированных деятелей архитектуры и изобразительного искусства республики отражают эпоху тотального контроля над обществом и личностью в 1930—1940-х гг. На примере их судеб можно проследить основные методы контроля и воздействия властных структур на деятелей искусства. Хотя репрессии по отношению к архитекторам и художникам в Чувашии не имели массового характера, они негативно сказались на национальной культуре. В результате лишения свободы деятели искусства были оторваны от семьи и работы на продолжительное время. Однако впоследствии, несмотря на пережитые испытания, им удалось вернуться к профессиональной деятельности и своим созидательным трудом внести существенный вклад в развитие чувашской культуры. Время показало, что репрессированные архитекторы и художники республики самоотверженно служили народу и являлись творцами произведений подлинного искусства.

Литература, источники и примечания

¹ Ургалкина Н.А. Юрий Антонович Зайцев. Жизнь и творчество: монография. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1976. С. 53.

² Чувашгражданпроект: годы, дела, люди / сост. Р.К. Рахимов. Чебоксары: [б. и.], 1992. 238 с.; Рахимов Р.К. Архитекторы Чувашии. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. 164 с.

³ Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-2669 (Документы Комитета государственной безопасности Чувашской АССР).

⁴ ГИА ЧР. Ф. Р-1581 (Управление по делам искусств Чувашии); Ф. Р-203 (Совет народных комиссаров Чувашской АССР).

⁵ Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). Ф. Р-2741/1527 (Союз художников Чувашии).

⁶ Чувашгражданпроект: годы, дела, люди. С. 5.

⁷ Сарри Н.А., Сергеев Т.С. Творческая интеллигенция Чувашии в годы Великой Отечественной войны и послевоенное время (1941—1953). Чебоксары: ЧГПУ, 2013. С. 46—47.

⁸ Против формализма и натурализма в искусстве: сб. статей [из газет «Правда», «Комсомольская правда» и «Литературная газета»]. М.: ИЗОГИС, 1937. 79 с.

⁹ Магницкий М. В Союзе художников неблагополучно // Красная Чувашия. 1937. 9 апреля; Каменьщиков Н. Еще раз о Союзе художников // Красная Чувашия. 1937. 26 апреля; Межонный М.И. Выставка картин художников г. Алатыря // Красная Чувашия. 1938. 14 ноября.

¹⁰ ГАСИ ЧР. Ф. 2741/1527. Оп. 1. Д. 55. Л. 1—3.

¹¹ Там же. Д. 58. Л. 35 об.—36 об.

¹² ГИА ЧР. Ф. Р-1581. Оп. 1. Д. 73. Л. 17 об.

¹³ Там же.

¹⁴ ГАСИ ЧР. Ф. 2741/1527. Оп. 1. Д. 42. Л. 18.

¹⁵ ГИА ЧР. Ф. Р-2669. Оп. 2. Д. 90. Л. 27.

¹⁶ Там же. Л. 3, 6 об.

¹⁷ В некоторых источниках указывается, что срок был условным (Максимов Л. Архитектор в царской фуражке // Чебоксарские новости. 2010. 2 февраля).

¹⁸ ГИА ЧР. Ф. Р-2669. Оп. 2. Д. 90. Л. 3.

¹⁹ Там же. Л. 23.

²⁰ Там же.

²¹ ГИА ЧР. Ф. Р-203. Оп. 1. Д. 530. Л. 49.

- ²² Там же. Ф. Р-2669. Оп. 2. Д. 90. Л. 23.
- ²³ Там же. Л. 27.
- ²⁴ *Рахимов Р.К.* Архитекторы Чувашии. С. 13.
- ²⁵ Молотов Вячеслав Михайлович (1890—1986) — государственный деятель, Председатель Совета народных комиссаров СССР, нарком, министр иностранных дел СССР.
- ²⁶ ГИА ЧР. Ф. Р-2669. Оп. 2. Д. 4372. Л. 9.
- ²⁷ Там же. Л. 103.
- ²⁸ Там же. Л. 90.
- ²⁹ Там же. Л. 101.
- ³⁰ Там же. Л. 103.
- ³¹ Там же. Л. 107.
- ³² Там же. Л. 107 об.
- ³³ Там же. Л. 110.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. Д. 3882. Л. 17.
- ³⁶ Там же. Л. 195.
- ³⁷ Там же. Л. 191.
- ³⁸ Там же. Оп. 3. Д. 1. Л. 17—17 об.
- ³⁹ Там же. Л. 30—31.
- ⁴⁰ Там же. Л. 82—83.
- ⁴¹ Там же. Л. 86.
- ⁴² ГИА ЧР. Ф. Р-2669. Оп. 3. Д. 698. Л. 85; НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2080. Инв. № 8161 (X). Л. 10.
- ⁴³ ГИА ЧР. Ф. Р-2669. Оп. 3. Д. 698. Л. 225 об. В документе имеется неточность — на самом деле подвиг А.М. Матросова был совершен в феврале 1943 г.
- ⁴⁴ ГИА ЧР. Ф. Р-2669. Оп. 3. Д. 698. Л. 75 об.
- ⁴⁵ Там же. Л. 226 об.
- ⁴⁶ Там же. Л. 75, 225 об., 227, 235 об., 238, 238 об., 239.
- ⁴⁷ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2080. Инв. № 8161 (X).
- ⁴⁸ Там же. Л. 7.
- ⁴⁹ ГИА ЧР. Ф. Р-2669. Оп. 3. Д. 698. Л. 217, 219.
- ⁵⁰ Там же. Л. 246—247.
- ⁵¹ Там же. Л. 256.
- ⁵² Там же. Л. 22.
- ⁵³ Там же. Инв. № 8161 (X). Л. 23, 24.
- ⁵⁴ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2080. Инв. № 8161 (X). Л. 22; Инв. № 8161 (XI). Л. 6.
- ⁵⁵ Там же. Инв. № 8161 (XI). Л. 3.
- ⁵⁶ Там же. Л. 4.
- ⁵⁷ Там же. Л. 3.

N.B. Smirnova

ARCHITECTORS AND ARTISTS OF THE CHUVASH REPUBLIC — VICTIMS OF STALIN'S REPRESSIONS

The article reveals the historical period based on declassified documents of political repressions against architects and artists of the Chuvash Republic in 1930—1940s.

Keywords: the Chuvash ASSR, repressions of Stalin time, architects, artists, culture and art.

ЧГВ, 2024 г., № 19

© А.Д. Гаврилов

ЧУВАШИ В ИНТЕРНЕТЕ: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕНТ И КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Статья посвящена изучению наиболее распространенных коммуникативных практик и связанных с ними социальных контекстов выражения этнической идентичности чувашей в Интернете. Работа выполнена методом киберполевого включенного наблюдения за этномаркированной публикационной активностью интернет-пользователей и методом контент-анализа страниц этнического содержания на сайтах, в социальной сети «ВКонтакте» и в мессенджере «Telegram». В ходе исследования был подробно охарактеризован чувашский сегмент этнического Интернета, отдельно рассмотрены особенности содержания информационных ресурсов и социальных медиа, составляющих смысловое пространство чувашского Интернета. Выявлен диапазон вербальных и мультимедийных способов подчеркивания этнокультурной идентичности в «Telegram». Зафиксированные практики носят типичный характер и, на наш взгляд, со временем могут стать моделирующими, устанавливающими нормы этноориентированного коммуникативного поведения на данной платформе.

Ключевые слова: этническая идентичность, этнический Интернет, этномаркированные коммуникативные практики, контент-анализ.

Присутствие человека в киберпространстве и возникающие в результате этого социальные изменения вызывают научный интерес у целого ряда исследователей: социологов, этнологов, антропологов, лингвистов и др. Цифровизация общества и социальная активность в виртуальной среде как явления уже сегодняшнего дня убеждают ученых в том, что за глобальным проникновением Интернета последовало взаимовлияние физического и виртуального: офлайна на онлайн — и наоборот. Информационные технологии позволили индивиду сформировать цифровое «Я» — цифровой субъект, имеющий заранее отобранные им идентификационные признаки «Я» физического. Так, пользователи Интернета, создавая аккаунты в социальных сетях, уделяя время отдельным

Артём Дмитриевич Гаврилов — кандидат филологических наук, научный сотрудник секции социологии исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: artmaster28@rambler.ru.

тематическим ресурсам, обмениваясь сообщениями с кем-либо и совершая другие действия, оставляют «цифровые следы» — данные, по которым можно определить составляющие их социальной идентичности: гражданской, профессиональной, религиозной, этнической и др. Именно эти сведения, демонстрируемые интернет-аудитории, зачастую задают границы восприятия актора виртуального как реального.

В конце XX в. в публичном дискурсе неоднократно высказывались опасения «размывания этнической идентичности под влиянием Интернета»¹. Однако уже в первом десятилетии XXI в. стало ясно, что сеть стала ключевой технологией по поддержанию этносов: они «процветают в Интернете»². Этничность в сетевой среде находит воплощение в контенте, представляющем собой цифровые архивы историко-культурного наследия этнических сообществ, а также в авторском информационном поле (сайтах, социальных сетях, мессенджерах, хостингах и сервисах), содержащем образы этнических культур, сконструированных их носителями, которые с помощью собственных интерпретаций, оценок и мнений (нередко на родных для них языках) выражают этническую идентичность в киберпространстве.

Проблемами сохранения и объединения представителей разных этносов в Интернете занимаются государственные органы, общественные организации, культурные институции, этнические средства массовой информации и появившиеся в интернет-среде этнические блогеры, а также неравнодушные к этим вопросам активные пользователи.

Этнически ориентированная информационная деятельность стала одним из исследовательских векторов нескольких устоявшихся в начале XXI в. научных направлений — цифровой социологии (D. Lupton), киберэтнографии (L. Robinson; J. Shulz), медиалингвистики (J. Corner; Т.Г. Добросклонская) и др.

Значимы в этой области достижения отечественных ученых. В последние годы ими выработаны оптимальные методологические подходы к изучению виртуальной этничности³, охарактеризован феномен национального (этнического) Интернета и его сегментов⁴, изучены особенности репрезентации этнической культуры в киберпространстве⁵, практики этнической интернет-журналистики⁶ и этноблогинга⁷. Особняком в этом ряду, на наш взгляд, стоит вопрос выражения этнической идентичности в Интернете. В той или иной степени он затрагивает все аспекты рассматриваемой проблематики в целом — касается потребности индивида в «осознании своей принадлежности к определенной этнической общности»⁸, реализуемой отличными от известных ранее способами и формами, обусловленными новой социокультурной обстановкой — киберпространством. Исследованию данного явления и посвящена наша работа.

Практики выражения этнической идентичности в сетевой среде как способы культурной самоорганизации народов в современных цифровых условиях уже рассмотрены на примере таких этнических групп России, как русские⁹, буряты¹⁰, мордва-мокша¹¹, татары¹² и др. Репрезентацию чувашей

в киберпространстве с недавнего времени комплексно изучает Е.А. Ягфова¹³. На момент подготовки данной рукописи ею проанализирован контент об истории и культуре чувашского народа, размещенный на отдельных информационных ресурсах Интернета и в социальных медиа «ВКонтакте», «Одноклассники», «YouTube», «RuTube» и «Дзен»¹⁴. Наш исследовательский поиск проходит параллельно и, в отличие от упомянутых ранее изысканий, имеет в большей мере социологические намерения, выстраиваемые в русле медиаисследований (media studies), нежели этнологические. Надемся, он дополнит имеющиеся представления о том, где, с какой целью и каким образом представлены чуваша в Интернете.

Цель данной работы — выявить и охарактеризовать наиболее распространенные коммуникативные практики и связанные с ними социальные контексты выражения этнической идентичности чувашей в Интернете. Круг поставленных вопросов представлен тремя опорными: «Из каких веб-ресурсов состоит чувашский сегмент этнического Интернета?», «К каким вербальным и мультимедийным способам и формам демонстрации принадлежности к чувашскому народу обращаются пользователи мессенджеров?», «В каком качестве и каком объеме используется чувашский язык в процессе репрезентации чувашской этничности в социальных медиа?». Поиск ответов на эти вопросы мы воспринимаем как ключевые задачи нашего исследования.

Методология исследования

Киберэтнографы понимают среду Интернета как пространство конструирования этничности: «...“конструкторами” этничности выступают члены этнического сообщества, так или иначе вовлеченные в киберпространство, создающие / тиражирующие / комментирующие / интерпретирующие и т. д. этнический контент в Интернете»¹⁵. Мы полностью разделяем эти взгляды, поэтому методологическим основанием нашей работы можно считать конструктивистский подход. Через призму конструкторов мы рассматриваем любое социальное действие тех, кто так или иначе транслирует этническую принадлежность в сети.

На сегодняшний день нет единого мнения по поводу единственно верных методов исследования киберэтнической. А.В. Головнёв характеризует текущие исследовательские практики киберэтнографов как «поиск метода»¹⁶. Однако большинство ученых, занимающихся рассматриваемой проблематикой, сходятся во мнении, что «по мере возможности следует изучать реальную (офлайн) и виртуальную (онлайн) этничность в их связях и разрывах — на опыте конкретных персон и сообществ»¹⁷. Полагаем, наиболее перспективным будет сочетание качественных и количественных методов.

В основу данной работы легли: 1) метод киберполевого включенного наблюдения за этномаркированной публикационной активностью интернет-пользователей; и 2) метод контент-анализа страниц этнического содержания

на сайтах, в социальной сети «ВКонтакте» и в мессенджере «Telegram», которые применялись в соответствии с задачами исследования на разных его этапах.

Этнический Интернет: чувашский сегмент

В тезаурусе киберэтнографии и цифровой социологии сосуществуют два понятия с семантически схожими трактовками: «национальный Интернет» и «этнический Интернет». В научной литературе закрепилось второе. Под ним ученые понимают:

— «этнически выраженный сегмент сети... совокупность сетевых ресурсов, ориентированных целенаправленно и нецеленаправленно на аудиторию, значительную долю которой составляют люди одной этнической группы»¹⁸;

— «этнически ориентированные ресурсы и сервисы для поддержания и актуализации самосознания»¹⁹;

— «сведения (сообщения, данные), которые повествуют (в форме реальных и воображаемых знаний — исторические, этнографические, фольклорные текстовые, фото-, аудио- и видеоматериалы и т. д.) и демонстрируют этничность (через характеристики этнической группы — национальный язык, ментальность, специфическая этнокультурная терминология и т. д.), а также дискурсивное поле, обеспечивающее общение и взаимодействие представителей одной или нескольких этнических групп в онлайн- и/или офлайн-пространстве»²⁰.

Последняя дефиниция раскрывает интерактивный (форма межгруппового взаимодействия различных групп), атрибутивный (совокупность характеристик, конструирующих этническую группу) и субъектно-символический (особая форма социальной идентичности) аспекты киберэтничности²¹.

Таким образом, приходим к следующему выводу: этнический Интернет — это этнически маркированная информационная сетевая среда, содержащая сведения об истории и культуре этнических сообществ, создаваемая и поддерживаемая их членами частично или полностью на родных для них языках.

«Чувашский Интернет», получивший расширенную (*Чăваш Интернетĕ*, *Чăваш Тетелĕ*) и сокращенную (*Чăваштет*) версии номинаций²², как сегмент в пространстве этнического Интернета первоначально сложился в результате продуманной информационной политики правительства Чувашской Республики, проводимой с середины 1990-х гг. В ноябре 1996 г. был запущен интернет-портал Администрации Президента Чувашской Республики (сар.ру) с целью создания единого доступа к информации о деятельности государственных и муниципальных органов власти. Портал обеспечивал доступ к 400 сайтам министерств, муниципалитетов, судебных органов и разных госорганизаций региона. Заложивший основу общего информационного интернет-пространства Чувашии, сегодня он по-прежнему остается

одним из наиболее востребованных официальных интернет-ресурсов республики²³, объединяя уже 700 сайтов органов власти и госучреждений региона.

Успешный опыт организации работы портала Администрации президента Чувашии стал для правительства республики ориентиром в части информатизации сферы культуры. Один за другим стали появляться региональные сетевые ресурсы этнокультурного содержания. В 2005 г. — портал «Культурный провайдер Чувашии» (culture21.ru), предоставивший доступ к сайтам учреждений культуры и искусства; в 2006 г. — портал «СМИ Чувашии» (smi21.ru), на котором размещались статьи, опубликованные в свежих номерах республиканских, районных и городских изданий как на русском, так и чувашском языках; также в 2006 г. — портал «Интернет-вещание Чувашской Республики» (chuvashia-tv.ru), превратившийся в цифровой «архив» теле- и радиопередач ГТРК «Чувашия» и позволивший интернет-пользователям смотреть и слушать записи недавно вышедших в эфир программ онлайн из любой точки мира. В результате активной деятельности республиканских органов власти Чувашии в 2008 г. регион вошел в первую десятку лидеров федерального рейтинга использования ИКТ в культуре²⁴.

Немаловажную роль в становлении чувашской сферы Интернета сыграли также культурные и языковые активисты, нацеленные на продвижение истории и культуры чувашского народа, объединение его представителей в сетевой среде. Так, благодаря инициативам таких людей в 2004 г. заработал «Аналитический сайт о чувашском» с форумом на чувашском языке. Кроме того, в 2004 г. появился самостоятельный раздел чувашезычной «Википедии» — «Википеди» (Чăваш Википедийĕ) (рис. 1) (по данным на декабрь 2023 г., она содержит 52 000 статей на чувашском языке и занимает сотое место среди всех языковых разделов «Википедии»), а в 2005 г. — интернет-сообщество «Чăваш халăх сайчĕ» (chuvash.org, ныне — единственное независимое этнически ориентированное онлайн-издание на чувашском языке²⁵).

Чувашский сегмент Интернета развивался поступательно. Значимым событием для увеличения объема этнической информации о чувашах в Интернете был запуск в 2012 г. проекта электронной энциклопедии Чувашской Республики. Основанный на печатной версии многотомной чувашской энциклопедии, он восполнил недостаток научно обоснованных сведений в сети об истории, общественно-политическом устройстве, населении Чувашии, видных представителях культуры и искусства и др.

К 2010-м гг. постепенно заработали сайты большинства учреждений культуры (библиотек, музеев, театров), науки и образования (университетов и научных учреждений), средств массовой информации Чувашии и др. Одни закрывались, другие видоизменялись, параллельно открывались новые. Экосистема Интернета непостоянна: расширяя функционал, его платформы стимулируют «миграцию» аудитории и при условии разнообразия дают последней возможности выбора тех, в которых она может эффективно

реализовать свои информационные и коммуникационные потребности, в том числе этнического плана.

Сегодня контент о чувашском народе на чувашском языке содержится на разных цифровых площадках. Вместе с тем, как подчеркивает Е.А. Ягафова, «сфера чувашского киберпространства не ограничивается чувашеязычной сферой, а охватывает значительный объем контента и на других языках, в первую очередь, на русском. Это касается этнокультурной проблематики, имеющей культурно-просветительский характер и нацеленной не только на чувашскую аудиторию, владеющую родным языком, но и на русскоязычных пользователей Интернета»²⁶.

Этнический Интернет двусоставен. Как справедливо замечают З.А. Махмутов и Г.Ф. Габдрахманова, он включает в себя этнически ориентированный контент, хранящийся: 1) на информационных ресурсах; и 2) в социальных медиа²⁷. Первый чаще обновляется организациями и носит официально-публичный характер, а второй, несмотря на то, что также создается учреждениями, которые нередко дублируют контент из сайтов в социальные сети, в основном формируется за счет активных пользовательских действий неравнодушных к чувашской культуре людей — ведения этномаркированных личных аккаунтов, групп, пабликов, чатов, каналов, видеоблогов, аудиоподкастов и др. Следуя этой классификации, мы охарактеризуем текущее состояние чувашского сегмента этнического Интернета.

Контент информационных ресурсов чувашского Интернета. Это текстовые, фото-, аудио- и видеоматериалы, многоаспектно раскрывающие подробности историко-культурного наследия чувашского народа, репрезентирующие его духовную и материальную культуру. В том или ином объеме они в основном представлены на официальных сайтах организаций:

— органов государственной власти Чувашии [портал органов власти Чувашской Республики (car.ru), сайт Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики (culture.car.ru), сайт Министерства цифрового развития, информационной политики и массовых коммуникаций Чувашской Республики (digital.car.ru), сайт города Чебоксары (gcheb.car.ru), сайты муниципальных округов и т. п.];

— учреждений культуры региона (библиотек, театров, музеев, архивов, домов творчества и др.). Например, сайт Национальной библиотеки Чувашской Республики (nbchr.ru) и сайты ее спецпроектов «Культурное наследие Чувашии» (nasledie.nbchr.ru), «Литературная карта Чувашии» (lit-karta.nbchr.ru), «365 дней с выдающимися людьми Чувашии» (nbchr.ru/index_kzd.php), виртуальных выставок и др. дают палитру культурной жизни чувашей в ретроспективе и в рамках настоящего времени. Онлайн-проект знакомит пользователей с историей и культурой чувашского народа через такие разделы, как «Культурные события Чувашии», «Межрегиональные связи», «Чувашия: этническая история», «Материальная культура», «Духовное наследие», «Персоналии», «Интересное о Чувашии», «Краеведение» и др.;

— учреждений науки и образования республики [сайты: Чувашского государственного института гуманитарных наук (chgign.ru), Чувашского республиканского института образования (chrio.rchuv.ru), Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (chuvsu.ru), Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева (l.chgpu.edu.ru), Чувашского государственного аграрного университета (academy21.ru) и др.];

— этнических средств массовой информации с публикациями на чувашском языке [сайты: ГТРК «Чувашия» (chgtrk.ru), Национальной телерадиокомпании Чувашии (ntrk21.ru), газеты «Хыпар» (hupar.ru), газеты «Сувар» (suvargazeta.ru), газеты «Урал сасси» (ursassi.ru); интернет-издание «Чăваш халăх сайчĕ» (chuvash.org), интернет-журнал «Шкулта» (shkul.su) и др.]. Например, функционал сайта «Чăваш халăх сайчĕ» шире понимания классического средства массовой информации, на нем также содержится справочная информация о чувашском народе в разделах «Чувашия», «Традиции», «История», «Чувашский язык», «Литературный уголок», «Юмор» и др. Встроены электронные лексикографические ресурсы «Электронлă сăмахсар» (samahsar.chuvash.org) и «Ваттисен сăмахĕсем» (as.chv.su). Это полноценный чувашский этнокультурный портал, на котором можно авторизоваться, общаться с другими пользователями на форуме и в чате, комментировать публикации. Он имеет три языковые версии: чувашскую, русскую и эсперанто;

— этнонаправленных общественных объединений, функционирующих в разных регионах России и странах [сайты: «Чувашское культурное общество Санкт-Петербурга» (чнкспб.рф), Чувашской национально-культурной автономии в Республике Татарстан (chv.addnt.ru), Чувашской общественной организации «Хавал» (cv-haval.org) и др.];

— культурных и языковых активистов [например, сайты учителя чувашского языка и литературы А. Степанова (nsportal.ru/uyav), сайт С. Арсентьева «Уроки чувашского языка» (урокичувашского.рф) и др.].

Заметим, что информационные ресурсы чувашского Интернета воспринимаются пользователями как сетевые источники, содержащие наиболее полные и достоверные сведения об истории и культуре чувашей. Социальные медиа как пространство менее официальное, нередко анонимное, самодетальное, репрезентируют чувашскую этничность через коммуникативные практики «обычных» пользователей, с помощью которых они самовыражаются, подчеркивают этническую принадлежность.

Контент социальных медиа чувашского Интернета. Это личные страницы, группы, сообщества, чаты, каналы, видеоблоги, аудиоподкасты чувашского этнокультурного содержания, присутствующие в разных социальных сетях, сервисах мгновенного обмена сообщениями и просмотра коротких видео, хостингах, подкаст-платформах, стриминговых сервисах и др.

Изобилие цифровых платформ позволяет интернет-пользователям экспериментировать с форматами и выпускать разнообразные сообщения

кросс-медийно — сразу в нескольких социальных медиа, объединяя вокруг своего профиля массовую аудиторию — подписчиков. Однако потенциальные потребители не всегда могут найти нужный контент или узнать о нем. Поиск аккаунтов осуществляется по ключевым словам и будет результативным только в том случае, если поисковый запрос совпадает с названием сообщества, а оно, в свою очередь, может именоваться как угодно и быть как минимум по этой причине недоступным для адресата. В социальных сетях в силу их изменчивого устройства и активных неупорядоченных действий пользователей обнаружить данные, относящиеся к предмету интереса, намного сложнее, чем в поисковых системах Интернета при подборе тематических сайтов. В связи с этим мы не можем оценить точный объем контента, репрезентирующего чувашей в социальных медиа.

Путем включенного наблюдения за этномаркированной публикационной активностью пользователей на протяжении 2022—2023 гг., а также с помощью результатов пилотных исследований в этой области Е.А. Ягафовой²⁸, мы выяснили, на каких платформах сегодня бытует чувашский дискурс.

Главным образом этноориентированный контент создается и распространяется в социальных сетях «ВКонтакте», «Одноклассники», «Instagram» (компания Meta, владеющая соцсетью, признана экстремистской в России), мессенджере «Telegram», видеохостингах «YouTube» и «RuTube», блог-платформе «Дзен».

Как обнаружить поток этнокультурной информации о чувашском народе в социальных медиа? Для ответа на этот вопрос мы спроектировали типовую пользовательскую ситуацию на примере социальной сети «ВКонтакте», самой популярной в России в 2022—2023 гг.²⁹ В поисковой строке ввели слово «чуваш» и получили в выдаче рейтинг сообществ, содержащих эту лексему. Затем отобрали те, в названии которых содержится не топоним (например, **Чувашская Республика**), а по-разному склоняемый этноним. Таким образом мы определили этномаркированные группы, рассортировали их по убыванию аудитории и оставили в списке девять наиболее востребованных.

В социальных сетях путь «от намеренного поиска сообщества до перехода на него» в большинстве случаев означает проявление интереса к теме, а такое действие, как «подписка», — одну из практик выражения и вместе с тем демонстрирования виртуальной идентичности. Подтверждением этому служит то, что группы, участником которых является пользователь, отображаются в профиле и являются составной частью его цифровой репутации. Аналогичной точки зрения придерживаются И.К. Петров и А.Х. Абдувалиева, пишущие о том, что «пользователи, вступающие в этнические группы, приобретают знания об особенностях своей этнической группы, культуре, истории и традициях, что позволяет им в большей степени ощущать свою принадлежность к ней»³⁰. Следуя данным тезисам, мы считаем, что отобранные нами сообщества, с учетом их привлекательности

аудитории, способствуют у одних пользователей выражению этнической идентичности, а у других — формированию определенных представлений «о чувашском». Изучим особенности контента и показатели вовлеченности рассматриваемых групп (табл. 1).

Таблица 1

Показатели активности пользователей чувашских этнокультурных сообществ во «ВКонтакте» за период с 1 по 30 ноября 2023 г.

Название сообществ, дата их образования и основное содержание	Показатели активности			
	Кол-во подписчиков, чел.	Частота постинга	Медиана лайков, шт.	Медиана комментариев, шт.
«МОСКОВСКИЕ ЧУВАШИ», с 11 марта 2011 года. Афиша концертов чувашской эстрады в Москве	5576	Несколько раз в месяц	24	1
«Чуваши Тут», с 20 августа 2018 года. Новости, исторические справки, реклама	5075	Несколько раз в неделю	15	Практически без комментариев
«Чувашский мир», с 19 октября 2016 года. Исторические справки, этимология слов, мифы и легенды. Материалы о чувашах и компактно проживающих с ними народах	3513	Ежедневно	22	1
«Чуваши Башкортостана», с 14 сентября 2008 года. Новости, анонсы культурных мероприятий, стихотворения и песни на чувашском языке	3508	Несколько раз в неделю	3	—
«☼☼☼☼ УЛЬЯНОВСК — ЧУВАШИ ☼☼☼☼», с 4 марта 2008 года. Анонсы этнокультурных мероприятий для чувашей в Ульяновске, иногда — полезные материалы и новости	3074	Несколько раз в месяц	12	—
«Чуваши RT @chuvashi.rt», с 12 марта 2012 года. Видео с концертов чувашской эстрады и выставок живописи. Уклон в освещение и анонсирование культурных мероприятий	2258	Несколько раз в неделю	6	—
«Самар ен чăвашсем / Чуваши Самарского края», с 10 ноября 2010 года. Преимущественно репосты из других групп: образовательный и культурный контент	2164	Ежедневно	2	Практически без комментариев
«Мы — Чуваши!», с 25 января 2013 года. Преимущественно репосты из других групп: образовательный и культурный контент	2211	Ежедневно	7	Практически без комментариев
«Аверкинско-ибрайкинские чуваш», с 13 декабря 2018 года. Материалы об истории и быте аверкинско-ибрайкинских чувашей в наши дни: отчеты с мероприятий, образцы рукоделия, живые фото и т. д.	1448	Несколько раз в месяц	74	2

За период с 1 по 30 ноября 2023 г. методом сплошной выборки нами были отобраны и проанализированы посты девяти чувашских этнокультурных сообществ (орфография и пунктуация названий представлены как в оригинале, с сохранением небуквенных знаков): «МОСКОВСКИЕ ЧУВАШИ», «Чуваши Тут», «Чувашский мир», «Чуваши Башкортостана», «☀☀☀ УЛЬЯНОВСК — ЧУВАШИ ☀☀☀», «Чуваши RT@chuvashi.rt», «Самар ен чăвашĕсем / Чуваши Самарского края», «Мы — Чуваши!» и «Аверкинско-ибрайкинские чувашы». Обратим внимание на то, что шесть из них — группы, названные по месту проживания чувашского населения вне Чувашской Республики. Это определяет их контент-политику, решающую задачи объединения людей по этническому признаку в одном виртуальном пространстве.

В целом сообщества ограничиваются следующими информационными блоками: постами о культурных мероприятиях для чувашей, проживающих соответственно в том или ином населенном пункте России, о выдающихся чувашах, малоизвестных выходцах из народа, также небольшими историческими справками, материалами для изучения чувашского языка, редко — рецептами приготовления чувашских национальных блюд, фотографиями людей в чувашских национальных костюмах, песнями чувашской эстрады и модифицированными изображениями национальной символики. Именно эти сведения конструируют типичные образы чувашской этнической культуры в пространстве социальной сети «ВКонтакте», формируют конкретные представления — виртуальные стереотипы о чувашах, их образе жизни, вкусах и предпочтениях, которые могут переноситься пользователями в физическую реальность и закрепляться в ней.

Контент изобилует в основном текстовыми и фотопостами, а также (в порядке убывания) — видеороликами, голосованиями. В подавляющем большинстве — исключительно на русском языке, чувашский язык в публикациях практически не используется. Три группы обновляют ленту ежедневно, еще три — несколько раз в неделю, остальные три — несколько раз в месяц. Посты набирают просмотры, получают лайки и комментарии. В целом вовлеченность аудитории можно считать низкой, однако она волнообразна, резко повышается в зависимости от информационного повода и появления постов, выполненных в форматах, отличных от привычных для рассматриваемых сообществ.

Профессором Е.А. Ягафовой проанализирован этнический контент, представленный на медиаплощадках «Одноклассники», «ВКонтакте», «YouTube», «RuTube» и «Дзен». В ходе исследования она установила, что «в виртуальном пространстве содержится значительный объем информации об этнической истории и культуре чувашей, который востребован пользователями и является одним из средств удовлетворения чувашской аудиторией потребностей в языке, культуре, а также формирования и сохранения этнической идентичности. Актуальная тематика, связанная с историко-культурным наследием чувашского народа, содержит такие элементы, как язык,

фольклор, в первую очередь песенный, народный костюм и украшения, чувашская кухня. Наряду с ними значимую роль в презентации этничности чувашей в социальных сетях играют адаптированные к современным условиям жизни формы национальной культуры, которые, как и традиционные элементы, активно визуализируются и тиражируются в виртуальном пространстве»³¹.

В своей работе мы сфокусировались на изучении этноориентированного «чувашского» контента в мессенджере «Telegram». Наблюдения за коммуникативными практиками пользователей данного социального медиа позволили нам обнаружить некоторые закономерности, изложенные ниже в рамках отдельных разделов.

Выражение этнокультурной идентичности в мессенджере «Telegram»

В 2022—2023 гг. лидером по увеличению числа пользователей в России стал мессенджер «Telegram». На это во многом повлияла случившаяся в марте 2022 г. блокировка на территории страны популярных социальных сетей, входящих в компанию Meta, признанной экстремистской и запрещенной в Российской Федерации. По оценкам исследовательского центра Mediascore, «это связано с ростом потребления новостного контента, значимая часть которого приходится на telegram-каналы, а также с перетеканием аудитории с заблокированных площадок... Рост показателей продолжается. Сейчас “Telegram” соизмерим по суточному охвату с “ВКонтакте”»³².

«Telegram» — это цифровой сервис мгновенного обмена текстовыми, голосовыми и видеосообщениями, а также стикерами, фотографиями и файлами. Его интерфейс минималистичен: он очень похож на одноименный раздел смартфона «Контакты», в котором содержатся записанные номера телефонов и краткая информация об их владельцах. Кроме того, «Telegram» реализует свой функционал в разделах «Звонки» и «Чаты». Во втором в едином списке находятся чаты с переписками с другими пользователями и доступные по подписке каналы (новостные ленты с элементами блога).

В контексте возрастающего интереса к мессенджеру «Telegram» в последние годы в России мы стали целенаправленно следить за тем, как его пользователи позиционируют себя в рамках интерфейса с ограниченным количеством контентных полей. В процессе наблюдений и возник очередной исследовательский вопрос: «Какие вербальные и мультимедийные способы и формы демонстрации принадлежности к чувашскому народу используют пользователи мессенджеров в условиях минимального количества полей интерфейса для заполнения?»

Как и в классической карточке контакта на смартфоне, в этом мессенджере можно добавить лишь фотографию абонента, заполнить поля «Имя» и «Фамилия», «Номер телефона», «Имя пользователя» [имеется в виду техническое, через @] и «О себе» (рис. 2)].

На первый взгляд кажется, что, по сравнению с социальными сетями, заявить о себе и выделиться среди других абонентов здесь сложно. Однако

в результате анализа оформления разных карточек контактов и личного опыта коммуникации с другими пользователями нам удалось выявить конкретные практики выражения чувашской этнокультурной идентичности в «Telegram». Охарактеризуем их:

1. Этномаркирование карточки контакта как социальная практика выражения этнокультурной идентичности в «Telegram».

Раздел «Фотография». Единственный, позволяющий пользователю показать себя. Как правило, люди размещают в нем свои профессиональные портретные фотографии, на которых их хорошо видно, где они узнаваемы. Фото контакта зачастую отражает грани социальной идентичности пользователя (пол, возраст, род деятельности, интересы и увлечения и т. п.). Этническую принадлежность абоненты демонстрируют нечасто, потому фотографии с этнокультурным компонентом обращают на себя внимание, передают зрителям вполне осязаемое визуальное сообщение-заявление, которое можно трактовать как этническое самоопределение «Я такой-то национальности», «Мне близка/нравится эта этнокультура» и т. п. Факт размещения подобных фотографий в карточке контакта говорит о том, что для данного пользователя этнический аспект его личности в сетевой самопрезентации является приоритетным.

Чувашскую этничность в фоторазделе пользователи репрезентируют несколькими способами: своей портретной фотографией в современном национальном костюме (рис. 3) или в стилизованной одежде и украшениях, содержащих отсылку к этнической культуре (рис. 4), а также публикуют вместо собственной фотографии изображение картин чувашских художников (рис. 5 и 6).

Стоит заметить, что такие социально-демографические характеристики, как пол и возраст, не выступают ограничивающим фактором при выборе практик выражения этнической идентичности. Мужчины разного возраста так же, как и женщины, в разделе «Фотография» мессенджера «Telegram» размещают свои портретные фотографии в традиционной (рис. 7) и осовремененной, близкой к эстрадной (рис. 8) национальной одежде.

Разделы «Имя» и «Фамилия». Если обычно в этих полях пользователи вводят свои реальные имя и фамилию, то те, кому хочется подчеркнуть этническую принадлежность и продемонстрировать ее другим в мессенджере, при номинации обращаются к подходящим знаковым системам: родному (чувашскому) языку и эмотиконам в виде чувашского орнамента, древних этнических символов и узоров. Мы заметили четыре распространенных варианта презентации этнической идентичности в разделе «Имя» и «Фамилия»:

1) выбор и размещение исконно чувашского имени или трансформация реального на чувашский манер (рис. 9 и 10);

2) употребление после реальных имени и/или фамилии эмодзи в виде чувашских символов (рис. 11 и 12).

Стоит заметить, что эта опция доступна только обладателям платной подписки «Telegram Premium». Пользователи подписки выделяются в общем

списке контактов за счет эмодзи, поставленных после имени и фамилии, а с этномаркированными эмодзи они становятся еще заметнее, а главное — эффективно реализуют свои намерения транслирования этничности (рис. 13);

3) транслитерация с русского языка на английский и размещение реальных имени и/или фамилии и употребление после них эмодзи в виде чувашских символов (рис. 14 и 15);

4) выбор и размещение вместо реальных имени и/или фамилии чувашизмов — слов на чувашском языке (рис. 16 и 17). На наш взгляд, они носят декларативный характер умышленного шифрования индивидуальных смыслов пользователя с помощью этнического языка.

Раздел «Имя пользователя» (@). Это техническое имя аккаунта, его кликабельная ссылка и поисковый адрес. При орфографически верном вводе его в поисковой строке чатов можно быстро перейти в карточку данного контакта в «Telegram». Для выражения чувашской идентичности пользователи не пренебрегают возможностью употребления в этом разделе этномаркеров-чувашизмов, транслитерированных с чувашского языка на английский (рис. 18 и 19).

Раздел «О себе». Его заполнение предполагает указание возраста, основного рода деятельности, семейного положения. Однако желающие акцентировать внимание на принадлежности к чувашской этнокультуре, создают эффект обманутого ожидания и вместо справочной информации о себе публикуют в данном разделе выражения на чувашском языке — афоризмы (рис. 20) и эмоционально заряженные вербальные характеристики (рис. 21).

Практики репрезентации чувашской этничности, основанные на заполнении пяти разделов карточки контакта этномаркированным контентом (тематической фотографией, специально подобранным текстом на чувашском языке, эмодзи в виде чувашских символов), прагматически эффективны каждая сама по себе. Однако в комбинации нескольких или всех вместе они имеют значительно больший коммуникативный успех — позволяют ярче продемонстрировать этнокультурную идентичность.

2. Этномаркирование сообщений в процессе коммуникации с пользователями как социальная практика выражения этнокультурной идентичности в «Telegram».

Использование эмодзи в виде чувашских символов в тексте сообщения. В «Telegram» встроен стандартный набор эмодзи — эмодзи, вспомогательных визуальных элементов, усиливающих эмоциональный компонент основной мысли сообщения. Однако функционал платформы позволяет устанавливать расширения — авторские наборы эмодзи, создаваемые специалистами. Доступность эмодзи из тематически разных наборов не ограничивает пользователей в возможностях самовыражения.

В настоящее время абоненты платной подписки «Telegram Premium» могут добавить в свой профиль набор эмодзи в виде 10 чувашских символов, ассоциированных его автором с чувашской культурой (рис. 22). Среди них — изображения чувашских узоров, девичьего головного убора (*тухья*), монумента Матери-покровительнице и др.

Данные эмодзи широко употребляются пользователями при оформлении текстовых полей карточки контакта (как — мы рассмотрели выше), а также в межличностном общении в чатах и комментариях под постами в каналах. Во всех случаях — это явный способ выражения этнической идентичности чувашей в мессенджере «Telegram».

Отправка стикеров как самостоятельных сообщений, содержащих чувашские этнокультурные компоненты. Так же, как и эмодзи, в мессенджере представлены стикерпаки — наборы картинок (стикеров), с помощью которых пользователи выражают свои реакции на полученные сообщения, а заодно демонстрируя социальную идентичность, в том числе этническую.

В 2022—2023 гг. в «Telegram» появилось более 10 стикерпаков с популярными высказываниями на чувашском языке [распространенными этикетными фразами (рис. 23) и разговорными конструкциями (рис. 24)], самобытными иллюстрациями с чувашской символикой, художественными образами известных представителей чувашского народа (рис. 25) и т. п.

В отличие от тематических эмодзи, наборы стикеров доступны всем пользователям мессенджера — их можно бесплатно один раз загрузить в свой профиль и затем отправлять в процессе общения в чатах. В целом это выглядит как обмен картинками, в отдельных случаях содержащих текст. Родной язык как маркер этнической идентичности активно используется в подобных стикерпаках и отличает их от большинства наборов стикеров в «Telegram», в основном представленных иллюстрациями (рис. 26).

Рассмотренные практики этномаркирования карточки контакта в «Telegram», а также сообщений, в последнем случае путем использования тематических эмодзи и стикеров в процессе переписки с пользователями мессенджера, свидетельствуют о желании современных людей публично идентифицировать себя в сетевой среде, привлекать к себе внимание, косвенно, через символы и знаки демонстрировать свою самость и в отдельных случаях заинтересовывать собой массовую интернет-аудиторию.

* * *

Чувашский сегмент этнического Интернета, динамично развивающийся в условиях цифровизации общества, всесторонне репрезентирует историко-культурное наследие чувашей и главные сферы современной жизни представителей народа — от индивидуально-бытовой до общественно-государственной. Этноориентированные информационные ресурсы чувашского Интернета выступают сегодня источником проверенной, наиболее достоверной этнокультурной информации, вместе с тем отражающей особенности групповой идентичности. Социальные медиа, будучи пространством самодеятельным, направленным на самовыражение, предоставляют широкие возможности для индивидуальной этнической самоидентификации.

В социальной сети «ВКонтакте» наиболее востребованы группы, консолидирующие чувашей, проживающих в разных регионах страны. Здесь публикуются анонсы культурных мероприятий, исторические справки, информация о выдающихся и малоизвестных выходцах из народа, справочные

материалы по изучению чувашского языка, фотографии пользователей в национальной одежде, чувашская музыка. Подписка на подобные этнотематические паблики отображается в профиле человека и воспринимается его аудиторией как демонстрация пользователем принадлежности к определенному этническому сообществу и по существу представляет собой одну из практик выражения этнической идентичности в социальных медиа.

Образы этнической культуры, тиражируемые в социальных медиа, формируют представления о чувашах у тех, кто о них ничего не знает, и тем самым ненамеренно утверждают вполне конкретные виртуальные стереотипы, которые могут покидать пределы сетевого пространства и переноситься в физическую реальность.

В условиях ограниченного количества полей интерфейса для заполнения и их максимальной видимости в мессенджере «Telegram» нами выявлен диапазон вербальных и мультимедийных способов подчеркивания этнокультурной идентичности. Это — пул пользовательских практик, связанных с этномаркированием карточки контакта и этномаркированием сообщений в актах коммуникации. Первые основаны на заполнении контентных полей с помощью загрузки на аватарку фотографий в традиционной, современной или стилизованной национальной одежде и иллюстраций работ чувашских художников, а также путем использования вместо реального имени исконно чувашского или трансформации реального на чувашский манер, употребления рядом с реальными именем и фамилией эмодзи в виде чувашского символа, выбора и размещения в представленных разделах разнообразных чувашизмов. Вторые — на обращении к тематическим эмодзи и стикерпакам в процессе общения в чатах мессенджера. Зафиксированные практики носят типичный характер и, на наш взгляд, со временем могут стать моделирующими, устанавливающими нормы коммуникативного поведения этнического толка в сетевом пространстве «Telegram», т. е. социальным ориентиром того, как стоит оформлять, наполнять и вести аккаунт, чтобы «правильно» преподнести этнокультурную идентичность.

В заключение отметим, что в процессе репрезентации чувашской этничности в социальных медиа немаловажную роль играет чувашский язык. Он, разумеется, маркирует этническую идентичность. Однако в изученных нами платформах применяется точноно: в рассмотренных группах во «ВКонтакте» практически не используется, а в карточках контактов в мессенджере «Telegram» — акцентно, чаще в функции номинации текстовых разделов. По большей части это связано с мотивацией публикаторов охватить широкую аудиторию, включая владеющую лишь русским языком. Чувашский язык в их авторском пространстве зачастую имеет символическое, сугубо этномаркированное значение. Эта тенденция прослеживается и на примере языковых практик чувашских этноблогеров, результаты исследования которых мы представили в одной из предыдущих работ³³.

Особенности функционирования чувашского языка в социальных медиа — совсем не изученное социолингвистическое явление. Его еще предстоит осмыслить лингвистам, социологам и медиаисследователям в междисциплинарном научном диалоге.

Литература и источники

- ¹ Nora P. Between memory and history: Les lieux de memoire // Representations. № 26. 1989. P. 7—24.
- ² Eriksen T.H. Nations in cyberspace. 2007. Retrieved October 20. 2023. URL: <http://tamiltan.nation.co/selfdetermination/nation/erikson.htm>.
- ³ Белоруссова С.Ю. Киберэтнография: методология и технология // Этнография. 2021. № 3 (13). С. 123—145; Головинёв А.В., Белоруссова С.Ю., Киссер Т.С. Виртуальная этничность и киберэтнография. СПб.: МАЭ РАН, 2021. 280 с.; Ягафова Е.А. Репрезентация этничности в киберпространстве: методологические подходы, исследовательские практики // Информационное общество. 2023. № 5. С. 65—73.
- ⁴ Белоруссова С.Ю. Коренные малочисленные народы России: виртуальная этничность и сетевые опыты // Этнография. 2022. № 4 (18). С. 84—111; Габдрахманова Г.Ф., Махмутов З.А. Национальный Интернет России: к постановке проблемы // Oriental Studies. 2018. Т. 11. № 3 (37). С. 142—151; Кацай А. Этнический Интернет: особняком или вместе с другими [Электронный ресурс]. URL: <http://www.comprice.ru/articles/detail.php?ID=40682> (дата обращения: 15.11.2023); Малькова В.К. Этнические сайты в российском интернете // Государственная национальная политика России: экспертное мнение. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2018. С. 26—34; Нечаева А.А. Проблема конструирования валлийской идентичности в XXI в. на страницах интернет-сайтов // Этнография. 2020. № 3 (9). С. 154—168.
- ⁵ Волокитина Н.А. Репрезентация этнической идентичности в современном интернет-пространстве // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2019. Т. 2. № 8. С. 35—39.
- ⁶ Гладкова А.А., Мкртычева Ю.А. Этнические СМИ в условиях цифровой среды: итоги экспертного опроса // Меди@льманах. 2021. № 3 (104). С. 41—49; Малькова В.К. Этничность и медиа: Опыты этнополитического анализа современных российских СМИ. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2020. 420 с.
- ⁷ Головинёв В.А. Медиатрансформации в этнографии и рождение этноблогинга (на примере хантов реки Тромъеган) // Этнография. 2021. № 4 (14). С. 186—210; Лапкина А.Е. Этноблоггинг как способ сохранения и популяризации народной культуры (на примере медиапространства Республики Мордовия) // Мир культуры глазами молодых исследователей: сборник тезисов XLVII научно-практической конференции студентов (Пермь, 18—23 апреля 2022 г.). Ч. 1. Пермь: Пермский гос. ин-т культуры, 2022. С. 56—60.
- ⁸ Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: учебник для студентов вузов. 5-е изд., испр. и доп. М.: Аспект-Пресс, 2014. С. 116.
- ⁹ Фёдорова А.А. Проблема изучения виртуального пространства русской этнической идентичности в условиях Web 2. 0 // Коммуникология. 2018. Т. 6. № 4. С. 89—98.
- ¹⁰ Ханхунова М.Ю. Этническая идентичность в виртуальном коммуникативном пространстве: дис. ... канд. филос. наук. Улан-Удэ, 2017. 191 с.
- ¹¹ Лапкина А.Е. Указ. соч.
- ¹² Махмутов З.А. Татарские субэтнические группы в социальной сети «ВКонтакте» // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: материалы III Всерос. научно-практич. конф., посвящ. 50-летию первого этносоциологического исследования в СССР (Казань, 6—7 сентября 2018 г.) / под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, Л.В. Сагитовой. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 300—303.
- ¹³ Ягафова Е.А. Репрезентация этничности чувашей в киберпространстве [Электронный ресурс]. URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00018/> (дата обращения: 01.11.2023).
- ¹⁴ Ягафова Е.А. Репрезентация этнической истории и культуры чувашей в Интернете // Евразия — диалог культур: материалы Двадцать вторых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: Рос. этнографич. музей, 2023. С. 153—158; Ягафова Е.А. Этническая идентичность в глобальной сети: чувашские группы в социальной сети «Одноклассники» // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2023. № 4. С. 241—250.
- ¹⁵ Ягафова Е.А. Репрезентация этничности в киберпространстве... С. 67.
- ¹⁶ Головинёв А. В. Киберкорость // Этнография. 2020. № 3 (9). С. 15.

¹⁷ Там же. С. 22; *Sade-Beck L.* Internet ethnography: Online and offline // *International Journal of Qualitative Methods*. 2004. № 3 (2). Retrieved October 30, 2023. URL: https://www.researchgate.net/publication/251597116_Internet_Ethnography_Online_and_Offline.

¹⁸ *Махмутов З.А., Орехов Б.В.* Методологические и практические аспекты изучения национальных Интернетов в России // *Русский язык и новые технологии*. М.: Новое лит. обозрение, 2014. С. 189—190.

¹⁹ *Головин А.В., С.Ю. Белорусова, Т.С. Киссер.* Указ. соч. С. 132.

²⁰ *Габдрахманова Г.Ф., Махмутов З.А.* Указ. соч. С. 143.

²¹ *Скворцов Н.Г.* Социальная практика этничности: социологический и социально-антропологический аспекты: автореф. дис. ... д-ра соц. наук. СПб.: СПбГУ, 1997. С. 10.

²² *Алексеев И.В., Дегтярёв Г.А.* К вопросу о создании компьютерной терминологии на чувашском языке // *Чăваш чĕлхи: аваллăхран малашлăха: статьясен пуххи*. Шупашкар: ЧПГАИ, 2007. С. 100—103.

²³ *Гаврилов А.Д.* Медиапотребление населения Чувашии: основные мотивы, тематические и платформенные приоритеты, вопросы доверия // *Чувашский гуманитарный вестник*. 2023. № 18. С. 115—134.

²⁴ *Иванова Н.М., Харитонова В.Г.* Информационно-коммуникационные технологии в этнокультурном развитии региона (на примере Республики Чувашия). Чебоксары, 2013. С. 44.

²⁵ *Гаврилов А.Д.* Информационные предпочтения жителей Чувашской Республики: итоги социологического исследования // *Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа*. Вып. 6. Чебоксары: ЧГИГН, 2022. С. 157—177.

²⁶ *Ягафова Е.А.* Репрезентация этнической истории и культуры чувашей в Интернете. С. 154.

²⁷ *Габдрахманова Г.Ф., Махмутов З.А.* Указ. соч. С. 144.

²⁸ *Ягафова Е.А.* Репрезентация этнической истории и культуры чувашей в Интернете. С. 153—158; *Ягафова Е.А.* Этническая идентичность в глобальной сети... С. 241—250.

²⁹ Аудитория социальных сетей. Аналитический отчет. Июнь 2023 [Электронный ресурс] // *Mediascope*. URL: <https://mediascope.net/library/presentations/> (дата обращения: 10.10.2023).

³⁰ *Петров И.К., Абдувалиева А.Х.* Особенности этнической идентичности пользователей социальных сетей // *Современные научные исследования и разработки*. 2018. Т. 2. № 5 (22). С. 459.

³¹ *Ягафова Е.А.* Репрезентация этнической истории и культуры чувашей в Интернете. С. 156—157.

³² Аудитория социальных сетей. Аналитический отчет. Июнь 2023.

³³ *Гаврилов А.Д.* Чувашские этноблогеры как субъекты медиасреды: языковые практики самопрезентации // *Язык и слово: сб. статей Всерос. научно-практич. конф. (Чебоксары, 23 ноября 2023 г.)*. Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова, 2023. С. 153—157.

A.D. Gavrilov

THE CHUVASH ON THE INTERNET: ETHNOCULTURAL CONTENT AND COMMUNICATIVE PRACTICES OF SELF-IDENTIFICATION

The article is devoted to the study of the most common communicative practices and related social contexts of the Chuvash ethnic identity expression on the Internet. The method of cyber-field participant observation of ethnomarked publication activity of the Internet users and the content analysis method of ethnic content pages on websites, the social network «VKontakte» and the messenger «Telegram» have been carried out. The Chuvash segment of the ethnic Internet has been thoroughly characterized, the peculiarities of the information resources' and social media content comprising the Chuvash Internet semantic space of have been considered. The range of verbal and multimedia ways of emphasizing ethnocultural identity in Telegram has been revealed. The recorded practices are typical to our observations and eventually become modeling, establishing norms of ethnocentric communicative behavior on this platform.

Keywords: ethnic identity, ethnic Internet, ethnomarked communicative practices, content analysis.

Приложение

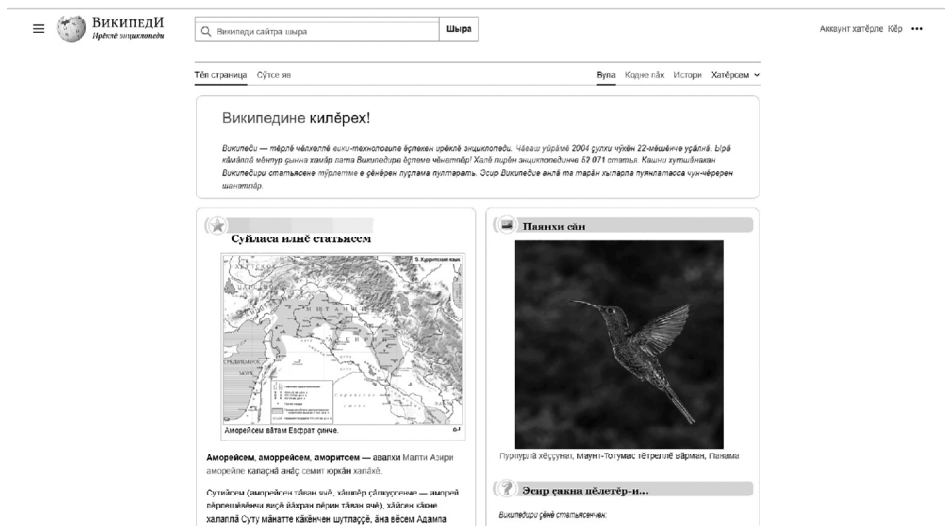

Рис. 1. Интерфейс «Чăваш Википедийĕ» (cv.wikipedia.org). Декабрь 2023 г.
(Nota Bene: На Международной конференции «Викимания 2009» основатель «Википедии» Джимми Уэйлс рассказал о «Чувашской Википедии» в контексте значения подобных проектов для языков, находящихся под угрозой исчезновения)

Выбрать фотографию

Имя

Фамилия

Укажите имя и, если хотите, добавьте фотографию для Вашего профиля.

О себе

Любые подробности, например: возраст, род занятий или город.
Пример: 23 года, дизайнер из Санкт-Петербурга.

Сменить номер

Имя пользователя

Рис. 2. Интерфейс карточки контакта в мессенджере «Telegram». Декабрь 2023 г.
(Nota Bene: Регистрируясь в мессенджере, пользователь может добавить фотографию и заполнить следующие поля: «Имя», «Фамилия», «Номер телефона», «Имя пользователя» (техническое) и «О себе»)

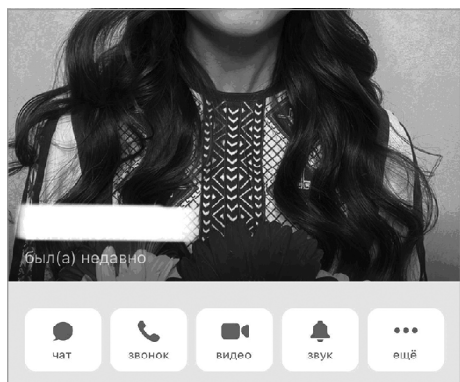

Рис. 3. Фотография девушки в современном национальном платье в фоторазделе карточки контакта «Telegram». Декабрь 2023 г.*

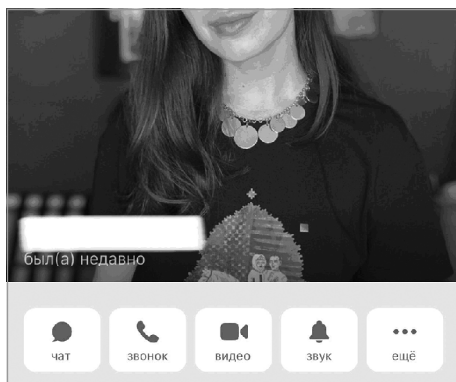

Рис. 4. Фотография девушки, надевшей украшение, напоминающее чувашское монисто, и футболку с напечатанной на ней картиной чувашского художника, в фоторазделе карточки контакта «Telegram». Декабрь 2023 г.*

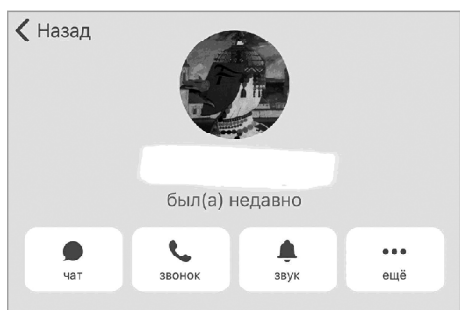

Рис. 5. Вместо фотографии пользователя — изображение картины чувашского художника в фоторазделе карточки контакта «Telegram». Декабрь 2023 г.*

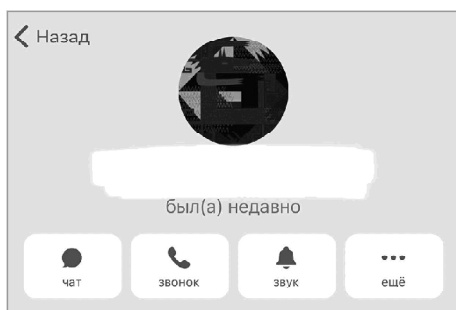

Рис. 6. Вместо фотографии пользователя — изображение картины чувашского художника в фоторазделе карточки контакта «Telegram». Декабрь 2023 г.*

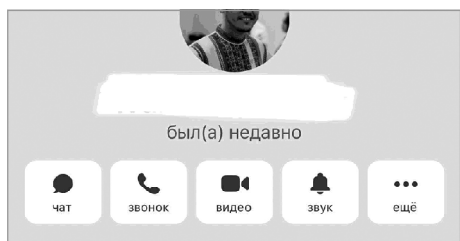

Рис. 7. Фотография юноши в традиционной национальной рубашке в фоторазделе карточки контакта «Telegram». Декабрь 2023 г.*

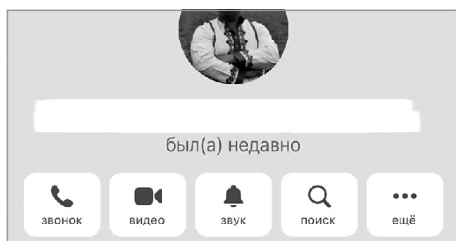

Рис. 8. Фотография мужчины средних лет в осовремененной национальной рубашке в фоторазделе карточки контакта «Telegram». Декабрь 2023 г.*

* Nota Bene: Здесь и далее персональные данные пользователя умышленно размыты.

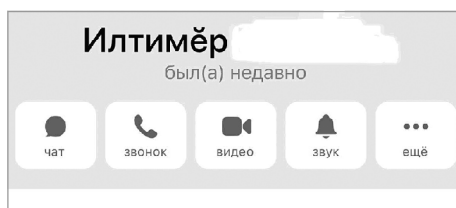

Рис. 9. Пример использования чувашского имени в разделе «Имя» карточки контакта «Telegram». Декабрь 2023 г.*

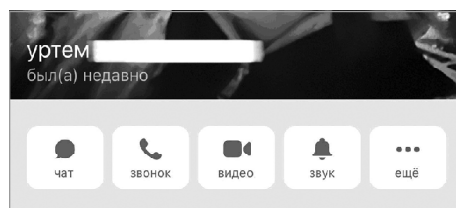

Рис. 10. Пример использования чувашского имени в разделе «Имя» карточки контакта «Telegram». Декабрь 2023 г.*

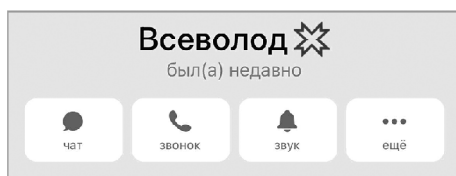

Рис. 11. Пример употребления после реального имени эмодзи в виде чувашского символа в разделе «Имя» карточки контакта «Telegram». Декабрь 2023 г.*

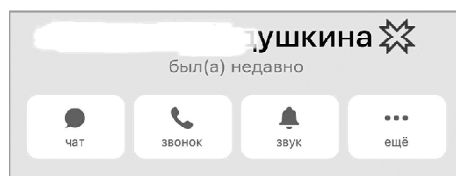

Рис. 12. Пример употребления после реальных имени и фамилии эмодзи в виде чувашского символа в разделе «Фамилия» карточки контакта «Telegram». Декабрь 2023 г.*

Рис. 13. Пример того, как выделяются в общем списке контактов пользователя, в разделе «Фамилия» которых присутствует этномаркированный эмодзи. Декабрь 2023 г.

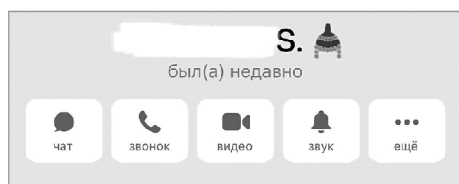

Рис. 14. Пример транслитерации с русского языка на английский и размещения реальных имени и фамилии и употребления после них эмодзи в виде головного убора тухья в разделе «Фамилия» карточки контакта «Telegram». Декабрь 2023 г.

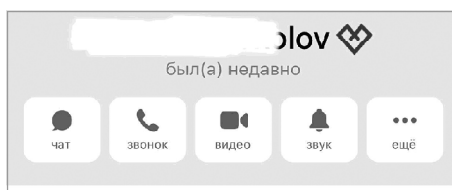

Рис. 15. Пример транслитерации с русского языка на английский и размещения реальных имени и фамилии и употребления после них эмодзи в виде чувашского символа в разделе «Фамилия» карточки контакта «Telegram». Декабрь 2023 г.

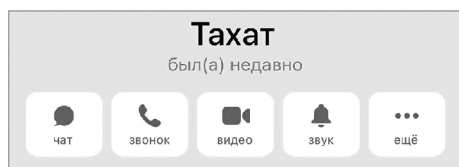

Рис. 16. Пример использования вместо реального имени чувашизма, переводимого на русский язык как «решимость» в разделе «Имя» карточки контакта «Telegram». Декабрь 2023 г.

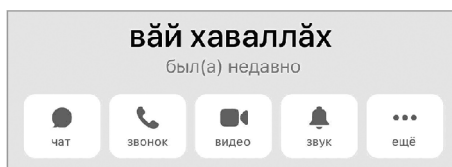

Рис. 17. Пример использования вместо реального имени чувашизма, переводимого на русский язык как «жизнерадостность» в разделе «Имя» карточки контакта «Telegram». Декабрь 2023 г.

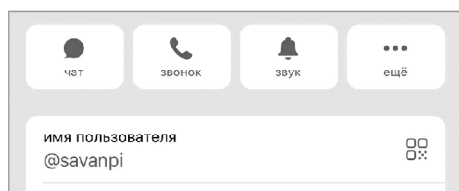

Рис. 18. Пример использования исконно чувашского имени «Савӑнпи», транслитерированного с чувашского языка на английский в разделе «Имя пользователя» карточки контакта «Telegram». Декабрь 2023 г.

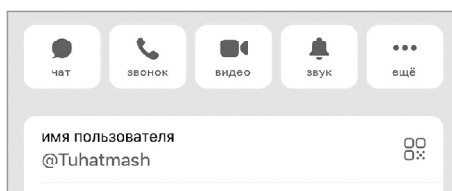

Рис. 19. Пример использования чувашизма «тухатмӑш» (колдунья), транслитерированного с чувашского языка на английский в разделе «Имя пользователя» карточки контакта «Telegram». Декабрь 2023 г.

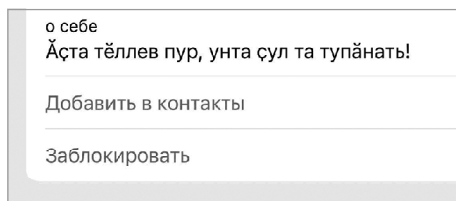

Рис. 20. Пример использования афоризма на чувашском языке (Где есть цель, туда дорога найдется) в разделе «О себе» карточки контакта «Telegram». Декабрь 2023 г.

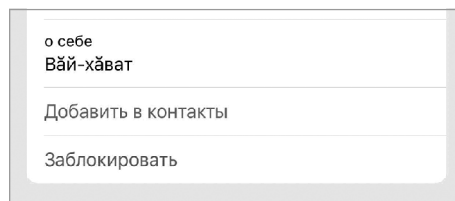

Рис. 21. Пример использования эмоционально заряженных слов на чувашском языке (Сила-Мощь) в разделе «О себе» карточки контакта «Telegram». Декабрь 2023 г.

Рис. 22. Набор «чувашских» эмодзи, доступных по платной подписке на «Telegram Premium»

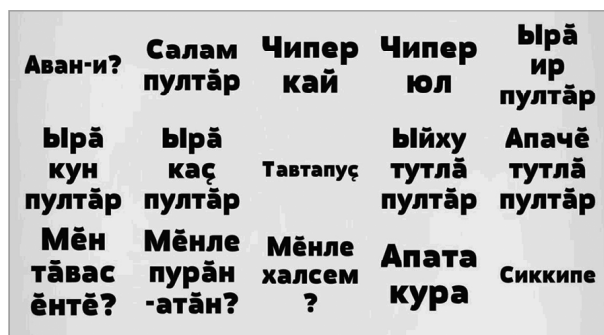

Рис. 23. Стикерпак с популярными высказываниями на чувашском языке

Рис. 24. Стикерпак, совмещающий распространенные чувашские фразы и этноориентированные символы

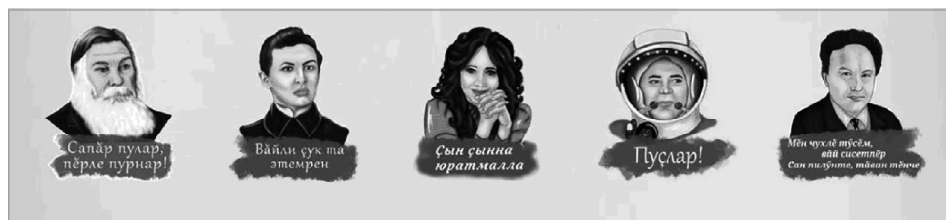

Рис. 25. Стикерпак, совмещающий иллюстрации выдающихся чувашских деятелей и их известные цитаты

Рис. 26. Ситуация общения в мессенджере «Telegram», в которой адресант демонстрирует чувашскую идентичность с помощью отправленного стикера, содержащего слова приветствия на чувашском языке и национальный символ

**ЖЕНЩИНЫ В ПРАЗДНИКАХ
ДЕРЕВЕНСКОГО СООБЩЕСТВА
ЧУВАШЕЙ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX —
НАЧАЛО XX ВЕКА)**

ЧГВ, 2024 г., № 19
© Е.В. Сергеева

В статье рассматривается роль и место женщины в календарных праздниках, внутреннее содержание которых подчинено продуцирующей функции природы и человека. Определенное поведение в совокупности с особыми действиями женщины на каждом празднике должно было привести к богатому урожаю и способствовать продолжению рода, сулило здоровье домочадцам.

Ключевые слова: чувашская женщина, деревенское сообщество, календарные праздники, фертильный возраст, правила и нормы поведения женщин.

Жизнь чувашей проходила в соответствии с народным календарем, который представлял собой годовой цикл с дроблением на осенне-зимний и весенне-летний периоды. Во второй половине XIX — начале XX в. основу календаря продолжало составлять традиционно-религиозное видение мира, при этом содержание соотносилось и с христианскими праздниками, постами и мясоедами.

В чувашском календаре отделить праздники от остальных событий календарного цикла сложно, так как любой из праздников содержит обрядовую часть, и наоборот, некоторые обряды в конце концов перерастают в увеселительное мероприятие. В качестве основы выделения праздников в нашем исследовании положены материалы главы «Праздники и развлечения» очерка Г.И. Комиссарова, статьи Т.С. Пассек «Круг чувашских праздников» и ряда других научных работ¹. В традиционных чувашских праздниках принимало участие все деревенское сообщество. Автор данной статьи ставит задачу рассмотреть тему участия в праздничных событиях женщин. Вопрос о месте женщины в различных чувашских обрядах и праздниках в той или иной мере затрагивался во многих публикациях, в числе

Евгения Валерьевна Сергеева — кандидат исторических наук, научный сотрудник секции этнологии исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: evgenjaserg@yandex.

которых встречаются и обзорные статьи о ее роли в обрядах и календарных праздниках².

Основная задача этой работы — рассмотрение роли и статуса чувашской женщины, занимающей определенное место в семье (замужняя и имеет детей) в организации и проведении праздников календарного цикла с конкретизацией ее вклада в подготовку и проведение церемониальных и увеселительных мероприятий.

Среди больших традиционных праздников чувашей, которые отмечала деревенская община, наиболее почитаемыми были: дни, связанные с наступлением новогоднего цикла *Сурхури/Ѕёнь сул*; Масленица *Ѕаварни*; Пасха *Майнун*; Троица *Симёк*; осенние благодарственные мероприятия — *Чўклеме*, *Авйан сйри* (овинное пиво), *Кёр сйри* (осеннее пиво) и др. После принятия чувашами православной веры, часть праздников оказались приуроченными к церковному календарю, некоторые слились с христианскими. Это такие праздники, как Рождество *Раштав*, Вербное воскресенье *Верйәнни*, Ильин день *Ёлен кунё*, Спас *Сйпас*, Покров день *Пукрав* и др.³

Выделяя «женскую» тему в традиционном праздничном календаре, нужно иметь в виду прежде всего функцию ритуалов, целью которых было стимулирование производительных сил природы «при помощи» магических сил. Анализ корпуса источников и литературы, касающихся праздников, показывает, что отдельных торжеств для женщин у чувашей не существовало, либо их было мало. Но они в той или иной степени принимали участие практически в каждом из них⁴. Встречаются сведения о бытовании отдельных блоков некоторых из этих мероприятий, которые выполнялись только женщинами. В качестве примера мы рассматриваем следующую информацию. Увеселительным праздникам были присущи совместно с песнями и пляски. В одном из источников отмечается, что у чувашей существовали танцы, участниками которых выступали исключительно женщины, хотя танец был парный. Назывался он *хёрарём ташиши*. При его исполнении женщины поверх *хушту* надевали еще и *тил сёлёк* (лисыя шапка). Танец сопровождался пузырями, скрипкой и т. д., завершался символическим поцелуем пары исполнительниц⁵.

Одним из праздников зимнего цикла календаря, приуроченных к декабрьскому солнцестоянию и следующим за ним дням, был *Сурхури*. В нем активное участие принимали и женщины среднего возраста. Действия, проводимые в это время, были связаны с продуцированием, т. е. можно сказать, имеет место быть непосредственно «женская» тема. Так, гадания об урожае, о предстоящей судьбе людей на будущий год, а иногда и действия, которым приписывалось магическое влияние, имели много общего с ритуалами, посвященными деторождению, приплоду скота и т. д. К примеру, магия плодородия подразумевалась в обсыпании горохом женщин детородного возраста. Хозяйки готовили богатый новогодний стол: сытную еду с набором ритуальных блюд — выпечку *ѕёнь сул пашалавё*, новогоднюю кашу *ѕёнь сул пйтти*, также традиционные пироги *хулу*, колбасу

шарттан, колобки *йава*, различные лепешки, жареный горох. Все это в понимании чувашей приносило в наступающем году плодородие и изобилие. Обход домов подростками с новогодними поздравлениями и восклицаниями *Сурхури! Сурӑххисем нумай пулчӑр!* (Сурхури! Пусть будет много овец!) и рассыпанием гороха имитировал сев, это должно было стимулировать плодovitость женщин, а также животных, и довольство в доме⁶. По поводу сути данного действия есть мнение, что приношение в жертву овечьих ног во время *Сурхури* являлось средством общения с божествами — покровителями скота, а именно — божеством-тотемом женщин (овцой)⁷.

После христианизации чувашаи переименовали этот праздник в *Кӑшарни*. Женщины и теперь занимались приготовлением трапезного стола, но при этом большинство из них посещали церковь⁸. С принятием христианства традиционные чувашские ритуалы сохранились лишь частично, но традиция осыпания горохом женскую половину сообщества сохранилась⁹.

Не проходил без женского участия праздник *Ѕаварни*. Он являлся своего рода продолжением рождественских ритуалов и их заключительным актом, а из традиционной веры чувашей осталось восприятие его как праздника пробуждения природы. Как и во всех торжествах, женщины готовили богатый стол, праздничные дни сопровождались весельем. Трапезный стол и ритуальные блюда были насыщены сакральным смыслом. Традиционным масленичным блюдом были блины, которые готовились в большом количестве. Приготовленный с утра первый блин имел сакральную функцию — его использовали при молитве и поминании умерших родственников. Согласно другому обычаю, первый блин оставляли на столбе в огороде для масленичной старухи *ѕаварни карчӑкӗ*. К Масленице варили пиво. Его приготовлением, безусловно, занимались женщины. Процеживали напиток целой группой, для этого специально приглашались родственницы и соседки. «Женская» тема этого праздника была заложена в действиях, смысл которых видели в магическом влиянии на плодородие: обсыпание молодухек и женщин горохом, колобками *йава* (который также представлял собой элемент солярного культа). Еще одна составляющая праздника — рассыпание зерна во время катания с горы, имитирующее магическое засеивание земли, ее оплодотворение и получение урожая (как известно, в народном мировоззрении земля — это женское начало). Девушки и женщины катались на донцах прялок. Считалось, что в таком случае лен уродится высокий, а сами они проживут настолько долго, насколько дальше прокатятся; также им будет сопутствовать удача в женских делах (в обработке волокна, прядении, ткачестве)¹⁰. «*Ѕаварни карчӑкки пулса паян пӗре пӑрӑсене вӗстерсе антӑм* (Сегодня сделалась масленичной старухой и прокатилась, разбрасывая горох)», — говорили о себе чувашки, и не всегда это были старые женщины¹¹.

После принятия православия Масленицу также праздновали по традиционным канонам. Женщины все так же хлопотали перед праздником и управлялись с трапезным столом. Однако изменения в религиозных устоях

привели к определенным трансформациям в образе жизни и мировоззрении чувашки: большинство из них начали держать христианский пост и посещать церковь¹².

Участие женщин в празднике *Вирём/Сёрен* изначально было настолько пассивным, что можно говорить об их действиях только в приготовлении ритуальных блюд. Как известно, этот праздник или обряд (в зависимости от этапа в процессе проведения его можно трактовать по-разному) был посвящен изгнанию из селения злых духов, которые якобы приносили болезни и беды в места проживания людей. О времени проведения этих мероприятий сохранились неоднозначные сведения, *Вирём* в основном проводился до Пасхи, а *Сёрен* — после, иногда даже ближе ко дню летнего поминовения усопших. В большинстве случаев в этих праздниках участвовало молодое поколение, не считая предводителя, иногда им становилась женщина, немолодая или даже престарелого возраста¹³.

В обязанности женщины в проведении большой группы мероприятий, сосредоточенных вокруг пасхального цикла праздников *Майнкун*, кроме приготовления ритуального стола входило также изготовление новой одежды для всей семьи. Первый день этого цикла у некрещеных чувашей назывался *Калъм кунё*, который после христианизации слился с *Майнкун* и совпал со страстной неделей. К этому дню тщательно готовились. В *Калъм* проводили окуливание садов, огородов и хмельников, носившее характер ритуального действия. У верховых чувашей было принято прятать женские предметы труда — веретена, прялки, помело и колотушки, не рекомендовалось открывать крышки сундуков, иначе якобы могло снести крышу. Их разрешалось открыть только накануне *Калъм* и при этом запрещалось закрывать в продолжение четырех дней¹⁴. В этот день также практиковалась традиция приготовления кисточек *морка (ярапа)* для одежды¹⁵.

Христианизация внесла заметные изменения в календарь праздников чувашского народа. За неделю до православной Пасхи проводился праздник *Верпәнни* (Вербное воскресенье), когда все старались посетить церковь, помолиться, отпустить грехи (выше отмечалось, что этим занималась в основном женская половина сообщества). Домой приносили освященные ветки вербы, которые хранились у божницы. Женщины использовали такие ветки при первом выгоне стада: гоняли ею скотину, чтобы за лето она стала упитанной и не пропадала¹⁶. С другой стороны, сохранились свидетельства о том, что такие действия не всегда приветствовались. Так, Никанор Каменский сообщает о поверье, согласно которому тому, «кто никогда не брал в дом вербы» в церкви, «то лучше и не брать ее, потому что в таком случае она вредно действует на скот»¹⁷.

В первый день *Майнкун* среди молодых женщин, недавно вышедших замуж, существовала традиция приветствовать старшее поколение: «*Сам-райк хёраярмсем (кинёсем) ваттисене (хуняшишёне хунямйшне) пуҫ ҫапса салам паратчёҫ*» [Молодые женщины (снохи) старых (свекра и свекровь) поклонном приветствовали]¹⁸. Возможно, это было обращение к старшим поко-

лениям с просьбой благословить их на следующий год (желать здоровья им и семье, рождения детей и т. д.). Считалось, что в это утро солнце поднималось, пританцовывая, т. е. особенно торжественно и радостно. В момент восхода солнца старики осыпали детей зерном, хмелем. По возвращении встречающих солнце, хозяйка/мать, приготовившая праздничные блюда, отправляла детей с гостинцами к родственникам, в первую очередь по отцовской линии, а также к восприемникам, то есть крестным родителям. В последующие дни поочередно гостили у родственников (*ёрет хывнӑ*). Визит сородичей по материнской линии воспринимался отрицательно и сулил, по поверьям, несчастье в доме¹⁹.

На второй день праздника, называвшийся Днем свечи *Сурта кунӑ*, поминали усопших. Женщина готовила не только праздничную трапезу, но и специальные блюда для кормления ушедших в иной мир предков. Таким образом, через женщину происходила и связь с «тем» миром. На трапезный стол ставились такие ритуальные блюда, как суп, курятина, каша, блины, крашеные яйца, пиво. Традиционно умерших поминали молением, которое произносил мужчина — глава семьи, а его жена стояла рядом²⁰. В отдельных селениях Аликовской волости Ядринского уезда (ныне Аликовский муниципальный округ Чувашской Республики) на третий день пасхальной недели проводили *халӑх сӑри*. А ближе к вечеру женщины готовили обрядовые лепешки — *сӑмарта икерчисем, пӗчӗк пашалусем*, которыми угощали детей²¹.

В некоторых диаспорных группах чувашей (например, среди чувашей Стерлитамакского уезда) при поминовении усопших в пасхальном цикле отдельную жертву приносили *камалсӑрсене* — духам бездетных женщин. Жертвенную пищу для них выносили за ворота, в то время как для «своих» предков оставляли в пределах своей усадьбы²².

В источниках отмечается, что раньше чувашаи *Мӑнкун* справляли в среду, а после христианизации начали праздновать в воскресенье: «*Халь чӑваш йӑлине пӑрахса Мункуна вырӑсла тума пуслани пӗр 14 сул ситет пуль*» (Около 14 лет будет, как чувашская Пасха начала праздноваться как русская) (записано в 1886 г.). Женщины с утра пекли пироги, блины, красили яйца. В то же время чувашаи не отказывались от традиционных обрядов, обязательно проводили моления с жертвоприношениями. В этот день почти все население села посещало церковь²³.

У верховых чувашей накануне и в дни *Мӑнкун* существовал ряд запретов на хозяйственные работы, в том числе на сугубо женские — занятия рукоделием. Прятали острые и колющие предметы, опасаясь укуса змеи или нападения медведя в будущем²⁴.

Весенний период жизни чувашской общины был насыщен праздниками. Дни перед началом сева и после него были связаны с проведением *Акатуя*. Состоял он из двух частей, разделенных по срокам проведения. Действия, совершавшиеся перед началом весенних полевых работ, составляли обрядовую сторону праздника — моления и жертвоприношения, гада-

ния о будущем урожае. Увеселительная часть проходила после окончания посевных работ, проводили ее на лугу близ водоема. Женская половина сообщества принимала участие в состязаниях в умении петь, плясать, иногда проводилось и подобие спортивных соревнований — они могли также соперничать в беге в мешках, в беге с полными ведрами и др.²⁵ Эти действия, на первый взгляд абсолютно развлекательные, в праздничном церемониале носили ритуальный смысл. Например, скачки после сева должны способствовать росту хлебов, обрядовый бег символизировал собою сильные побеги растительности, подбрасывание предметов вверх якобы содействовало активному росту хлебов (хлеб должен расти столь же высоко, сколь высоко взмывает подбрасываемый предмет)²⁶.

Во время *Акатуя* в качестве подарков соревнующимся непременно атрибутом выступали предметы одежды женщин фертильного возраста. Так, у чувашек, вышедших замуж в течение последнего года, собирали расшитые полотенца для награждения победителей соревнований, из них также делали флаг, привязав на длинный шест²⁷. Среди подарков чаще фигурировали вышитые платки, головные повязки *сурпан*, полотенца. Среди продуктов питания, собиравшихся к празднику, основными были яйца — символ жизни²⁸. Вообще, использование головных уборов замужних женщин (платков, сурбанов) символизировало плодородие — знаковый атрибут праздника. Ведь он проводился после окончания сева. Платок выполнял роль некой границы между жизнью и смертью, представлялся преградой для нежелательного воздействия извне, из другого мира. В символическом аспекте платок — это покров, под которым можно укрыться и защититься от любого врага. Свадебный платок, говоря образно, остается на голове женщины до конца ее жизни, и только в зависимости от возраста менялись способы повязывания и расцветка²⁹.

Следует отметить, что в *Майкун*, *Сёрен* и *Ака пйтти* одним из обязательных продуктов были яйца. Семантические функции яйца в структуре традиционной обрядовой жизни обширные. Оно включает в себе «женскую» жизненную энергию, способность к перерождению, семя творения. Существует еще одна специфическая особенность яйца — это способность «родиться два раза»: в первый раз оно несется курицей, а во второй раз из него вылупляется цыпленок. Соответственно, широка сфера ритуального использования яйца; оно воспринимается как источник магии продуцирования. В этом смысле яйцо символизирует женское начало³⁰.

Накануне праздника *Симёк* (летнего родового праздника — символического кормления духов предков), женщины вместе с девушками и мальчиками отправлялись в лес за различными травами и цветами. Считалось, что отвар из них придает силы и здоровье. Приготовление ритуальной еды возлагалось на женщину: «*Чи пирвайхи икерчине хуҫа арәмь алăк патне чашăксăр, суртасăр ахаль анчах вилнĕ сынсене хывать, унтан икерчине сĕмйине ларса ҫиеҫҫĕ*» (Первый блин хозяйка адресовала предкам, без чашки и свечи угощала их, затем этот блин съедали всей семьей). По тра-

диционным представлениям чувашей, при этом угощались не живые, а усопшие. Моление проводил глава семьи, в самом начале он перечислял имена умерших родственников, поминал их ритуальными блюдами, пивом и водкой, то же самое повторяла его жена. Таким образом, в этих обрядах женщина была на втором месте³¹. А на кладбище трапезу начинала старшая женщина семьи или рода. В качестве поминальных блюд у намогильного столба или креста оставляли блины, яйцо, хлеб, немного отливалось пиво, затем начиналась трапеза³². С принятием христианства празднование *Ѕимёк* сдвинулось на три дня — с четверга на воскресенье. Сам праздник стали называть Троицей, а непосредственным днем поминовения стали воскресенье или суббота, в зависимости от территории проживания. Этим же объясняется и то, что не все чуваше проводят поминовение предков одновременно³³.

В.А. Сбоев и А.А. Фукс писали о негативной стороне *Ѕимёк* — после проведения обязательных ритуалов начинался шум, гам, пьянство и пляски прямо на кладбище. По их свидетельствам, женщины на кладбище вели себя непристойно, особенно потерявшие недавно своих мужей: «...и плачут, и пляшут в одно и то же время, рвут на себе волосы, одежду, бросаются на могилы, роют на них землю руками, со слезами причитают добродетели и достоинства своих супругов; и потом, вдруг вскакивая на ноги, неистово топчут могилу и, жесточайшим образом понося своих дражайших сожителей...»³⁴.

В таких праздниках, как *Уяв*, *Ѕумёр чўк* женская половина общины непосредственного участия не принимала. В их обязанности входило приготовление ритуальной трапезы — лепешек, каши и др. для проведения *Ѕумёр чўк*³⁵. Практиковалась традиция обливания водой женщин, родивших без мужа, и женщин, вышедших замуж с ребенком. Кроме того, участники *Ѕумёр чўк* могли вломиться в дома, где проживали молодые женщины и взрослые девушки, и облить их до нитки. Такой акт носил символ содействия плодородию в широком смысле³⁶.

С середины XX в. основными участниками *Ѕумёр чўк* становились женщины. В среде низовых чувашей это происходило следующим образом. Женщины после посещения церкви, где молились и ставили свечку, группой в несколько человек направлялись на старое кладбище и поливали водой холмики могил своих предков, а также солдат, места погребений умерших «недоброй смертью» (по пьяни, самоубийцы, утопленники), людей, считавшихся при жизни колдунами. Для поминовения женщины брали с собой хлеб, кашу, яйца, блины, но ритуалов жертвоприношения не совершали³⁷.

По мнению Т.С. Пассек, вода на кладбище используется не только для полива растений, она считает, что в таких действиях прослеживается женское начало. Взгляд чувашей на воду как на оплодотворяющую силу, на ее связь с плодородием в целом подтверждается и тем, что в ходе моления о дожде молодежь просила также о способствовании удачному замужеству и успехам в брачных делах, т. е. в продолжение жизни³⁸.

Чуваши Стерлитамакского уезда для проведения этого обряда при-сматривали дом какой-нибудь одиноко живущей женщины (желательно вблизи реки). Молодежь собирала продукты для приготовления каши и приносила их к хозяйке дома, с которой договаривались заранее. К ней приходили соседки, они помогали варить ритуальную кашу и печь лепешки *пашалу*. Роль женщины в этом обряде, на наш взгляд, определялась тем, что она готовила обрядовые блюда для умиловления божеств и духов, способных вызвать дождь³⁹.

В понедельник после Троицы начинался праздник *Џинҗе* (в это время проходил он, например, в селах Городище и Верхние Тарханы, расположенных на территории современного Тетюшского муниципального района Татарстана). Большинство этнографов объясняют *Џинҗе* как время покоя земли, особый период «беременности земли». Сведений об исполнении в этот период каких-либо определенных обрядов нет. Зафиксирован ряд запретов, которые касались Матери-земли. Земля представлялась как женщина в «положении», которую нельзя было тревожить. В это время не дозволялось работать в поле, копать, косить, полоть сорняки и рвать цветы, бросать на землю что-либо тяжелое, ступать на нее босыми ногами, рубить деревья, лазить на деревья и строения, загрязнять землю мытьем в бане, стиркой, крашением. Все это демонстрирует пассивную роль женщины в данном празднике. Однако с мифологической точки зрения особое отношение к земле, воде (дождю) и времени указывает на почитание женского пола. С усвоением норм православия запреты перенесли на день сошествия Святого Духа (понедельник после Троицы), назвав его *Џёр прасникё* (букв. «Праздник земли»). Убеждение, что в этот день нельзя заниматься земледельческими работами, продолжает бытовать⁴⁰.

Утӑҗи — сенокосная пора, имевшая важное хозяйственно-экономическое значение. Первый выход на сенокос напоминал большой всенародный праздник. Женщины одевались в белые платья, наряжались, надевали свои украшения. Первую горсть травы обязательно закладывали за спину, чтобы не болела спина⁴¹. Традиционные наряды не снимали даже в жаркую погоду. Иногда доходило до трагедии. Сохранилась история, согласно которой в 60-х гг. XIX в. в Ядринском уезде Казанской губернии молодая на следующий день после свадьбы вместе с народом вышла на сенокос. Так как за ее работой наблюдали все, она работала с особым усердием. Будучи в полном наряде, она не выдержала жары и умерла⁴².

В осеннем цикле самое важное место занимали праздники (в данном случае скорее обряды), посвященные началу и окончанию уборочных работ и сбора плодов. По народным поверьям, богов нужно было благодарить за урожай, поэтому перед началом сбора фруктов, овощей и злаков в их честь устраивались моления. В обязанности женщины входило приготовление ритуальной еды и напитков. Благодарственное моление за благополучный урожай *Ўӗклеме/Сӑра ӗӗкё* проводилось после окончания страды. Без этого новый урожай для приготовления пищи не использовали. Если до христи-

анизации *Чўклеме* совершалось повсеместно и строго по традиционным устоям, то после нее его проводили вкупе с православными обычаями, с посещением церкви. В частности, женщины несли хлеб из нового урожая в церковь для освящения⁴³. Для празднования варилось пиво. До начала вкушения ритуальных блюд и пива, произносились благодарственные речи (*Ташилама*)⁴⁴. В самом обряде *Чўклеме* женщинам также отводилась определенная роль. Жена хозяина, например, повторяла те же слова и действия, что и муж. В обряде ее сажали за стол вслед за супругом⁴⁵.

Одним из показательных сюжетов в процессе трансформации обрядности стало сознательное прерывание старшим поколением молений *Чўклеме* из опасения несоблюдения и своевольного прекращения обряда в будущем молодыми членами семьи, что было чревато тяжелыми последствиями для рода. Интересное наблюдение представлено в исследовании Е.А. Ягафовой. Она пишет, что моление проводила женщина, которая, будучи уже глубоко в пожилом возрасте, просила в своем молении божество семьи больше не ждать жертвоприношений и проститься с ее семейством. Автор приводит отрывки молений из проведенных интервью, по которым действительно видно, что женщины прощались с *Чўклеме*. Если же ритуал прощания не проводился, то молодые члены семьи были вынуждены и далее соблюдать обычай. Среди приуральских чувашей *Чўклеме* устойчиво бытовал до 1970-х гг., в некоторых семьях *чўклеме сйри* (пиво *чўклеме*) или *сёнь тырй пйтти* (каша нового урожая) проводился до начала XXI в.⁴⁶

Кёр сйри (осеннее пиво) — моление духам предков по завершении осенних земледельческих работ в связи с освящением нового урожая и нового пива. Представляет собой в какой-то степени обряд с жертвоприношением. При отсутствии знающего мужчины, моление проводила хозяйка (такая ситуация фиксировалась в Тетюшском, Симбирском, Сенгилеевском, Сызранском, Ставропольском и Самарском уездах). После официальной (обрядовой) части начинался обычный пир с песнями и плясками. Женщины в данном случае были заняты приготовлением ритуальных блюд: «...*тй-пйрч икерчисем пёсереç, сймарта хйпартни тйвас, хуран кукйлисем пёсереç, тата пёр лаййх чйхй пусаç. Лаййххине пусмасан чйхсем вилсе пётет теç, айлё сймарта сахал тйвать теç*» (...готовили ватрушки с творогом, омлет, вареники, курятину. Если заколоть плохую курицу, то куры будут умирать, яйца мало будут нести). Во второй половине XIX в. *Кёр сйри* сопровождался уже посещением церкви и поминовением усопших. Это свидетельствует о трансформации праздника. Произошло и смещение даты его проведения — к празднику Казанской Божьей Матери (4 ноября по новому стилю). В большинстве случаев в этот день церковь посещают женщины⁴⁷.

Пукрав — народное название православного праздника Покрова Пресвятой Богородицы, отмечающегося 1/14 октября. С Покрова дня, по представлениям чувашей, начиналась зима, до его наступления убирался с полей и огородов весь урожай. В этот день по обычаю, называемому *Пукрав йиши*, утеплялись избы, конопатили стены, делали зимние завалинки из

земли или навоза. В обязанности женщины входило затопить печи и испечь пироги. *Пукрав йиши хупатй* (букв. «тепло Покрова закрываю») — проносили женщины при приготовлении пирогов на Покров день⁴⁸.

Вообще чувашки в осенне-зимний период проводили разного рода пиры — *ёскё-çикё*. Они могли относиться также к новомуднему, масленичному и др. циклам праздников⁴⁹. Д. Месарош выделяет и другие небольшие пирушки в этот период (д. Чандрово Козьмодемьянского уезда Казанской губернии, ныне Чебоксарского МО ЧР): «*поса сйри* (посконное пиво), *кантйр сйри* (конопляное пиво), *ан сйри* (овинное пиво), *выльйх сйри* (моление пивом в честь домашней скотины)»⁵⁰. Безусловно, в них принимали участие и женщины.

Тема роли женщины в праздничной жизни чувашского народа в середине XIX — начале XX в. в данной работе рассмотрена на основе исследования архивных и опубликованных материалов. Чувашская женщина занимала значительную позицию во всех сферах жизни: материальной, духовной, общественной и т. д. Жена главы семейства ведала всеми бытовыми и домашними делами младших женщин своей семьи. При этом чувашская женщина являлась не только хранительницей домашнего очага, но и блюстителем духовных ценностей своего народа. Велико было ее значение в передаче этнических традиций. Жизненный опыт позволял ей знакомить членов семьи с требованиями традиционного этикета, устным народным творчеством, передавать свои знания не только о ведении хозяйства, но и об устоях и основных особенностях проведения обрядов и праздников.

Проведенный анализ дает основание утверждать, что в праздничной жизни чувашской семьи и чувашского общества в целом, в которой достаточно большое место занимали календарные праздники, замужней женщине отводилась заметная роль. Миссия женщин фертильного возраста в традиционных праздниках сводилась к выполнению действий ритуального характера, подразумевавших содействие обеспечению дальнейшего благополучного функционирования социума. В праздниках, в которых участвовало все сообщество, задачи женщины были связаны преимущественно с их подготовительной частью и финальными действиями. При этом даже простое присутствие женщин в роли пассивных наблюдателей в момент проведения праздников воспринималось как залог успешности начатого дела, получения благих результатов. Так, символика и сущность праздников, связанных с земледельческим циклом, начиная с первого весеннего моления *Акатуй*, неразрывно связаны с моментами брака, зачатия, рождения.

Литература, источники и примечания

¹ Комиссаров Г.И. Чувашки Казанского Заволжья // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете (ИОАИЭ). Т. 27. Вып. 5. Казань: Типолит. Императ. ун-та, 1911. С. 382—394; Пассек Т.С. Крут чувашских праздников // Академику Н.Я. Марру — XLV / Академия наук СССР. М.; Л.: Изд-во Акад. наук, 1935. С. 527—542.

² См., напр.: *Семенова Т.В., Егорова О.В.* Роль женщины в традиционных календарных праздниках и обрядах чувашей // Вестник Чувашского университета. 2024. № 3. С. 139—145.

³ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 72. С. 58; Чăваш халăх пултарулăхĕ. Пилсемпе кĕлĕсем / кĕнекене йĕркелекенĕ, ăнлантарусене сыраканĕ В.П. Станьял, умсăмахне сыраканĕ В.Г. Родионов. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2005. С. 80 (ЧХП. Пилсемпе кĕлĕсем); *Комиссаров Г.И.* Указ. соч. С. 382; Культура родного края. Ч. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1995. С. 175—177; *Месарош Д.* Памятники старой чувашской веры / пер. с венг. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. С. 157—173; *Пассек Т.С.* Указ. соч. С. 527—541.

⁴ *Миллер Г.Ф.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, как то черемис, чуваш и вотяков. СПб.: Императ. Акад. наук, 1791. С. 61—62; *Сбоев В.А.* Заметки о чувашах. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. С. 58; *Фукс А.А.* Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань: Типолит. Императ. Казан. ун-та, 1840. С. 23.

⁵ *Юркин И.* Чувашские национальные пляски // ИОАИЭ. Т. XIV. Вып. 1. Казань: Типолит. Императ. ун-та, 1897. С. 97—100.

⁶ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 152. Л. 110 (д. Новые Агаи Курмышского уезда, ныне Красночетайского МО ЧР); *Магницкий В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. С. 98—99; *Тимофеев Г.Т.* Тăхăрьял: этнографи тĕрленчĕкĕсем, халăх сăмахлăхĕ, сырс пынисем, сырусемпе асаилÿсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2002. С. 144—145; *Ягафова Е.А.* Чуваши Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотерриториальных групп (XVII — начало XX вв.). Чебоксары: ЧГИГН, 2007. С. 83—84; *Агапкина Т.А.* Урожай // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики; под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2021. С. 375.

⁷ Чувашская мифология: этнографический справочник. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. С. 269.

⁸ Культура родного края. С. 183—184; *Тимофеев Г.Т.* Указ. соч. С. 145—147.

⁹ «Здесь приведено описание *Сурхури* до Октябрьской революции, в переходный период от язычества к христианству, когда старый народный обычай уже стал вытесняться и заменяться обычаем “славления Христа”» (*Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка (далее СЧЯ). Вып. 11. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1936. С. 199—200.

¹⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 152. С. 67—75 (записано в Башкирии); Ед. хр. 158. С. 77; Ед. хр. 272. С. 1—2; *Ашмарин Н.И.* СЧЯ. Вып. 13. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1937. С. 4—5; *Архангельский Н.* Масленица у чуваш // ИОАИЭ. Т. 26. Вып. 5. Казань: Типолит. Императ. ун-та, 1911. С. 483—488; Культура родного края. С. 186; *Тимофеев Г.Т.* Указ. соч. С. 150; Чувашская мифология. С. 278.

¹¹ *Ашмарин Н.И.* СЧЯ. Вып. 13. С. 5; *Магницкий В.К.* Указ. соч. С. 101—102.

¹² НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 152. Л. 219—220 (д. Старые Яхакасы Ядринского уезда, ныне Вурнарского МО ЧР); *Тимофеев Г.Т.* Указ. соч. С. 154.

¹³ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 149. С. 240—241; *Ашмарин Н.И.* СЧЯ. Вып. 5. Чебоксары, 1930. С. 240—241; *Ашмарин Н.И.* СЧЯ. Т. 11. С. 315, 316—318.

¹⁴ *Комиссаров Г.И.* Указ. соч. С. 385; Культура родного края. С. 189—191; *Магницкий В.К.* Указ. соч. С. 105; *Тимофеев Г.Т.* Указ. соч. С. 154—155; Чувашская мифология. С. 169.

¹⁵ *Магницкий В.К.* Из поездки в село Шуматово Ядринского уезда Казанской губернии // ИОАИЭ. Т. 3: 1880—1882 годы. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1884. С. 160—179.

¹⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 156. С. 78 (Буинский уезд Симбирской губернии).

¹⁷ *Каменский Н.* Остатки языческих обрядов и религиозных верований у чуваш. Казань: Типолит. ун-та, 1910. С. 24—25.

¹⁸ *Ашмарин Н.И.* СЧЯ. Т. 11. С. 27; ЧХП. Пилсемпе кĕлĕсем. С. 80.

¹⁹ Чувашская мифология. С. 220—221.

²⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 285. С. 573—574; Ед. хр. 624. С. 10; *Ашмарин Н.И.* СЧЯ. Вып. 8. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1935. С. 265; *Каменский Н.* Указ. соч. С. 16; *Тимофеев Г.Т.* Указ. соч. С. 156—157.

²¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 144. С. 121—122 (д. Юрмекейкино Ядринского уезда, ныне Моргаушского МО ЧР); Ед. хр. 145. С. 455—457.

²² *Ягафова Е.А.* Чувашаи Урало-Поволжья. С. 338.

²³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 303. С. 87—88 (д. Шоркасы Ядринского уезда, ныне Вурнарского МО ЧР); Отд. III. Ед. хр. 152. Л. 212—213 (д. Старые Яхакасы Ядринского уезда, ныне Вурнарского МО ЧР).

²⁴ *Ягафова Е.А., Петров И.Г.* Запреты в празднично-обрядовом календаре чувашей: традиции и их трансформация // *Этнография*. 2022. № 2 (16). С. 221.

²⁵ *Магницкий В.К.* Указ. соч. С. 40—43; *Элле К.В.* Акатуй. Чебоксары: Чувгиз, 1935. С. 11; *Фокин П.П.* Акатуй // *Чувашская энциклопедия: в 4 т. Т. 1: А—Е.* Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. С. 42—43.

²⁶ *Денисов П.В.* Религиозные верования чуваш: историко-этнографические очерки. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1959. С. 132.

²⁷ Чувашская мифология. С. 85—86.

²⁸ *Салмин А.К.* Праздники, обряды и верования чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2016. С. 36.

²⁹ *Лаврентьева Л.С.* О платке // *Женщина и вещественный мир культуры у народов Европы и России* (Сборник МАЭ; т. 47). СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. С. 50.

³⁰ *Салмин А.К.* Указ. соч. С. 472—473; *Виноградова Л.Н.* Яйцо // *Славянские древности*. Т. 5. С. 621; Чувашская мифология. С. 284—285.

³¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 21. С. 534—535; *Каменский Н.* Указ. соч. С. 17; *Комиссаров Г.И.* Указ. соч. С. 388.

³² НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 152. Л. 21—22 (с. Агтиково Чебоксарского уезда, ныне Козловского МО ЧР); Чувашаи / отв. ред. В.П. Иванов, А.Д. Коростелев, Е.А. Ягафова; ИЭА РАН; ЧГИГН. М.: Наука, 2017. С. 454.

³³ *Семенова Т.В.* Обрядовый календарь чувашей в этноконтактных с татарами районах. СПб.: Лема, 2015. С. 55.

³⁴ *Сбоев В.А.* Указ. соч. С. 108; *Фукс А.А.* Указ. соч. С. 15—16.

³⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 209. С. 360—361; *Магницкий В.К.* Указ. соч. С. 26; *Сергеева Е.В.* Ритуальные блюда и напитки чувашей в календарной обрядности и их магические функции // *Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа* / сост. и отв. ред. С.В. Охотникова. Чебоксары: ЧГИГН, 2021. Вып. 5. С. 118; Чувашская мифология. С. 306—308.

³⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 152. С. 190; Ед. хр. 173. С. 42; *Салмин А.К.* Указ. соч. С. 59; *Семенова Т.В.* Указ. соч. С. 69.

³⁷ *Семенова Т.В.* Указ. соч. С. 69—70.

³⁸ *Денисов П.В.* Указ. соч. С. 139; *Пассек Т.С.* Указ. соч. С. 532—533.

³⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 152. С. 188—190.

⁴⁰ *Каменский Н.* Указ. соч. С. 19; *Пассек Т.С.* Указ. соч. С. 533; *Ягафова Е.А.* Самарские чувашаи (историко-этнографические очерки). Конец XVII — начало XX в. Самара, 1998. С. 21; *Ягафова Е.А., Петров И.Г.* Указ. соч. С. 222.

⁴¹ Культура Чувашского края. С. 231—214; Моргаушский район. Традиции, обряды, праздники / авт.-сост. Е.А. Зайцева. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. С. 54—55.

⁴² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 153. С. 135; Информация о Шуматовской вол. см.: *Магницкий В.К.* Этнографо-статистические данные о браках чувашей // ИОАИЭ. Т. X. Вып. 2. Казань: Типолит. Императ. ун-та, 1891. С. 13—14 (17). Отд. оттиск; *Салмин А.К.* Система фольк-религии чувашей. СПб.: Наука, 2007. С. 196.

⁴³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 145. С. 459—460 (Аликовская волость Ядринского уезда, ныне Аликовского МО ЧР).

⁴⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 147. С. 195—197; *Ашмарин Н.И.* СЧЯ. Вып. 15. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1941. С. 264—265; Культура родного края. С. 223.

⁴⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 33. С. 860.

⁴⁶ *Ягафова Е.А.* Кёр сәри — «осеннее пиво» в традиционной и современной празднично-обрядовой культуре чувашей // Этнографическое обозрение. 2017. № 3. С. 157—158.

⁴⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 145. С. 458 (Аликовская волость Ядринского уезда, ныне Аликовского МО ЧР); *Ягафова Е.А.* Кёр сәри — «осеннее пиво» в традиционной и современной празднично-обрядовой культуре чувашей. С. 156.

⁴⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 153. С. 84—85 (с. Большая Таяба Тетюшского уезда, ныне Яльчикского МО ЧР); Ед. хр. 149. С. 105; *Ашмарин Н.И.* СЧЯ. Вып. 9. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1935. С. 260.

⁴⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 145. С. 683—686; *Ашмарин Н.И.* СЧЯ. Вып. 4. Чебоксары: Народный комиссариат по просвещению ЧАССР, 1929. С. 148—149; *Месарош Д.* Указ. соч. С. 169.

⁵⁰ *Месарош Д.* Указ. соч. С. 171—172.

E.V. Sergeeva

WOMEN IN THE HOLIDAYS OF THE CHUVASH VILLAGE COMMUNITY (THE SECOND HALF OF THE XIX — BEGINNING OF THE XX CENTURY)

The article examines the role and place of women in calendar holidays, the origin of which is related to the producing function of nature and man. Certain behavior and special actions of a woman on each holiday were supposed to lead to a rich harvest, promised the health of the household, procreation.

Keywords: a Chuvash woman, village community, calendar holidays, fertile age, rules and norms of women's behavior.

**АКАДЕМИЧЕСКАЯ ШКОЛА
В ЧУВАШСКОЙ ЖИВОПИСИ.
РОЛЬ Р.М. ЕРМОЛАЕВОЙ
В ЕЕ СТАНОВЛЕНИИ
И РАЗВИТИИ**

ЧГВ, 2024 г., № 19

© А.А. Малинина

В основе развития чувашской живописи лежат традиции русской академической школы. Ее программа утверждалась в изобразительном искусстве республики благодаря художникам, окончившим творческие вузы Ленинграда и Москвы. Значительная роль здесь принадлежит художнику и педагогу Р.М. Ермолаевой. Академический уровень в чувашской живописи и художественном образовании продолжают поддерживать ее ученики.

Ключевые слова: художественная культура, Академия художеств, академическая школа, чувашская живопись, Р.М. Ермолаева, художник и педагог, Чебоксарское художественное училище.

В современной художественной культуре, в которой существует разнообразие техник и материалов, течений и направлений, роль традиций академизма бесспорна. Весь XX в. — эра художников, которые бросали вызов сложившимся прежде стилям, — классическим традициям были противопоставлены абстракционизм, экспрессионизм, символизм и т. д. Но академические традиции остаются непрекаемыми. В художественном образовании важность академических основ в рисунке, живописи признается все больше. В этом отношении существенное значение имеет авторитет русской академической школы. В советское время такая школа утвердилась в Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина (ЛИЖСА). Выпускники института сыграли серьезную роль в художественной жизни страны. Более всего это заметно в становлении и развитии художественных школ и, как следствие, профессионального изобразительного искусства в национальных республиках. Особая роль в этом принадлежит тем, кто совмещал свободное творчество и преподавательскую работу. Широко известны имена пре-

Алина Александровна М а л и н и н а — младший научный сотрудник искусствоведческого направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: m-anila@mail.ru.

подавателей столичных академий художеств, их прославленным мастерским и ученикам посвящено множество публикаций. Регионы в этом отношении оказались без должного внимания. Несомненна роль деятелей искусства, чей вклад в локальную культуру как составную и неотъемлемую часть общероссийской и мировой культуры следует еще оценить.

Одной из ключевых фигур в становлении академической школы живописи в Чувашии стала Розалия Михайловна Ермолаева (1920—2004). Художник и педагог, она оказала большое влияние на развитие изобразительного искусства республики. Пройдя серьезное обучение в Академии художеств по мастерской Иогансона — советского живописца, графика, педагога, одного из ведущих представителей социалистического реализма¹, она стала прекрасным живописцем, смогла привить основы академизма на чувашской почве. Несколько поколений учеников Р.М. Ермолаевой, ставших признанными художниками, во многом обязаны ей.

Сегодня понятие академизма предполагает систематическое образование в области изобразительного искусства и использование его в создании произведений живописи на высоком профессиональном уровне. Основы академической живописи в Чувашии начали складываться в середине XX в. Это время, когда в Чебоксарском художественном училище (ЧХУ) наступает период расцвета, здесь собирается преподавательский состав, получивший прекрасное образование в художественных вузах страны и готовый с энтузиазмом делиться знаниями и опытом.

Академический уровень в художественном образовании и его развитие в живописи Чувашии связаны, в первую очередь, с именем Розалии Михайловны Ермолаевой. Ее творческая и педагогическая деятельность явилась высшим проявлением профессионализма, повлиявшим на развитие художественной академической школы в республике. Становление этой школы пришлось на рубеж 1940—1950-х гг., хотя предпосылки к этому начали появляться ранее — в начале XX в. Первые художники-чуваши А.А. Кокель, М.А. Адрианов, М.С. Спиридонов, Н.К. Сверчков начали обучение в Императорской академии художеств (АХ) еще в царской России. Впоследствии они получили известность как «чувашские художники». Так исторически сложилось, что полный курс обучения и звание художника получил только А.А. Кокель (годы учебы в АХ — 1904—1912). Однако в 1916 г. он уехал в Харьков, и его педагогическая деятельность и дальнейшее творчество были связаны с этим городом. М.А. Адрианов, М.С. Сверчков и Н.К. Спиридонов, окончив Казанскую художественную школу, воспользовались правом поступить в Академию художеств вне конкурса. В 1912 г. все трое были зачислены в «общие классы», а через два года стали полноправными воспитанниками первого курса. Перед ними открывались широкие перспективы.

Одним из учителей будущих чувашских художников был Ян Францевич Ционглинский — талантливый педагог-новатор, профессор, пожалуй, самый популярный и любимый студентами в академии. Его называли пер-

вым русским импрессионистом («Вся его деятельность и педагогический метод были диаметрально противоположны академическим традициям»²). Помимо Ционглинского здесь преподавали А.В. Маковский, И.И. Творожников, Г.Р. Залеман, придерживавшиеся академических традиций. Такая школа могла стать серьезной, основательной базой для будущих художников. Но история распорядилась иначе.

В конце 1915/16 учебного года по результатам итоговых экзаменов «Никита Сверчков и Моисей Спиридонов сдали все общеобразовательные предметы и переводятся на третий курс, Михаилу Адрианову, не сдавшему анатомию, назначен повторный экзамен»³. Но уже 20 мая эти студенты были призваны на военную службу. М.А. Адрианов погибает на войне. «Империалистическая война лишила их возможности закончить учебу... ни один из трех не вернулся в Академию художеств, чтобы написать конкурсную картину»⁴. Завершить обучение им не пришлось. Поэтому говорить о появлении в Чувашии академической школы в связи с первыми воспитанниками АХ еще рано.

Будучи первыми чувашскими художниками, вовлеченными в процесс становления нового общественного строя, Спиридонов и Сверчков стали основоположниками профессионального изобразительного искусства республики. Моисей Спиридонович Спиридонов, возглавлял секцию ИЗО в подотделе искусств Чувашского областного комитета народного образования, руководил художественной студией при ней (1920—1925)⁵, преподавал в Чебоксарском художественном училище (1940—1941, 1948—1954). В те же годы здесь вел занятия (1940—1941, 1944—1951) и занимал пост директора училища (1944—1949) Никита Кузьмич Сверчков. Прожив долгую творческую жизнь, они смогли создать внушительное количество работ в разных жанрах — в портрете, пейзаже, историческом, бытовом. Придерживаясь реалистической манеры письма, в своих произведениях они поднимали самые разные темы. Однако академизм в творчестве этих прославленных художников выражения не нашел. И такое развитие изобразительного искусства Чувашской Республики в самом его начале было закономерно.

Важным событием в развитии художественного образования в Чувашии стало создание в 1934 г. в Алатыре граверной школы для подготовки квалифицированных национальных кадров художников-граверов для книжного издательства и редакций газет и журналов. Организация и руководство школой были возложены на гравера Федора Семеновича Быкова, выпускника Строгановского художественного училища. Занятия здесь проводились так, как это было в Академии художеств, и очень скоро граверное дело достигает высокого профессионального уровня. В 1936 г. школа приобретает статус училища, в 1940 г. по приказу Комитета по делам искусств при Совете народных комиссаров СССР оно было переведено в столицу республики и преобразовано в Чувашское государственное художественное училище с пятилетним сроком обучения, а в 1948 г. — в Чебоксарское художественное училище.

В Чувашии начинает утверждаться академическая школа. Ее успехи были отмечены самим Д.С. Моором. В известном письме Ф.С. Быкову (от 4 июня 1935 г.) он одобрительно отметил: «Те работы молодежи, которые мне были показаны Вами, заставляют сказать мне Вам несколько слов: во-первых, радость за сам молодежный человеческий материал, который дает возможность в некоторых из них угадывать очень способных художников»⁶. Методы работы Ф. Быкова, проникнутые академической идеей, по признанию Д. Моора, «в очень короткий срок дали чудовищно большие результаты». Среди выпускников Алатырской художественно-граверной школы немало известных художников, педагогов. Многие смогли стать учениками Ленинградской академии художеств. Одной из них была Р. Ермолаева.

Родилась Розалия Ермолаева в Казани. Окончила восьмилетнюю школу в Мариинском Посаде и затем поступила в Алатырское художественно-граверное училище, четырехлетний курс которого прошла за три года (1937—1940). Годы учебы в ЛИЖСА им. И.Е. Репина, куда она поступила в 1940 г., пришлось на непростое время. С началом войны Розалия Михайловна становится добровольцем санитарной дружины, трудится в госпитале, который размещался в здании Академии художеств, кроме того активно участвует в подготовке экспонатов Эрмитажа и Русского музея для эвакуации. По возвращении в 1944 г. из эвакуации она продолжила обучение в мастерской Б.В. Иогансона. В числе своих педагогов Розалия Ермолаева называла и известного российского советского живописца Александра Дмитриевича Зайцева, владевшего колористическим даром, ясностью композиционного мышления и глубокой эрудицией.

Завершив обучение в институте в 1948 г., Розалия Михайловна, теперь уже с семьей, возвращается в Чувашию. Ее муж, замечательный живописец Василий Степанович Гурин учился тоже в мастерской Иогансона. Здесь, в институте они подружились с Евгением Ефимовичем Бургуловым, студентом театрального отделения. Решили вместе приехать в Чебоксары. С тех пор жизнь и творческая судьба трех незаурядных личностей была крепко связана с художественным училищем, ставшим для них родным домом.

С этими художниками-педагогами связано становление академической школы живописи в Чувашии, где наибольший вклад принадлежит Р.М. Ермолаевой. Вся ее жизнь, творчество были отданы делу воспитания Художника, который мог сложиться только в условиях сильной художественной школы. Такая школа в чебоксарском училище начала формироваться с начала 1950-х гг., в первую очередь благодаря подвижническому труду Р. Ермолаевой, ему она посвятила около полувека — с 1948 по 1997 г., в 1972—1976 гг. занимала еще и должность директора училища. Ее высокий профессионализм живописца и педагога внес свою лепту в развитие живописи в Чувашии и в становление будущих художников. Среди ее учеников — творцы, чьи работы воплощают лучшее, что есть в чувашском искус-

стве: Ревель Федоров, Праски Витти, Анатолий Миттов, Николай Карачарсков, Владимир Агеев, Анатолий Брындин, Виктор Бритвин, Александр Федосеев и многие другие.

Первые послевоенные годы стали для училища своего рода возрождением. В 1946 г. в училище стали преподавать демобилизованные после Великой Отечественной войны Василий Макарович Макаров и Николай Денисович Мохов, окончившие ЛИЖСА еще в мирное время. Тогда же здесь приступили к работе Августа Моисеевна Спиридонова, выпускница художественного факультета Всероссийского государственного института кинематографии (1943) и Павел Григорьевич Григорьев-Савушкин, прошедший школу Ленинградского художественно-педагогического училища (1932—1936) и подготовительные курсы при Академии художеств (1937—1941). Вместе с Е.Е. Бургуловым, получившим диплом театрального художника в 1949 г., в Чувашию приехал Валентин Николаевич Леонтьев⁷, ученик И.И. Бродского, А.А. Осьмеркина и Б.В. Иогансона, работавший в училище с 1949 по 1951 г. Таким образом, в Чебоксарском училище собирается педагогический состав, в котором рядом со старыми опытными учителями начинают активно трудиться энергичные молодые специалисты с академическим образованием, привнося с собой дух самой академии.

В этих условиях уровень обучения в училище стал значительно выше, благодаря чему за ним на долгие годы закрепилась репутация одного из сильнейших в стране художественных учебных заведений. Сюда приезжали поступать не только со всей Чувашии, но и из других республик. «Поступив на первый курс, ребята даже из сельской глубинки выходили хорошими специалистами — рисовальщиками и живописцами с самыми обширными знаниями в области искусства»⁸. Такое серьезное обучение гарантировало поступление в Академию художеств, к чему, конечно, стремились многие.

Авторитет Р.М. Ермолаевой был бесспорным. Строгий и справедливый педагог, она требовала серьезного отношения к выбранной профессии. Труд и дисциплина — ее основные принципы в воспитании художника. В своей работе она неуклонно придерживалась четко и методично выстроенной учебной программы и последовательного ее выполнения. Очень важным она считала организацию порядка, который должен быть во всем — и в работе, и в подготовке к ней. Не готова была мириться с небрежным отношением к художественным инструментам, опозданиям, невыполненным заданиям. Такой небрежный подход к работе, считала она, недопустим для художника. Эти требования касались всех студентов — и уверенных в своей «гениальности», и менее честолюбивых. Кто понял, что достичь совершенства можно только большим трудом, тот смог найти себя.

Учеба в училище не была простой, но зато разнообразной и интересной. Сама Розалия Михайловна вспоминала: «Пятидесятые годы для меня особенно памятные. Мы с Василием Степановичем только приступили к преподавательской работе в училище. Требования к студентам предъявлялись высокие. Они и сами старались, невзирая на сложности и пробле-

мы, характерные для того времени»⁹. Такая взыскательность была справедливой. Ермолаева была строга прежде всего к себе как к живописцу. В ней всегда была некая неуспокоенность, убежденность в том, что надо стремиться к лучшему. И так воспитывала своих учеников. Учила своим примером.

В.С. Гурин, возглавивший предметную комиссию по специальным дисциплинам, считал важным организацию выставок и участие в них и преподавателей с обязательным обсуждением этих выставок. Складывалась практика проведения выставок лучших работ учащихся. Конечно, это воспитывало в студентах стремление работать так, чтобы их этюды были отобраны как лучшие. Особенно они гордились, когда их работы попадали в методический фонд. К тому же это и ответственность — на твои работы смотрят, оценивают, возможно, не только с восхищением, но и с критикой. Кроме текущих выставок, организовывались и передвижные (по районам республики), на которых экспонировались и дипломные, и учебные работы. Студентам внушалось понимание того, что хороший художник не тот, кто, обнаружив в себе талант живописца, почивает на лаврах, а тот, кто постоянно трудится.

Жизнь в училище была живой во всех отношениях и не ограничивалась учебным процессом. Поощрялись и спортивный энтузиазм, и увлечение театральным искусством: дружно посещали спектакли, репетировали в собственном драмкружке. Розалия Михайловна ясно понимала, что для художника важно иметь широкий кругозор: «Каждую неделю она “доставала” редкие документальные и художественные фильмы о странах, об их природе, истории, искусстве, о которых в то время было мало представления не только в городе, но и в стране»¹⁰. В стенах училища воспитывался не только квалифицированный специалист, но и разносторонне образованная, культурно развитая, нравственно зрелая личность, сформировавшая свое отношение к миру во всей его сложности и многогранности.

Важной частью фундаментального обучения художника, помимо специальных практических дисциплин, таких как живопись, рисунок, композиция, являются и теоретические предметы — анатомия, цветоведение и обязательно история изобразительного искусства. Неполное усвоение всех «положенных» дисциплин не дает возможности вырасти в полноценного художника. Поэтому история искусства была не последним предметом. Эту дисциплину всегда преподавали самоотверженные и по-настоящему одержимые педагоги с академическим образованием. Одной из них была Т.А. Эдельсон, выпускница факультета теории и истории искусства ЛИЖСА, а с 1951 г. — И.М. Хазанова, окончившая отделение истории и теории искусства исторического факультета Московского государственного университета им. М. Ломоносова. Стоит назвать еще одно имя — Ирина Лазаревна Козоровицкая, которая не просто любила и знала историю изобразительного искусства, но «заражала» этой любовью всех студентов.

Обучение художественным наукам в училище осуществлялось в теснейшей связи с институтом им. И. Репина. Основу методического фонда училища составляли учебные работы института, и к каждой новой постановке в мастерских вывешивались соответствующие примеры работ студентов «репинского» института, равняясь на которые, воспитывались чебоксарские учащиеся. Эта связь была тем более крепкой, что третьекурсники по программе музейной практики выезжали в Москву и Ленинград с обязательным посещением так называемых обходов¹¹ мастерских художественных институтов. Такое близкое знакомство с рабочим процессом академии были исключительно ценны и полезны для чувашских студентов. Просмотры учебных работ вдохновляли и «заряжали» наших учащихся. Тесная дружба со столичными художественными вузами выражалась и в том, что педагоги — ленинградские однокурсники Ермолаевой и Гурина — приводили своих студентов в Чебоксары на пленэр.

Настоящая живая творческая среда формировалась в Чебоксарском художественном училище в начале 1950-х гг. во многом благодаря тому, что здесь собрались личности, сплотившие вокруг себя и преподавателей, и студентов, и художников. Такая благодатная почва способствовала становлению академической школы, которая породила немало художников, в том числе продолживших учебу в художественных институтах Ленинграда, Москвы, Харькова и др. Многие из прошедших эту школу стали большими художниками, получив признание и в республике, и за ее пределами. Стоит назвать имена самых известных художников из первых «ермолаевских» выпусков: А.И. Миттов, Р.Ф. Федоров, П.П. Козлов, Г.И. Исаев, Н.П. Карачарсков, В.И. Агеев, С.И. Алатов, З.Ф. Лаврентьев, В.Л. Немцев.

Авторитет учителя был бесспорен, в том числе и благодаря мастерству художника Розалии Ермолаевой. Ее живописное наследие составляет золотой фонд чувашского изобразительного искусства. Работы «Юннатка» (1952) и «Сирень» (1955) находятся в постоянной экспозиции Чувашского государственного художественного музея, а портреты актрисы Ольги Ырзем (1957, 1969) и художницы по вышивке Екатерины Ефремовой (1969) входят в галерею замечательных людей Чувашии.

Следует признать, что Ермолаева и сегодня остается одним из самых ярких в республике живописцев. Своим талантом она выделяется даже среди бесспорно признанных мастеров кисти. Прежде всего — мастерством владения техникой, которое закладывалось в академических мастерских и впоследствии оттачивалось, совершенствовалось. Она обладала удивительной способностью чувствовать, думать цветом. Произведения художника отличает свободное письмо, сочность цвета, артистизм. Каждый шаг в ее работе над полотнами обдуман, каждое действие проанализировано.

О мастерстве Розалии Михайловны можно судить по тем картинам, которые находятся в собрании Чувашского государственного художественного музея. Это портреты, пейзажи, натюрморты. Ее работы свидетельствуют о высоком уровне владения живописным мастерством. Отдельного

внимания в творческом наследии художника заслуживает портрет. Ермолаева сыграла огромную роль в развитии этого жанра в чувашском изобразительном искусстве. Благодаря ей получает развитие портрет-картина.

Портрет является одним из самых сложных, самых высоких форм искусства. В иерархии жанров изобразительного искусства он занимает одно из центральных мест и следует сразу за историческим, относящимся к высоким жанрам. Портрет не может считаться удачным, даже если художник добился передачи фотографического сходства с натурой. В академическом портрете важно соблюдение многих условий. Мастерство хорошего портретиста проявляется в грамотной композиции, рисунке, умении передать характер натуры. Колористическое решение произведения также играет важную роль. В портрете могут быть отражены эпоха, время, в которое он был создан, «признаки языка и приметы стиля читаются здесь менее отчетливо, чем в других живописных жанрах. В портретах разных эпох мы наблюдаем приоритеты стабильных ценностей “человеческого” над приходящей динамикой художественных вкусов»¹².

Портретист Ермолаева владеет искусством передачи в произведении характера модели, ее душевных качеств, может раскрыть глубину внутреннего мира личности. Создавая художественный образ, она наделяет его глубоким смыслом. К примеру, таким мастерством в высочайшей мере обладал Валентин Серов. Индивидуальный подход к портретируемому художник выражает и в том, какую манеру он выбирает для настоящей работы. Светящееся от счастья лицо юной пионерки Розалия Михайловна пишет свежо, сочно, сочетая технику лессировки с корпусным письмом.

Рис. 1. Юннатка. 1952.
Холст, масло. 83×56. ЧГХМ

Рис. 2. Повесть о Зое и Шуре. 1953.
Холст, масло. 63,5×78. ЧГХМ

Широко, свободно трактует она розовую ткань платья, чистое лазоревое небо, буйство полевых цветов. Художник виртуозно сочетает локальную прописку в работе над пейзажем на заднем плане с детальной проработкой переднего плана, при этом ничего не отвлекает зрителя от главного — светлого образа девочки. Это и есть качества академической школы.

Иной манеры придерживается автор в создании портретов народной артистки Чувашской АССР О.И. Ырзем и народного художника Чувашской АССР Е.И. Ефремовой. Герои портретов — личности, серьезный вклад в культуру чувашского народа которых оценен по достоинству. Ермолаева выразила в портретах свое теплое отношение к каждой из них, но вместе с тем она воплотила монументальный образ, хотя и без пафоса — «по-ермолаевски». Героиня каждого из портретов преисполнена спокойного величия и внутреннего достоинства. Трепетным, чувственным мазком проработаны лицо, руки «зрелой» натуры. Мягко, вместе с тем крепко, написано окружение — волосы, одежда, фон. Небольшим, деликатным мазком художник «лепит» фактуру ткани, окружающих фигуру предметов, передавая мягкие касания и светотеневые контрасты. Благодаря этим приемам натура органично существует в окружающей среде. Розалия Михайловна дружила с Ольгой Ырзем — одной из основоположников чувашского театра, и с художником, много сделавшим для возрождения чувашской вышивки — Екатериной Ефремовой. Героини близки ей по духу и творческой энергии.

Рис. 3. Портрет артистки Ольги Ырзем. 1957. Холст, масло. 111×65. ЧГХМ

Рис. 4. Портрет народного художника ЧАССР Е.И. Ефремовой. 1969. Холст, масло. 113,5×81,5. ЧГХМ

В результате, в этих произведениях она вышла за рамки камерности и создала высокий образ культурной элиты своего времени.

Если портретный жанр считается одним из самых сложных в изобразительном искусстве, подвластным далеко не многим, то пейзажу и натюрморту отдают предпочтение самые разные художники — и виртуозы от живописи, и менее удачливые ремесленники кисти. Ермолаеву в этом отношении следует отнести к первым. В пейзаже она повествовательна, спокойна, уверенна. Артистически владея цветом, она передает состояние природы, ее настроение, наполняя картину воздухом и светом. В ее незатейливых натюрмортах из полевых цветов или срезанных и еще не составленных в букет веток сирени — очарование простоты. По словам искусствоведа В.М. Петровой, произведения художника являют «виртуозность письма, соединенную с глубиной эмоционального переживания»¹³. Сама Розалия Михайловна о своей работе говорит: «Моим стремлением, моей мечтой было и есть хотя бы малую часть своего мироощущения, переживания, взволнованности красотой природы, ее дарами — передать зрителю»¹⁴.

Несомненным достоинством произведений Розалии Михайловны Ермолаевой является цвет. От природы ей была дана способность тонко чувствовать его. Пройдя хорошую школу, она научилась тонально выстраивать цветовые отношения, отображая на холсте взаимосвязь предметов и среды. В ее полотнах цвет «живет», он чист и звучен. Ермолаеву, пожалуй, следует назвать «умным» живописцем. Она очень грамотно пишет маслом, учитывая все тонкости смешения красок. Поэтому с годами живопись мастера не утратила силу. Но сила ее работ не только в цвете. Он никогда не существует сам по себе, он работает в технологии поэтапного наложения красок — слой за слоем. Такая пастозность создавалась не ради эффектного рельефа на холсте. В процессе нанесения тонких, прозрачных красочных слоев живопись начинает дышать, пульсировать, наполняться жизнью.

Ее полотна несут ощущение легкости. Но за этим внешним впечатлением стоит огромная работа художника, долгие сеансы усердного письма. Требовательность к себе как к профессионалу не давала ей соглашаться ни с малейшими огрехами и ошибками, а только с той степенью завершенности, нацеленной к высочайшей планке, которую она себе выставляла. Такие же задачи она ставила и перед своими учениками. Розалия Михайловна не была готова мириться с небрежным отношением к делу, невымытыми кистями, нечищеными палитрами. Она считала, что эта неопрятность портит, замыливает глаз, что влияет на цветовосприятие, в итоге художник не может выстроить на холсте чистых цветовых отношений.

Благодаря качествам талантливого живописца, страстной любви к искусству, высочайшего профессионализма и потребности в передаче знаний и опыта, Ермолаева стала выдающимся педагогом. Ее преподавательская деятельность в училище продолжалась до 1997 г. — столь продолжитель-

ный период здесь не работал ни один художник. И по сути Ермолаева представляет собой ту основательную силу, которая формировала творческую академическую среду в училище. Эти ее качества проецировались и на педагогический коллектив. Розалия Михайловна, будучи директором Чебоксарского художественного училища, принимала важные решения, оказавшие влияние на дальнейшее развитие академической школы живописи в республике. Эту самоотверженную работу она совмещала с ответственной должностью председателя правления Союза художников Чувашии, на которой находилась с 1964 по 1967 г. И здесь она была строгим приверженцем академических основ в изобразительном искусстве.

Все, кто знал Розалию Михайловну, говорят о ней только с уважением. Ученики вспоминают ее как строгого, но справедливого педагога. И даже когда грязные кисти нерадивых студентов она отправляла в окно, обиды не оставалось. По прошествии многих лет ученики помнят ее наставления в культуре живописи. Для художника Дмитрия Бахмисова¹⁵ и сегодня ее «заповеди» — как руководство в работе с живописью: «Большое значение имеет мазок, его форма и цвет»¹⁶. Одна из усердных ее учениц Елена Никифорова, ныне очень яркий художник — живописец, график, педагог¹⁷, считает, что из уроков Ермолаевой вынесла главное. Она вспоминает: «Не сразу поняла ее требовательность. Все глупые мысли из головы ушли, когда я увидела ее картины. В частности, пленэрные натюрморты и незабываемые “Рыбы”. Все встало на свои места. Сразу поняла, что такое пастозность, подмалевок, когда они бывают уместны, что такое мазок, что такое тень и свет в красках, что такое вообще культура в живописи. Считаю ее одним из величайших живописцев Чувашии. Она оказала большое влияние на мое восприятие живописи»¹⁸. Помимо задаваемых по теме работ — этюдов, набросков, постановок, композиционных поисков, Розалия Михайловна рекомендовала делать упражнения по смешиванию красок. Не каждый справлялся с такими заданиями: примешивая один цвет к другому, получать богатейшую палитру сложных оттенков. Художественные материалы старались беречь, для многих они были доступны не всегда, да и стоили недешево. Но такой опыт помогал безошибочно использовать «процессы, приводящие к изменению цвета, связанные с химическим взаимодействием пигментов при смешивании некоторых красок: потемнение, выцветание»¹⁹.

Возвращаясь к биографии Мастера надо сказать, что всецело отдаваясь искусству и наставничеству, Розалия Ермолаева о себе заботилась далеко не в первую очередь. Так случилось, что пройдя полный курс обучения в Ленинградском институте им. И.Е. Репина и уже защитив преддипломный эскиз, была вынуждена уйти из института, не успев закончить выпускную квалификационную работу: в июле 1948 г. у нее родился второй ребенок, тогда как старшему был только год. Защитить дипломную картину и получить соответствующий документ Р.М. Ермолаева смогла только в 1965 г., когда подросли дети. Во всем она поддерживала супруга и сыно-

вей, тоже ставших художниками и состоявших в творческих союзах художников.

Сама Розалия Ермолаева вступила в Союз художников в 1961 г. Это время, когда художественная жизнь в Чебоксарах была яркой, наполненной событиями. 1960-е — годы невероятного доселе подъема в культуре Чебоксар, когда сюда, получив образование в лучших творческих вузах Советского Союза, приезжают актеры, архитекторы, музыканты, литераторы, художники. Вновь открывшийся Чувашский музыкально-драматический театр «пополнился выпускниками Ленинградского академического хореографического училища им. А.Я. Вагановой, составившими основу балетной труппы»²⁰. В 1961 г. было построено новое здание Чувашского драматического театра им. К.В. Иванова. Теперь их с Русским драматическим и Театром юного зрителя стало три. Тогда же начала вещание Чебоксарская студия телевидения. Был открыт Волжский филиал Московского энергетического института, на базе которого в 1967 г. образован Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова. К 1965 г. в городе кроме кинотеатра «Родина» уже работали кинотеатры «Мир», «Юность» и «Сокол».

В 1960 г. в Чувашском государственном педагогическом институте открыли художественно-графический факультет, где начали преподавать специалисты, окончившие ЛИЖСА, — Николай Овчинников, художники-графики Анатолий Миттов, Адель Ефейкина, Владимир Авраменко, живописец Маргарита Зобнина, Виктор Бажинов. Кроме того, приехали выпускники Московского государственного художественного института им. В.И. Сурикова — живописцы Михаил Харитонов, Петр Павлов, Харьковского художественного института — живописцы Владимир Непомнящий, Владимир Чураков, графики Ревель Федоров, Степан Головатый, скульптор Евгений Бондарь. Эти молодые специалисты не только обучали студентов, но и занимались творчеством — рисовали, писали, ваяли, объединялись в творческом союзе, участвовали в выставках. Такое созвездие педагогов-художников, с энтузиазмом включившихся в работу молодого факультета, воспитало целое поколение неординарных, имеющих яркую индивидуальность художников. При этом худграфовская школа педагогического вуза в силу специфики не имела четкой академической направленности.

В 1960-е гг. страна продолжала мирное развитие, улучшалось качество жизни. Полностью были восстановлены и построены заново разрушенные города, заводы. Волна энтузиазма и трудовых рекордов прокатилась по великим стройкам и целинным землям. Новая культурная среда внушала оптимизм, побуждала к великим свершениям. Это было время радикальных перемен, новых открытий, перспектив дальнейшего развития, начала космической эры, время шестидесятников. Осуществилась настоящая революция в строительстве жилья, в продаже появляется бытовая техника. «В культуре десятилетие характеризуется началом расцвета рок-музыки, авторской песни, авторского кино (в частности, французской новой волны)...

зарождением культуры хиппи и психоделической эстетики»²¹. Конечно, происходящее имело отношение к столицам, прежде всего Москве и Ленинграду, но накатывающей этой волны не могли не всколыхнуться и периферию, даже такие тихие прежде города, как Чебоксары. А город рос и развивался. В 1960 г. он обрел «спутник» — город Новочебоксарск. На учебу в столицу республики приезжают теперь не только из чувашской глубинки, но и из соседних регионов.

Молодое поколение было охвачено энтузиазмом новых открытий, стремлением к достижению невероятных высот. Такие цели ставили перед собой и те, кто заканчивал художественное училище в 1950—1960-е гг. В этот небольшой период рождаются, пожалуй, самые яркие художники, представлявшие профессиональное искусство Чувашии. Педагоги училища, и в первую очередь Розалия Ермолаева, предоставили такой простор и широту в творчестве, организовали обучение таким образом, что их ученики, усвоив полученные знания, смогли уже самостоятельно реализовать весь свой творческий потенциал, осознавая, что они и есть будущее чувашского изобразительного искусства. Как результат — почти из каждого выпуска по несколько человек были способны выдержать колоссальный конкурс и принимались в самые главные художественные вузы страны. Многие затем возвратились в родную Чувашию. Своим мощным и вопреки возрасту зрелым творчеством они положили начало развитию нового чувашского изобразительного искусства. Культурно или исторически значимые для республики места, события, герои получают выражение в монументальном искусстве — скульптуре, мозаике, фреске. Качественно новый уровень приобретает книжная, станковая графика, получает развитие плакат. В живописи продолжают развиваться традиции социалистического реализма, но появляются и новые направления. Суровый стиль становится выражением восприятия действительности. Новым смысловым содержанием, созвучным «деревенской прозе» наполняется жанровая живопись, пейзаж. Ведутся поиски национального стиля. Творческие изыскания художники могли теперь представлять на больших выставках, и не только в Чебоксарах. В 1964 г. начинается свою историю колоссальный проект — зональная выставка «Большая Волга»²², «когда появилась необходимость нового формата в искусстве, при котором можно было формировать творческие потоки и направления»²³. Отныне в историю изобразительного искусства Чувашии вошли имена художников, воспитанных на академической школе живописи здесь, в республике, которые мастерством и профессионализмом не уступают лучшим российским школам.

Окрыленные успехом постижения художественной школы в Чувашии, выпускники ставили перед собой задачу усилить ее в академическом направлении, были ориентированы на репинский институт. В отличие от более «вольных» суриковского и мухинского, здесь всегда были сильны академические устои. Искусствовед Михаил Герман, сам в 1950-е гг. студент ЛИЖСА, утверждал: «Уж кто-кто, а студенты академии “шестидесят-

никами” не были»²⁴. Собственно, сам художественный институт им. Репина, которому сегодня вернули историческое название — Академия художеств — является высшим звеном академического образования, начальной ступенью которого для многих чувашских художников и стало Чебоксарское художественное училище. Конкурс в этот институт во все времена был невероятно большим, и поступившие сюда студенты были большой гордостью педагогов училища. Величайшая заслуга в этом принадлежала беззаветному труду Р.М. Ермолаевой и ее коллегам В.С. Гурину, Е.Е. Бургулову.

Одним из «чувашских академистов», жизнь и творчество которого стали олицетворением времени, был Анатолий Миттов (1932—1971). В силу своего таланта, работоспособности и колоссального потенциала он, овладев академической школой, сумел выйти за ее пределы. В этом мы видим ту требовательность к себе и ответственность, которые он воспринял от Розалии Михайловны, не дававшей послабления себе как художнику. И сегодня исследователи открывают новые стороны его неординарного искусства. Миттовское наследие стало той почвой, на которой в Чувашии вырос целый ряд художников. Они вслед за Миттовым обращаются к народной культуре, ищут способы выражения национального собственным оригинальным языком.

Немного тех, кто, закончив Академию художеств, вернулся в Чувашию, но их полнокровное творчество являет состояние изобразительного искусства республики XX в. Среди них — Адель Ефейкина (1933—1999). Закончив графический факультет вместе с Анатолием Миттовым, она работала в книжной и станковой графике. Прекрасно владела техникой акварели. Создала внушительную портретную галерею современников, сюжетные композиции, натюрморты, преподавала. Станислав Алатов (1930—1991) — мастер живописной картины, портретист, некоторое время преподавал в училище, обучая молодых художников основам академической школы. Из этого ряда отдельно следует выделить академиста старшего поколения — Николая Овчинникова (1918—2004). Он, как и Розалия Ермолаева, начинал свой большой путь в искусство с Алатырской граверной школы. Как и она, прошел академическую школу в ЛИЖСА, где учился в мастерской Р.Р. Френца, затем в аспирантуре АХ СССР по твор-

Рис. 5. Овчинников Н.В. Портрет чувашского писателя Н.Ф. Ильбекова. 1967. Холст, масло. 100×70. ЧГХМ

Рис. 6. Овчинников Н.В. Подписание декрета об образовании автономии Чувашии. 1950. Холст, масло. 131×158. ЧГХМ

ческой мастерской народного художника СССР А.М. Герасимова. В чувашском изобразительном искусстве Н. Овчинников стал заметной фигурой. Около сорока лет, почти с самого основания художественно-графического факультета, преподавал живопись. Долгое время возглавлял правление Союза художников Чувашии, был секретарем правления Союза художников РСФСР. Занимая эти высокие посты, оказал влияние на развитие изобразительного искусства в республике. Следуя реалистическому направлению в живописи, создал ряд портретов современников советских тружеников, «созидателей коммунизма». Одухотворенные образы рабочих колхозников, представителей чувашской интеллигенции надолго стали основ-

Рис. 7. Овчинников Н.В. Здравствуй, Земля!.. (Космонавт Николаев). 1962—1963. Холст, масло. 180×250. ЧГХМ

ными в живописной истории советской Чувашии. Создатель больших исторических полотен, он прославлял значимые события прошлого и настоящего родного народа. Моментально отзываясь на происходящие события, создавал картины на темы полета в космос чувашского космонавта Андрияна Николаева или торжественной встречи героя на родине. В колоссальном списке его работ — «Подписание декрета об образовании автономии Чувашии» (1950), «Первая борозда. Ленин на испытании электроплуга в 1921 году» (1978), «Навеки вместе» (1981—1987), «Н. Бичурин и А. Пушкин» (1994—1995), полотна на тему яковлевианы. Овчинников и сегодня считается одним из значимых мастеров исторического жанра советского периода чувашской живописи.

Но не только «репинка» привлекала молодых чувашских художников. Более дерзкие, смелые, неформальные желали поступить в ЛВХПУ им. Мухиной²⁵. Целая плеяда учеников Ермолаевой, пройдя мастерские легендарной «Мухи» (Мухинского училища), подняла на высокий профессиональный уровень чувашскую скульптуру, монументальное и декоративно-прикладное искусство, графику. Редкий случай в истории чебоксарского училища, но защитив свои дипломы, в 1961 г. сразу шесть его выпускников поступили в ЛВХПУ на разные специальности, в том числе А. Брындин — на скульптуру, А. Иванов и В. Петров — монументально-декоративную живопись, Р. Терюкалова — художника по мебелино-декоративным тканям. Академическая основа обучения здесь не препятствовала возможности развития в направлении более нестандартных и современных решений задач. Приехав в Чувашию в качестве специалистов, они с энтузиазмом стали воплощать в жизнь самые смелые замыслы, используя все грани своего мастерства. Отныне изобразительное искусство в республике восполнилось на профессиональном уровне прикладным, монументально-декоративным искусством и, наконец, скульптурой.

Анатолий Иванов (1938—1977) — один из первых художников-монументалистов Чувашии, он стал практически зачинателем декоративно-монументального искусства в республике. Он — автор целого ряда монументальных и декоративных работ, в том числе витража в музее В.И. Чапаева в г. Чебоксары, посвященного революции и Гражданской войне, и чеканной карты боевых действий чапаевской дивизии, внес значительный вклад в создание современного облика столицы республики, оставаясь при этом верным ермолаевской школе и сохранив мастерство тонкого колориста и владение акварельной техникой живописи. Раисе Терюкаловой от природы было присуще крепкое живописное начало, которое благодаря педагогам училища и Розалии Михайловне развилось и оформилось, став характерной индивидуальностью художника и в декоративных, и в академических работах. «В первые годы после возвращения в Чебоксары, начиная с 1967 г., она работала на Чебоксарском хлопчатобумажном комбинате... Фабрика произвела по ее эскизам художественные гобелены»²⁶. Известность Р. Терюкалова получила как мастер рукотворного художественного гобелена,

портрета и натюрморта. Еще один славный выпускник ЛВХПУ Анатолий Брындин (1941 г. р.) — скульптор высочайшего профессионального уровня. Его произведения подняли чувашское монументальное искусство на новый уровень. Созданные им работы — памятники, рельефы, монументы — являются знаковыми в формировании городской среды, стали объектами культурного наследия чувашской столицы. Ученик живописца Р.М. Ермолаевой, он усвоил ключевой для себя принцип: главное в произведении — цельность образа. Понимание им личности Розалии Михайловны как человека и художника глубокого, основательного, было важно для него. Она стала для А. Брындына ориентиром, путеводной звездой на выбранной им стезе. Будучи близким Ермолаевой по духу, он остался верен ее высокому профессионализму и пронес это понимание через всю жизнь. Решение скульптора выполнить и установить памятник на ее могиле стало данью величайшего к ней уважения. Виталий Петров (1936 г. р.), более известный как Праски Витти, после получения диплома в родные края приехал не сразу, а лишь в 1985 г., реализовав ряд монументальных проектов в Ижевске, Перми, Кургане, Тольятти, Самаре и др. Известен в стране и за рубежом эмальерными декоративными панно. Его незаурядная творческая манера могла появиться благодаря той свободе, которую дала ему академическая школа. Таким образом, уроки Ермолаевой воспитывали не только живописца. Ее ученики смогли найти себя в разных видах изобразительного искусства. Так, «рисовальщик от Бога» Виталий Емельянов стал одним из самых ярких книжных иллюстраторов в Чувашии²⁷. Его рисунки, полные юмора, сарказма и гротеска, регулярно публиковались в популярном сатирическом журнале «Капкан»²⁸.

Московский государственный академический художественный институт (МГАХИ) им. Сурикова гораздо реже покорялся выпускниками ЧХУ. Художнику Оресту Филиппову удалось стать учеником «суриковской» мастерской легендарного графика-плакатиста Михаила Черемных, окончив которую в 1957 г., он вернулся в Чебоксары и начал историю плакатного жанра в республике. Хорошая школа дала возможность ярко выразить свой талант в политическом, агитационном плакате, который призывал, мотивировал и был неотъемлемой частью советского образа жизни. В развитии изобразительного искусства Чувашии сыграли свою роль и художники, которые, окончив МГАХИ, приехали в Чебоксары в качестве специалистов-преподавателей на ХГФ ЧГПИ. Среди них Петр Павлов (1937—2010), Николай Егоров (1940—2010) — мастера сурового стиля. Эволюция этого стиля нашла проявление в чувашской живописи в лучших учениках художников московской академической школы.

Отдельного внимания заслуживают художники, для которых обучение в Чебоксарском художественном училище стало полноценным образованием, чье студенчество пришлось на те незаурядные годы, когда академическая школа живописи переживала здесь свой «золотой век». О высоком уровне его педагогов — Р. Ермолаевой и других, А. Мордвинова с вооду-

шевлением писала: «Не только новые методики преподавания, но и художественный уровень создаваемых ими произведений, стал мощным стимулом для чебоксарской учащейся молодежи. Стало ясно, к чему надо стремиться. Делая свою работу со страстью и пылом молодости, они и в учениках хотели видеть эту любовь и страсть к искусству»²⁹.

За небольшой период времени, с 1950-х — начала 1960-х гг., училище воспитало художников, чье полнокровное творчество составляет сегодня славу чувашского изобразительного искусства. Их лучшие произведения реалистической живописи — гимн безграничной любви к родине, к своему народу.

Федор Осипов (1917—2009) — живописец, график, автор натюрмортов, пейзажей, писавший самые разные ландшафты русской земли. Он внес огромный вклад в развитие станковой и книжной графики. Как считает искусствовед Ю. Виктор, «он первым из художников республики начал создавать графические серии, посвященные историческому прошлому и современной жизни родного народа, освоению целины, строительству железных дорог в условиях Крайнего Севера и др.»³⁰.

Замечательный художник с училищным образованием — Борис Белоусов (1924—1977). Его творчество развивалось под сильным влиянием академической школы. Уже во время учебы он поражал своих наставников и соучеников тонким пониманием цвета и трудолюбием, в те же годы проявилась его любовь к пейзажной живописи. Белоусов прославил город Чебоксары в своих панорамных картинах-пейзажах. Самые его известные работы — «Радуга над городом» и «Чебоксары. Ледоход на Волге» — вошли в золотой фонд чувашского изобразительного искусства и остались непревзойденными по мастерству панорамной композиции, чистоте и силе цвета, виртуозности письма. «Сейчас изобразительное искусство Чувашии трудно представить без произведений мастера пейзажа Б.М. Белоусова, чей яркий колористический дар наиболее полно проявился именно в пленэрной жи-

Рис. 8. Белоусов Б.М. Чебоксары. Ледоход на Волге. 1969.
Холст, масло. 134×292. ЧГХМ

Рис. 9. Белоусов Б.М. Радуга над городом. 1967.
Холст, масло. 122×240. ЧГХМ

вописи. Его произведения, пройдя испытание временем, до сих пор восхищают не только профессионалов, но и обычных посетителей музея»³¹.

Владимир Агеев (1932 г. р.) — художник-философ. В творческом выражении он нашел свой язык, настолько оригинальный, что это стало выражением древнего, былинно-исторического представления о национальном. Его неповторимая техника в живописи и графике является яркой индивидуальной особенностью, она исключительно органична в трактовке чувашских образов мифологических, легендарных, исторических сюжетов и даже будничных событий.

Плеяду лучших учеников Розалии Ермолаевой пополнил Николай Карачарсков (1935—2021). Уже в 1960-е гг. он стал одним из ведущих художников республики. Его талант «крепкого» живописца упрочился в постижении академических основ изобразительного искусства в годы студен-

Рис. 10. Агеев В.И. Чувашский хоровод. 1982. Бумага, темпера, акварель, лак. 43×48. ЧНМ

Рис. 11. Агеев В.И. Свадьба. 1982. Бумага, темпера, акварель, лак. 43×48. ЧНМ

Рис. 12. Карачарсков Н.П. О нас пишут.
1969. Холст, масло.
199,5×188. ЧГХМ

Рис. 13. Карачарсков Н.П. Гликерия Егоровна в день 90-летия. 1995—2000.
Холст, масло. 148×183. ЧГХМ

чества. Раннее творчество художника наполнено оптимизмом и восторженным восприятием жизни. Такая палитра, напоенная воздухом, светом, чистотой, несомненно, была созвучна творчеству самой Р. Ермолаевой. Герой его произведений — человек труда, человек деревни. В последующем периоде творчества Карачарсков, оставаясь верным реалистической школе, визуализирует более суровый взгляд на действительность. Им была создана широчайшая портретная галерея земляков-поречан, серия «Люди колхоза “Янгорчино”» — героев войны и труда. Еще одна сторона его творчества — парадный портрет, в котором отдельного внимания удостоивались прославленные уроженцы Чувашии.

Вне всякого сомнения, ярким, цельным, самодостаточным художником, окончившим училище, стал и Виктор Немцев (1936—2018), живописец-реалист, мастер пейзажей-картин, психологических портретов и программных натюрмортов. Он являлся одним из самых активных участников творческой бригады «Сельские зори». В годы его учебы в училище поощрялось и серьезное отношение учащихся к занятиям по специальным предметам, и спортивные увлечения. Как результат — художник В. Немцев еще и мастер спорта СССР по акробатике (1965).

Участником «Сельских зорь» была и Евгения Вдовичева, мастер «пейзажа настроения» и натюрморта. Она выстраивала на поверхности холста тончайшие живописные отношения, состоящие из мягких оттенков³².

Пройдя академическую школу училища, настоящими профессионалами стали художники Геннадий Исаев (1925—2007), Павел Козлов (1926—2002), Виктор Козлов (1931—1993). Их лучшие произведения получили признание в республике и за ее пределами, они представляют собой неотъемлемую часть чувашского профессионального изобразительного ис-

кусства. В качестве примера стоит назвать работу Виктора Козлова «Нагулялся», ставшую наряду с известнейшей картиной Ф.П. Решетникова «Опять двойка» символом времени. Она и сегодня популярна и репродуцируется в самых разных контекстах.

За годы существования Чебоксарское художественное училище подготовило много замечательных художников, которые сказали свое яркое решительное слово в искусстве не только в Чувашии. Одним из таких стал марийский художник Зосим Лаврентьев (1933—2020). Благодаря серьезному основательному образованию и той настоящей академической подготовке, которые получил от Р. Ермолаевой и других педагогов, он смог реализовать свой богатейший потенциал как живописец и график, автор иллюстраций к марийским сказкам, сатирических рисунков. В изобразительном искусстве Марий Эл он — один из ведущих мастеров тематической картины и лирического пейзажа. Среди работ Лаврентьева выделяются произведения, показывающие яркую и самобытную культуру марийского народа с его традициями и обрядами.

Училище жило, готовило «кандидатов в студенты» для вузов. Приходили и уходили преподаватели. Иногда в училище приезжали художники с крепкой академической школой и продолжали здесь культивировать лучшие ее традиции. Верной своему делу здесь всегда была Розалия Ермолаева. За почти полвека служения она стала неотъемлемой частью, некой основой, на которой зиждилась академическая школа чувашской живописи. Поэтому в 70-е гг. XX в. училище подготовило уже новое поколение художников, последователей академической школы. «К началу 1970-х годов Чебоксарское художественное учили-

Рис. 14. Козлов В.П. Нагулялся. 1961. Холст, масло. 68×48. ЧГХМ

Рис. 15. Решетников Ф.П. Опять двойка. 1952. Холст, масло. 101×93. ГТГ

ще обрело статус одного из сильнейших в стране... Причиной популярности было и то, что сотни выпускников училища работали во всех уголках страны. Иногда они были единственными специалистами в своем городке, селе, поселке и закладывали основы художественного образования»³³. Как уже отмечалось выше, в эти годы в Чебоксары приезжали учиться не только из районов Чувашии. Таких было большинство, но, кроме того, здесь стремились учиться ребята из Марийской, Мордовской, Удмуртской республик, Красноярского края, Архангельской, Мурманской, Оренбургской, Свердловской областей, не говоря о ближайших соседях из Горьковской, Ульяновской, Костромской.

1970-е гг. дали чувашскому искусству Анатолия Рыбкина, Виктора Бритвина, Александра Федосеева. Это очень неординарные, интеллектуальные художники, чей яркий талант и хорошее академическое образование стали серьезным явлением в чувашской культуре. Творчество А. Рыбкина выделяется техникой письма, оригинальной композицией. «Он бережно обращается с цветом. Ряд его произведений при достаточно скромной палитре выразителен за счет живописного рисунка и словно находящегося в постоянном движении цвета»³⁴. В насыщенной жизни художника Рыбкина большое место занимает общественная работа — он несет миссию художника-посла между городами, регионами, странами и народами. Сегодня он, санкт-петербургский житель, — желаемый экспонент самых разных выставочных пространств и России, и за рубежом, но с особой гордостью он проводит выставки своих работ в стенах родного училища. Неоднократно приглашался руководством училища в качестве председателя Государственной аттестационной комиссии. В таком взаимодействии обнаруживается связующая нить между звеньями академического образования.

Продолжателями заложенного Р. Ермолаевой наставничества явились в Чувашии А. Федосеев и В. Бритвин, которые, получив квалификацию художника в ЛИЖСА им. Репина, вернулись в родное училище. Александр Федосеев — мастер живописной композиции, редкого дарования портретист, всегда пользовался авторитетом среди коллег и у студентов. Пройдя обучение в академической мастерской одного из крупнейших советских художников Б. Угарова, он стал продолжателем традиций реалистической живописи. Виктор Бритвин — один из лучших учеников Р. Ермолаевой, а затем — профессора Г. Епифанова в АХ, сформировал свою программу обучения, в которой особая роль отводилась академическому рисунку. За вот уже сорок лет работы он упрочил эту школу, в основе которой единым целым выступают рисунок, живопись и композиция, как это было в традициях Академии художеств. Бритвин и Федосеев воспитали целое созвездие художников нового поколения, которые сегодня создают современный период истории изобразительного искусства в самых разных его отраслях.

Самое «молодое» поколение ермолаевской школы — последний выпуск Учителя в 1997 г. Этот курс она вела по академическому принципу. На

протяжении всех пяти лет обучения Розалия Михайловна преподавала все специальные дисциплины. Такое наставничество заимствовано из опыта художественных вузов, когда мастер, возглавляя мастерскую, передает весь свой опыт, свою школу. Один из ее учеников — Евгений Емельянов (впоследствии он окончил церковно-историческое отделение Академии художеств и является сегодня главным художником Военно-исторического музея в Санкт-Петербурге) с искренней благодарностью вспоминает своего педагога:

«У Розалии Михайловны Ермолаевой нам посчастливилось учиться все 5 лет учебы в Чебоксарском художественном училище, с 1992 по 1997 г. Мы стали ее последней группой, которую она с первого курса довела до диплома. Последними из огромного количества ее учеников. Значение этого для большинства из нас судьбоносно, и его трудно переоценить... Ее авторитет был и есть для ее учеников — незыблем, замечания и советы были невероятно ценны на любом этапе обучения, мы всей душой любили и уважали ее. Даже работая над дипломом в Академии художеств, я приезжал советоваться с Розалией Михайловной, которая к тому времени уже была очень больна. Она с теплотой и заботой, по-матерински относилась к каждому своему ученику, всегда стараясь помочь и поддержать, никогда не прося ничего для себя. Масштаб личности Розалии Михайловны тогда ощущали все, но в ней это сочеталось с исключительной порядочностью и требовательностью, и в первую очередь к себе самой. Удивительный, тонкий живописец старой академической школы, потрясающий, выдающийся педагог, Розалия Михайловна учила не только живописи, она формировала в учениках настоящее отношение к искусству и профессии художника, воспитывая их характер и мировоззрение. Важнейшее значение Розалии Михайловны Ермолаевой как выдающегося наставника и мастера для развития и становления училища, ее роль в формировании культуры Чувашской Республики огромны. И мы, конечно, не должны забывать об этом. Низкий поклон и светлая память любимому учителю!»³⁵.

Сегодня в Чувашии академическая школа продолжает свое развитие на базе художественно-графического факультета, где открыта мастерская по программе живописного отделения Академии художеств. Здесь на протяжении шести лет готовят специалистов высокого уровня. Мастерская, которую ведет Валерий Чеботкин, окончивший живописное отделение ЛИЖСА им. И. Репина и творческую мастерскую живописи академика Х. Якупова, выпустила художников, которых сегодня специалисты, например, видный чувашский искусствовед А. Мордвинова, уже относят к лучшим молодым мастерам чувашской живописи³⁶.

В современном мире, когда в изобразительном искусстве уже мало кто придерживается реалистической линии, академическое образование не утратило своих серьезных позиций и продолжает оставаться востребованным. Это — сложившаяся школа, которая не заостенела со временем, а живет и развивается в современных условиях. Она дает таких художников,

которые, получив крепкие основы классической школы, реализуют себя в разных направлениях. Были времена, когда академизм отвергался как отжившее, старое. Так было в начале XX в., когда в молодом советском искусстве передовыми, новыми, прогрессивными были объявлены различные авангардные течения. Так же было и в конце века. Но очень скоро эта серьезная школа доказала свою востребованность. Она всегда отзывается на духовные запросы общества и выражается языком современности.

Роль академической школы в чувашской живописи исключительно серьезна. Складываясь в стенах Чебоксарского художественного училища, она стала фундаментальной основой художественного образования в Чувашии. Ее история началась здесь благодаря художникам — первым выпускникам Академии художеств еще в первой половине XX в., а закрепились и получила развитие во второй его половине. Личность большого художника, талантливого педагога Розалии Михайловны Ермолаевой, ее ревностное служение своему делу упрочили позиции академической школы живописи. Ее ученики, прошедшие эту основательную школу, смогли поднять чувашское изобразительное искусство на российский уровень.

Литература, источники и примечания

¹ Борис Владимирович Иогансон (1893—1973) — прославленный советский художник, произведения которого определили характер советской живописи первой половины XX в. Его талант, творческие устремления формировались в Московском училище живописи, ваяния и зодчества под руководством таких великолепных мастеров и педагогов, как К.А. Коровин, А.Е. Архипов, Н.А. Касаткин, С.В. Малютин. Став одним из первых членов Ассоциации художников революционной России, принимал активное участие в художественной жизни молодой советской страны, отражая в своих жанровых произведениях происходящие события. Полученные знания, мастерство, опыт он старался передать ученикам. Более сорока лет Б. Иогансон возглавлял мастерские в художественных институтах им. И.Е. Репина и им. В.И. Сурикова. Многие известные советские художники считают его своим учителем, среди них И. Глазунов, В. Загонек, Л. Кабачек, Х. Якупов.

² *Гуренович М.А.* Петербургский живописец с сердцем Шопена: К 150-летию со дня рождения Яна Ционглинского // *Наше наследие*. 2008. № 86. С. 136—143.

³ *Ургалкина Н.А.* Никита Кузьмич Сверчков: Жизнь и творчество. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1983. С. 22.

⁴ Там же.

⁵ *Ургалкина Н.А.* Моисей Спиридонович Спиридонов: Жизнь и творчество. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1975. С. 15—17

⁶ Письмо Д. Моора Ф.С. Быкову 04.06.1935 // ЧГХМ. КП-77. Архив Н.А. Ургалкиной.

⁷ Леонтьев В.Н. (1912—1984) // Ярославское областное отделение Всероссийской творческой общественной организации «Союз художников России». URL: <http://unionart76.ru/khudozhniki/memorial/leontev-vn-1912-1984.html> (дата обращения: 01.12.2022).

⁸ *Мордвинова А.И.* Будущее не спешило ко мне... Художник Анатолий Миттов: книга-альбом. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2022. С. 34.

⁹ *Бритвин В.Г., Кузуров И.К., Мордвинова А.И.* Чебоксарское художественное училище. Чебоксары: Тип. Брындиных, 2019. С. 46.

¹⁰ Там же. С. 58—59.

¹¹ Итоговый семестровый открытый просмотр работ учащихся по специальным дисциплинам (живопись, рисунок, композиция, скульптура и т. д.).

¹² Золотых М.С. О портретном жанре в станковой живописи и сложности его освоения // Инновационный центр развития образования и науки. URL: <https://izron.ru/articles/aktualnye-voprosy-psikhologii-pedagogiki-i-obrazovaniya-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdunar-sektsiya-6-teoriya-i-metodika-professionalnogo-obrazovaniya-spetsialnost-13-00-08/o-portretnom-zhanre-v-stankovoy-zhivopisi-i-slozhnosti-ego-osvoeniya/> (дата обращения: 21.12.2022).

¹³ Ермолаева Р.М. Осенний букет // Чувашский государственный художественный музей. URL: <https://artmuseum.ru/museumexpo/ceflbadb-ab23-4e69-a34d-0647f2d95335?author=9810970f-5d0a-473f-8da6-c40e2e0119fc&page=1> (дата обращения: 25.01.2023).

¹⁴ Ермолаева Р.М. Ромашки // Чувашский государственный художественный музей. URL: <https://artmuseum.ru/museumexpo/70d2096d-5d41-4fed-a364-d864dc960848?author=9810970f-5d0a-473f-8da6-c40e2e0119fc&page=1> (дата обращения: 25.01.2023).

¹⁵ Бахмисов Дмитрий Алексеевич, 1970 г. р. — художник-живописец, мастер декоративно-прикладного искусства. Учился в ЧХУ (1986—1990), где живопис в 1986—1988 гг. вела Р.М. Ермолаева. Член СХ России с 2019 г. Живет в г. Новочебоксарске.

¹⁶ Бахмисов Д.А. Из воспоминаний о Р.М. Ермолаевой. (15.03.2023) // Личный архив автора.

¹⁷ Никифорова Елена Александровна, 1971 г. р. — художник-живописец, график. Училась в ЧХУ (1986—1990). Закончила графический факультет Красноярского художественного института (1991—1996). Участник многочисленных выставок в городах Красноярск, Чебоксары, Нижний Новгород. Живет и работает в г. Шумерля ЧР.

¹⁸ Никифорова Е.А. Из воспоминаний о Р.М. Ермолаевой (26.01.2023) // Личный архив автора.

¹⁹ Правила смешения и наложения цветов // Группа компаний «Люминофор-Синтез». URL: <https://фотолюминофор.рф/koloristika/pravila-smesheniya-i-nalozheniya-tsvetov> (дата обращения: 04.02.2023).

²⁰ Чебоксары в 1964—1991 годы // Чебоксары — столица Чувашии. URL: <http://www.workshome.ru/cheboksary-1964-1991-god/kultura-i-iskusstvo/> (дата обращения: 31.01.2023).

²¹ Цит по: Дорошев В.А. О скитаниях вечных, о Земле, о Марсе и, конечно, о Рэе Брэдли // Лаборатория фантастики. URL: <https://fantlab.ru/blogarticle70542> (дата обращения: 23.12.22).

²² Виктор Ю.В. Большая Волга // Чувашская энциклопедия. URL: <http://www.enc.sar.ru/?t=publ&lnk=1277> (дата обращения: 28.02.2023).

²³ Королева Д. Искусство «Большой Волги»: [интервью с Ириной Маршевой] // День города. Нижний Новгород. URL: <http://dengoroda-nn.ru/kulturnaya-sreda/iskusstvo-bolshoj-volgi> (дата обращения: 28.02.2023).

²⁴ Герман М.Ю. Воспоминания о XX веке. Кн. 1: Давно прошедшее. Plus-que-parfait. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2018. С. 325.

²⁵ Ленинградское высшее (с 1948 г.) художественно-промышленное училище. В 1994 г. ЛВХПУ им. В.И. Мухомовой преобразовано в Санкт-Петербургскую государственную художественно-промышленную академию. 27 декабря 2006 г. академии присвоено имя А.Л. Штиглица.

²⁶ Раиса Терюкалова. Народный художник Чувашии. Еще поют серебряные струны...: книга-альбом / [авт. ст. А.И. Мордвинова]. Чебоксары: ПрофБизнесПечать, 2019. С. 22.

²⁷ Бритвин В.Г., Кузурков И.К., Мордвинова А.И. Указ. соч. С. 51.

²⁸ Садюков Н.И. Виталий Емельянов. Книжная графика. Сатира и Юмор. Плакат. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2012. С. 5.

²⁹ Мордвинова А.И. Выпускники Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина и художественная культура Чувашии в 1950—1960-е годы // Чувашское искусство: Вопросы теории и истории: сб. статей. Вып. 6. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. С. 195—196.

³⁰ Виктор Ю.В. Предисловие // Моя жизнь — устремленность. Народный художник Чувашии Федор Осипов: книга-альбом / сост., ред.: А.К. Брындин, Ю.В. Виктор. Чебоксары: Тип. Брындиных, 2017. С. 7.

³¹ Борис Михайлович Белоусов // Чувашский государственный художественный музей. URL: [https://artmuseum.ru/listofdays/08/31/Boris_Mihajlovich_BELOUSOV_\(1924-1977\)](https://artmuseum.ru/listofdays/08/31/Boris_Mihajlovich_BELOUSOV_(1924-1977)) (дата обращения: 26.12.2022).

³² *Малинина А.А.* Тихая песня души // Чувашский государственный художественный музей. URL: <https://artmuseum.ru/exposition/64a9c7b2-a41c-4936-8ade-ed67e1e5c23e/> (дата обращения: 26.12.2022).

³³ *Бритвин В.Г., Кугураков И.К., Мордвинова А.И.* Указ. соч. С. 98.

³⁴ *Литвинова М.* Мир доброму старому дому. Рыбкин Анатолий Петрович // Российская академия художеств. URL: https://www.rah.ru/the_academy_today/the_members_of_the_academie/member.php?ID=51956 (дата обращения: 27.02.2023).

³⁵ *Емельянов Е.* Из воспоминаний о Р.М. Ермолаевой (26.05.2023) // Личный архив автора.

³⁶ *Мордвинова А.И.* Линия одержимости. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2021. 208 с.

A.A. Malinina

THE ROLE OF THE ACADEMIC SCHOOL AND SIGNIFICANT CONTRIBUTION OF R.M. ERMOLAEVA TO THE CHUVASH PAINTING

The development of the Chuvash painting is based on the traditions of the Russian academic school. Her program related to the fine arts was highly appreciated due to the artists graduated from the creative universities of Leningrad and Moscow. The significant role belongs to the artist and teacher R. M. Ermolaeva. The academic level in the Chuvash painting and art education is maintained by her followers.

Keywords: art culture, Academy of Arts, academic school, the Chuvash painting, R.M. Ermolaeva, an artist and teacher, Cheboksary Art College.

ЧГВ, 2024 г., № 19
© Э.Е. Лебедев

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ ГЛАГОЛА В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассмотрены некоторые вопросы изучения словоизменительных форм и категорий глагола, которые, по мнению автора, являются важными для общего понимания функционирования системы глагольных форм в чувашском языке. В качестве таких вопросов и проблем представлены аналитические формы, образуемые посредством сочетания форм причастий и деепричастий со вспомогательными глаголами, категория залога, аспектуальности и др. В конце работы дается список и состав словоизменительных категорий глагола в понимании автора.

Ключевые слова: категории глагола, словоизменение, аспектуальность, залог, аналитические формы глагола.

Словоизменительные формы и категории глагола в тюркских языках в целом представляют собой достаточно обширную область для исследования. Чувашский язык не является исключением — в нем большое количество подобных форм и категорий. В истории чувашского языкознания изучение глагольных форм всегда занимало особое положение. Как зарубежные, так и отечественные ученые уделяли им отдельные разделы в своих работах. Начиная с первого труда «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка» и до нашего времени ими было сделано многое в области изучения глагола, и сейчас мы имеем относительно полную и адекватную картину глагольного словоизменения в чувашском языке. Однако говорить об окончательном решении этого вопроса пока преждевременно. Существует ряд проблем, которые до настоящего времени не нашли своего ответа. Основной причиной этого, на наш взгляд, является наличие некоторых стереотипов в отношении грамматической структуры тюркских языков в целом и чувашского языка в частности. Часть

Эдуард Евгеньевич Лебедев — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник секции языкознания филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: edlebed@gmail.com.

из них возникла под влиянием грамматик индоевропейских языков, для языков России — это прежде всего русский язык. В качестве примера одного из таких стереотипов можно привести постулат о том, что любая грамматическая категория должна состоять минимум из двух членов. Как в свое время правильно отмечали известные исследователи грамматики тюркских языков В.Г. Гузев и Д.М. Насилов¹, для тюркских языков этот постулат в определенных случаях не работает, и один из этих случаев представляет собой категория числа. Факты тюркских языков показывают, что словоформа, не имеющая в своем составе показателя множественного числа, совсем не обязательно указывает на единственное число. Скорее всего, она полностью индифферентна по отношению к количеству выражаемых ею предметов, и то, какое число передается этой формой, можно выяснить лишь в конкретном контексте. Таким образом, категория числа в тюркских языках состоит только из одного аффикса множественного числа. В чувашском языке она образуется при помощи аффикса *-сем*. Другим примером широкого распространения устойчивых стереотипов в отношении тюркских языков является стереотип об исключительно синтетическом характере их грамматического строя. Этот стереотип существует еще со времен классического труда О. Бетлинга «О языке якутов»². И действительно, языки агглютинативного типа, к которым относятся тюркские языки, характеризуются наличием большого количества синтетических форм, образованных при помощи аффиксов, которые присоединяются к основе слова в определенном порядке. Однако подобный синтетический характер их грамматического устройства не исключает и возможность присутствия в них аналитических форм. В современном чувашском языкознании наличие в языке таких форм, в первую очередь в глагольной морфологии, практически не признается. Между тем глагольные аналитические формы в чувашском языке есть, и необходим серьезный анализ их структуры и места в общей системе глагольных форм.

Надо сказать, что в исследованиях по другим тюркским языкам наличие указанных аналитических форм глагола, пусть и в ограниченном количестве, но все же признается. Рассмотрим, например, описание словоизменительных форм глагола в татарском языке, представленное в коллективной монографии «Татарская грамматика. Том II. Морфология»³. В этой работе по традиции глагольные формы распределены по таким грамматическим категориям, как категории лица, числа, наклонения, времени и др. Автор раздела о морфологических категориях глагола отмечает, что как среди модальных, так и среди временных форм наряду с синтетическими имеются и аналитические формы⁴. К ним относятся: *-мак + бул: укымак була* «хочет читать» (модальная форма со значением желания совершения действия)⁵, *-р + иде: карар иде* «посмотрел бы» (форма сослагательного наклонения)⁶, *-а торган + иде: ала торган идем* «я обычно брал» (форма прошедшего многократного времени)⁷ и др.

Аналогичным образом, по мнению В.Г. Гузева, обстоит дело и в турецком языке. В системе словоизменения глагола этого языка представ-

лены грамматические категории аспектуальности, категории изъявительного наклонения (куда входят формы времен индикатива) и других форм категории наклонения, в составе которых имеются и аналитические формы. Среди них автор называет следующие: *-ar/-er ol-* со значением начала постоянного или длительного действия: *sever oldu* «начал любить»; *-maz/-mez ol-* со значением прекращения длительного действия: *göremez oldu* «перестал видеть»⁸; *-uır/-uır/-uır/-uır dur-* со значением длительности или многократно повторяемости действия: *konuşup duruyor* «постоянно говорит»⁹; *-miş/-miş/-muş/-müş ol-* со значением перфекта, переходящего в состояние: *vermiş olursun* «ты отдаешь (досл. “становишься отдавшим”»)¹⁰; *-iyor/-iyor/-uyor/-üyor ol-* со значением настоящего данного момента в будущем: *çalışıyor olacağı* «я буду работать (досл. “буду работающим”»); *-iyor/-iyor/-uyor/-üyor olmalı* со значением предположения: *geliyor olmalı* «должно быть, он приходит» и др.

В связи с вышесказанным, цель настоящей статьи мы видим в попытке решения проблем, стоящих перед учеными в области словоизменения глагола чувашского языка. Большинство из них связано с наличием определенных стереотипов, навеянных грамматикой русского и других индоевропейских языков. Их решение позволит получить более корректную картину глагольного словоизменения и по-другому взглянуть на состав грамматических форм и категорий чувашского глагола.

Для лучшего понимания существующих проблем необходимо сделать краткий обзор некоторых грамматических трудов по чувашскому языку, с тем чтобы проследить, как развивались взгляды чувашеведов на вопрос состава и количества словоизменительных форм глагола.

Отправной точкой изучения чувашского языка является труд «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка», изданный в Санкт-Петербурге в 1769 г. Авторы этого труда при описании основных грамматических свойств опирались на схемы изучения языков индоевропейской семьи — греческого, латинского и отчасти русского. По этой причине структура «Сочинений» следует традициям индоевропейского языкознания. В разделе, посвященном глаголу, дается информация о формах времен и наклонений¹¹. Вполне справедливо выделены простые формы прошедшего, настоящего и будущего времен (*-am/-em*, *-pă/-pě*, *-ă/-ě*) и причастие настоящего времени (*-акан/-екен*). Причастие будущего времени с аффиксом *-ac/-ec* обозначено в качестве неопределенной формы. Отдельно указаны повелительное и сослагательное наклонения¹². Таким образом, можно констатировать, что изучение словоизменительных форм в чувашском языке началось с категории времени (прошедшее, настоящее и будущее), наклонения (повелительное и сослагательное) и некоторых причастных форм (настоящего и будущего причастий). Конечно же, в то время никакой речи не могло идти о создании цельной картины глагольного словоизменения, и в первой грамматике не указаны ни сложные формы времен, ни формы некоторых наклонений, ни деепричастные формы.

Нельзя обойти вниманием сочинение В. Шотта «De lingua tschuwaschorum», которое, несмотря на небольшой объем, оказало определенное влияние на развитие тюркологической мысли в Европе. Опираясь на весьма скудный фактологический материал, ученый, тем не менее, делает некоторые важные выводы в области глагольной морфологии чувашского языка¹³. К ним относится, например, обнаружение аффикса *-ччĕ*, который по сути является реликтом древнего тюркского глагола *er* «быть». Автор перечисляет случаи, где этот аффикс входит в состав сложных глагольных форм¹⁴. Кроме этого, В. Шотт указывает на наличие в чувашском языке причастия, образуемого формантом *-малла/-мелле*, со значением долженствования¹⁵. Также им подробно рассматривается образование отрицательных форм глагола при помощи аффиксов *-мас/-мес* и *-ма/-ме*¹⁶ и некоторых залоговых форм¹⁷.

Другая работа, которую мы бы хотели здесь отметить, это грамматический труд Й. Буденца «Очерки исследований по чувашскому языку», подготовленный отчасти на материалах другого венгерского ученого А. Регули и на основе работ его предшественников — авторов «Сочинений, принадлежащих к грамматике чувашского языка» и В.П. Вишневого¹⁸. Надо сказать, что исследование венгерского ученого представляет собой наиболее полное на то время описание системы глагольных форм чувашского языка. При этом автор не просто перечисляет эти формы, а дает, где это возможно, анализ их происхождения и функционирования, что очень ценно с точки зрения их изучения. Например, в отношении явления плеоназма в формах *-аттăмччĕ/-еттĕмччĕ* и *-аттăнччĕ/-еттĕнччĕ*, когда к аффиксу прошедшего времени 1-го и 2-го лица добавляется аффикс *-ччĕ*, Й. Буденц пишет, что значение прошедшего времени у соответствующих аффиксов стало «восприниматься не полностью в первоначальном виде», и аффикс недостаточного глагола *-ччĕ* «начали дополнительно присоединять к указанным лицам»¹⁹. Помимо этого ученый рассуждает о путях образования форм будущего времени, сослагательного наклонения, повелительного наклонения²⁰, форм отрицания четырех времен²¹, уступительного наклонения²² и др. Достаточно подробный разбор проводит автор и в отношении неличных форм глагола — причастий и деепричастий. Он первый из исследователей чувашского языка выделил деепричастную форму, образуемую при помощи аффикса *-а/-е*²³. В целом, труд Й. Буденца, как правильно отметила в своей статье Ю. Дмитриева, стал наиболее подробной и научно обоснованной грамматикой чувашского языка, в которой к тому же все грамматические явления изучаются в разных ракурсах — как с точки зрения синхронного описания, так и в диахроническом плане. К сожалению, эта грамматика была малодоступной для современников, так как была написана на венгерском языке, но многие идеи Й. Буденца сохраняют свою актуальность и поныне²⁴.

В 1898 г. выходит монография Н.И. Ашмарина «Материалы для исследования чувашского языка». По нашему мнению, эта работа является

первым подробным исследованием рассматриваемой нами области языка, основанным на подлинно научной базе. Вопросы, касающиеся морфологии чувашского языка, анализируются во второй части монографии. Что касается словоизменения глагола, то здесь представлены все основные грамматические категории. Ученый рассматривает формы таких времен, как настоящее-будущее, будущее, прошедшее действия, прошедшее состояния, предварительное действия, предварительное состояния, прошедшее многократное. Среди же наклонений чувашского глагола им выделяются изъявительное, сослагательное, уступительно-желательное и повелительное²⁵. Формы со значениями залогов Н.И. Ашмарин в круг словоизменительных не включает, он считает их словообразовательными. К формам с временными значениями отнесены так называемые простые и сложные (состоящие из более одного аффикса) формы. Отметим наличие среди них неспрягаемых форм с аффиксами *-нӑ*: *пулӑн* «стал» и *-нӑччӗ*: *пулӑнччӗ* «тогда уже стал»²⁶. Ученый выделяет в чувашском языке две формы сослагательного наклонения. Одна из них образована синтетическим способом, а вторая — аналитическим: *пулӑттӑм(чч)ӗ* «я стал бы», *пулӑн пулӑттӑм* «я уже стал бы»²⁷. Вторую форму, на наш взгляд, более правильным было бы считать сослагательным наклонением давнопрошедшего времени.

В книге подробно рассмотрены формы причастий и деепричастий. Н.И. Ашмарин затрагивает весьма интересную и сложную тему — способность причастных форм присоединять падежные аффиксы: *пулӑран* «вследствие бытия», *пулӑранпа* «с тех пор, как стал», *пулассӑн*, *пуласса* — родительный и дательный-винительный падежи от причастия с показателем *-ас/-ес*. Никакого объяснения этого явления автор не приводит, он лишь указывает, что подобные случаи встречаются «в некоторых придаточных предложениях»²⁸. В качестве деепричастных ученый приводит следующие аффиксы: *-а/-е*, *-арах/-ерех*, *-массерен*, *-аччен*, *-иччен*, *-нӑ сёмён / -нӗ сёмён* (в раздельном написании), *-сассӑн/-сессӗн* и *-сан/-сен*²⁹. Исследование форм глагола в «Материалах» Н.И. Ашмарина стало дальнейшим шагом в изучении этой непростой темы.

Другой крупной работой ученого, в которой подробно разбирается словоизменение глагола в чувашском языке, стала вторая часть «Опыта исследования чувашского синтаксиса». В ней им исследуются те же глагольные категории, что и в «Материалах», но анализ построен несколько по другому принципу — значения форм рассмотрены в контекстных примерах, что дает более точную картину. Благодаря такому подходу, Н.И. Ашмариным выявлено 11 значений настоящего-будущего времени, 16 значений будущего времени, 11 — прошедшего времени действия, 5 — прошедшего многократного, 10 — прошедшего состояния и т. д. В отличие от «Материалов» здесь выявлено большее количество временных форм — 12. К уже описанным ранее формам добавились: предварительное состояния 2-е (*-нӑ/-нӗ пул-нӑ*), будущее 2-е (*-нӑ/-нӗ пулӗ*), прошедшее многократное состояния 1-е (*-ам/-ет пулӑн*), прошедшее многократное состояния 2-е (*-нӑ/-нӗ пулатчӗ*) и

настоящее прошедшее (-нй/-нй пулать)³⁰. Как можно видеть, все эти формы являются аналитическими. И хотя, справедливости ради, стоит признать, что большая часть этих форм в современном чувашском языке уже не встречается, сам факт возможности образования в чувашском языке аналитических форм времени Н.И. Ашмариным был подтвержден.

Много места в работе уделено так называемым вспомогательным глаголам, посредством которых в чувашском языке образуются аналитические формы со значениями способов действий (акционсарт). Несмотря на то, что термин «аналитическая форма» у Н.И. Ашмарина в данном случае не встречается, ученый вполне точно установил особенности подобных образований. Всего им выявлено более 50 вспомогательных глаголов, правда некоторые из них, по нашему мнению, все же таковыми не являются и должны быть исключены из списка. Например, глаголы *антйра* «приходить в растерянность» и *асаплан* «мучиться»³¹. Отметим, что две указанные в настоящей статье работы Н.И. Ашмарина стали той базой, на которой впоследствии стало развиваться чувашское языкознание, и надолго определили ход его развития.

Следующей по времени работой, которую мы здесь рассмотрим, является коллективная монография «Материалы по грамматике современного чувашского языка». В ее подготовке участвовали ведущие на то время грамматисты чувашского языка. Разделы, касающиеся грамматических категорий глагола, подготовили В.Г. Егоров и И.П. Павлов (о деепричастии). Надо сказать, что в целом книга, несмотря на неброское название, представляет собой вполне подробное и системное исследование указанной области чувашской грамматики. В разделе «Глагол» описаны такие словоизменительные категории, как наклонение и время, под заголовком «Неспрягаемые формы глагола» даны инфинитивы, супины, причастия, имена действия и отдельным параграфом — деепричастия³². Что касается форм с залоговыми значениями, автор соответствующего раздела В.Г. Егоров указывает их в качестве словообразовательных и пишет, что «под категорией залога мы понимаем отношение действия к субъекту и объекту его»³³. То есть, по мнению ученого, дополнение семантики основного глагола значением «отношения действия к субъекту и объекту» приводит к образованию нового слова, что, на наш взгляд, весьма сомнительно.

Конструкции со вспомогательными глаголами, передающими различные акционсартовые значения (мы их называем *аналитическими формами*), на взгляд В.Г. Егорова, представляют собой механизм словообразования и в терминологии автора названы «сложными глаголами»³⁴. В отдельных параграфах описаны «особые глагольные формы»: «учащательная или многократная», «интенсивная» (по сути тоже являющиеся акционсартовыми, но образуемые при помощи аффиксов) и «возможности и невозможности»³⁵. В разделе о спряжении глаголов В.Г. Егоров дает формы глаголов с временными значениями, которые составляют категорию времени в чувашском языке. Всего здесь представлено восемь таких форм, что зна-

чительно меньше, чем у Н.И. Ашмарина. Вызывает интерес так называемое «будущее сложное (преждебудущее) время», образуемая при помощи формы *-нӑ/-нӗ пул* + аффикс будущего времени, со значением будущего действия, «которое должно совершиться раньше другого будущего действия»³⁶. Эта форма является единственной в ряду временных форм у В.Г. Егорова, которая образуется аналитическим способом.

Достаточно подробно рассмотрены так называемые неспрягаемые формы глагола. Обращает на себя внимание параграф, посвященный явлению субстантивации (или лексикализации) формы инфинитива с показателем *-ма/-ме*³⁷. В разделе «Причастия» наряду с простыми формами описываются субстантивная форма причастия³⁸, а также различные составные формы, образованные от причастий: *-нӑран/-нӗрен*, *-аспа/-еспе* и др.³⁹, составляющие сложность для теоретического осмысления и в наши дни. В отдельном разделе, автором которого является И.П. Павлов, представлено весьма обстоятельное описание чувашских деепричастий, которые, по его мнению, делятся на деепричастия «первичного и вторичного образования»⁴⁰.

И.П. Павлов через несколько лет издает книгу «Хальхи чӑваш литературӑ чӗлхи. Морфологи». К сожалению, так как она была написана на чувашском языке, эта работа не имела большого резонанса в отечественной тюркологии. Тем не менее, мы считаем, что для своего времени эта работа стала определенным шагом вперед в вопросе разработки научной грамматики чувашского языка.

По уже сложившейся традиции категорию залога, к которой отнесены формы действительного, возвратного, взаимного и понудительного залога, И.П. Павлов считает словообразовательной категорией⁴¹. То же самое и в отношении глагольных форм со значениями «характера совершения действия» — они признаны словообразованием⁴². В отдельную категорию аспекта выделены формы утверждения, отрицания, возможности и невозможности⁴³. Термин «аспект» в данном случае, по нашему мнению, неудачен, так как под аспектом в общей лингвистике все же подразумеваются, прежде всего, формы с видовыми значениями⁴⁴.

Все остальные словоизменительные глагольные категории в этой книге описаны в разделах «Личные формы глагола» и «Неличные формы глагола». В первом разделе ученый изучает категорию наклонения — изъявительное, повелительное, сослагательное и уступительное, формы времен глагола, составляющие изъявительное наклонение, а во втором разделе — такие неличные формы глагола как инфинитив, причастия, имя действия и деепричастия⁴⁵. Интересно, что деепричастия в этой работе он делит не по признаку способа образования их форм (первичного и вторичного образования), а по диахроническому признаку — «деепричастия, которые произошли давно и недавно»⁴⁶. В целом же состав глагольных форм совпадает с теми, что были представлены в «Материалах», за исключением того, что состав временных форм содержит в себе меньшее их количество по сравнению с тем, что указывал В.Г. Егоров. Здесь отсутствует форма так называ-

емого «прошедшего неопределенного времени» с показателем *-нӑ/-нӗ*, которая по сути является причастием прошедшего времени, активно используемым в речи в функции сказуемого, и единственная аналитическая форма со значением будущего сложного времени. Таким образом, состав категории времени по сравнению с «Опытом» Н.И. Ашмарина сократился с 12 до 5 и перестал включать в себя аналитические формы времен.

В 2017 г. уже после кончины И.П. Павлова вышла его новая книга «Современный чувашский язык. Том 2», которая была составлена по записям ученого и отредактирована В.И. Сергеевым. Надо сказать, что в этом труде представлен достаточно нетрадиционный подход к описанию грамматических категорий глагола. Так, например, формы основного, страдательно-возвратного, взаимно-совместного и понудительного залогов описаны в разделе «Формообразование глагола»⁴⁷. Интересна формулировка грамматического статуса этой категории по мнению И.П. Павлова: «Среди глагольных грамматических категорий глагола имеется такая, которая имеет больше словообразовательных признаков, чем признаков словоизменительных. Это — категория залога»⁴⁸. Получается, что ученый не отвергает полностью способность форм со значениями залогов участвовать и в словоизменительных процессах. Далее им предоставлены обоснования того, почему эту категорию нужно относить к словообразованию, а почему она может иметь и некоторое отношение к словоизменению. Среди доказательств словообразовательной природы залоговых аффиксов И.П. Павлова отметим следующие: в чувашском языке одни и те же аффиксы могут образовывать глаголы как от именных основ, так и от глагольных; не все залогообразуются от всех глаголов (нетотальность); показатель залога располагается сразу после основы слова; наличие вторичного и даже третичного залогообразования; аффикс отрицания следует после аффикса залога и др.⁴⁹ Все перечисленные ученым факты, несомненно, имеют место быть. Но все они являются по своей сути формальными. Все же главным критерием при определении грамматического статуса залоговых форм, на наш взгляд, следует считать семантический — образуется ли в результате присоединения этих аффиксов к основе новое слово или нет?

К словоизменительным категориям глагола И.П. Павлов относит категорию лица, категорию личного числа глагола, формы которой выражают «количественное отношение лиц, связанных с глаголом», категорию времени (включающую в себя не только личные, но и безличные формы глагола). Автор предлагает новую оригинальную концепцию системы глагольных форм в чувашском языке. По его мнению, все эти формы являются по своей сути функциональными временными формами, которые делятся на предикативные (как правило, личные формы), атрибутивные (причастия), обстоятельственные (деепричастия), субъектные и объектные (причастия с аффиксами выделения *-и*, *-скер*)⁵⁰. Ученый является сторонником идеи, что время и наклонение «относятся к единицам одного порядка», и поэтому не выделяет формы с модальными значениями в отдельную категорию накло-

нения. Например, такие наклонения как повелительное, сослагательное и уступительное, как он считает, должны относиться к системе будущих времен. В связи с этим количество временных форм должно быть достаточно большим. По И.П. Павлову категория времени глагола в чувашском языке состоит из 17 форм⁵¹.

Если говорить о концепции ученого в целом, то, по нашему мнению, пока рано делать какие-то оценки в отношении ее верности. Нужно время, чтобы понять, насколько был прав ученый. Отметим также, что в морфологии И.П. Павлова полностью отсутствуют аналитические формы глагола, что автоматически выводит из круга исследования многочисленные конструкции с акционсартowymi значениями.

Большой монографический труд представляет собой работа другого чувашского языковеда В.И. Сергеева «Морфология чувашского языка», увидевшая свет в 2017 г. Надо сказать, что ученый вел свои исследования в основном в области морфемики чувашского языка, то есть с точки зрения формальной структуры словоформ. Вопросы семантики форм его интересовали гораздо меньше, что хорошо прослеживается во многих его грамматических работах. Не является исключением и упомянутая монография. В ней автор проводит четкое разграничение таких понятий как «словообразование», «словоизменение», «формообразование» и «формоизменение» глагола. Кроме этого, он вслед за И.П. Павловым отрицает наличие в чувашском языке словоизменительной категории залога. Единственным случаем, когда залоговый аффикс можно считать словоизменительным, по мнению В.И. Сергеева, является вторичное залогообразование при помощи аффикса понудительного залога *-ттар/-ттер*⁵². К собственно словоизменительным категориям ученый относит категорию многократности, категорию наклонения, категорию времени, категорию отрицания. Неличные формы глагола он включает в систему «вербоидов»⁵³. Аналитические формы глагола в данной работе не представлены.

Главной линией концепции В.И. Сергеева в сфере морфологии чувашского языка является наличие в ней так называемых «категориальных и некатегориальных форм». Различие между ними заключается в том, способна ли форма охватить всю лексику соответствующей части речи, или она образуется лишь от небольшого количества основ? Этой линии ученый следует и в отношении глагольных форм.

Резюмируя краткий обзор основных исследований по глагольной морфологии чувашского языка, следует сказать, что в целом ученым удалось раскрыть главные особенности форм и категорий глагола. Но если в первых трудах по этой теме наряду с синтетическими формами (аффиксами) изучались и формы, образованные аналитическим путем (главным образом в трудах Н.И. Ашмарина), то в работах последнего времени вторые, за редким исключением, практически не исследовались, что указывает на отрицательное отношение чувашеведов к вопросу об их присутствии в морфологическом ярусе языка. Соответственно и при рассмотрении вопроса о составе

грамматических категорий глагола они также не учитывались. Состав же таких категорий, как время и наклонение, в работах разных ученых с течением времени постоянно менялся. Если у Н.И. Ашмарина количество времен глагола достигало 12, то у И.П. Павлова в монографии 1965 г. это количество сокращено до 5 за счет, прежде всего, аналитических форм. Правда, впоследствии в результате коренного пересмотра всей концепции системы временных форм у того же автора их количество снова возросло до 17. Такое пополнение связано с объединением в одной категории времени как личных, так и безличных форм (причастий и деепричастий). Подобная концепция пока воспринимается в чувашском языкознании как необычная. Необходимо определенное время, чтобы лучше изучить и оценить ее. Однозначно отношение современных авторов и к возможности включения в состав словоизменительных категорий глагола категории залога. Практически все они выступают против этого. Аналитические формы, передающие акционсартовые значения, в работах чувашеведов в подавляющем большинстве случаев отнесены к словообразованию⁵⁴, хотя имеются и первые попытки представить эти формы либо в качестве отдельной словоизменительной категории⁵⁵, либо как элементы особого, морфосинтаксического яруса языка⁵⁶. Аналитические же формы с модальными значениями пока не нашли своего постоянного места в системе глагольных форм чувашского языка, и если о них и говорится, то только вскользь, при изучении соответствующих синтетических форм⁵⁷.

На основании вышесказанного рассмотрим подробнее проблемы, которые, по нашему мнению, существуют в области изучения словоизменительных категорий глагола чувашского языка, и предложим свой вариант состава и количества форм этих категорий.

I. Аналитические формы как составная часть глагольного словоизменения в чувашском языке.

Под *аналитической формой глагола* мы понимаем сочетание определенной формы основного глагола со вспомогательным глаголом, которое характеризуется отсутствием синтаксической связи между компонентами и грамматикализацией (полной или частичной) вспомогательного компонента. При этом лексическое значение получившейся словоформы будет передавать основной глагол, а грамматическое — вспомогательный в сочетании с формой основного глагола.

Аналитические формы глагола распространены, в частности в индоевропейских языках. Например, в английском и немецком языках аналитически передаются некоторые значения времен и модальностей: *I am writing* «Я пишу (сейчас)». Эта форма передает значение длительного действия, происходящего в настоящий момент, и здесь глагол-связка *am* «я есть» в сочетании с формой герундия *-ing* является вспомогательным компонентом формы, а основной глагол *write* «писать» передает ее лексическое значение. Аналогичным образом образуется прошедшее время в немецком языке: *Ich habe gesehen* «Я видел», где вспомогательным является глагол *haben*

«иметь», который сочетается с основным глаголом *sehen* «видеть» в форме причастия. Аналитическую форму времени можно встретить и в русском языке, который по сути своей все же является синтетическим языком. Но будущее время несовершенного вида в этом языке образуется при помощи вспомогательного глагола «быть»: *я буду читать*.

Исследование тюркских аналитических форм глагола (возможно, самое подробное) представлено в монографии А.А. Юлдашева «Аналитические формы глагола в тюркских языках»⁵⁸. В этой работе автор разбирает данное грамматическое явление со всех сторон. К наиболее важным его выводам можно отнести следующие: 1) аналитическими формами глагола в тюркских языках необходимо считать «нечленимый синтез формы полнозначного глагола и определенного служебного слова, скрепленный грамматическим значением, которое... не представлено ни в одном из объединяемых структурных элементов... является устойчивым и общим для всех логически возможных случаев»⁵⁹; 2) образование и развитие аналитических форм глагола происходит по тем же принципам, что и образование отдельных форм слова⁶⁰; 3) составные и аналитические формы «представляют собой качественно новую единицу», сохраняющую в определенный период своего становления связь со значениями исходных компонентов⁶¹; 4) аналитические формы глагола отличаются друг от друга по степени сочетаемости с основами глаголов по причине их связи с лексическим значением основы, а также под влиянием контекста⁶² и др. В основной части труда ученый рассматривает аналитические формы со значениями вида (в современной терминологии *акционсарта*), модальности, изъявительного наклонения, других косвенных наклонений (повелительного, желательного, намерения, долженствовательного, условного и сослагательного). Материалом для исследования послужили примеры, взятые, прежде всего, из языков огузской и кыпчакской групп тюркской языковой семьи⁶³. На наш взгляд, эта работа А.А. Юлдашева дает необходимое теоретическое обоснование существования аналитических форм глагола в тюркских языках. Развитие теории возникновения и развития подобных форм было продолжено в трудах других тюркологов⁶⁴.

В чувашском языке представлены все грамматические особенности, присущие другим тюркским языкам, и аналитические формы глагола здесь не являются исключением. Однако отделить их от свободных синтаксических словосочетаний, действительно, не всегда просто. Именно их внешнее сходство со свободными сочетаниями и послужило поводом для большинства наших ученых полностью отвергнуть возможность существования аналитических форм в чувашском языке. Как известно, развитие грамматических форм в языках мира происходит примерно одинаковым способом. Еще В.В. Виноградов писал, что «нет ничего в морфологии, чего нет или прежде не было в синтаксисе или лексике»⁶⁵. Схематически этот процесс выглядит следующим образом: синтаксическое словосочетание → аналитическая форма → аффикс. Следовательно, аналитические формы представ-

ляют собой как бы связующее звено, переходный этап между свободным словосочетанием и аффиксом. Возникает вопрос, к какому ярусу относить эти конструкции — к морфологии или синтаксису? Тут возможны два подхода. В соответствии с первым из них, который мы условно называем «формальным подходом», определение того, к какому ярусу относится тот или иной языковой элемент, основывается на формальном принципе — если данный элемент включает в себя более одного слова, то это синтаксис, а если он состоит из одного слова — это морфология. Второй же подход, который правильно называть «функционально-семантическим», учитывает, прежде всего, семантическое содержание формы или конструкции. В аналитических формах вспомогательный компонент уже потерял свое основное лексическое значение, то есть десемантизировался и приобрел новое, грамматическое значение. Поэтому в функциональном аспекте это «слово» играет уже чисто служебную роль и фактически является морфологическим показателем — его отличие от аффикса состоит только в раздельном написании, что является лишь данью традиции.

В вопросе определения аналитической формы, конечно, не все так однозначно. Любой язык является по сути живым организмом, который находится в постоянном изменении. В связи с этим в нем мы встречаем большое количество переходных случаев. И аналитические формы в чувашском языке часто сосуществуют со свободными синтаксическими сочетаниями, состоящими из тех же компонентов, но в которых лексическая десемантизация вспомогательного глагола еще не произошла. Наглядный пример таких случаев приводит И.П. Павлов: *сырса кай* 1) написать очень много, 2) записать и уйти; *пăхса ил* 1) взглянуть, 2) брать что-нибудь, посматривая⁶⁶. Поэтому каждый случай необходимо изучать отдельно и обязательно учитывать контекст.

При возникновении вспомогательных глаголов, передающих чисто грамматические значения, существуют некие общие семантические условия, при которых они могут стать таковыми. Примеры большинства языков мира, в которых существуют глагольные аналитические формы, показывают, что вспомогательными глаголами становятся, как правило, глаголы одних и тех же семантических групп. Среди них глаголы движения, глаголы состояния и статики, глаголы отчуждения и приобретения, глаголы физического восприятия, глаголы перемещения и др.⁶⁷ Именно глаголы указанных семантических групп отвечают тем условиям, при которых обычный глагол грамматикализуется и превращается во вспомогательный. К таким условиям относятся: относительная абстрактность лексического значения и связь этого лексического значения с той служебной семантикой, которую будет передавать уже грамматикализовавшийся глагол. Если говорить более конкретно о фактах чувашского языка, то в основном лексическом значении глагола должна иметься связь либо с семантикой времени и модальности, либо с семантикой какого-либо способа протекания действия. Например, глагол *хисепле* «считать; ценить» вряд ли когда-нибудь сможет пе-

рейти в разряд вспомогательных, так как он не соответствует ни одному из двух перечисленных условий, и к тому же является производным. А вот глаголы *пул* «быть, становиться», *кил* «приходить» и *кай* «уходить» отвечают всем указанным требованиям и активно участвуют в образовании аналитических форм в качестве вспомогательных глаголов.

Таким образом, аналитические формы глагола в чувашском языке задействованы в грамматических процессах и представляют собой неотъемлемую часть глагольного словоизменения.

II. О категории аспектualityности.

Аспектualityные значения занимают важное место в глагольной морфологии языков мира. В соответствии с данными современных исследований, эти значения делятся на две группы родственных значений: видовые и акционсартовые (в другой терминологии — значения способов действия). Первые представляют собой семантику распределения действия во времени⁶⁸, а вторые указывают на различные характеристики протекания действия, к которым относятся, например, начало и окончание, продолжительность и кратковременность, интенсивность действия⁶⁹. В чувашском языке видовые значения могут входить в состав временных форм, и говорить о существовании отдельной категории вида здесь не приходится. А вот для передачи акционсартовых значений имеются специальные синтетические и аналитические формы. И именно по причине наличия в чувашском языке подобных акционсартовых форм мы можем утверждать о существовании в нем грамматической словоизменительной (!) категории аспектualityности.

К синтетическим формам относятся аффиксы *-кала/-келе* со значением многократности (*пурянкала* «поживать», *пяхкала* «посматривать») и *-ала/-еле* со значением интенсивности (*хавала* «гнать», *чавала* «копать»). Собственно, о категории многократности, образуемой аффиксом *-кала/-келе*, и некатегориальной форме интенсивности чувашеведы писали и раньше, как например, В.И. Сергеев⁷⁰. Но категория аспектualityности в чувашском языке включает в себя и аналитические формы. Среди них можно назвать формы, образованные при помощи причастия настоящего времени с показателем *-акан/-екен* и вспомогательного глагола *пул* «быть» — со значением начала совершения действия (*каякан пулчĕ* «начал ходить»), причастия с показателем *-ми* и вспомогательного глагола *пул* «быть» — со значением прекращения совершения действия (*кайми пулчĕ* «перестал ходить»), деепричастия с показателем *-а/-е* и вспомогательных глаголов *пар* «давать» — со значением интенсивности или *пусла* «начинать» — со значением начала совершения действия (*вырта парать* «валяется», *кала пусларĕ* «начал говорить»), деепричастие с показателем *-са/-се* и целым рядом вспомогательных глаголов. Последняя модель аналитических форм в чувашском языке является наиболее распространенной.

Как уже отмечалось выше, аналитические формы, образуемые при помощи деепричастия с показателем *-са/-се*, совпадают внешне со свободными синтаксическими сочетаниями. Это связано с тем, что переход по-

добных сочетаний в аналитическую форму происходит параллельно с функционированием самих сочетаний, и скорее всего они будут сосуществовать в языке и далее. В связи с этим при определении того, с конструкцией какого рода мы имеем дело в конкретном случае, необходимо обращаться к контексту. Можно сказать, что глагольные аналитические формы с акционсартовыми значениями обусловлены контекстом, что связано с их внешним совпадением с синтаксическими сочетаниями. Но это не должно являться препятствием для признания этих форм словоизменительными. Контекстная обусловленность грамматических форм, например, всегда присутствует в случае с многозначными формами, вне зависимости от типологии языка, и это нисколько не мешает считать эти формы грамматическими и словоизменительными. Ярким примером в тюркских языках является форма исходного падежа (в чувашском языке — это аффиксы *-ран/-рен*, *-тан/-тен* и *-нчен*). То, какое значение реализует эта форма в конкретном случае, мы можем определить только по контексту.

С другой стороны мы наблюдаем зависимость рассматриваемых аналитических форм от лексического значения основного глагола, то есть наличие у них определенной валентности и, в связи с этим, невозможности сочетаться со всеми глагольными основами. Этот признак не тотальности, как правильно отмечают в своих работах чувашские исследователи, присущ больше словообразованию, чем словоизменению. Однако не надо забывать, что мы имеем дело с формами, семантика которых напрямую связана с лексическим значением словоформы. Не каждое действие может длиться кратковременно или долго, быть интенсивным или кратным, совершаться для себя или для иного лица, и наконец, быть направленным. Поэтому зависимость значения формы от лексического значения основы, по нашему мнению, в данном случае не должна стать препятствием для признания словоизменительной сути этих форм. Как указывал Д.М. Насилов, вспомогательный глагол в аналитических формах с акционсартовыми значениями меняет лишь их аспектуальные характеристики, оставляя неизменным вещественное значение⁷¹. Это подтверждается и на материале чувашского языка. Например, в сочетании *килсе сӳрӳр* «захаживайте» вспомогательный глагол *сӳре* «ходить» никоим образом не влияет на лексическое значение глагола *кил* «приходить», добавляя лишь семантику постоянства совершения действия. То же самое можно сказать и в отношении примера *власа тух* «прочитай», где основной глагол *вула* «читать» не меняет свое лексическое значение, а вспомогательный глагол *тух* «выходить» лишь добавляет значение окончания совершения действия. Таким образом, говорить о том, что в этих примерах мы имеем процесс словообразования, не приходится.

Подытоживая сказанное, определим состав форм словоизменительной категории аспектуальности в чувашском языке на основе тех акционсартовых значений, которые они передают.

1. Фазовые значения (начало и окончание действия):

а) форма с показателем *-акан/-екен* + *пул*: *килекен пул* «начинать приходить», *сыракан пул* «начинать писать»;

б) форма с показателем *-ми* + *пул*: *килми пул* «перестать приходить», *курми пул* «перестать видеть»;

в) форма с показателем *-а/-е* + *пусла*: *вула пусла* «начинать читать», *пайха пусла* «начинать смотреть»;

г) форма с показателем *-са/-се* + *кай*: *саванса кай* «обрадоваться», *янйраса кай* «зазвенеть», *вилсе кай* «умереть», *манса кай* «забыть»;

д) форма с показателем *-са/-се* + *яр*: *юрласа яр* «запеть», *йёрсе яр* «заплакать», *айсатса яр* «проводить», *сисе яр* «съесть»;

е) форма с показателем *-са/-се* + *тух*: *вёренсе тух* «выучиться», *вуласа тух* «прочитать»;

ж) форма с показателем *-са/-се* + *хур*: *карса хур* «занавесить», *какарса хур* «привязать»;

з) форма с показателем *-са/-се* + *йк*: *вайтанса йк* «застесняться», *хайраса йк* «перепугаться».

В эту группу входит еще несколько малопродуктивных форм, которые мы по причине ограниченности статьи не указываем.

2. Значения длительности или кратковременности:

а) форма с показателем *-са/-се* + *кай*: *пёлсе кай* «знать», *курйанса кай* «виднеться»;

б) форма с показателем *-са/-се* + *пыр*: *айнса пыр* «спориться», *тинсе пыр* «высыхать»;

в) форма с показателем *-са/-се* + *суре*: *килсе суре* «захаживать, навещать», *чупса суре* «бегать» и еще несколько малопродуктивных форм со значением длительности совершения действия;

г) форма с показателем *-са/-се* + *ил*: *пайхса ил* «взглянуть», *сиссе ил* «сверкнуть» и еще несколько малопродуктивных форм со значением кратковременности совершения действия.

3. Значение интенсивности:

а) форма с показателем *-а/-е* + *пар*: *вырта пар* «валяться», *тара пар* «удариться в бегство»;

б) форма с показателем *-са/-се* + *тайк*: *ятласа тайк* «отругать, выбранный», *сёмёрсе тайк* «разбить»;

в) форма с показателем *-ала/-еле*: *хайвала* «гнать», *чавала* «копать».

4. Значение многократности — форма с показателем *-кала/-келе*: *пурайнкала* «поживать», *пайхкала* «посматривать».

5. Векторные значения.

Формы этой группы значений наиболее спорные. По всей видимости, десемантизация вспомогательных глаголов здесь неполная, и поэтому эти конструкции более всего близки к свободным синтаксическим сочетаниям:

а) форма с показателем *-са/-се* + *кай*: *вёсссе кай* «улететь», *чупса кай* «убежать»;

б) форма с показателем *-са/-се* + *тух*: *чупса тух* «выбежать», *сиксе тух* «выскочить»;

в) форма с показателем *-са/-се* + *кил*: *сўресе кил* «приходить», *саврән-са кил* «возвращаться»;

г) форма с показателем *-са/-се* + *кёр*: *нутса кёр* «увязнуть», *шатарса кёр* «впиться»;

д) форма с показателем *-са/-се* + *ан*: *вёксе ан* «слететь», *ишёлсе ан* «свалиться»;

е) форма с показателем *-са/-се* + *ўк*: *катӑлса ўк* «отколоться», *сиксе ўк* «соскочить»;

ж) форма с показателем *-са/-се* + *хӑпар*: *вёксе хӑпар* «взлететь», *чупса хӑпар* «взбежать».

6. Значения эготива и адрессива:

а) форма с показателем *-са/-се* + *ил*: *сырса ил* «написать», *ыйтса ил* «спросить»;

б) форма с показателем *-са/-се* + *пар*: *вуласа пар* «прочитать», *каласа пар* «рассказать».

III. О категории залога.

В связи с нетотальностью распространения в чувашском языке аффиксов со значениями залогов (за исключением, пожалуй, понудительного залога) эти формы в современном чувашском языкознании принято считать словообразовательными. Термин «залог» часто даже не употребляется⁷². То, что чувашские залоговые аффиксы по сравнению с другими тюркскими языками обладают меньшей продуктивностью, является неоспоримым фактом. Но позволяет ли подобный формальный подход решить вопрос об их грамматическом статусе? На наш взгляд, адекватное решение этого вопроса возможно лишь на основании функционально-семантического подхода. В соответствии с теорией общего языкознания формы залога выражают *субъектно-объектные отношения*⁷³, при этом какого-либо кардинального изменения в значении слова не происходит. Например, в случае со словоформой *ситер* «кормить» при присоединении аффикса понудительного залога *-тер* значение основы глагола *си* «есть» дополняется семантикой понудительности (здесь этот термин несколько условен) со стороны другого лица, которое определенным образом участвует в совершении действия. Но само действие, а также его субъект остаются неизменными. Можно ли в этом случае говорить об образовании нового слова? Мы считаем, что нет.

Отсутствие у аффиксов со значением залогов способности присоединяться ко всем глагольным основам (так называемая нетотальность) также не может являться доводом для доказательства их якобы словообразовательной сущности. Подобно аспектуальным эти формы не могут сочетаться со всеми глаголами — это является их сущностной особенностью. Несмотря на их большую валентность в других тюркских языках, там эти аффиксы тоже не могут присоединяться ко всем глагольным основам, то есть не являются тотальными в полном смысле этого слова. Например, в татарском языке по данным тома «Морфология» коллективной монографии «Татарская грамматика» форма страдательного залога образуется от пятой части всех глаголов, а взаимно-совместного залога — от третьей их части⁷⁴.

Мы полагаем, что имеются все основания считать формы с залоговыми показателями словоизменительными и включить их в отдельную глагольную категорию залога, вне зависимости от их продуктивности и валентности. Рассмотрим основные особенности этой категории.

1. Возвратно-страдательный залог.

Эта форма имеет несколько алломорфов с показателями *-ӓн/-ӓн* и *-ӓл/-ӓл*, выбор которых в конкретном случае зависит от определенных морфонологических условий. При этом аффикс *-ӓн/-ӓн* может передавать как значение страдательности, так и значение возвратности, а аффикс *-ӓл/-ӓл* — только страдательное значение: *су* «мыть» + *-ӓн* = *сӓвӓн* «мыться», *хуп* «закрывать» + *-ӓн* = *хупӓн* «закрываться». В случае, если аффикс этого залога присоединяется к производным глагольным основам, образующимся при помощи словообразовательного аффикса *-ла/-ле*, то, следуя законам морфонологии чувашского языка, аффикс возвратно-страдательного залога теряет начальный гласный звук: *варала* «пачкать» + *-н* = *варалан* «пачкаться», *никӓсле* «основывать» + *-н* = *никӓслен* «основываться».

Встречаются случаи, когда аффикс данного залога практически не вносит никакой новой семантики в значение основы глагола: *епре* «мокнуть» + *-л* = *епрел* «мокнуть», *хӓр* «засыхать» + *-ӓн* = *хӓрӓн* «сохнуть».

2. Взаимно-совместный залог.

Форма взаимно-совместного залога, включающая в себя несколько алломорфов (*-ӓс/-с*, *-ӓш/-ӓш*, *-аиш/-еиш*), объединила в себе два родственных значения: взаимности и совместности. Общим у этих значений является указание на совершение действия несколькими лицами. В случае взаимного значения эти лица совершают действие в отношении друг друга, а совместность означает совершение действия более чем одним лицом одновременно: *вӓрс* «ругаться» + *-ӓш* = *вӓрсӓш* «ссориться», *кӓшкӓр* «кричать» + *-аиш* = *кӓшкӓраш* «галдеть (о многих)». Как и в случае с формами возвратно-страдательного залога, при присоединении аффиксов взаимно-совместного залога к производным глагольным основам, образованным при помощи аффикса *-ла/-ле* гласный звук в этих аффиксах выпадает: *выля* «играть» + *-ӓш* = *выляш* «играть вместе», *хуавла* «отвечать» + *-ӓш* = *хуавлаш* «отвечать друг другу». Иногда присоединение показателя взаимно-совместного залога не дополняет значение основы семантикой взаимности или совместности: *сипле* «лечить» + *-еиш* = *сиплеиш* «обходиться (лечиться) без посторонней помощи», *хупла* «покрывать» + *-ӓш* = *хуплаш* «покрываться».

3. Понудительный залог.

Форма данного залога обладает наибольшим количеством алломорфов: *-т*, *-ат/-ет*, *-ар/-ер*, *-тап/-тер* (*-ттап/-ттер*). В связи с этим большую роль при выборе конкретного варианта формы играет ауслаут основы глагола. Наиболее продуктивным аффиксом является *-тап/-тер* (*-ттап/-ттер*), и именно благодаря ему форма понудительного залога стала самой продуктивной из всех залоговых форм. Ее основное значение представляет собой побуждение к выполнению действия субъектом со стороны другого лица.

Понятие побуждения здесь понимается очень широко — от принуждения до просьбы: *вёрен* «учиться» + *-т* = *вёрент* «учить», *сит* «доходить» + *-ер* = *ситер* «доставлять», *кул* «смеяться» + *-тар* = *култар* «смешить». Аффикс *-тар/-тер (-ттар/-ттер)* в отличие от других алломорфов формы понудительного залога может присоединяться не только к непроизводным, но и к производным глагольным основам: *ёсле* «работать» + *-ттер* = *ёслет-тер* «заставлять работать», *майлаш* «налаживаться» + *-тар* = *майлаштар* «приводить в порядок». Форма понудительного залога иногда также может не дополнять значение глагольной основы какой-либо семантикой. Этот факт подтверждается такими примерами как *сён* «побеждать» и *хёс* «сжимать». При присоединении к ним аффикса понудительного залога *-тер* никакого изменения значения не происходит: *сёнтер*, *хёстер*.

В некоторых случаях аффикс *-тар/-тер (-ттар/-ттер)*, присоединяясь к основе, дополняет ее значение семантикой не понудительности, а интенсивности совершения действия. Например: *сан* «бить» + *-тар* = *сантар* «сечь, пороть», *вёс* «лететь» + *-тер* = *вёстер* «быстро двигаться, нестись». Возможно, здесь речь идет об аффиксальной омонимии, и эту форму необходимо отнести к категории аспектуальности, к разделу форм, передающих значение интенсивности.

Все формы с залоговыми значениями в чувашском языке имеют способность создавать «вторичные залоговые формы», то есть их показатели могут присоединяться к основам, уже осложненным другой формой залога. Но чаще всего в роли вторичной формы выступают аффиксы понудительного залога: *курйн* «виднеться» + *-йс* = *курнйс* «видеться, встречаться», *ларт* «сажать» + *-тар* = *ларттар* «заставить посадить».

Нельзя обойти вниманием случаи, когда аффиксы, совпадающие по форме с аффиксами залогов, имеют в чувашском языке словообразовательные функции. Вот несколько подобных примеров: *сав* «любить» + *-йн* = *савйн* «радоваться», *кил* «приходить» + *-ёш* = *килёш* «соглашаться», *пул* «быть, являться» + *-йш* = *пулйш* «помогать». Возможно, в этих случаях мы имеем дело с омонимичными аффиксами. Но, скорее всего, здесь произошла грамматическая десемантизация и, соответственно, лексикализация словоформы (*сав* «любить» → *савйн* «любить себя» → «радоваться», *кил* «приходить» → *килёш* «приходить вместе» → «соглашаться», *пул* «быть, являться» → *пулйш* «быть вместе» → «помогать»). В любом случае, если рассматривать эти примеры в синхроническом аспекте, то уже никакой речи о наличии в этих глаголах залоговой семантики быть не может.

IV. Словоизменительные категории глагола в чувашском языке и их состав.

На основании приведенных выше доводов мы предлагаем установить следующий набор и состав глагольных словоизменительных категорий в чувашском языке.

1. Категория залога, образуемая формами со значениями страдательности, возвратности, взаимности, совместности и понудительности.

2. Категория статуса. Для обозначения чувашских форм отрицания, возможности и невозможности мы вслед за П.И. Кузнецовым и В.Г. Гузевым⁷⁵ используем термин «статус», так как термин «аспект», который традиционно употребляется в работах чувашских авторов⁷⁶, по сути переводится с латинского языка как «вид» и должен быть использован только в отношении соответствующей категории.

В чувашском языке категорию статуса составляют следующие формы:

а) Форма отрицания.

Данная форма имеет целый ряд алломорфов: *-ма/-ме*, *-мас/-мес*, *-м*, *ан* и *мар*. Выбор варианта в каждом конкретном случае зависит от формы времени и наклонения. Так, алломорф *-ма/-ме* присоединяется при формах прошедшего времени: *кайма́рĕ* «он не ушел», *-мас/-мас* — при форме настоящего времени и других производных формах: *кайма́сть* «он не уходит», *кайма́стчĕ* «он не уходил», *-м* — при форме будущего времени: *каймĕ* «он не уйдет», *ан* — при формах повелительного наклонения 2-го и 3-го лица, и *мар* — при формах повелительного наклонения 1-го лица и некоторых формах причастия: *каям мар* «не пойду-ка я», *каяс мар* «не надо ходить»;

б) Форма возможности.

Образуется при помощи аффикса *-ай/-ей парая́тп* «могу дать», *килеетĕп* «могу прийти»;

в) Форма невозможности.

Образование этой формы происходит посредством сочетания аффикса формы возможности *-ай/-ей* с аффиксами отрицания *-ма/-ме*, *-мас/-мес*, *-м*: *кайа́йма́тп* «я не смогу пойти», *ё́слейме́рĕм* «я не смог работать».

3. Категория аспектуальности.

Подробный разбор этой категории сделан в соответствующем разделе статьи.

4. Категория наклонения.

Учитывая, что в чувашском языке помимо синтетических форм косвенных наклонений существуют и аналитические формы, мы даем следующий их перечень:

а) Формы повелительного наклонения.

Парадигма повелительного наклонения в утвердительной форме выглядит следующим образом:

1-е л. ед. ч. *-ам/-ем* (*килем* «приду-ка», *каям* «уйду-ка»); 1-е л. мн. ч. *-ар/-ер* (*килер* «придем-ка», *каяр* «уйдем-ка»), 2-е л. ед. ч. Ø (*кил* «приходи», *кай* «уходи»), 2-е л. мн. ч. *-ăр/-ĕр* (*килĕр* «приходите», *кайăр* «уходите»), 3-е л. ед. ч. *-тăр/-тĕр* (*килтĕр* «пусть приходит», *кайтăр* «пусть уходит»), 3-е л. мн. ч. *-ччăр/-ччĕр* (*килчĕр* «пусть приходят», *кайччăр* «пусть уходят»);

б) Форма сослагательного наклонения.

Образование данной формы произошло сочетанием аффиксов будущего и прошедшего времен *-ă/-ĕ* + *-ттă/-ттĕ*: *килĕттĕм* «я пришел бы», *кайăттăм* «я ушел бы»;

в) Форма уступительного наклонения.

В первом и третьем лицах эта форма образуется при помощи аффикса *-ин*, а во втором лице — посредством аффикса *-сӑ/-сӗ*. Указанные аффиксы присоединяются к форме будущего времени: *килӑпин* «пусть я и приду», *килӑсӑн* «пусть ты и придешь»;

г) Формы желательного наклонения.

Это наклонение может выражаться как синтетическими, так и аналитическими формами:

— составной аффикс *-асӑн/-есӑн*: *эп каясӑн* «я хочу пойти»*, *эсӗ килесӑн* «ты хочешь прийти»;

— форма *-ас/-ес + кил*: *ман каяс килет* «я хочу пойти», *сан килес килет* «ты хочешь прийти»;

— форма *-ас/-ес + те*: *каяс тетӑн* «хочу пойти», *килес тетӑн* «хочешь прийти»;

д) Формы долженствовательного наклонения.

Как и в предыдущем случае, здесь представлены и синтетическая форма, и аналитическая:

— форма *-малла/-мелле*: *ман каймалла* «мне надо идти», *сан килмелле* «тебе надо прийти»;

— форма *-ас/-ес + пул*: *ман каяс пулат* «мне надо идти», *сан килес пулат* «тебе надо прийти».

е) В чувашском языке существует еще целый ряд аналитических форм, передающих различные модальные значения, но не рассматриваемых исследователями в качестве категориальных. Перечислим некоторые из них с указанием передаваемых ими значений:

— значение категорической невозможности совершения действия, форма *-ас/-ес сук* (*каяс сук* «нельзя уйти», *килес сук* «нельзя прийти»);

— значение попытки совершения действия, форма *-ма/-ме пӑх* (*кайма пӑхрӑм* «я пытался уйти», *килме пӑхрӑн* «ты пытался прийти»);

— значение готовности совершения действия, форма *-ма/-ме пул* (*кайма пултӑм* «я готов был уйти», *килме пултӑн* «ты готов был прийти»);

— значение притворного действия, формы *-мӑш/-мӗш пул* и *-анси/-енси ту* (*каймӑш пултӑм* «я сделал вид, что ушел», *киленси турӑн* «ты сделал вид, что пришел»).

5. Категория времени.

Категория времени в чувашском языке состоит из следующих форм, объединяемых в рамках изъявительного наклонения глагола:

а) Форма настоящего-будущего времени.

Аффиксы *-ат/-ет*, *-аççӗ/-еççӗ*: *каятӑп* «прихожу», *килеççӗ* «приходят»;

б) Форма прошедшего категорического времени.

* По правилам чувашской орфографии сочетание букв *йа* передается на письме буквой *я*.

Аффиксы *-рă/-рĕ*, *-тă/-тĕ*, *-чĕ*: *кайрăм* «я ушел», *килтĕн* «ты пришел», *илчĕ* «он взял»;

в) Форма будущего времени.

Аффикс *-ă/-ĕ*: *кайăп* «я пойду», *килĕн* «ты придешь»;

г) Форма прошедшего длительного времени.

Составной аффикс *-аттă/-еттĕ*, *-атчĕ/-етчĕ*: *каяттăм* «я ходил», *килетчĕ* «он приходил»;

д) Форма прошедшего постоянного времени.

Составной аффикс *-аканчĕ/-екенчĕ*: *эпĕ каяканчĕ* «я всегда уходил», *эсĕ килекенчĕ* «ты всегда приходил»;

е) Форма давнопрошедшего времени 1.

Составной аффикс *-саттă/-сеттĕ*, *-саччĕ/-сеччĕ*: *кайсаттăм* «я когда-то ушел», *килсеттĕн* «ты когда-то пришел»;

ж) Форма давнопрошедшего времени 2.

Составной аффикс *-нăчĕ/-нĕчĕ*: *эпĕ кайнăчĕ* «я когда-то ушел», *эсĕ килнĕчĕ* «ты когда-то пришел»;

з) Форма давнопрошедшего времени 3.

Аналитическая форма *-нă/-нĕ пулнă*: *эпĕ кайнă пулнă* «я когда-то ушел», *эсĕ килнĕ пулнă* «ты когда-то пришел».

6. Категория лица.

Аффиксы со значением лица в чувашском языке делятся на две группы. К первой группе относятся формы настоящего и будущего времени, а ко второй группе — формы прошедших времен. Вот их парадигмы:

— 1-е л. ед. ч. *-(ă)n/- (ĕ)n*, 1-е л. мн. ч. *-(ă)năp/- (ĕ)nĕp*, 2-е л. ед. ч. *-(ă)n/- (ĕ)n*, 2-е л. мн. ч. *-(ă)p/- (ĕ)p*, 3-е л. ед. ч. *Ø*, 3-е л. мн. ч. *-ççĕ*;

— 1-е л. ед. ч. *-м*, 1-е л. мн. ч. *-мăр/-мĕр*, 2-е л. ед. ч. *-н*, 2-е л. мн. ч. *-р*, 3-е л. ед. ч. *Ø*, 3-е л. мн. ч. *-ç*.

7. Категория неличных форм глагола (категория номинализации действия)⁷⁷.

Эта категория состоит из форм так называемых причастий, деепричастий и имен действий:

а) Причастия.

Термин «причастие», по нашему мнению, не совсем подходит для тех форм, которые под ним понимаются. В чувашском языке формы с показателями *-ас/-ес*, *-акан/-екен* и *-нă/-нĕ* обладают гораздо большими функциональными возможностями, чем те формы, которые традиционно в общем языкознании признаются причастиями⁷⁸. Этот термин мы используем здесь только по причине отсутствия более точного термина. Помимо указанных выше, имеются еще менее продуктивные формы с показателями *-мăлăх/-мелĕх*, *-и (-ми)*, *-анçи/-енçи*, *-мăш/-мĕш*;

б) Деепричастия.

К деепричастиям в чувашском языке относятся формы со следующими показателями: *-са/-се*, *-сан/-сен (-сассăн/-сессĕн)*, *-а/-е*, *-иччен*, *-мас-серен/-мессерен*, *-нăçем/-нĕçем*, *-нăранпа/-нĕренпе*, *-уçăн/-уçĕн*;

в) Имена действия.

К глагольным формам этой группы мы относим форму *-машкӑн/-мешкӑн*. Отнесение к категории имен действий таких форм как *-у/-ӹ* и *-ма/-ме* вызывает определенные сомнения.

В заключение исследования тезисно перечислим наши основные выводы:

— критерии тотальности и продуктивности грамматических форм не могут служить для отказа от их словоизменительного статуса. Эти критерии имеют чисто формальный характер, основным же критерием должно быть наличие или отсутствие в результате операции над словом новой лексической единицы. Если получившаяся словоформа не отражает в своем значении новую реалию (новое действие), то формальный показатель и саму операцию необходимо считать словоизменительным;

— контекст может играть роль в определении значения той или иной формы. Любой язык контекстуально обусловлен, и в многозначных формах без учета контекста обойтись нельзя. Также контекст важен при отделении аналитических форм от внешне совпадающих с ними свободными синтаксическими сочетаниями слов;

— словоизменительная форма в определенных случаях может зависеть от лексического значения глагольной основы. В особенности такая зависимость (валентность) наблюдается у форм с акционсартовыми и залоговыми значениями. Именно она ограничивает возможности этих форм и делает их нетотальными;

— нет ничего предосудительного в том, что словоизменительные глагольные категории включают в себя помимо синтетических форм еще и аналитические. Эти формы должны входить в систему словоизменительных форм глагола наравне с синтетическими. В чувашском языке они имеются в составе категории аспектуальности, времени, а также желательного и долженствовательного наклонений.

Литература

¹ Гузев В.Г., Насилов Д.М. Словоизменительные категории в тюркских языках и понятие «грамматическая категория» // Советская тюркология. 1981. № 3. С. 22—35.

² Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten. St.-Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1851. LIII + 397 s.

³ Татарская грамматика. Т. 2: Морфология. Казань: Ин-т языка, лит-ры и истории им. Г. Ибрагимова, 1997. 397 с.

⁴ Там же. С. 83.

⁵ Там же. С. 87.

⁶ Там же. С. 159.

⁷ Там же. С. 119.

⁸ Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. гос. ун-та, 2015. С. 147.

⁹ Там же. С. 149.

¹⁰ Там же. С. 195.

¹¹ Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка. СПб.: Императ. Акад. наук, 1769. С. 47—52.

- ¹² Там же. С. 47—49.
- ¹³ *Schott W.* De lingua tschuwaschorum. Berolini: Jul. Sittengeld, 1841. S. 23—32.
- ¹⁴ Там же. S. 27.
- ¹⁵ Там же. S. 30.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. S. 31.
- ¹⁸ *Дмитриева Ю., Адыгаши К.* Hungaro-Tschuwaschica. Чебоксары: ЧГИГН, 2011. С. 11.
- ¹⁹ *Дмитриева Ю.* Чувашская грамматика Й. Буденца: ст. 2 // Вопросы фонетики, грамматики и ономастики чувашского языка. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1987. С. 31.
- ²⁰ Там же. С. 32.
- ²¹ Там же. С. 33—34.
- ²² Там же. С. 35—36.
- ²³ Там же. С. 38.
- ²⁴ Там же. С. 41.
- ²⁵ *Ашмарин Н.И.* Материалы для исследования чувашского языка. Казань: Типолит. Императ. ун-та, 1898. С. 291.
- ²⁶ Там же. С. 292—293.
- ²⁷ Там же. С. 293—294.
- ²⁸ Там же. С. 295.
- ²⁹ Там же. С. 296—297.
- ³⁰ *Ашмарин Н.И.* Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 2. Симбирск: Тип. Полиграфсекции С.Н.Х., 1923. С. 171—236.
- ³¹ Там же. С. 45.
- ³² *Егоров В.Г.* Глагол // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. 1. Морфология. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1957. С. 186—272.
- ³³ Там же. С. 166.
- ³⁴ Там же. С. 176—182.
- ³⁵ Там же. С. 182—186.
- ³⁶ Там же. С. 192.
- ³⁷ Там же. С. 214—215.
- ³⁸ Там же. С. 220—221.
- ³⁹ Там же. С. 222, 224.
- ⁴⁰ *Павлов И.П.* Деепричастие // Материалы по грамматике современного чувашского языка. С. 240—272.
- ⁴¹ *Павлов И.П.* Хальхи чăваш литературă чĕлхи. Морфологи. Шупашкар: Чăваш АССР кĕн. изд-ви, 1965. С. 207—215.
- ⁴² Там же. С. 220—231.
- ⁴³ Там же. С. 231—235.
- ⁴⁴ *Гузев В.Г.* Указ. соч. С. 142.
- ⁴⁵ *Павлов И.П.* Хальхи чăваш литературă чĕлхи. С. 235—296.
- ⁴⁶ Там же. С. 286—296.
- ⁴⁷ *Павлов И.П.* Современный чувашский язык. Т. 2: Морфология. Чебоксары: ЧГИГН, 2017. С. 201—213.
- ⁴⁸ Там же. С. 201.
- ⁴⁹ Там же. С. 202—203.
- ⁵⁰ Там же. С. 227—241.
- ⁵¹ Там же. С. 253—307.
- ⁵² *Сергеев В.И.* Морфология чувашского языка. Словоизменение, формоизменение и формообразование. Чебоксары: ЧГИГН, 2017. С. 280.
- ⁵³ Там же. С. 309—325.
- ⁵⁴ *Егоров В.Г.* Глагол. С. 177—182.
- ⁵⁵ *Лебедев Э.Е.* Акционсартовые значения сложновербальных аналитических форм в чувашском языке. Чебоксары: ЧГИГН, 2016. 164 с.

- ⁵⁶ *Иванова А.М.* Проблемы морфосинтаксиса в чувашском языкознании. Типолого-контрастивный аспект. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2011. С. 66—68.
- ⁵⁷ *Егоров В.Г.* Глагол. С. 226.
- ⁵⁸ *Юлдашев А.А.* Аналитические формы глагола в тюркских языках. М.: Наука, 1965. 275 с.
- ⁵⁹ Там же. С. 25—26.
- ⁶⁰ Там же. С. 35.
- ⁶¹ Там же. С. 36.
- ⁶² Там же. С. 37.
- ⁶³ Там же. С. 39—267.
- ⁶⁴ *Ганиев Ф.А.* Образование сложных слов в татарском языке. Казань: Печатный двор, 2022. С. 120—137.
- ⁶⁵ *Виноградов В.В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1972. С. 31.
- ⁶⁶ *Павлов И.П.* [Выступление] // Вопросы грамматики тюркских языков. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1958. С. 150.
- ⁶⁷ *Майсак Т.А.* Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глагола позиции: дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 287 с.
- ⁶⁸ *Маслов Ю.С.* Очерки по аспектологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 5.
- ⁶⁹ Вопросы глагольного вида. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. С. 39.
- ⁷⁰ *Сергеев В.И.* Указ. соч. С. 280—283.
- ⁷¹ *Насилов Д.М.* Проблемы тюркской аспектологии. Акциональность. Л.: Наука, 1989. С. 106.
- ⁷² *Сергеев Л.П.* Глаголсен пулăвĕ // Чăваш чĕлхи. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2012. С. 250—252.
- ⁷³ Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 160.
- ⁷⁴ Татарская грамматика. Т. 2. С. 162.
- ⁷⁵ *Кузнецов П.И.* Система функциональных форм глагола в современном турецком языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1983. С. 4; *Гузев В.Г.* Указ. соч. С. 142.
- ⁷⁶ *Сергеев Л.П.* Глагол аспектĕсем // Чăваш чĕлхи. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2012. С. 355—357.
- ⁷⁷ *Гузев В.Г.* Указ. соч. С. 153—176.
- ⁷⁸ Лингвистический энциклопедический словарь. С. 399.

E. Y. Lebedev

PROBLEMS OF VERB INFLEXION STUDY IN THE CHUVASH LANGUAGE

The article deals with the study of some verb forms and categories. According to the author's opinion, they are important for the general understanding of verb forms' functioning in the Chuvash language. The issues include analytical forms formed by combining participle and adverbial particle forms with auxiliary verbs, the category of voice, aspectuality, etc. The author gives his comprehension of verb categories' composition in this paper.

Keywords: verb categories, word-formation, aspectuality, voice, analytical forms of the verb.

ЧГВ, 2024 г., № 19
© Л.А. Афанасьева

НАЗВАНИЯ ВЫКУПОВ В ЧУВАШСКОЙ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ

В статье в этнолингвистическом аспекте рассматриваются названия выкупов в чувашской свадебной обрядности и их диалектные особенности, выявленные на территории Республики Башкортостан. В ходе исследования выяснилось, что в современной свадебной системе чувашей данного региона многие обряды и названия обрядовых действий утратили свои функции и значения. Анализ экспедиционного материала позволяет интерпретировать этапы свадебной обрядности в полном объеме.

Ключевые слова: свадебная обрядность чувашей, выкуп, ритуал, обряд, лексика, чувашаи Башкортостана.

В связи с изучением свадебной обрядовой лексики чувашей Республики Башкортостан представляют особый интерес этнографические работы С.М. Михайлова-Яндуша¹, А.А. Фукс², Д. Месароша³, В.А. Сбоева⁴, Н.И. Ашмарина⁵, И.Г. Петрова⁶, А.К. Салмина⁷ и др. На сегодняшний день лексика свадебной обрядности приуральских чувашей в диалектологическом плане еще не изучена достаточно. Она полностью не выявлена и не подвергалась серьезному анализу в этнолингвистическом аспекте. Цель нашей работы — этнолингвистический анализ названий выкупов в свадебной обрядности (в основном в доме невесты) чувашей Республики Башкортостан и его диалектные особенности.

Эмпирической базой исследования послужили полевые записи автора, сделанные в течение ряда лет во время научных экспедиций по грантам РГНФ, РФФИ, материалы фольклорно-диалектологической практики студентов чувашского отделения Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий и сведения, извлеченные методом сплошной выборки из 17 выпусков Словаря чувашского языка Н.И. Аш-

Ли́ра Арка́дьевна Афа́насьева — кандидат филологических наук, доцент кафедры татарской и чувашской филологии Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий; e-mail: afanaseva.lira@mail.ru.

марина⁸, «Чувашско-русского словаря» В.Г. Егорова⁹. Свадебная обрядовая лексика рассматривается нами в контексте всей обрядовой реальности: обрядовых действий, исполнителей обрядового акта, предметов-символов и т. д. Исходя из этого, в терминологии свадебной обрядности рассматриваются такие коды, как акциональный, предметный, персонажный, вербальный.

В свадебном обряде чувашей немаловажное значение имели ритуальные атрибуты (предметный код), одним из которых является *укса* «монета». Монету ритуального назначения можно определить по ситуации и контексту¹⁰. Из этого следует выделить диалектную лексику, связанную с монетой, которая имеет ритуальную нагрузку на том или ином этапе традиционного свадебного действия. В данном случае речь идет о выкупах в свадебной обрядности, «язык» торговли при этом — один из наиболее часто использовавшихся. Это и естественно, ведь свадебный обряд с определенной точки зрения представляет собой обмен между двумя участвующими в нем партиями¹¹.

Одним из элементов свадебной обрядности является выкуп невесты, или калым, внесение стороной жениха платы деньгами или имуществом родителям невесты. Данное обрядовое действие передается термином *ху́йн укси* «калым (за невесту)»¹². В говорах чувашей Башкортостана зафиксированы следующие терминосочетания: *ху́йн укси* (Мияк.: Уяз.), (Биж.: Мал.-Сед.), *ху́йм укси* (Биж.: К.-Богд.), *хёр ху́ймё* (Фед.: Тен.; Весел.), *хёр ху́лйне* (Куюрг.: Кр.-Ил.), *пу́с укси* (Аург.: Бишк.; Давл.: Камчал.).

Д. Месарош, описывая свадебную обрядность чувашей, пишет: «Выкуп за невесту — это *ху́йн*, который состоит из денег, средств на свадьбу, из шкур и тканей для гардероба невесты. А именно: 100—150 рублей, пуд (16,38 кг) меду, один фунт (409,512 г) добротного чая, 10 фунтов сахара, ведро водки, 10 овчин на шубу для невесты, 400 штук мелких серебряных монет (*нухрат*) для украшения головного убора невесты и сукно для верхней одежды (*халатла́х*)»¹³. В. Сбоев указывает на тот факт, что калым составлял «до 200 рублей и более, смотря по достоинствам невесты»¹⁴. Как показывает полевой материал, собранный на территории РБ, калымные деньги в прошлом столетии составляли 11 руб., затем 101 руб. Современные чуваше Республики Башкортостан на калымные деньги кладут 1101 руб. По сведениям информаторов, в сумме калыма должна присутствовать цифра 1, причем втрое. *Килёшме килсен каччи ху́йм укси хурать. Ху́йм уксинче ви́сё пёрре пулмалла* (1101) «Когда приходят сватать, жених кладет калымные деньги. В калымных деньгах должно быть число один втрое» (1101) (Аург.: Тр.). Калымные деньги всегда заворачивали в белый платок, завязывали шелковой нитью особым узлом *пичет тёвви* и вручали отцу невесты¹⁵. Этнограф И.Г. Петров отмечает, что калымные деньги отец жениха «не отдавал из рук в руки, а клал их на непочатый каравай хлеба “*пу́сламан сáкáр*”, предварительно завернув в бумагу или положив в кисет “*енчёк*”. В позднейшей традиции

сваты ограничивались только тем, что калымные деньги клали на хлеб или на стол»¹⁶. По сведениям информаторов, калымные деньги засовывали за пазуху матери невесты. *Хёр хулӓмӗ 101 тенкӗ хёрӗн амӓшӗн хӗвне чиксе панӓ* «Калымные деньги 101 рубль засовывали за пазуху матери невесты» (Фед.: Весел.). В качестве калыма *хёр хулӓмӗ* кроме денег на сватовство приносили сахар, водку, мед, масло, ситец на занавес *чаршав* (Давл.: Ч.-Ник.).

Для обозначения калымных денег в диалекте приуральских чувашей зафиксировано терминосочетание *пуҫ укҫи* (букв. «головные деньги»), «калым за невесту». *Палӓртнӓ кун хӗре ҫураҫма килнӗ. Ҫураҫма 7 е 9 килнӗ, мӓн хӓпарту, ҫур литр эрек, хӗрне валли парне, пуҫ укҫине 101 тенкӗ укҫа илсе килнӗ. Укҫине амӓшӗн хӗне чикнӗ* «В назначенный день приходили сватать. Сватать приходили 7 или 9, приносили большой пшеничный хлеб, пол-литра водки, подарок для невесты, головные деньги 101 рубль. Деньги засовывали за пазуху матери» (Аург.: Бишк.; Давл.: Камчал.).

Во время сватовства невеста должна была одаривать родственников жениха подарками. Данное ритуальное действие выражено в предметном коде *парне укҫи*, букв. «подарочные деньги», то есть «деньги, полученные взамен за подарок невесты».

На момент сватовства девушка должна была удалиться к соседям или подругам. Когда сваты заканчивают трапезничать, две женщины, варившие суп (*яшка пӗсерекен арӓмсем*), идут в соседний дом к невесте, чтобы та принесла какой-нибудь подарок *парне* для гостей. Невеста передает им рубаху, штаны и два платка. Одна из женщин берет подарок и кладет в пустую чашку для супа (салма чашки) и приносит его в ней в дом сватов. А другая женщина несет кувшин с пивом и ковш. Первый, к кому подходят, — это отец жениха, за него и выпивают гости первый ковш пива. Женщины передают ему какую-нибудь рубашку или штаны из подарков невесты. Потом гости подряд выпивают за всех, в первую очередь за родных жениха, а потом — за родных невесты. Вручая подарок, его дают не в руки, а кладут на колени¹⁷. Гости, получившие подарок, кладут для невесты в пивной ковш *парне укҫи* «деньги за подарок» (кто сколько хочет отдать). Девушка выпивает пиво и деньги забирает себе¹⁸. Данное ритуальное действие частично сохранилось в свадебной обрядности приуральских чувшей. Одним из значимых подарков во время сватовства был подарок отцу жениха. Невеста должна была подарить отцу жениха отрез домотканого холста *пир*. Для этого холстом измеряли рост девушки и в два раза больше отрезали холст в расчете на подарок. После получения подарка гости со стороны жениха на стол кладут *парне укҫи*, затем выходят на улицу и показывают подарки солнцу и луне («подарком трясут») (Аург.: Тр.). *Хёр парне парсан парне укҫи качӓ енчисем сӗтел ҫине укҫа хураҫӗ* «После одаривания невестой подарками, сторона жениха на стол кладет в подарок деньги» (Аург.: Тр.). *Килӗшсен парне укҫи хураҫӗ* «После сговора кладут деньги за подарок» (Аург.: Тр.). Об этом поется и в свадебной песне:

*Шап-шарах та тенкё ай патймър,
Шап-шарах та тенкё патймър
Сётелех те ури тайличчен.
Мён чул шурд парне ай парё халь,*

Мён чул шурд парне парё халь

Хурама та кашти авниччен?

Белую-разбелую да монету ай дали,
Белую-разбелую да монету дали.
Ножки стола пока не нагнулись.
Сколько белых подарков ай нам сейчас
даст,
Сколько белых подарков нам сейчас
даст,
Вязовая перекладина да пока
не согнулась?¹⁹

Во время сватовства было принято подавать к столу суп *яшка*. В словаре Н.И. Ашмарина это обрядовое кушанье зафиксировано как *хёр яшки*²⁰. По описанию Д. Месароша, для приготовления супа приглашались две женщины, которых называли *яшка пёсерекен аръм* (букв. «женщина, готовящая суп»)²¹. На суп приглашались подружки невесты. Девушки хлебали суп не перемешивая, по две-три ложки. Им давали деньги. Если хлебать, перемешивая суп, то невесте в замужестве будет жить тревожно²². В Бижбулякском районе РБ сохранился обычай класть деньги *яшка укси* (букв. «супа деньги») перед тем как сесть за трапезу. *Хёр килёшнё чух яшка укси апата сине лариччен чи малтан сакър сине укса хунд. Пурте хурацсё* «Во время сговора, перед тем как приступить к еде, на хлеб клали деньги за похлебку. Все клали» (Бижб.: К.-Богд.).

Особый интерес представляют обрядовые действия, совершаемые у ворот невесты. Эта своего рода символическая граница между своим и чужим имеет ритуальную значимость. Из области чужого (в данном случае род жениха) в другой мир (род невесты) переходит новый человек (позжане жениха). «Но вместе с ним и через тот же канал из сферы чужого могут проникнуть и нежелательные для человека силы. Поэтому заботе о восстановлении границы придается первостепенное значение»²³. По этому случаю жених при въезде в дом ударяет ременной нагайкой ворота. Это делается для того, чтобы отогнать злых духов и предотвратить наговор злых людей. Кроме того, этот рубеж (граница) должен выкупиться некой данью, в данном случае деньгами. В похоронно-поминальной обрядности рубежи (границы) также выкупались монетами. К примеру, перед тем как опустить покойника, в могилу бросают серебряную или медную монету, выкупая место для покойника. В свадебной обрядности в этнолингвокультурологическом плане монеты, которые даются родственникам невесты у ворот, именуются *хапха укси* (букв. «воротные деньги») «деньги, которые дает старший дружка родственникам невесты»²⁴; *алък укси* (букв. «воротные деньги»)²⁵ «деньги, взимаемые на свадьбе с жениха за пропуск его в дом невесты»²⁶.

Хапха укси (Иш.: Вас.; Аург.: Юлам.; Давл.: Ч.-Ник.). *Хапха патне килсе ситсен каччй енчисем хапха укси тўлесе кёрессё* «Доходя до ворот, сторона жениха заходит, заплатив воротные деньги» (Аург.: Асавб.). *Хапха уксине пуш урлд ыватнй хёр хапхи умёнче* «Воротные деньги кидали через голову у ворот невесты» (Ерм.: Нижнеул.). *Хапха уксине каччи хёр ашишёне*

парать «Воротные деньги жених отдает отцу невесты» (Аург.: Тр.). Ныне вместо воротных денег ставят бутылку водки (Куюрг.: Павл.). А.А. Осипов пишет, что у верховых чувашей «глава свадьбы уплачивал парням и девушкам или сверстницам невесты *алăк укăш* — воротные деньги, после чего они раскрывались и свадебный поезд во главе с *туй пуçĕ* и женихом въезжал во двор»²⁷. В этот момент *туй арăмĕсем* «женщины-поезжане» у ворот невесты пели:

*Уçăр, хăта, хапхăра,
Хапха укăш панă ĕнтĕ,
Ати мулĕ тулнă ĕнтĕ,
Калаçса сăмах пĕтнĕ ĕнтĕ,
Парса хулăн тулнă ĕнтĕ.
Виç сĕр сумпа тăранманне
Виçĕ пуспа тăранайман.*

Отворяйте, сваты, ворота,
Воротные деньги уже уплачены,
Богатство отца восполнено уже,
Сговор состоялся уже,
Выплачены калымные деньги уже.
Тремястами не насытившись,
Тремя копейками не насытишься.

За воротами подружки невесты в ответ пели:

*Хапха укăш намасан
Пирĕн хапха уçăлмасть.
Виç сĕр сумпа шеллеменне,
Виçĕ пуспа ан шелле.*

Воротные деньги не дадите,
Наши ворота не отворятся.
Триста рублей не пожалели,
Три копейки не жалеите²⁸.

Следующим этапом свадьбы в доме свата был выкуп невесты. Данное действие передавалось обрядовой терминологией *сĕтел укăш* (букв. «выкуп стола») (Давл.: Камчал.). *Сĕтел укăш хĕр илме килсен тўлесçĕ: хĕрлĕ, кăвак, ешĕл* «Выкуп (деньги) за стол кладут, когда идут за невестой: красные, синие, зеленые» (Давл.: Камчал.). В с. Васильевка Ишимбайского района РБ по приезде в дом невесты жених уплачивал выкуп. Невесту заранее прятали у соседей с восточной стороны дома или в чулане. Жених должен был найти дом, в котором была спрятана невеста. После того как будет найден дом, жених выкупал каждый рубеж, начиная от ворот, заканчивая последней дверью комнаты в доме. У входа в последнюю комнату ставили стол. Одна из шустрых подруг невесты в руках держала скалку, украшенную разноцветными ленточками, и стучала по столу, требуя выкуп за невесту. При этом жених на каждый угол стола должен был положить деньги номиналом десять рублей *хĕрлĕ укăш* или двадцать пять рублей *кăвак укăш*, в середину — пятьдесят рублей *Ленин пуçлă укăш* (букв. «деньги с изображением головы Ленина») и литр водки. В Давлекановском районе по краям стола клали десять рублей *хĕрлĕ укăш*, в середину стола — пятьдесят рублей *симĕс укăш* (Давл.: Ч.-Ник.). Женщины-поезжане в это время пели:

*Эпир панă хĕрлĕ укăш
Çулçă пулса вĕçрĕ пуль.
Эпир панă московски
Çырма пулса юхрĕ пуль.*

Нами отданные красные деньги
Улетели, наверное, превратившись в листья.
Нами отданная московская (водка)
Утекла, наверное, превратившись
в речку (Аург.: Новофед.).

Ритуальное-обрядовое действие «выкуп стола» в Аургазинском районе передается терминосочетанием *хёр укџи* (букв. «девичьи деньги») (Аург.: Асавб.). *Хёрне пытарнӑ пулсан каччӑ хёрне шыраса тупатӑ, хёрне пытарман пулсан хёр укџи тӑлет те хёр ҫумне сӑтел хушшине кӑрсе ларатӑ* «Если невесту прятали, то жених ее находит, если невесту не прятали, то заплатив девичьи деньги (выкуп), садится за стол рядом с невестой» (Аург.: Асавб.). Однако в исследовании А.А. Осипова под термином *хёр укџи* «девичьи деньги» понимается обряд одаривания деньгами невесты ее родственниками²⁹. Этот обряд происходил после раздачи невестой подарков своим родственникам. «Девичьи деньги» являлись даром родственников молодой семье³⁰.

В словаре Н.И. Ашмарина обрядовое действие «выкуп невесты» обозначено термином *кӑру тенки* «деньги, которые дарит жених подружкам невесты»³¹. Следует отметить, что *хёр ҫумсем* (букв. «подруги невесты») сопровождали ее от начала свадьбы до отъезда в дом жениха, то есть до околицы селения. Функция подружек состояла в охране невесты и участии в ритуальных выкупах невесты, ворот, приданого и пр. Жених должен был одаривать подружек невесты деньгами, прежде чем предстанет перед невестой.

*Хёр ҫум укџи — хёрӑх пус,
Хёрӑх пуса намасан
Хёре парса ярас ҫук.*

Подружкины деньги — сорок копеек,
Сорок копеек если не отдадите,
Невесту не отдадим.

Н.И. Ашмарин приводит термин *чаршав укџи*, значение которого, как он отмечает, «не выявлено»³². Однако материал, собранный самим исследователем, позволяет раскрыть особенности обрядового действия *чаршав укџи* (букв. «деньги за занавес»). Невеста, погостив с подружками у всех родственников, возвращается в дом отца. Подружки и невеста размещаются в чулане, а мужчины — в переднем углу дома. Затем дружки жениха вместе с главой свадебного поезда заходят в чулан к девушкам, чтобы вытянуть стул из-под ног невесты (обряд *чаршав шӑлма*). Все девушки стоят возле двери и не пускают их, при этом поют:

*Чаршав укџи маман-ха,
Чаршав укџи намасан
Пирӑн чаршав уҫӑлмасть.*

Деньги за занавес еще не отданы,
Деньги за занавес если не отдадут —
Наш занавес не откроется.

Женщины-поезжане в ответ отвечали песней:

*Виҫ ҫӑр сумпа тӑранманне,
Виҫӗ пуса тӑранас ҫук теҫӗ.*

Тремястами не насытившись,
Тремя копейками не насытишься, говорят.

Затем жених отдает деньги, и его впускают. Далее девушки поют:

*Виҫ ҫул сивӗ тытри-мӑн,
Вӑйӗ кӑрсе ҫитмери-мӑн,
Ҫавӑнна пукан илейместни?..*

Три года приступ малярии что ли был,
Силой не окреп что ли,
Поэтому не можешь стул вытянуть?..

После того как стул убирался женихом, они с невестой обменивались ковшами и пили водку. Затем невесту уводили в сарай и наряжали в одежду замужней женщины, на голову надевали *хушту*³³. Невеста сидела в чулане за занавеской, и к ней можно было подступиться, только заплатив деньги за открытие занавеса *чаршав*.

Заключительный момент свадебной церемонии в доме невесты включает в себя ряд ритуально-обрядовых действий, связанных с выкупом приданого перед выездом. «Вынос приданого, — указывает А.А. Осипов, — самый важный этап заключительного эпизода церемонии в доме невесты. В ее структуре он является завершением обряда внутри дома и в *шыльак*»³⁴. Вынос приданого — очень шумный и веселый обычай, сопровождаемый пением гостей и игрой музыкантов³⁵. Младший дружка или посаженный отец выкупали приданое невесты у ее подружек, выносили и укладывали на специально подготовленную повозку. Сопровождая приданое, на ней ехали ее родственники — мужчины³⁶. У верховых чувашей в соответствии с современной традицией выкуп приданого называют *сытар сйлли* «выкуп подушки» или *тушек сйлли* «выкуп перины». Это действие выполнял глава свадебного поезда или посаженный отец³⁷. В говорах чувашей Башкортостана выкуп приданого передается термином: *арча укси* (букв. «сундука деньги») (Бел.: Старосем.; Биж.: Мал.-Сед.; Иш.: Вас.), *вырйан укси* «деньги за перину и подушки» (Биж.: Мал.-Сед.), *хёр укси* (букв. «невестины деньги») «выкуп за приданое невесты» (Аург.: Ман.), *тупра укси* «выкуп за приданое невесты» (Карм.: Ник.). При выносе приданого сторона невесты пела песни:

*Арча укси — аллй пус,
Аллй пуса памасан
Арча парса ярас сук.
Сйңсе укси — ситмёл пус,
Ситмёл пуса памасан
Сйңсе парса ярас сук.*

Деньги за сундук — пятьдесят копеек,
Если не отдадите пятьдесят копеек,
Не отдадим сундук.
Деньги за сюпсе* — семьдесят копеек,
Если не отдадите семьдесят копеек,
Не отдадим сюпсе (Бел.: Старосем.).

В прошлом в с. Нагадак Аургазинского района Башкортостана жених выкупал каждый предмет приданого деньгами и выпивал рюмку водки³⁸. На сундук и постельные принадлежности садятся младшие сестры и братья невесты. Жених должен отдать им выкуп за приданое деньгами. *Хёрён тушек-минтерёсем сине хёрён сыва́х ййма́кёсемне шя́ллёсем хя́парса лара́ссьё те каччинчен хёр укси ыйта́ссьё, са́пла аппа́шине сутса яра́ссьё* «На перину и подушки садятся близкие младшие сестры и братья невесты и выпрашивают у жениха невестины деньги, таким образом они продают свою старшую сестру» (Аург.: Ман.).

Завершающим этапом свадебного обряда в доме невесты является благословение родителей перед отъездом. При прощании девушка кланя-

* Сюпсе — выдолбленная кадка с крышкой вместо сундука для хранения женских нарядов вместо сундука.

ется своим родителям, а отец в подарок дает ей пятьдесят или сто рублей и благословляет ее: *Пехил ачам, сыв пул, сыв пул та пур пул. Ырă сынна юра, хуняçăна, хунямăна хуняса, хуняма тесе кала, ватта курсан пăяхам тесе кала, çамрăка курсан пултăрăм тесе кала. Усала тўртен пăх, ырра хиреç пăх. Пехил ёнтё, ачам, урăх ним те кала пёместёп* «Благословляю, дитя мое, будь здоровой. Будь здоровой и будь состоятельной. Будь угодной добрым людям. Свекра и свекровь называй свекром и свекровью. Увидев пожилого, зови его *пăяхам*. Увидев молодого, зови его *пултăрăм*. На зло гляди спиной, на добро смотри лицом. Благословление тебе, дитя мое, больше не знаю, что и сказать». Такие же слова благословения говорит ей и мать³⁹. Как показывает наш полевой материал, жених с невестой кланяются родителям, которые благословляют и дают монеты *пехиллех укши* «деньги благословения» (Иш.: Вас.), *пехил укши* «деньги благословения» (Давл.: Ч.-Ник.). Эти монеты невеста должна положить на дно сундука и хранить по возможности долго, чтобы в будущем всегда водились деньги (Иш.: Вас.). *Ашиё ывăлне пехиллесе кёмёл укçасем тыттарать. Ывăлён ашиён пехилне арча тёпёнке упрамалла* «Отец с благословением вручает сыну серебряные монеты. Благословение отца сын должен был хранить на дне сундука» (Иш.: Вас.). *Пехил укçине стакан çине ярса парасçё* «Благословенные деньги кладут в стакан» (Давл.: Ч.-Ник.). Это прослеживается в свадебной песне:

*Атте пачё хут укça,
Анне пачё кёмёл укça.
Хут нек çăмăл çўресчё,
Кёмёл нек çутă çўресчё.*

Отец дал бумажные деньги,
Мать дала серебряные монеты.
Ходить бы легким, как бумага,
Ходить бы светлым, как серебро (Иш.: Вас.).

У чувашей Кармаскалинского района во время благословения родители невесты давали молодоженам серебряную монету достоинством в один рубль *пётём укça* («целая деньга»). Серебряную монету на свадьбе также дарили старшие *ваттисем*. Эту монету берегли. Она, по традиционным представлениям, имела лечебно-магические свойства и могла помочь при болезни детей. Когда дети болели, эту монету опускали в воду, после чего воду давали пить детям (Карм.: Ник.).

Свадьба на стороне невесты завершалась жертвоприношением духу *Хаяр**, которое выражено термином *Хаяр укши* (букв. «деньги для Хаяра»). В словаре Н.И. Ашмарина *Хаяр укши* трактуется как «деньги, которые бросали при болезни»⁴⁰. После вывоза невесты обходят вокруг деревни посолонь, останавливаются за околицей и совершают жертвоприношение. *Мăн кёрў* «глава свадебного поезда» сходит с телеги и три раза делает поклон. Затем бросает две копейки со словами: *Мёппур хаяр-хăтар, усал-тёсел пиртен уйрăлса кайтăр, çак укça уйрăлса кайнă нек* «Пусть все зло, всякое зло

* В чувашском языке *хаяр* [çын] означает злой, свирепый, страшный, жестокий и т. п. человек.

от нас уйдет, как уходит эта монета»⁴¹. Данное ритуальное действие сохранилось в ряде мест и среди чувашей Башкортостана: *Хёр илсе тухсан хёвелтухăсне тухса Хаяр укăшĕ пăрахнă ял вĕçĕнче. Туй пуçĕ пăрахать* «После выезда невесты выходили на восточную сторону околицы и бросали монету духу Хаяр. Глава свадебного поезда бросает» (Кююрг.: Кр.-Ил.). *Туй пуçличчен кёпер патне кайса Хаяр пăрахăççĕ. Çут укăса пăрахнă* «До начала свадьбы ходили к мосту и бросали монету Хаяру» (Фед.: Весел.). В данном ритуале деньги выполняют не только функцию жертвоприношения духу Хаяр, но и выкупа у него благополучия для молодоженов.

Таким образом, у чувашей выкуп считался обязательным элементом свадебной церемонии. Исследование обрядовой терминологии, в частности, названий выкупов, позволяет выявить обрядовые действия, связанные и с рядом других выкупов — выкупы ложек за столом, блинов *çĕнĕ çын иккерчи* (букв. «невестины блины»), воды у родника и т. д. и т. п. В современной свадебной обрядности чувашей распространен выкуп торта у молодоженов, который происходит перед завершением свадьбы под вечер.

Литература

¹ Михайлов С.М. Чувашские свадьбы // Михайлов С.М. Собрание сочинений. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. С. 67—91.

² Фукс А. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань: Тип. Императ. Казан. ун-та, 1940. 333 с.

³ Месарош Д. Памятники старой чувашской веры / пер. с венг. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. 359 с.

⁴ Сбоев В. Заметки о чувашах. Исследования об инородцах Казанской губернии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.cap.ru/sboev%20zametki%20o%20chuvashah.pdf> (дата обращения: 26.09.2022).

⁵ Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка: в 17 т. Казань; Чебоксары, 1928—1950.

⁶ Петров И.Г. Одежда в семейных обычаях и обрядах чувашей. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2018. 295 с.

⁷ Салмин А.К. Традиционные обряды и верования чувашей. СПб.: Наука, 2010. 240 с.

⁸ Ашмарин Н.И. Указ. соч.

⁹ Егоров В.Г. Чувашско-русский словарь. Чебоксары, 1954. 320 с.

¹⁰ Салмин А.К. Указ. соч. С. 88.

¹¹ Байбурун А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. С. 109.

¹² Егоров В.Г. Указ. соч. С. 253.

¹³ Сбоев В. Указ. соч. С. 25.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Ашмарин Н.И. Указ. соч. Т. 9. С. 247.

¹⁶ Петров И.Г. Указ. соч. С. 122.

¹⁷ Месарош Д. Указ. соч. С. 345.

¹⁸ Авалхи чăваш туйĕ // Чăваш фольклорĕ = Чувашский фольклор / сост. И.С. Тукташ; под общ. ред. И.Я. Яковлева. Чебоксары: Гос. изд-во Чуваш. АССР, 1941. С. 53.

¹⁹ Там же. С. 57.

²⁰ Ашмарин Н.И. Указ. соч. Т. 17. С. 34.

²¹ Месарош Д. Указ. соч. С. 329.

²² Ашмарин Н.И. Указ. соч. Т. 17. С. 34.

²³ Байбурун А.К. Указ. соч. С. 95.

- ²⁴ *Ашмарин Н.И.* Указ. соч. Т. 16. С. 56.
- ²⁵ *Осипов А.А.* Чувашская свадьба: обряд и музыка свадьбы вирьял. Чебоксары, 2007. С. 37.
- ²⁶ *Ашмарин Н.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 142.
- ²⁷ *Осипов А.А.* Указ. соч. С. 37.
- ²⁸ Традиционная культура чувашей: Тексты (материалы Научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук) / подг. к изд. А.К. Салмин. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2014. С. 108.
- ²⁹ *Осипов А.А.* Указ. соч. С. 68.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ *Ашмарин Н.И.* Указ. соч. Т. 7. С. 286.
- ³² *Ашмарин Н.И.* Указ. соч. Т. 15. С. 158.
- ³³ Традиционная культура чувашей... С. 111.
- ³⁴ *Осипов А.А.* Указ. соч. С. 64.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Пушкăрт Республикинчи Авăркас районне кĕрекен чăвашсен календарлă йăла-йĕрке поэзийĕ / автор-хатĕрл. В.В. Данилова, С.Г. Данилова. Ėстерлĕ: Пушкăрт патшалăх ун-чĕн Ėстерлĕ филиалĕ, 2013. С. 61.
- ³⁹ *Месарош Д.* Указ. соч. С. 346.
- ⁴⁰ *Ашмарин Н.И.* Указ. соч. Т. 16. С. 10.
- ⁴¹ Там же. С. 11.

Информаторы

1. Аургазинский район, с. Асавбашево, Николаева М. (1932 г. р.). Записала Егорова Н.А. в 2017 г.
2. Аургазинский район, с. Новоефedorовка, Степанова В.А. (1940 г. р.). Записала Степанова И.О. в 2008 г.
3. Аургазинский район, с. Бишкаин, Савельева О.В. (1934 г. р.). Записала Федорова О.Ю. в 1999 г.
4. Аургазинский район, с. Манеево, Яковлева Р.Г. (1959 г. р.). Записала Яковлева М. в 1998 г.
5. Аургазинский район, с. Тряпино, Глухова А.И. (1945 г. р.). Запись автора в 2019 г.
6. Аургазинский район, с. Юламаново, Николаева З.В. (1951 г. р.). Записала Николаева Н.Н. в 2002 г.
7. Белебеевский район, с. Старосеменкино, Никитина Р.Н. (1948 г. р.). Записала Никитина Е.П. в 2000 г.
8. Бижбулякский район, с. Кистенли-Богданово, Иванова З.С. (1938 г. р.). Запись автора в 2017 г.
9. Бижбулякский район, с. Малый Седяк, Кудряшова А.Ф. (1937 г. р.). Запись автора в 2019 г.
10. Давлекановский район, с. Камчалытамак, Корнеева В.И. (1935 г. р.). Запись автора в 2017 г.
11. Давлекановский район, с. Чуюнчи-Николаевка, Герасимова Е.В. (1937 г. р.). Запись автора в 2017 г.
12. Еремеевский район, с. Нижнеулу-Елга, Зарянова Р.М. (1939 г. р.). Запись автора в 2019 г.
13. Ишимбайский район, с. Васильевка, Никитина И.В. (1941 г. р.). Запись автора в 2019 г.
14. Кармаскалинский район, с. Николаевка, Галяутдинова В.Н. (1949 г. р.). Запись автора в 2020 г.
15. Куюргазинский район, с. Кривля-Илюшкино, Петрова В.П. (1928 г. р.), Егорова Е.А. (1932 г. р.). Запись автора в 2019 г.

16. Куюргазинский район, с. Павловка, Николаева Т.Е. (1953 г. р.), Федорова А.А. (1948 г. р.). Запись автора в 2019 г.
17. Миякинский район, с. Уязыбашево, Наумова П.М. (1929 г. р.). Записала Кириллова А. в 2002 г.
18. Федоровский район, с. Новоселка, Никифорова З.А. (1953 г. р.), Антонова Л.Т. (1938 г. р.), Данилова Л.В. (1955 г. р.), Петрова М.П. (1934 г. р.). Запись автора в 2019 г.
19. Федоровский район, с. Теняево, Сементеева Н.К. (1941 г. р.). Запись автора в 2019 г.

Сокращения

Аург.: Новофед. — РБ, Аургазинский район, с. Новофедоровка
 Аург.: Асавб. — РБ, Аургазинский район, с. Асавбашево
 Аург.: Бишк. — РБ, Аургазинский район, с. Бишкаин
 Аург.: Ман. — РБ, Аургазинский район, с. Манеево
 Аург.: Тр. — РБ, Аургазинский район, с. Тряпино
 Аург.: Юлам. — РБ, Аургазинский район, с. Юламаново
 Бел.: Старосем. — РБ, Белебеевский район, с. Старосеменкино
 Биж.: К.-Богд. — РБ, Бижбулякский район, с. Кистенли-Богданово
 Биж.: Мал.-Сед. — РБ, Бижбулякский район, с. Малый Седяк
 Давл.: Камчал. — РБ, Давлекановский район, с. Камчалытамак
 Давл.: Ч.-Ник. — РБ, Давлекановский район, с. Чуюнчи-Николаевка
 Ерм.: Нижнеул. — РБ, Ермекеевский район, с. Нижнеулу-Елга
 Иш.: Вас. — РБ, Ишимбайский район, с. Васильевка
 Карм.: Ник. — РБ, Кармаскалинский район, с. Николаевка
 Куюрг.: Кр.-Ил. — РБ, Куюргазинский район, с. Кривля-Илюшкино
 Куюрг.: Павл. — РБ, Куюргазинский район, с. Павловка
 Мияк.: Уяз. — РБ, Миякинский район, с. Уязыбашево
 Фед.: Весел. — РБ, Федоровский район, с. Веселовка
 Фед.: Тен. — РБ, Федоровский район, с. Теняево

L.A. Afanasyeva

NAMES OF DOWRIES IN THE CHUVASH WEDDING RITUALS

This article discusses the names of dowries in the Chuvash wedding ceremony and their dialect features in the ethnolinguistic aspect, identified on the territory of the Republic of Bashkortostan. It has been found out that many rituals and names of ritual actions have lost their functions and meanings. The analysis of the actual material allows us to interpreting the stages of the wedding ceremony completely.

Keywords: wedding ceremony of the Chuvash, redemption, ritual, rite, Chuvash of Bashkortostan.

ЧГВ, 2024 г., № 19
© М.Г. Митина

**ЛУЧШИЙ ДРУГ
ЧУВАШСКОГО
ТЕАТРА**

В статье рассмотрены основные грани профессиональной деятельности крупнейшего ученого в области театрального искусства, зачинателя чувашского театроведения Ф.А. Романовой, 100-летие со дня рождения которой отмечается в республике в 2024 г. Анализируется сфера ее научных интересов и вклад в формирование и развитие национальной драматической школы, рассказывается о семье и взаимоотношениях с коллегами по театральному цеху. Особое внимание уделено работе Ф.А. Романовой в Научно-исследовательском институте при Совете министров Чувашской АССР (ныне Чувашский государственный институт гуманитарных наук), где она в течение двадцати лет руководила отделом искусствоведения, созданным по ее инициативе.

Ключевые слова: театроведение, искусствоведение, театральная критика, национальный театр, театральное искусство Чувашии.

Интерес к театральному искусству на всех этапах развития культуры в Чувашии был немалым. Об этом свидетельствуют многочисленные печатные материалы, сохранившиеся в фондах Национальной библиотеки Чувашской Республики и библиотеки Чувашского государственного института гуманитарных наук. В региональной прессе первой четверти XX в. находили отражение небольшие отзывы о постановках любительских театральных коллективов городов и районов Чувашии. О необходимости профессиональной критики заговорил с возникновением в 1918 г. в Казани Чувашского государственного академического драматического театра им. К.В. Иванова драматург и актер М.Ф. Акимов-Аруй в статье «Нужна критика» (1919). Первые попытки оценки спектаклей публиковались на страницах местных газет. Большим импульсом для развития театроведения стали выступления в печати драматурга Ф.П. Павлова и писа-

Мария Георгиевна Митина — младший научный сотрудник искусствоведческого направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: maria050389@mail.ru.

теля, «первого чувашского театроведа» И.И. Илларионова (Иван Мучи). Процесс формирования научно-критической мысли ускорили работы Л.Я. Агакова, первого чуваша из выпускников театроведческого факультета Государственного института театрального искусства им. А.В. Луначарского (ГИТИС), и Д.Д. Данилова — редактора газеты «Красная Чувашия», проректора и преподавателя чувашских студий ГИТИС (выпуски 1947, 1961 гг.).

Особую роль в формировании театроведческой базы республики сыграла заслуженный деятель искусств РСФСР и Чувашской АССР, лауреат Государственной премии Чувашской АССР Фаина Александровна Романова (4 июня 1924 г. — 28 ноября 1990 г.) — выпускница театроведческого факультета Государственного театрального искусства им. А.В. Луначарского, инициатор создания в 1966 г. отдела искусств в Научно-исследовательском институте при Совете министров Чувашской АССР и первый руководитель этого отдела.

Любая театральная профессия — это не только блеск софитов и всеобщее признание, но и проверка человека «на качество». Кто-то так ослеплен лучами славы, что давно потерял внутреннее «зрение» и перестал отличать высокое от низкого, нарушив завет К.С. Станиславского и возлюбив себя в искусстве, а не искусство в себе. Но есть и те, чьи жизненные ценности не меркнут в сиянии творческого успеха, каким бы большим он ни казался. У Фаины Романовой их было три: семья, республика и театр. Говоря о роли ее личности в контексте отечественного театроведения, нельзя не вспомнить о ее сотрудничестве с Институтом истории искусств Министерства культуры СССР по изданию фундаментальной «Истории советского драматического театра» в шести томах, в каждом из которых содержатся ее очерки о становлении, эволюции и динамике развития чувашского национального театра.

Вся жизнь Фаины Александровны — это пример беззаветной преданности выбранному делу, природной простоты и редкого человеколюбия, которое не могли затмить ни почетные звания, ни высокие должности, ни завоеванный авторитет. Будто в ней до последнего дня жила та скромная девочка из с. Янтиково Чувашской Республики, с детства закаленная житейскими трудностями и привыкшая к тому, что всего нужно добиваться самой.

Денег всегда не хватало. Но одно дело — учиться в Чебоксарах (в 1942 г. Фая окончила среднюю школу № 4), и совсем другое — вдали от дома. Казанский авиационный институт — вуз, конечно, престижный, но с пустым карманом на чужой стороне долго не протянуть. В итоге девушка ушла после первого курса и устроилась на работу в Чебоксарский городской комитет КПСС. Канцелярия, документация и дела внутреннего распорядка не вызывали у Фаи никакого интереса. Душа просила живого творчества, неукротимого кипения мысли, возможности самовыражения, и в 1943 г., несмотря на непростое военное положение, несостоявшаяся управдел решила поступать на театроведческий факультет Государственного института театрального искусства им. А.В. Луначарского. Учеба давалась легко, и по окончании вуза в 1948 г. Управление по делам искусств при Совете министров Чувашской АССР ходатайствовало о назначении молодого специалиста на должность старшего методиста Республиканского дома народного творчества г. Чебоксары.

Карьера Фаины Романовой стремительно летела вверх. В разные годы она работала уполномоченным Главреперткомом СССР по Чувашской АССР и инспектором Управления по делам искусств при Совете министров Чувашской АССР, старшим инспектором отдела искусств Министерства культуры Чувашской АССР и заведующим сектором литературы и искусства отдела пропаганды и агитации Чувашского обкома КПСС. Была членом комиссий по Государственной премии Чувашской АССР им. К.В. Иванова и премии Чувашского обкома ВЛКСМ им. М. Сеспеля, заместителем председателя художественного совета Министерства культуры Чувашской АССР и драматической секции Союза писателей Чувашии. Преподавала в Чувашском государственном педагогическом институте им. И.Я. Яковлева и читала лекции в городских и районных университетах культуры, стараясь привить подрастающему поколению тягу к прекрасному.

Но больше всего ее влек театр, только там она дышала полной грудью и чувствовала себя на своем месте. «С началом “перестройки”, сместившей акценты с глубинных вопросов на поверхностную развлекательность в культурной жизни всей страны, систематический и компетентный разговор о сценическом искусстве республики прервался, подменившись “пиаром” и желанием попасть в “мейнстрим”, — писал в память о ней доктор искусствоведения М.Г. Кондратьев. — По времени совпал с этим уход из жизни театроведа Фаины Александровны Романовой, преданно служившей своему искусству. Из процесса выпало такое важное звено, как профессиональное театроведение, и это негативно сказывается как на общем состоянии театральной культуры республики, так и национальном сценическом искусстве в частности»¹. Именуя Ф.А. Романову театроведом, М.Г. Кондратьев вместе с тем говорит о том, что она «способствовала становлению современной искусствоведческой мысли и художественной критики в республике»².

Но театроведение и критика — не одно и то же. Если театровед — это, в первую очередь, историк, который подобно любому ученому стремится к объективности, пытаясь взглянуть на явление со стороны, то критик — прежде всего, зритель, а потому в его отклике всегда имеет место индивидуальное восприятие. Однако «это вовсе не означает, что лирическое “я” критика главенствует, нет, оно спрятано за “образ спектакля” так же, как актерское “я” спрятано за ролью, режиссерское — за текстом спектакля, писательское — за образной системой текста литературного»³. Как бы то ни было, в современной практике принято либо разграничивать эти понятия, либо рассматривать одно как часть другого (в том случае, если критические статьи становятся материалом для изучения истории театра и наоборот).

Так кем же была Ф.А. Романова? Анализ ее рецензий и обзоров дает понять, что по аналогии со своими старшими коллегами А.А. Гвоздевым, П.А. Марковым, Б.В. Алперсом, А.И. Пиотровским, И.И. Юзовским и др. она старалась совмещать занятия историей театра с критической деятельностью, обращенной к современному театральному процессу, а совокупность театроведческих знаний — с субъективностью точки зрения и литературным даром. Представить спектакль сквозь призму живого авторского взгляда, оставшись при этом в параметрах его художественной ткани и в контек-

сте общекультурной ситуации, — главная сложность такого метода. Его же придерживался и научный руководитель Ф.А. Романовой, доктор искусствоведения Л.Л. Рудницкий (псевдоним — К. Рудницкий) — крупнейший исследователь природы театра, и в особенности творчества В.Э. Мейерхольда.

Последователи этого критика и историка театра отмечают: «...афористичность художественного стиля К. Рудницкого не оставляет сомнений в его даре образного видения, метафоричности критики. Меткой репликой он, бывало, подводил черту под целым временным периодом, эпохой. Где другому на его месте понадобился бы абзац, Рудницкому хватало и предложения <...> Рудницкий ли — не эмоциональный критик? Дело скорее в его особой тактике. Как истый ученый, Константин Лазаревич не ставил себе целью бездоказательное эмоционирование. Более того, когда Рудницкий писал о художнике, он вообще сосредотачивался на его биографии в гомеопатических дозах. Однако именно его искусство быть доказательным, и несокрушимая архитектоника анализа театрального произведения в контексте эпохи в конечном итоге парадоксально рожают у читающего книги Рудницкого ощущение физического присутствия и на премьере у Мейерхольда, и в его рабочем кабинете, дает ощутить “воздух” или “безвоздушность” эпохи, затягивает в водоворот истории, как редкостно увлекательная и содержательная проза. Вместе с тем, что стиль К. Рудницкого интеллектуальный, ему в принципе не присуща терминологическая заумь. О самом сложном он говорил по-настоящему просто, подкупая доступностью»⁴.

То же можно сказать и в отношении Ф.А. Романовой, к чертам стиля которой относятся лаконичность и емкость характеристик, точность оценок и умение воспроизводить в словах тонкую материю театра. Но главное ее качество — так называемый «слух» на спектакль, то есть способность к его живому индивидуально-личностному восприятию с учетом особенностей времени и социокультурной среды. «Она была не просто аналитик, а сотворец, — писали коллеги после ее смерти. — И созданная ею история Чувашского государственного академического драматического театра от истоков до современного состояния, с его поисками, взлетами, падениями и моментами долгих, упорных апробаций новых приемов и возможностей национального, нового языка — не просто тема, а суть, бытие неутомимого человека и исследователя... Широкая эрудиция, редкий дар мыслить обобщенно, тактичность, преданность избранному делу, умение раскрыть удивительный мир театра были свойственны Ф.А. Романовой в той полноте, которая присуща не всем исследователям этого сложного, многогранного вида искусства. Вектор ее исследовательских интересов был направлен на контекстуальный обзор: история чувашского театра рассматривалась в пространстве советской многонациональной театральной культуры»⁵.

Первая серьезная научная работа Ф.А. Романовой была опубликована в 1967 г. в «Ученых записках» института под названием «Чувашский драматический театр в 1918—1925 гг.» и положила начало углубленному изучению истории Чувашского драматического театра. Затем одна за другой появлялись статьи о последующих исторических периодах (1926—1932, 1933—1941, 1941—1953, 1953—1967), ставшие основой диссертации на тему

«Возникновение и развитие Чувашского драматического театра (1918—1941)». В этих работах на основе тщательного изучения архивных материалов впервые в истории театрального искусства республики всесторонне и на высоком научно-теоретическом уровне поднимаются вопросы актерского и режиссерского мастерства, репертуарной политики и стратегии развития коллектива. «Ее статьи всегда отличались добросовестностью, обилием материала, исторической достоверностью, правдивостью. Поэтому за них всегда можно было быть спокойным», — говорил Л.Л. Рудницкий в 1972 г. на защите диссертации, и с ним трудно не согласиться.

Первая глава, охватывающая период с 1918 по 1920 г., посвящена зарождению Чувашского драматического театра, истокам его развития. Как и у многих других народов, чувашское театральное искусство основывается на традициях музыкального и устно-поэтического творчества, народных играх и обрядах, в которых заключены элементы драмы и актерского искусства. Опираясь на ряд примеров, Ф.А. Романова также пришла к выводу, что народное творчество не только обусловило появление самого театра, но и подготовило чувашского зрителя к восприятию нового для него вида искусства. В то же время возникший сразу после Октябрьской революции коллектив уже в первом своем спектакле («Не так живи, как хочется» А.Н. Островского), сыгранном в Казани 27 января 1918 г. для чувашей-красногвардейцев и солдат Казанского гарнизона, попытался установить связи с русской сценической культурой. Основатели чувашского театра и его первые актеры, режиссеры и драматурги И.С. Максимов-Кошкинский, П.Н. Осипов, М.Ф. Акимов-Аруй, Г.В. Тал-Мрза, О.И. Ырзем, С.П. Петров (Горский) опирались на опыт русских театров. Основу репертуара первых лет составляли переведенные на чувашский язык пьесы Н.В. Гоголя, А.В. Сухово-Кобылина, А.Ф. Писемского, Л.Н. Толстого и других классиков русской драматургии, в характерах и конфликтах которых раскрывались социальные проблемы и обличались пороки.

Во второй главе рассматривается история чувашского театра в 1920—1925 гг., когда с образованием Чувашской автономной области он переехал из Казани в Чебоксары. Ф.А. Романова характеризует этот период как сложный и кризисный, когда национальное искусство, еще молодое и незрелое, было подвержено серьезным испытаниям, обусловленным экономическими трудностями. Вместе с достигнутым профессионализмом появились признаки некоторой шаблонности, склонности к штампам и рутине. Характерной чертой творческой деятельности труппы стала вошедшая в систему практика гастрольных поездок по селам и деревням республики, где актеры особенно остро чувствовали свое значение в деле духовно-нравственного воспитания народа.

Третья глава затрагивает 1926—1932 гг., когда на сцене все полнее и ярче находила отражение современность и вырисовывался образ героя нового времени. Постановщики стремились уйти от описательности к условности и метафорической образности сценических решений, реализм обретал новые черты, становился более углубленным и разносторонним. Отмечены и определенные недостатки развития театра конца 1920-х гг.: ориентируясь в ос-

**Фаина Александровна
Романова**

новном на бытовые пьесы, стремясь воссоздавать жизнь во всех ее подробностях, режиссура не ставила своей целью рост мастерства актеров, в результате чего они обладали довольно узким диапазоном и не были способны создавать возвышенные, масштабные, психологически глубокие образы. Реализм пока ограничивался достоверностью зарисовок с натуры, не касаясь жизни человеческого духа.

Четвертая глава посвящена периоду 1933—1941 гг., ознаменованному зрелостью реалистического метода театра, сложившимися традициями и высокоразвитым актерским и режиссерским мастерством. В это время происходят наиболее важные процессы, способствовавшие формированию художественных принципов

театра: воплощение лучших пьес советской драматургии 1930-х гг., обогативших сценический реализм театра и способствовавших утверждению образа положительного героя-современника; развитие национальной драматургии; тесное знакомство с системой К.С. Станиславского; становление сценического искусства социалистического реализма.

Вершиной театроведческой мысли Ф.А. Романовой можно назвать монографию «Театр, любимый народом» — первое в советском театроведении исследование процесса становления Чувашского драматического театра от зарождения до 1980-х гг. Также ей принадлежат книги и научные статьи, посвященные начальному этапу развития Чувашского государственного театра юного зрителя им. М. Сеспеля, основоположникам чувашской драматургии и представителям актерской школы.

«Очень интересное качество — объективность, — размышляет М.Г. Кондратьев. — Она возникает, когда есть подлинный профессионализм и понимание предмета. В отличие от некоторых молодых “информаторов”-журналистов, которые, не особо разбираясь в тонкостях сценического искусства, могут за что-то случайно зацепиться, что-то одобрить, что-то, наоборот, покритиковать, но в таких суждениях никогда не будет объективности»⁶. Однако Ф.А. Романову ценили не только за объективность, профессионализм и преданность избранному делу, но и за человеческие качества, такие как чуткость, отзывчивость, душевность, доброта. Твердость и принципиальность сочетались в ней с гибкостью подхода, внимательным отношением к каждому участнику постановочной команды вне зависимости от статуса и звания. Именно поэтому она была не сторонним наблюдателем, выносящим вердикт из глубины зрительного зала, а полноценным членом

театральной семьи. Неслучайно драматург, переводчик и актер Н.Т. Терентьев называл ее «другом театра»⁷.

Впрочем, дружба была взаимной. «Театр — искусство коллективное: спектакль как явление рождается порывом многих художников. Редко, когда театроведы включают в этот ансамбль единомышленников, считая специалистом, анализирующим произведение сцены как завершенное, гармоничное целое и не внесшим определенно нового в художественный мир постановки. Судьба и творческая деятельность Ф.А. Романовой опровергает эту устоявшуюся истину: актеры, режиссеры чувашского театра считали ее соучастником, содейтелем. Анализ репетиционных моментов, оживленные дискуссионные беседы-размышления с актерами, ее мысли и монологи на расширенных художественных советах по приему спектаклей — все было нацелено на совершенствование деталей, мизансцен и, всегда находя одобрение, принималось»⁸, — отмечали в свою очередь коллеги Фаины Романовой по научно-исследовательскому институту.

С чувством большой личной благодарности, как о близком человеке и верном товарище отзывается о ней и художественный руководитель Чувашия государственного академического драматического театра им. К.В. Иванова режиссер В.Н. Яковлев: «Фаина Романова — человек, влюбленный в театр. Все, что она писала о театре, актерам, режиссерах, в целом о театральной жизни, она всегда делала с доброй душой и любовью. Это очень важно. Но это не значит, что она не критиковала. Конечно, указывала на недостатки, но это было всегда сердечное отношение — и на худсоветах, и в печати. Она прекрасно понимала творческую личность, ее хрупкость, и это ее человеческое качество, такая бережность, сыграли огромную роль... Если приходилось выступать, надо было быть всегда “на уровне”. Я же был стеснительный, зажатый. Но если едешь с Фаиной Александровной, ты словно под защитой. Во-первых, она человек красивый и внешне, и душой. И необычайного обаяния. Где бы она ни выступала, зал всегда словно теплел, отзываясь на доброе ее сердце. Она никогда не хвалилась, не била в грудь: “мы-де такие-сякие”. При этом всегда гордилась нашим искусством, всегда защищала его на фоне других театров России... Еще я хотел бы отметить взаимодействие со зрителем. Романова понимала зрителя. Очень часто мы слышали: платки, деревенские платки в зале. Действительно, это можно оценить двояко. С одной стороны, “платки” — вроде бы публика еще не искушенная, театрально не очень образованная. Но с другой стороны, не тронутая ложными ценностями, чистая»⁹.

Возможно, настолько личное отношение к театру сложилось у Ф.А. Романовой во многом потому, что он был для нее своего рода продолжением семьи, а семья — продолжением театра. «Дом № 33 по улице Карла Маркса в Чебоксарах украсила скромная мемориальная доска, — читаем в периодической печати. — В этом доме напротив педагогического университета много лет прожили Фаина и Виктор Романовы, известные деятели театрального искусства. Доктор искусствоведения ЧГИГН М.Г. Кондратьев отметил на церемонии открытия, что нашему театральному искусству всего-то один век, и каждый человек, внесший в него свою лепту, нам очень важен и интересен. Вклад же в становление этого вида искусства у нас в республике четы Романовых трудно переоценить»¹⁰.

После ухода первого художественного руководителя Русского драматического театра Е.А. Токмакова у руля главного режиссера встал супруг Фаины Романовой — Виктор Павлович Романов. Будучи родом из г. Ишим Тюменской области и окончив режиссерский факультет ГИТИСа (мастерская народного артиста СССР А.Д. Попова), начав профессиональный путь в качестве актера в Московском областном театре кукол и пройдя по дорогам Великой Отечественной войны, постановщик до переезда в Чебоксары в 1951 г. с Чувашией не был связан.

В связи с этим обстоятельством особенно поражает то, как быстро он влился в чебоксарскую труппу, пусть русского театра, но в национальной республике, и стал для здешних зрителей своим, получив поистине народное признание и почетное звание «Заслуженный деятель искусств Чувашской АССР». Наиболее показательна в этом плане постановка пьесы В.В. Ухли «Волчье логово» (1972), ставшая интересным сценическим опытом взаимодействия чувашской и русской национальных культур, некоего слияния мышления и мировоззрения двух народов.

Ярким свидетельством профессиональной зрелости режиссера можно назвать трагедию Я.Г. Ухсая «Тудимер» (1968). Будучи одним из наиболее знаковых образов чувашской писательской школы, она вошла не только в литературную, но и в театральную летопись республики. Выразительные образы спектакля, вырастающие на фоне колоритных зарисовок чувашского быта с языческими обрядами и песенно-танцевальным фольклором, врезались в память как поистине народные характеры, художественно убедительные и равновеликие портрету целого народа. Полные внутренней свободы и чистоты, как сама природа, Тудимер и Эрпиге, Полина и Ухливан, Азамат и Тябук, Галахов и другие герои были буквально овеяны запахами полей и парного молока, свежего хлеба и сена. Удивительным было то, насколько органично приезжий мастер вошел в прежде незнакомый ему культурно-исторический и этнический материал, как тонко и точно прочувствовал душу чуваша. Это вызывало горячий отклик в сердцах зрителей самых разных возрастов и социальных категорий, от столичных критиков до обычных сельских тружеников, целыми автобусами приезжавших в Чебоксары со всех уголков республики.

Однако при всей кажущейся простоте и близости к народу в постановочной манере В.П. Романова неизменно присутствовали широта художественного обобщения и достоинство истинного интеллигента, которым был буквально окружен облик режиссера. Он являлся носителем не только высокой культуры русского классического театра, но и культуры в целом. Ярким тому подтверждением являются «Король Лир» У. Шекспира и «Василиса Мелентьева» А.Н. Островского, «Женитьба» Н.В. Гоголя и «Сын века» И.П. Куприянова, «Марсиане» М. Либера и «Опасный возраст» С.Д. Нариньяни, «Остров Афродиты» А. Парниса и другие его работы. В любой своей постановке, которых наберется свыше шестидесяти, он стремился ответить на вопрос, чем живет театр на современном этапе развития культуры, каковы тенденции его развития и тон разговора с публикой. Проблема активного социального героя и поиск положительного потенциала современности, тема взаимоотношения «отцов и детей» и прочность жизненных устоев — такова общая сфера его помыслов и исканий. Взяв в свои руки бразды правления, В.П. Романов охотно давал дорогу молодым — в пору его руковод-

ства в театр пришли актеры М.К. Рассказова и Н.А. Карпова, А.А. Славинский и А.Н. Баулина, режиссер А.М. Харабуга и другие представители нового поколения.

Не менее ярко В.П. Романов проявил себя как общественный деятель. В 1960—1970-х гг. он работал заместителем министра культуры Чувашской АССР и заместителем председателя Комитета по радиовещанию и телевидению Чувашской АССР. Неустанно пробовал себя и в роли драматурга. Так, например, в 1987 г. Чувашским книжным издательством была опубликована его историческая драма «Вольнодумец в рясе», рассказывающая о жизненном и профессиональном пути крупнейшего ученого-востоковеда Н.Я. Бичурина. Немалый интерес представляет и пьеса «Командир Летучего отряда (Мичман Павлов)», посвященная личности участника Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн, полковника С.Д. Павлова.

Отдельная страница биографии В.П. Романова — заведование театральным отделением Чебоксарского музыкального училища им. Ф.П. Павлова. Здесь мастер подготовил три группы артистов для Чувашского государственного музыкального театра (с 1993 г. — Чувашский государственный театр оперы и балета), Чувашского государственного театра кукол и Чувашского государственного театра юного зрителя, где в 1950-х гг. он также работал актером и главным режиссером. В числе его учеников — П.И. Чамжаева, С.Р. Савельева, В.Н. Оринов, В.И. Кочержинский, В.В. Иовлев, Г.В. Кириллов, В.Н. Лукьянов, Г.А. Пескова, И.В. Пуляков, Н.Н. Фомин и многие другие. Особенно интересно прочесть воспоминания актрисы Русского драматического театра В.С. Боровковой: «Принимал на театральное отделение режиссер Виктор Романов, у которого мы проучились год, и это дорогого стоило. Выпускник ГИТИСа, ученик народного артиста СССР Алексея Попова, который был хорошо знаком с Константином Станиславским, Владимиром Немировичем-Данченко и Евгением Вахтанговым, он старался воспитывать студентов в лучших традициях русской классической школы. Конкурс оказался немалый, двадцать пять человек на место, но волнения не было... Когда же Виктор Павлович Романов лично подошел ко мне после первого тура и сказал, что надеется увидеть в числе поступивших, поняла, что не промахнулась. Однако больше всего поражает то, как мудро и дальновидно он скомпоновал наш курс с точки зрения типажей. Герой, героиня, трагист, инженер... Емко, продуманно, с присущим ему художественным чутьем и четким прицелом на совместное творческое будущее своих подопечных, которое длится вот уже более тридцати лет»¹¹.

Не меньший интерес представляет фигура сына Фаины Александровны и Виктора Павловича Романовых — первого проректора Санкт-Петербургской академии театрального искусства Павла Викторовича Романова, который, по мнению современников, был «весьма колоритной творческой фигурой»¹² и органично вписался в питерскую культурно-художественную среду. Коллеги и товарищи не переставали удивляться разносторонности его интересов: «Оказывается, он превосходно разбирался в тонкостях кулинарии, готовил сам и консультировал поваров известных питерских ресторанов. Является автором книги “Застольная история государства Российского” (607 страниц большого формата, два издания разошлись мгновенно). Книга оригинальна по жанру: байки, анекдоты, известные государственные, ис-

торические деятели, другие важные персоны через призму застолья. Живой, образный язык автора делает ее просто настольной. Павел также вел кулинарные рубрики в газетах и на телевидении»¹³. Однако генетическая предрасположенность к театру оказалась сильнее. «Выпускник-медалист покинул родные Чебоксары и двинул в Москву, — пишут о нем. — Но по дороге передумал и вернулся домой, поступил в пединститут. А через год махнул в Ленинград. В 60—70-е годы прошлого века учился в ЛГИТМиК (Ленинградском государственном институте театра, музыки и кино; ныне — Академия театрального искусства). Но судьба снова дала зигзаг: поступил в институт на режиссуру, а окончил с дипломом театроведа. И сразу же получил приглашение — преподавать студентам...»¹⁴.

Известный кинорежиссер Алексей Герман-младший, неоднократно встречавшийся с Павлом Романовым на съемочной площадке, называл его «человеком без всякого актерского честолюбия, зато с массой человеческих достоинств»¹⁵, ученики и коллеги — «одним из колоритных феноменов культурно-художественной среды Ленинграда 1980—1990 гг.»¹⁶. Другам детства он запомнился таким: «Наш дорогой Павлик играл американского шпиона: в Доме пионеров в Чебоксарах, году в 61-м, на фестивале школьной самодеятельности. Он носился по сцене: огромный... в белом плаще... с поднятым воротником... в черных очках... в шляпе... с портфелем — настоящий шпион. Мы топали и визжали!»¹⁷. Товарищи по Санкт-Петербургу вспоминают: «Паша — классный был человек. Бывали у него в доме... на Финляндском проспекте. Тогда, в середине 80-х, там даже были домофоны... Готовил изумительно, с удовольствием пропускали с ним по чарке-другой водочки и часами говорили о символизме»¹⁸. А вот еще одно воспоминание, очень точно отражающее внутреннюю сущность П.В. Романова: «Однажды Павел Романов сказал мне: “У каждого из нас есть своя мечта.

Виктор Павлович и Фаина Александровна Романовы

И важно, чтобы ее не захватили грязные руки нашей обывательской жизни”. Я попросил его повторить и записал»¹⁹.

Примечательно, что одновременно с П.В. Романовым в Ленинградском государственном институте театра, музыки и кинематографии училась третья студия чувашских актеров, что давало ему возможность воочию наблюдать за их поисками, процессом освоения ими исполнительского ремесла. В дальнейшем он работал на Ленинградском телевидении, где организовал редакцию развлекательных программ и снимался в фильмах («Трудно быть богом», «Последний поезд», «Гарпадум», «Иван Павлов. Поиски истины», «Чайковский», «Удар! Еще удар!»), выступал на арене цирка и в театре «Буйф», но при этом никогда не забывал о малой родине и чувашском театре. Так, в своей книге «Студийцы» (1982) П.В. Романов сумел отразить преемственность актерских традиций в контексте развития чувашского драматического искусства и «поступенность» формирования живого организма национального театра. «Актеры Чувашского театра... В самых разных спектаклях — различных жанров, стилей и эпох — видим мы их индивидуальности, творческую манеру, искреннее желание быть близкими и понятными своему зрителю и вместе с тем умение не заискивать, говорить с ним языком современного искусства. ...Когда раскроется занавес, и ты услышишь тишину зала, — начинается творчество. На глазах у зрителей рождается искусство. И ради этого стоит жить беспокойно»²⁰, — размышлял Павел Романов на страницах издания.

В круг его профессиональных интересов также входили проблемы национальной драматургии, современного состояния национальных театров России, сценическая педагогика. С искренним неравнодушием, пытливостью и живой включенностью в театральный процесс он писал статьи о ведущих чувашских актерах и режиссерах для «Краткой чувашской энциклопедии» (2001). Неосуществленной мечтой П.В. Романова стал набор ребят из Чувашии на театроведческий факультет Российской академии театрального искусства, ради чего он планировал приехать в Чебоксары весной 2005 г. и лично провести предварительные консультации и собеседования, но не успел.

По поводу его кончины было написано много пронзительных слов. Вот лишь одно из высказываний: «Павел Романов был человеком, который мог и хотел дарить (и дарил!) людям радость. Радость интеллектуального общения, радушного застолья, подлинного творчества, наконец! Прирожденный артистизм, добрый нрав как бы объединяли в его характере два начала — сибирскую размашистость (от отца) и потаенную чувашскую деликатность (от мамы), что и влекло к нему самых разных людей. Как жаль, что семейная традиция Романовых — высокое служение театру! — прервалась на Павле. Среди слов прощания, опубликованных в одной из питерских газет в те печальные январские дни, были такие: “Он, казалось, был создан для счастья <...> Как странно и нелепо, что о нем надо теперь говорить в прошедшем времени”»²¹.

На пике профессионального пути оборвалась жизнь и самой Фаины Романовой — в последние годы она усиленно работала над докторской диссертацией. Незавершенным остался и «Очерк жизни и творчества народной артистки СССР Веры Кузьминой» — еще один капитальный труд,

потребовавший много сил и времени. Впрочем, по сравнению с тем, сколько Фаина Александровна успела сделать за отмеренные ей шестьдесят с небольшим лет, это такая малость...

Литература и источники

- ¹ Кондратьев М.Г., Яковлев В.Н. Свято место бывает и пусто // ЛИК. 2012. № 3. С. 142.
- ² Кондратьев М.Г. Романова Фаина Александровна // Чувашская энциклопедия: в 4 т. Т. 3: М—Се. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. С. 582.
- ³ Дмитриевская М.Ю. О природе театральной критики // Петербургский театральный журнал. 2012. № 1 (67). С. 5—13.
- ⁴ Коваленко Ю.П. Слово о К.Л. Рудницком // Официальный сайт Фонда Л.Я. Лившица. URL: <https://www.levlivshits.org/index.php/materialy/luchshie-doklady/532-----2012> (дата обращения: 10.05.2024).
- ⁵ Кириллов К.Д. Ученый-театровед. Фаина Александровна Романова // Чувашское искусство: Вопросы теории и истории: сб. статей. Вып. 1. Чебоксары: ЧГИГН, 1994. С. 173—174.
- ⁶ Кондратьев М.Г., Яковлев В.Н. Указ. соч. С. 144.
- ⁷ Терентьев Н.Т. Друг театра // Советская Чувашия. 1984. 3 июня.
- ⁸ Кириллов К.Д. Указ. соч. С. 175.
- ⁹ Кондратьев М.Г., Яковлев В.Н. Указ. соч. С. 144—148.
- ¹⁰ Кириллова М.С. Они жили искусством // Советская Чувашия. 2008. 24 сентября.
- ¹¹ Митина М.Г. Вера Боровкова: «На сцене не должно быть комфортно» // Советская Чувашия. 2023. 25 мая.
- ¹² Кириллова М.С. Указ. соч.
- ¹³ Хузангай А.П. Последний театрал из чуваш // Республика. 2005. 16 февраля.
- ¹⁴ Романов Павел Викторович // Кино-Театр.РУ. URL: <https://www.kino-teatr.ru/kino/acter/m/ros/3618/bio/?ysclid=mlgdrv7mbg361057822> (дата обращения: 19.08.2024).
- ¹⁵ Плахов А. «Чтобы жизнь была реальной, надо ее выдумать»: [интервью с режиссером Алексеем Германом-младшим] // Коммерсантъ. Власть. 2005. № 37. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/609911?ysclid=mlgdogeznr988480503> (дата обращения: 15.07.2024).
- ¹⁶ Романов, Павел Викторович // Сайт OGLASIRU. URL: <https://oglasi.ru/stati/2806-romanov-pavel-viktorovich.html> (дата обращения: 11.08.2024).
- ¹⁷ Павел Романов // Кино-Театр.РУ. URL: <https://www.kino-teatr.ru/kino/acter/m/ros/3618/forum/> (дата обращения: 31.08.2024).
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Романов П.В. Студийцы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1982. С. 8.
- ²¹ Хузангай А.П. Указ. соч.

M.G. Mitina

THE BEST FRIEND OF THE CHUVASH THEATER

The article considers the main facets of professional activity of the largest scholar in the field of theatrical art, the founder of the Chuvash Theater F.A. Romanova, who is celebrated the 100th anniversary in the republic in 2024. The article analyzes the scope of her scientific interests and her contribution to the formation and development of the national drama school, tells about her family and relationships with colleagues in the theatrical workshop. Special attention is paid to the work of F.A. Romanova in the Research Institute under the Council of Ministers of the Chuvash ASSR (now Chuvash State Institute of Humanities), where she headed the department of art history created on her initiative for twenty years.

Keywords: theatricology, art history, theater criticism, national theater, theater art of Chuvashia.

ЧГВ, 2024 г., № 19

© Д.В. Басманцев, А.П. Долгова

**ДНЕВНИКИ ДИРЕКТОРА ЧНИИ
В.Д. ДИМИТРИЕВА
1972—1988 ГОДОВ:
КРАТКИЙ ОБЗОР**

В статье дается обзор дневниковых записей выдающегося чувашского историка Василия Димитриевича Димитриева (1924—2013) периода работы в должности директора ЧНИИ. В ней нашли отражение выполнение им административно-хозяйственных и общественных функций, командировки, встречи, выступления. Приводятся некоторые интересные отрывки из дневников о научной и педагогической деятельности Василия Димитриевича, отдельные сведения о его отдыхе, увлечениях и занятиях.

Ключевые слова: В.Д. Димитриев, ЧНИИ, дневниковые записи, Верховный Совет Чувашской АССР, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук.

11 января 2024 г. исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося чувашского историка, организатора науки и образования, общественного деятеля, доктора исторических наук, профессора Василия Димитриевича Димитриева. Знаковая дата стала событием для коллег и ценителей истории, широкой общественности Чувашии и Среднего Поволжья, которая позволила в очередной раз вспомнить уважаемого учителя-наставника, исследователя, в своем роде уникального человека...

Василию Димитриевичу посвящены десятки энциклопедических статей, сборники материалов конференций, научные издания. Их авторы рассказывают об ученом, посвятившем свою жизнь беззаветному служению исторической науке и чувашскому народу. По мнению историка И.И. Бойко, его ученика, имя профессора стало одним из символов научного мира Чувашии¹.

Дмитрий Викторович Басманцев — кандидат исторических наук, ученый секретарь Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: basmantsevdyandex.ru.

Алевтина Петровна Долгова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник секции языкознания филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: enzenz@yandex.ru.

Благодаря научным трудам, отличающимся широтой исследовательского взгляда и аргументированностью, В.Д. Дмитриева знают и ценят в России и за рубежом.

Наивысший пик его активной деятельности пришелся на 1968—1988 гг., когда он находился на посту директора Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР (ЧНИИ). В этот период Василий Дмитриевич одновременно вел занятия в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова, в разные годы являлся депутатом Чебоксарского городского совета 12-го созыва и депутатом 9-го, 10-го и 11-го созывов Верховного Совета Чувашской АССР, занимал свыше 20 общественных должностей².

Феномен личности Василия Дмитриевича исследован мало и закономерно вызывает вопросы: как он все успевал? Как удавалось совмещать различные должности и находить время для семьи, друзей, посетителей? Эти и другие вопросы не дают покоя всем, кто вместе с ним трудился, знал его лично. И каждый из них бережно хранит в себе частичку воспоминаний о В.Д. Дмитриеве.

Малоизвестные сюжеты о жизни и деятельности историка содержатся в записных книжках, в которых Василий Дмитриевич подобно летописцу ежедневно старался запечатлеть трудовые будни, встречи с коллегами, избирателями, партийными и иными деятелями, а также домашние и семейные хлопоты. Дневниковые записи ценны и тем, что пропитаны эпохой, в которой жил и творил В.Д. Дмитриев.

17 записных книжек, которые велись с 1950-х до 2010-х гг., весной 2018 г. были предоставлены нам сыном профессора Анатолием Васильевичем Дмитриевым для передачи в Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук³. В 7 дневниках охватывается период с 1 января 1972 г. по 31 декабря 1988 г. Записные книжки имеют отдельные номера. Листы пронумерованы. На титулах ежедневников указано: «Личный архив Дмитриева В.Д.». Далее, например, можно прочесть сведения следующего плана: «Записная книжка № 3. Дневник работы Дмитриева В.Д. в качестве депутата Верховного Совета Чувашской АССР с 15 июля 1975 г. по 22 февраля 1980 г. (листы 1—17-II). Учет работы в ЧНИИ и ЧГУ с 19 ноября 1979 г. (с л. 18) по 31 декабря 1981 г. (л. 18—99)». Дневники (№ 2—7) были написаны в блокнотах. В книжке № 1 переплетены записи, сделанные на тетрадных листах и листах формата А4.

Деятельность В.Д. Дмитриева была многогранной, ее сопровождали разные жизненные обстоятельства. Возьмем типичный рабочий день Василия Дмитриевича — 10 октября 1988 г.: «На работе с 8 ч. 40 м. Занят административными делами, написал отношение в Госкомиздат РСФСР, в 11 ч. 40 м. поехал в обком, с 13 до 14 ч. писал и заполнял в Президиуме Верховного Совета отношения райисполкомам, с 14 до 16 ч. на заседании рабочей комиссии по подготовке плана мероприятий по национальному вопросу. Затем в институте писал приказы, отношения до 21 ч. 20 м.» (№ 7, л. 22).

В должности директора ЧНИИ В.Д. Дмитриеву приходилось сталкиваться с проблемами и оперативно решать насущные вопросы. Следует от-

метить, что информация о трудовых буднях директора лаконична и однообразна. Например: «22 марта 1984 г. На работе с 8 ч. 35 м. Занят административными делами» (№ 5, л. 8). К этой часто встречающейся фразе автор дневника иногда добавлял, что также решал хозяйственные вопросы и принимал посетителей, оформлял приказы и отправлял отношения в различные учреждения. В отдельных случаях автор достаточно подробно делился о важном, по его мнению, эпизоде жизни.

В 1970-х гг. первоочередной задачей, стоявшей перед Василием Димитриевичем, являлось строительство нового здания института и его оснащение. Непросто давалось ему выполнение этой задачи. Порой приходилось терпеливо ждать, а иной раз отстаивать свою правоту, преодолевая административные барьеры. В записях от 17 января 1972 г. содержится информация: «С 14 до 15 ч. 15 м. совещались у заместителя председателя горисполкома Прокопьева Л.П.⁴ по вопросу о теплотрассе от районной котельной по ул. Пирогова к котельной университета. А. (УКС Совмина⁵) и Т. утверждали, что вопрос не решен, хотя год назад в Совете Министров провели специальное совещание по этому вопросу. В нашей смете по строительству здания предусматривали 7 тыс. руб. на долевое участие в строительстве теплотрассы. Затем Т. доставил проекты, и оказалось, что вопрос решен давно» (№ 1, л. 33—33 об.).

24 января 1972 г. В.Д. Димитриев пишет: «Вел телефонные разговоры по комплектованию нового здания института оборудованием, договорился с Пилярским Г.М.⁶ относительно заказа на металлические стеллажи для книгохранилища и архивохранилища института» (№ 1, л. 35). 1 февраля 1972 г. работа в этом направлении продолжилась: «К 11 ч. с П.И. Ивановым⁷ поехали к директору Чебоксарского агрегатного завода Г.М. Пилярскому — разместили заказ на изготовление 142 стальных стеллажей для книгохранилища нового здания института. Георгий Марьянович, делегат XXIV съезда КПСС, очень оперативно решил вопрос, обещал изготовить образцы к 8 февраля. Затем поехали в Управление снабжения и сбыта к заместителю начальника Котелкову П.К. Рассматривали заявку на мебель для нового здания. Заявку принял. Здесь пробыли целый час. Затем поехал в новое здание. Сантехработы подходят к концу, завершают установку рам и остекление. В университете попытался решить вопрос относительно подключения к теплотрассе. Долго ждал начальство, но не дождался... Беседовал относительно подключения к теплотрассе с Русиным А.Б.⁸, с и. о. проректора университета по хозяйственной части Романовым А.И., который пока обещает подключить около 20 февраля, а надо через 3—4 дня.

10 февраля. Утром начал было писать статью о Михайлове⁹, но позвонили из УКС Совмина, сообщив, что радиаторы в новом здании поставлены правильно (я же ранее проверил и выявил много недоделок). К 11 ч. поехал (вместе с завхозом) в новое здание и 1,5 часа проверял правильность радиаторов, все зафиксировал.

14 февраля. ...Заполнял чертежи плана теплоснабжения этажей.

15 февраля. К 9 ч. 50 м. поехал на стройку здания института. Должна была собираться комиссия по качеству сантехмонтажных работ. Комиссия не собралась. 1,5 часа проверял качество, заносил на схему.

23 февраля. ...С 16 ч. до 17 ч. 20 м. заседали в горисполкоме у Л.П. Прокöpfeва по вопросу подачи тепла в новое здание. Университетские руководители ребячески поступают, не дают тепла, 3 раза засыпали траншею тепло-трассы к зданию института. На заседании всё спорили, ни к чему не пришли.

12 мая. ...К 9 ч. поехал на агрегатный завод, был на приеме у Г.М. Пиллярского. Так и не тронется с мертвой точки изготовление металлических стеллажей для нового здания» (№ 1, л. 36—36 об., 38, 39 об., 49).

Строительство нового здания института и ввод его в эксплуатацию находились под пристальным вниманием директора ЧНИИ. Василию Дмитриевичу приходилось заниматься практически всеми организационными вопросами. Он участвовал в составлении 50 текстов для вывесок и табличек (аншлагов) в новом здании института, схем чертежей стола президиума, кафедры, витрины. Заказывать каталожные ящики он с Т.А. Ахазовым¹⁰ специально съездил к генеральному директору фирмы «Чувашия» К.М. Матвееву. На изготовление мебели на 3 тыс. руб. была составлена заявка для Урмарской мебельной фабрики, позже по данному же вопросу поехал в Шумерлю на завод спецавтофургонов. В мае 1972 г. ему пришлось отстаивать в различных инстанциях право на строительство гаража для института. 27 мая 1972 г. организовал субботник по уборке нового здания института (№ 1, л. 41 об., 42 об., 46, 48 об. — 49 об.). По-своему интересна запись от 16 июня 1972 г.: «По пути в университет изучал, делая остановки, вопрос о дверях для нового здания института (осматривал железные и деревянные двери некоторых домов, чтобы выбрать лучший вариант). ...До 16 ч. провел в новом здании с комиссией. Решили покрыть крышу еще слоем рубероида, а санузел в подвале закрыть» (№ 1, л. 50 об. — 51).

Интенсивная работа отрицательно сказалась на здоровье В.Д. Дмитриева. В конце сентября 1972 г. он заболел и долгое время лечился. Все же в

Котлован и закладка первого камня в здание ЧНИИ. 9 апреля 1971 г.

декабре 1972 г. строительство нового здания института было завершено: «12 декабря начали вселение в новое здание. Оно с конца 1967 г. по конец 1972 г. отняло у меня 1/3 всего рабочего времени, потребовало неимоверного нервного напряжения, пошатнуло здоровье. Это — первое и последнее мое строительство» (№ 1, л. 57 об.).

Встречи с избирателями и исполнение их наказов нашли отражение в записях, сделанных В.Д. Дмитриевым с 5 июня 1975 г. С 1975 по 1990 г. население по Чурачикскому избирательному округу Цивильского района доверяло Василию Дмитриевичу продвигать их интересы в Верховном Совете Чувашской АССР. Груз ответственности перед селянами был высок, так как он представлял свою малую родину (родная деревня Новое Сюрбеево входила в состав Чурачикского сельского совета). В.Д. Дмитриева кандидатом в депутаты, как становится известно из дневника № 3, выдвигали колхозники колхоза «Броневик» и жители с. Чурачики.

На депутатской должности В.Д. Дмитриеву, согласно наказам избирателей, в первую очередь, следовало добиться строительства дороги с. Чурачики — д. Медикасы, выделения щебня, включения в план строительства 1976 г. Медикасинской средней школы на 392 мест, оказания помощи колхозу «Броневик» в получении автомашин, в частности УАЗа, восстановления работы трудового лагеря в Медикасинской школе (№ 3, л. 1—3). Свою деятельность он начал решительно, умело используя свой административный опыт. 17 сентября 1976 г. добился, чтобы заместитель председателя Совета министров Чувашской АССР Г.С. Сидоров¹¹ посетил д. Медикасы для решения вопроса о строительстве школы. О положительном исходе дела в записной книжке депутата сообщается: «Г.С. Сидоров договорился, что колхоз “Ленинец” заключит с Цивильским отделением “Колхозстрой объединение” договор на строительство школы, построят ее в основном в 1976, в начале 1977 г.» (№ 3, л. 6 об.).

Обращения граждан к депутату поступали регулярно. 4 августа 1975 г. Василием Дмитриевичем сделана запись: «Получил коллективное письмо от односельчан — родителей учащихся начальных классов Сюрбеевской школы. Закрывают школу, детям ходить на 4 км. Школа существует 50 лет. Требуют небольшого ремонта. Просят добиться сохранить школу. В тот же день был у министра просвещения Счетчикова Н.Г.¹² Обещал помочь: сохранить школу». По данному вопросу ему пришлось неоднократно связываться с министром просвещения Н.Г. Счетчиковым, заведующим Цивильским роно Чистяковым (№ 3, л. 5 об.— 6).

20 ноября 1975 г. В.Д. Дмитриеву на встрече с избирателями поступили конкретные просьбы о решении ряда вопросов. Оказывается, колхоз нуждается в автобусе и молоковозе, существует нехватка запчастей и недостаточное снабжение хлебом, макаронными изделиями, пряниками, печеньем. Селяне указывали и на транспортную проблему. Они просили, чтобы маршрутные автобусы делали остановку в с. Чурачики (№ 3, л. 7—7 об.). 22 ноября 1979 г. жители д. Медикасы жаловались ему на срыв сроков строительства

школы и дороги. Депутат в очередной раз обращался в соответствующие советские органы управления (№ 3, л. 16 об.). На встречах же с избирателями Василию Димитриевичу приходилось выступать на различные актуальные темы, вести агитационную работу. Скажем, в записи от 19 января 1972 г. содержится следующая информация: «В 8 ч. вместе с инструктором райкома Николаевой Г.Г. пошли в д. Вотланы (км 4 от райцентра). Клуб холодный, народ собрался в доме конюхов. Вотланы входят в состав совхоза “Красноармейский”. Собралось чел. 35, большей частью женщин. Об итогах ноябрьского пленума, сессий Верховных Советов СССР, РСФСР и Чувашской АССР рассказал 1,5 часа, еще полчаса заняли ответы на вопросы. Рабочие совхоза (бывшие колхозники) хорошо знают о политической, экономической жизни страны, о международной жизни. Высказали предложения: 1) построить в Красноармейском районе промышленное предприятие, так как здесь избыток рабочей силы; 2) восстановить аэродром в Красноармейском; 3) отремонтировать дорогу от с. Именевое до с. Красноармейское» (№ 1, л. 34).

В.Д. Димитриев
25 января 1980 г.

Выезжать в районы и выступать перед коллективами В.Д. Димитриеву приходилось часто. 15 июля 1976 г. сделал доклад о «Задачах Советов по выполнению решений XXV съезда КПСС», 14 апреля 1977 г. — «Год работы после XXV съезда КПСС» (№ 3, л. 10, 12). 17 апреля 1986 г. выехал в Янтиковский район на политдень. Выступил перед 62 рабочими совхоза «Алдияровский» с лекцией «XXVII съезд КПСС об экономической стратегии партии» на чувашском языке. 16 октября 1986 г. с коллективом Шемуршинской средней школы вел разговор «Об итогах встречи М.С. Горбачева с Рейганом» (№ 6, л. 12, 27).

В 1988 г. он был на следующих встречах: «29 января. Выступил минут 20 о древних болгаро-чувашских связях (на встрече с болгарскими строителями). 11 апреля. В 13 ч. 50 м. выехал в Лапсары на учебный комбинат п/об., где с 14 ч. 30 м. до 16 ч. прочитал лекцию “О происхождении чувашского народа”. Задавали много вопросов. 15 сентября. В 6 ч. выехал из дома, в 6 ч. 30 м. от Стройтреста № 1 в Яльчикский район на политдень. Вернулся в 18 ч.» (№ 7, л. 5, 12, 20 об.).

Особенно подробно описывал в ежедневниках Василий Димитриевич свои командировочные поездки. Автор записок старался непременно указать лиц, с которыми приходилось ехать и встречаться, кратко изложить сведения об официальных торжествах и мероприятиях, достопримечательно-

стях советских и зарубежных городов. Так, 2 июля 1972 г. в составе делегации направился на съезд Общества охраны памятников истории и культуры. С ним вместе были секретарь правления республиканского отделения общества П.А. Емельянов, секретарь Ибресинского райкома КПСС Х.С. Башкирова, заведующий отделом культуры Моргаушского райисполкома В.М. Михайлова. «В 11 ч. были в Быково и [в] 12 ч. добрались в Москву, сдали сумки в камеру хранения, пообедали в диетстоловой, купили билеты на балет “Спящая красавица” во Дворце съездов¹³, поехали на ярмарку, где я искал себе плащ, оттуда — на Новодевичье кладбище, которое осматривали с 15 до 18 ч. Вечером были на балете “Спящая красавица”. В 1-м часу ночи сели в вагон поезда № 28 Москва—Ленинград.

3 июля. Прибыли в Ленинград в 9 часов. Торжественная встреча. На автобусе поехали в гостиницу “Советская”¹⁴. Мне был определен № 443, но он оказался занятым, перенаправили в № 1018 (на юг, на улицу). С 10 ч. 30 м. в Ленгорисполкоме (прекрасный Мариинский дворец) должна начаться демонстрация фильма “Возрождение”¹⁵ (о реставрации Петродворца). Я из-за недоразумения с размещением к 10 ч. 30 м. не успел. Поехал с опозданием на легковой машине, обслуживающей делегатов. Цветной фильм, очень интересно заснято. В 12 ч. — встреча с председателем Ленинградского горисполкома А.А. Сизовым¹⁶. Довольно интересно рассказал о состоянии Ленинграда и отношении к историческим памятникам. Затем выступил главный архитектор Булдаков Г.Н.¹⁷ Затем поехали на Пискаревское кладбище, возложили венки. После обеда можно было ехать в Радлов. Но я очень устал и решил отдохнуть.

4 июня. (4—6 июня делегатов кормили по талонам в ресторане гостиницы). Кормили прекрасно. В 10 часов в Таврическом дворце — открытие съезда, вступительное слово В.И. Кочемасова¹⁸ — заместителя председателя Совета Министров РСФСР. Избрано 506 делегатов, явилось 480. Приветствие первого заместителя Ленинградского горисполкома. Отчетный доклад Центрального Совета (Кочемасов В.И.). В Москве, Ленинграде, Московской, Ленинградской, Псковской, Новгородской, Владимирской, Ярославской, Калужской, Орловской, Архангельской, Астраханской, Ивановской, Ростовской областях, Татарской, Башкирской, Дагестанской АССР проводят большую работу по охране памятников истории и культуры. Обсуждение доклада. После обеденного перерыва продолжалось обсуждение доклада.

Вечером в Театре оперы и балета им. С.М. Кирова¹⁹ смотрели балет “Жизель”. Ленинградское исполнение отличается от московского» (№ 1, л. 52 об. — 53 об.).

25 июля 1972 г. В.Д. Дмитриеву стало известно, что его в составе делегации, включающей второго секретаря Чебоксарского горкома Д.И. Абашева²⁰, первого заместителя председателя Чебоксарского горисполкома Л.П. Прокопьева, доцента Чувашского государственного университета Н.М. Мурышкина²¹, направляют на 12 дней в летний университет по охране памятников истории в Венгрию в г. Эгер. Программа поездки была насыщенной. Приведем интересные, на наш взгляд, выдержки: «1 августа. С 14 ч. —

прием у первого секретаря Эгерского горисполкома Силарда Пейхе и председателя горисполкома Яноша Варга в горкоме. Угощение. Затем поездка в Институт виноградарства... Поездка в винный погреб института вместе с Пейхе и Варгой.

2 августа. ...С 14 ч. до 18 ч. — осмотр филиала Будапештского тракторного завода “Красная звезда” в Эгере. ...С 18 ч. до 20 ч. посетили в заповеднике форельное хозяйство, угощение в Доме охотника, где бывал Я. Кадар²² и другие руководители Венгрии, многие советские высокопоставленные лица.

6 августа. В 8 [ч.] 15 [м.] выехали в Будапешт. Через 2 часа были в городе. Осмотрели Будапештскую крепость, храм 1894—1904 гг. (кафедральный) в крепости в неоготическом стиле, почти все мосты через Дунай (“Дунай совсем не голубой”²³), здание парламента, построенное в конце XIX в., напротив — Музей искусств, новый жилой район, где до войны были бараки. Здесь пообедали в новом ресторане. [Далее осмотрели] городской пирс на острове, оперный театр, площадь Героев — памятник Ленину, памятник Свободе (короли с Иштвана I и до Кошута), особый памятник вождю Арпаду с князьями (всего 7 фигур на коне), здесь же — галерея художников (Музей изобразительных искусств). Затем побывали в парке аттракционов, метро.

Будапешт — очень красивый город, но дома закопчены, по архитектуре и застройке во многом напоминает Ленинград. Есть улицы Пушкина, Маяковского и др.» (№ 1, л. 56—57 об.).

27 сентября 1984 г. Василий Дмитриевич принимал участие в работе V Советской конференции солидарности с народами Азии и Африки, проходившей в Тбилиси. «27 сентября после завтрака съездили в Грузинский союз дружбы с зарубежными странами, где рассказали о работе союза, выступали представители Чили, Кампучии²⁴ и некоторых африканских стран. Затем до обеда посетил Краеведческий музей Грузинской ССР. С 15 ч. 30 м. ездил на возложение венков к памятнику В.И. Ленину. С 16 ч. 30 м. — в филармонии на открытии конференции (с 17 ч.). Сидел в президиуме. Выступили: с большой речью Э.А. Шеварднадзе²⁵, с речами Альфред Нзо (генеральный секретарь Африканского национального конгресса Южной Африки и заместитель генерального секретаря Организации солидарности народов Азии и Африки), Терешкова В.В.²⁶, Ромеш Чандра²⁷, Курт Зайбт (ГДР), генерал-полковник (или генерал-лейтенант) Хоан Миль Тхао (начальник Вьетнамской академии ВНР), Аднан Омран (генеральный секретарь Лиги арабских государств), Расул Гамзатов²⁸. Был дан замечательный концерт мастеров грузинского искусства» (№ 5, л. 23 об. — 24).

Наиболее яркой, пожалуй, в жизни историка стала научно-педагогическая деятельность, которая получила подробное освещение в литературе. Несмотря на это, приводим некоторые записи В.Д. Дмитриева, призванные дополнить и проиллюстрировать известные страницы биографии ученого. Особо следует выделить исключительный интерес профессора к научной литературе и историческим источникам, стремление постоянно расширять свой научный багаж. Он находился в непрерывном поиске, старался пополнять личную библиотеку и архив новыми книгами и ценными документами,

следил за газетными и журнальными публикациями. В записях за 1972 г. Василием Димитриевичем зафиксировано: «1 января. ...Просмотрел газету “Советская Чувашия” и № 18 журнала “Коммунист”²⁹».

9 февраля. ...Вечером сверил стр. 20 перепечатки архивного документа (Курмышские записные книги), пронумеровал рукописный том.

12 февраля. Суббота. С 8 [ч.] 15 [м.] до 11 [ч.] 35 [м.] прочитал две лекции: по источниковедению и вспомогательным историческим дисциплинам. Затем заходил в магазин подписных изданий и книжный магазин № 7, в которых приобрел 4 книги и карту “Чувашская АССР”. После обеда просматривал из приобретенных книг IX том “Истории СССР” и IV том части 2 “Истории КПСС”.

19 февраля. ...Заходил в книжные магазины.

12 марта. ...Читал 9 том “Сочинений” Бунина И.А. Выступает как помещик-реакционер, белоэмигрант, хочет лить грязь на Горького, Скитальца, Брюсова, А. Толстого и др. Однако ж, опубликовали недавно 9 томов его сочинений. Конечно, мастер пера.

24 апреля. ...Вечером конспектировал книги по историческому фольклору, полученные из Москвы по МБА³⁰» (№ 1, л. 38, 39, 47 об.).

Василий Димитриевич читал разную по жанру литературу, в то же время отдавал предпочтение историческим трудам. Многие из них ему необходимы были в научно-педагогической работе. В 1972 г. он знакомился с монографией М.О. Косвена «Семейная община и патронимия» (1963)³¹, читал роман В.Н. Кривцова «Путь к Великой стене», вышедший в свет на страницах литературного журнала «Нева»³². В декабре 1973 г. прочитал книгу И.А. Петровой «Кун-сул юппинче»³³ (№ 1, л. 31—32, 63). 19 октября 1979 г. он «вечером готовился к лекциям в университете, просмотрел свежие исторические

В.Д. Димитриев с преподавателями и студентами историко-филологического факультета ЧГУ им. И.Н. Ульянова. 1972/73 учебный год. Группа И-1-72.
30 апреля 1973 г.

журналы» (№ 2, л. 96 об.). 6 февраля 1986 г. ознакомился с произведением историка Н.И. Павленко «Птенцы гнезда Петрова»³⁴ (№ 6, л. 5). Поглощенный чтением книг В.Д. Дмитриев, видимо, не замечал начало нового дня: «Вечером дома до 1 ч. 1 октября читал воспоминания Аджубея “Те десять лет”³⁵ (Знамя, 1988, № 6—7)» (№ 7, л. 21 об. 30 сентября — 1 октября 1988 г.).

Дневники свидетельствуют, что В.Д. Дмитриев проводил занятия со студентами и вел исследования, как правило, после 18 часов и в выходные дни. Сказывался плотный график работы. К примеру, в 1988 г. были сделаны следующие записи: «9 января (суббота). С 8 ч. 20 м. до 18 ч. 40 м. провел 4 ч. лекций и 4 практических занятий в ЧГУ.

10 января (воскресенье). С 8 ч. 20 м. до 21 ч. 35 м. провел 4 ч. лекций, 4 пары практических занятий и более 2 ч. принимал зачеты.

12 января. С 18 ч. 20 м. до 19 ч. 05 м. провел консультации, затем до 22 ч. 50 м. принимал зачеты от 12 студентов заочного отделения.

27 мая. С 17 ч. 45 м. до 23 ч. 10 м. провел консультации и принимал зачеты в университете.

30 мая. С 18 до 23 ч. 20 м. провел консультации и принимал зачеты в университете» (№ 7, л. 3, 16). К слову надо отметить, что сдача зачетов и экзаменов В.Д. Дмитриеву до сих пор в памяти у нас и наших старших коллег-историков.

28 июня 1977 г. в дневнике В.Д. Дмитриев отметил, что в 1976/77 учебном году проработал в университете около 7 месяцев и выполнил 357 часов (№ 2, л. 28). Профессор кафедры истории СССР не мог оставаться в стороне от текущих дел. Скажем, 16 февраля 1974 г. (суббота) участвовал на заседании кафедры (2 часа), с 15 до 17 часов подготовил тематику и вопросы олимпиады для студентов III—IV курсов исторического отделения университета (№ 1, л. 66). 21 ноября 1988 г. «с А.В. Арсентьевой³⁶ составляли распределение по годам дисциплин специализации» (№ 7, л. 25). В записи от 30 ноября 1988 г. читаем: «В университете с 9 ч. 20 м. до 12 ч. 40 м. занят кафедральными делами» (№ 7, л. 26).

Талантливую молодежь Василий Дмитриевич приглашал и трудоустроивал в ЧНИИ, давал рекомендации в аспирантуру, консультировал, состоял научным руководителем диссертационных исследований. Например, в 1973 г. редактировал текст кандидатской диссертации И.И. Демидовой³⁷ (№ 1, л. 61 об. — 62). 19 февраля 1988 г. он «после обеда часа 2 беседовал с Романовым (о его диссертации, дополнениях)», 21 ноября 1988 г. — «с 8 ч. 20 м. до 12 ч. 20 м.» принимал в составе комиссии «экзамены кандидатского минимума по истории СССР от Гусарова³⁸ и Таймасова³⁹» (№ 7, л. 7 об., 25).

Домой Василий Дмитриевич возвращался поздно и садился за рабочий стол, готовился к лекциям, проводил научные изыскания. Засиживался, как правило, до позднего вечера, иногда до раннего утра: «Вечером до 3 ч. 22 января проводил в порядок бумаги (выписки источников и прочее)» (21—22 января 1988 г.); «Вечером дома конспектировал исторические источники до 24 ч.» (8 сентября 1988 г.) (№ 7, л. 4, 20). Собранные в отдельных томах материалы В.Д. Дмитриев систематизировал, вводя информацию в «Ключи-указатели». Это характеризовало его научную лабораторию, которой он прида-

В.Д. Дмитриев.
Летом 1971 г.

Э.Л. Нитобург, В.Д. Дмитриев, В.Ф. Каховский.
4 июня 1972 г.

вал большое значение. Так, воскресенье 23 января 1972 г. историк «весь день, не выходя из квартиры, заполнял “Ключ-указатель 3-й серии” выписок и копий документальных материалов» (№ 1, л. 35). В декабре 1975 г. несколько дней подряд составлял научно-справочный аппарат к своему личному архиву (№ 1, л. 80—81).

Василий Дмитриевич даже во время отдыха на курорте или лечения не мог сидеть сложа руки. У него была привычка заниматься исследовательской деятельностью, читать книги. В январе 1973 г., находясь на лечении, В.Д. Дмитриев «переносил тома с копиями и выписками документов в “Ключ-указатель” (7 томов)» (№ 1, л. 58 об.). С 23 июня 1975 г. он был в отпуске. Однако: «Во время отпуска работал по институтским делам по полдня в институте, обкоме КПСС, Совете Министров... За время отпуска написал статью “Чувашские предания о Казанском ханстве и присоединении Чувашии к России” и статейку для “Молдавской советской энциклопедии” (о Чувашской АССР)» (№ 1, л. 79 об.). В дневниковых записях нередко можно встретить также сведения следующего содержания: «Находился в санатории “Зори России” в Крыму. Возможностей для научной работы не имел, прочитал книгу Ап. Кузьмина “Татищев” (1987, серия ЖЗЛ)⁴⁰» (№ 7, л. 18. 14 июля — 5 августа 1988 г.).

Встречи с друзьями и коллегами по научному цеху, известными персонами также нашли отражение в дневниковых записях историка. В.Д. Дмитриев бывал в гостях по случаю какого-либо праздника или события. Среди них особо следует отметить почтительное отношение к своему научному руководителю кандидатской диссертации П.П. Епифанову⁴¹, оппонентам и старшим историкам-наставникам, которым был многим обязан. По возможности он их навещал, приглашал в Чебоксары. Например, 5 июля 1972 г., будучи в Ленинграде, нашел время встретиться с доктором исторических наук,

профессором И.В. Степановым⁴². 7 июля 1972 г. решил навестить другого оппонента его докторской диссертации С.Л. Пештича⁴³: «После обеда съездил на квартиру оппонента профессора Пештича С.Л., но он, оказывается, 5 июля выехал отдыхать в Латвию». По пути В.Д. Дмитриев заезжал к Петру Павловичу Епифанову. К примеру, 8 июля 1972 г. «вечером съездил к П.П. Епифанову». 1 июня 1974 г. Василий Дмитриевич встречал его в Чебоксарах, на следующий день отдыхал с ним на природе за Волгой (№ 1, л. 54, 70 об.).

В семье домашний уют создавала супруга Василия Дмитриевича Лидия Нестеровна. Она всячески поддерживала своего мужа, с пониманием относилась к его партийной и профессиональной деятельности. Несмотря на свою занятость, В.Д. Дмитриев находил время для своих домочадцев.

В блокнотах отразились характерные для своего времени события. Итак, 1972 г.: «4 марта. ...С 20 до 23 [ч.] 30 [м.] в кинотеатре “Родина” смотрели с Лидой и Каховскими кинофильм в 2-х сериях “Корона Российской империи или снова неуловимые”⁴⁴.

5 марта. С 10 до 15 ч. вместе с В.Ф. Каховским⁴⁵ за Волгой катались на лыжах (сделали км 23). После ванны и отдыха к 19 ч. с Лидой ходили в Академический театр на концерт мастеров искусства Дагестана. Замечательный концерт. Все песни — дагестанские, ансамбль “Лезгинка” исполнил также одни дагестанские пляски и танцы.

18 марта. ... На вечер были взяты билеты на спектакль Русского драматического театра “Волчье логово” по пьесе Ухли⁴⁶. От февраля до октября 1907 г. в чувашской деревне 2 кулака. Один перевоспитался и “врастает” в социализм, готов распределить между бедняками свои земли и имущество (теория Бухарина). До чего же ослабла у нас идейно-теоретическая сторона в литературе.

16 мая. ...С 19 до 22 ч. 10 м. слушали с Лидой оперу “Травиата” в постановке Марийского музыкального театра⁴⁷ (№ 1, л. 40 об., 41, 43—44 об., 49 об.).

Василий Дмитриевич и Лидия Нестеровна вырастили сына Анатолия. В дневниках встречаются такие записи: «21 января. ...Приехал Толя. В этот семестр он все 4 экзамена и курсовой проект сдал на “отлично”. Вечер провели с ним у телевизора в беседах.

22 января. Суббота. Утром с Толей сходили в сад.

24 января. ...С 20 ч. 15 м. ходили с Толей и Лидой в кинотеатр “Мир” на фильм “12 стульев”⁴⁸.

9 июля. Воскресенье. Утром встретил Толю [на Ленинградском вокзале в Москве]. Их отпустили в город до 16 [ч.]. Вместе с Толей был на панораме Бородинской битвы, пообедал, посетил Парк культуры и отдыха им. Горького, в гостинице своей. Проводил Толю на вокзал» (№ 1, л. 34 об. — 35, 54 об. 1972 г.).

В.Д. Дмитриев старался уделять больше времени внукам, заниматься их воспитанием, иногда побаловать. В записной книжке 1985 г. сообщается: «9 марта. ...Затем ездил к Андрюшке, гулял с ним в Лакреевском лесу, осмотрели Дом Чапаева и памятник Чапаеву. Рассказал Андрюше о Чапаеве.

13 марта. Вечером ходил с Андрюшей в детский универмаг, купил ему пальто и костюм, был у них.

17 марта. ...Выехал к Андрюшке на его именины и пробыл там до 20 ч. 30 м.» (№ 5, л. 40—41).

9 марта 1986 г. Василий Димитриевич с внуком Андреем играл в шахматы, а 26 марта — забирал его из детского сада (№ 6, л. 8, 10). В дневнике 1988 г. записано: «1 января. После обеда с Андрюшей, Катей, их родителями сходили на каток и в лес.

2 января. Утром занимался с Андрюшей (решали задачи). Вечером ходил с Андрюшей на каток.

23 января. Сходил к Андрею за книгами, отнес пирожки.

6 февраля. 2 часа гулял с Андрюшей и Катей на улице.

12 февраля. Занимался с Андрюшей и Катей» (№ 7, л. 2, 4, 5 об.).

Проскальзывают в дневнике профессора записи о выполнении работ по дому и в саду, отдыхе с родными, друзьями и коллегами, увлечениях. Так, 29 декабря 1974 г. он «весь день занят выполнением хозяйственных поручений Лиды», а 18 августа 1979 г. проводил отдых «в Кувшинке на рыбалке» (№ 1, л. 75; № 2, л. 92 об.). В дневнике за 1988 г. написано: «3 апреля. Работал в саду.

9—11 августа. Занимался хозяйственными делами, сходил за Волгу за грибами, 1 раз был в саду, читал и конспектировал исторические источники и литературу.

13 августа ездил за орехами, 14 августа ходил за грибами.

27 августа. Суббота. С 7 ч. до 17 ч. 40 м. ездили с коллективом института в Сотниковский лес⁴⁹ за орехами.

11 сентября. В саду убирали с Лидойobleпиху.

15 октября. С 16 до 19 ч. ездил в Новочебоксарск за фруктами и овощами.

4 декабря. С утра до 17 ч. занимался домашними делами, выбивал дорожки, одеяла» (№ 7, л. 11, 18 об., 19, 22 об., 26).

Бывали случаи, когда В.Д. Димитриев смотрел спортивные телепередачи, художественные и документальные фильмы. Так, 13 февраля 1972 г. воскресным утром он «смотрел телепередачу о Белой олимпиаде⁵⁰». Весной того же года в Праге проходил чемпионат мира по хоккею. Василий Димитриевич следил за ходом турнира и делал записи: «12 апреля. ...Вечером смотрел по телевидению матч хоккейных команд СССР и Чехословакии. Вначале было много волнений за свою команду⁵¹.

Л.Н. и В.Д. Димитриевы в саду.
Сентябрь 1971 г.

15 апреля. ...Вечером смотрел хоккейный матч команд ЧССР и Финляндии» (№ 1, л. 46, 46 об.). 31 декабря 1987 г. историк сообщает, что дома с супругой смотрел концерт по телевидению (№ 6, л. 64 об.). В.Д. Дмитриев также принимал участие в съемках телепередач. Скажем, 23 марта 1974 г. он написал: «Вечером составил текст выступления по телевидению об Алатыре», а 14 ноября 1974 г. — «До обеда занимался дома, с 14 до 16 ч. — репетиция по телепередаче “Знаешь ли ты свой город”. С 16 до 18 ч. 30 м. — в институте: административные дела, заседание партбюро. С 19 до 21 ч. — на телестудии, с 20 ч. 20 м. до 21 ч. — выступление по телевидению» (№ 1, л. 68, 73 об.).

Приведенные в обзоре материалы являются лишь малой частью из насыщенной повседневной жизни Василия Дмитриевича Дмитриева. Хочется надеяться, что его дневники станут предметом отдельного исследования и в последующем послужат основой для подготовки более содержательной биографии профессора.

Литература, источники и комментарии

¹ Дмитриев Василий Дмитриевич: ученый, педагог, общественный деятель, гражданин: сб. статей / сост. Г.А. Николаев; отв. ред. И.И. Бойко. Чебоксары: ЧГИГН, 2013. С. 3.

² Харитонова В.Г. В.Д. Дмитриев и его общественно-политическая деятельность // Дмитриев Василий Дмитриевич. С. 140, 142—143.

³ Дневники зарегистрированы в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук в книге поступлений № 13 под общим инвентарным номером 6943.

⁴ Прокопьев Леонид Прокопьевич (1934—2006) — государственный деятель. В 1970—1974 гг. являлся заместителем председателя исполкома Чебоксарского горсовета.

⁵ Речь идет об Управлении капитального строительства при Совете министров Чувашской АССР.

⁶ Пилярский Георгий Марьянович (1931—2003) — организатор производства. С 1967 по 1980 г. был директором Чебоксарского завода тракторных запасных частей.

⁷ Речь, видимо, идет о Петре Ивановиче Иванове-Мирославцеве (1915—1987), который в 1970—1979 гг. работал в отделе экономики ЧНИИ.

⁸ Русин Альберт Борисович (1914—1993) — организатор производства, государственный деятель. В 1971—1974 гг. трудился на должности начальника Управления строительства Совета министров Чувашской АССР.

⁹ В.Д. Дмитриев в это время готовил статью «Спиридон Михайлович Михайлов. Его жизнь и труды», которую завершил 11 февраля 1972 г. Она была опубликована на страницах сборника «С.М. Михайлов — первый чувашский этнограф, историк, писатель» (С. 3—34).

¹⁰ Ахазов Тимофей Аркадьевич (1907—1979) — государственный и партийный деятель. В 1968—1979 гг. занимал должности заведующего и старшего научного сотрудника отдела истории ЧНИИ.

¹¹ Сидоров Георгий Сидорович (1929—2021) — государственный деятель. С 1973 по 1976 г. занимал пост заместителя председателя Совета министров Чувашской АССР.

¹² Счетчиков Николай Григорьевич (1933—2011) — государственный деятель. С ноября 1973 г. по июль 1984 г. являлся министром просвещения Чувашской АССР.

¹³ Речь идет о Кремлевском дворце съездов, с 1992 г. — Государственный Кремлевский дворец.

¹⁴ Ныне гостиница «Азимут».

¹⁵ Фильм снят в 1967 г. Режиссер Ю. Герштейн. Кинокартина посвящена реставраторам, возрождающим памятники архитектуры и дворцы Ленинграда, в которой рассказывается о восстановлении архитектурных памятников Ленинграда и его пригородов, пострадавших

в годы Великой Отечественной войны. URL: <https://www.net-film.ru/film-51389/> (дата обращения: 01.11.2024).

¹⁶ Сизов Александр Александрович (1913—1972) — советский государственный деятель, с 13 февраля 1966 г. по 26 декабря 1972 г. председатель Ленинградского горисполкома.

¹⁷ Булдаков Геннадий Никанорович (1924—1990) в 1971—1986 гг. являлся главным архитектором Ленинграда.

¹⁸ Кочемасов Вячеслав Иванович (1918—1998) — советский государственный и партийный деятель, занимал должности в 1962—1983 гг. заместителя председателя Совета министров РСФСР и в 1966—1983 гг. председателя Президиума Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

¹⁹ Ныне Государственный академический Мариинский театр.

²⁰ Абашев Давид Иванович (1922—1981) — государственный деятель. В 1961—1975 гг. являлся секретарем и вторым секретарем Чебоксарского горкома КПСС.

²¹ Мурышкин Николай Миронович (1925—1979) — кандидат исторических наук. С 1967 по 1979 г. работал доцентом кафедры научного коммунизма Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

²² Кадар Янош (1912—1989) — венгерский государственный, политический и партийный деятель. В 1956—1988 гг. являлся генеральным секретарем Венгерской социалистической рабочей партии.

²³ Видимо, здесь В.Д. Дмитриев полемизирует с авторами песни «Дунай голубой» (муз. А. Долуханяна, сл. С. Смирнова), которую исполнял певец Георг Отс. См.: URL: <http://www.sovmusic.ru/text.php?fname=dunaygo1> (дата обращения: 01.11.2024).

²⁴ Речь идет о Камбодже. В 1975—1989 гг. ее называли Кампучия, по варианту, близкому к оригинальному кхмерскому названию.

²⁵ Шеварднадзе Эдуард Амвросиевич (1928—2014) — политический и государственный деятель. В 1972—1985 гг. занимал пост первого секретаря ЦК КП Грузинской ССР.

²⁶ Терешкова Валентина Владимировна в 1984 г. была депутатом Верховного Совета СССР (1966—1989), членом Президиума Верховного Совета СССР (1974—1989), главой Комитета советских женщин (1968—1987).

²⁷ Ромеш Чандра (1919—2016) — индийский общественный и политический деятель. С 1977 по 1990 г. занимал должность председателя Всемирного совета мира.

²⁸ Гамзатов Расул Гамзатович (1923—2003) — поэт, прозаик, публицист, общественный и политический деятель. Он являлся членом бюро солидарности писателей стран Азии и Африки, членом правления Советского комитета защиты мира, заместителем Председателя Советского комитета солидарности народов Азии и Африки.

²⁹ «Коммунист» (до 1952 г. — «Большевик») — теоретический и политический журнал ЦК КПСС, выходивший с 1924 по 1991 г.

³⁰ Межбиблиотечный абонемент (МБА) — форма библиотечного обслуживания, предоставляющая читателям («абонентам») одной библиотеки возможность использования книжных фондов других библиотек.

³¹ *Косвен М.О.* Семейная община и патронимия. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 219 с.

³² Роман В.Н. Кривцова «Путь к Великой стене», посвященный Н.Я. Бичурину (отцу Иакинфу), увидел свет в № 12 (1971) и № 1 (1972) журнала «Нева».

³³ См.: *Петрова И.А.* Кун-сул юппинче [Телейпе Илем]. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1973. 136 с.

³⁴ См.: *Павленко Н.И.* Птенцы гнезда Петрова. М.: Мысль, 1984. 332 с.

³⁵ В 1989 г. воспоминания А.И. Аджубея о Н.С. Хрущеве вышли отдельной книгой. См.: *Аджубей А.И.* Те десять лет: [Воспоминания: О Н.С. Хрущеве]. М.: Сов. Россия, 1989. 333 с.

³⁶ Арсентьева Анна Васильевна (1954—2007) — историк, организатор образования. В 1985—1991 гг. была заместителем декана историко-филологического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

³⁷ Демидова Ида Ивановна (1939—2024) — историк, кандидат исторических наук (1978). Автор более 50 научных работ в области русско-чувашских отношений. Заслуженный работник образования Чувашской Республики (1997).

³⁸ Гусаров Юрий Владимирович — историк, кандидат исторических наук (2002), доцент (2006). Автор свыше 120 научных и учебно-методических работ по историографии, истории культуры, социально-экономической и политической истории Чувашии конца XVIII — начала XX в., в том числе 5 монографий (из них 4 в соавторстве), 5 сборников документов в соавторстве. Заслуженный работник культуры Чувашской Республики (2023).

³⁹ Таймасов Леонид Александрович — историк, доктор исторических наук, профессор (2012). Автор более 200 научных работ по проблемам истории и этнографии народов Поволжья и Приуралья, в том числе 5 монографий, 10 учебных и учебно-методических пособий. Заслуженный деятель науки Чувашской Республики (2012).

⁴⁰ См.: Кузьмин А.Г. Татищев [2-е изд., доп.]. М.: Мол. гвардия, 1987. 366 с.

⁴¹ Епифанов Петр Павлович (1909—1992) — историк, доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета.

⁴² Возможно, речь идет о Степанове Иване Васильевиче, профессоре Ленинградского государственного университета.

⁴³ Пештич Сергей Леонидович (1914—1972) — историк, историограф, доктор исторических наук, профессор Ленинградского государственного университета.

⁴⁴ Двухсерийный художественный фильм «Корона Российской империи или снова неуловимые» (режиссер Э.Г. Кеосаян) киностудии «Мосфильм» вышел на экраны страны в 1971 г.

⁴⁵ Каховский Василий Филиппович (1915—1993) — государственный деятель, организатор образования, археолог, доктор исторических наук, профессор (1969). Автор более 140 работ, в том числе 10 монографий, первых учебных пособий по истории родного края для вузов и школ. Заслуженный деятель науки Чувашской АССР (1976).

⁴⁶ Трагедия в трех действиях В.В. Ухли «Волчье логово» была издана в 1977 г. См.: Ухли В.В. Волчье логово: трагедия в 3 д. / пер. с чув. Н. Вирты; отв. ред. А. Антокольский; Бюро распространения драматич. произведений и информационно-реклам. материалов ВААП. М.: [б. и.], 1977. 62 л.

⁴⁷ Ныне Марийский государственный театр оперы и балета им. Эрика Сапаева.

⁴⁸ Комедия «12 стульев» (режиссер Л.И. Гайдай) была снята по одноименному роману соавторов И. Ильфа и Е. Петрова в двух частях («Лед тронулся» и «Заседание продолжается») киностудией «Мосфильм», премьера которой в кинотеатрах состоялась 21 июня 1971 г.

⁴⁹ Ныне Сотниковское участковое лесничество состоит в Маринско-Посадском лесничестве Министерства природных ресурсов и экологии Чувашской Республики.

⁵⁰ «Белая олимпиада» — это распространенное обиходное название зимних Олимпийских игр. С 3 по 13 февраля 1972 г. в г. Саппоро (Япония) прошли XI Олимпийские зимние игры.

⁵¹ Матч закончился со счетом 3:3. URL: <https://www.sport-express.ru/hockey/L/match-center/27731/protocol/?ysclid=m2yj5n06aw438127122> (дата обращения: 01.11.2024).

D.V. Basmantsev, A.P. Dolgova

DIARIES OF THE DIRECTOR OF CHUVASH SCIENTIFIC RESEARCH INSTITUTE V.D. DIMITRIEV 1972—1988: A BRIEF REVIEW

The article overviews the diary entries of the prominent Chuvash historian Vasily Dimitrievich Dimitriev (1924—2013) during his work as a director of Chuvash Scientific Research Institute. It reflects the fulfillment of his administrative and public functions, business trips, meetings and speeches. Some interesting passages about scientific and pedagogical activities of Vasily Dimitrievich, some information about his leisure, hobbies and activities have been highlighted from his diaries.

Keywords: V.D. Dimitriev, Chuvash Scientific Research Institute, diary entries, Supreme Soviet of the Chuvash ASSR, I.N. Ulyanov Chuvash State University, Scientific Archive of Chuvash State Institute of Humanities.

Диалог о книге В.И. Сергеева «Морфология чувашского языка: словоизменение, формоизменение и формообразование».
Чебоксары: ЧГИГН, 2017. — 400 с.

Морфологическая система языка, тесно связанная как с лексической, так и с синтаксической стороной языка, представляет собой узел проблем, от решения которых зависит успешное объяснение ряда вопросов словообразования, лексикологии, синтаксиса, орфографии и т. д. В грамматической науке к 90-м гг. прошлого века был накоплен достаточно интересный опыт анализа синтаксических, морфологических и словообразовательных явлений чувашского языка. Однако противоречия, имевшиеся в научных разработках (в первую очередь в области словоизменения и словообразования), требовали новых подходов. Оригинальные принципы исследования особенностей морфологического строя, основанные на опыте и трудах предшественников, начал использовать с 1980-х гг. В.И. Сергеев, преподаватель Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Очередная книга, выбранная для обсуждения на страницах нашего научного журнала, — итоговое исследование В.И. Сергеева, изданная Чувашским государственным институтом гуманитарных наук в 2017 г. в виде монографии в серии «Строй чувашского языка». С выхода книги прошло почти восемь лет. Концепция, начавшая занимать заметное место в чувашской грамматической науке еще до появления данного издания, за это время прочно закрепились в учебной практике (как в школьной, так и в вузовской), продолжает находить отклик в научных публикациях по тюркскому, финно-угорскому языкознанию, сравнительной и сопоставительной лингвистике, в исследованиях типологического направления.

К обсуждению книги мы пригласили языковедов, по роду своей работы постоянно обращающихся к этому научному труду, — кандидатов филологических наук Ю.М. Виноградова (ведущий научный сотрудник Центра регионального развития Чувашского республиканского института образования), Э.Е. Лебедева (ведущий научный сотрудник филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук), А.П. Долгову, О.Р. Студенцову (старшие научные сотрудники филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук). Предложенная к рассмотрению работа оказалась настолько интересной и пионерской, что участники диалога нередко вступают в заочную полемику не только с автором обсуждаемой книги, но и друг с другом, сами не замечая того. Возможно, у читателей возникнут какие-то иные суждения. Дискуссию можно продолжить, ждем ваших откликов.

Ю.М. Виноградов: ...Ученый, обладавший тонким языковым чутьем и умевший различать очень схожие факты

Эта работа В.И. Сергеева посвящена морфологии чувашского языка — словоизменению, формоизменению и формообразованию. Исследование состоит из предисловия и шести разделов: 1) «Теория и терминология морфологической структуры языка»; 2) «Особенности агглютинативного строя чувашского языка. Словоизменяющие формоизменяющие категориальные формы»; 3) «Грамматика порядков чувашского языка»; 4) «Морфология, основанная на словоизменении, формоизменении и формообразовании»; 5) «Глагол»; 6) «Части речи без присущих только им категориальных и некатегориальных

форм». Как видим, автор последние три раздела выделяет, опираясь на части речи, а первые — с учетом специфики морфем слова.

В «Предисловии» автор кратко излагает историю изучения и состояние изученности морфологии тюркских языков, в том числе чувашского языка. Как утверждает исследователь, в последнюю треть XX и начале XXI в. в тюркологии, в том числе в чувашском языкознании, ученые термин «словоизменение» подменяли термином «морфологическая структура слова», и никто не пытался находить разницу между ними, так как эти вопросы освещались в морфемике и морфологии. Вопрос о морфологическом строении слова в тюркских языках впервые был поставлен В.В. Радловым еще в начале XX в. (1906), однако специальные исследования начались лишь через полсотни лет, и изучение пошло по различным направлениям.

По мнению В.И. Сергеева, один из аспектов исследований, связанный с ответом на вопрос: «Что входит в морфологическое строение слова?» — все еще не раскрыт. Это касается и чувашского языка, потому что не объяснена последовательность морфем в слове. К наиболее интересным в этом отношении аффиксам, как считает В.И. Сергеев, в чувашском языке относятся аффиксы категории выделительности *-и*, *-скер*. Вслед за этими аффиксами могут стоять другие аффиксы, вызывая процесс многоступенчатой агглютинации (с. 4—5). Выходит, в агглютинативных языках аффиксы располагаются в строгой последовательности и имеют свой номер, где корень слова занимает нулевую позицию.

Предметом исследования, по утверждению В.И. Сергеева, являются морфологический строй, морфологическая структура и морфологическая система чувашского языка. Морфологическим строем автор считает способ выражения грамматических отношений между морфемами как синтетическую характеристику языка. Морфологическая структура трактуется ученым как строение морфологических единиц, *совокупность связей* между элементами системы. Морфологическая система понимается как совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных морфем; объединение некоторого разнообразия морфем *в единое* и четко расчлененное *целое*, элементы которого по отношению к целому и его частям занимают соответствующие им места (с. 7).

В главе «Теории и терминология морфологической структуры языка» рассматриваются такие вопросы, как «Введение в теорию агглютинации и лингвотактику», «Морфотактика, морфемотактика. Последовательность морфем в словоформе и грамматике порядков», «Что такое слово и словоформа, лексема и граммема?». Анализируя имеющуюся литературу по теме, автор монографии приходит к выводу, что лингвотактика «изучает формальные и содержательные отношения между знаками, элементами языка» (с. 12), а целью данного раздела языкознания считает «изучение элементов высказывания и выявление расположения единиц в линейной последовательности... и их содержательный анализ» (с. 13).

В.И. Сергеев морфотактику предлагает понимать как «изучение языковых элементов (морфов, морфем) слов и лексем и выявление расположения морфем и морфов в линейной последовательности, т. е. как изучение и описание закономерностей сочетания морфем, являющихся предметом морфемики и морфологии» (с. 15). Видимо, автор хотел сказать, что морфотактика — это линейная последовательность элементов слова, а выявление всего этого есть дело ученых.

Термин «словоизменение» трактуется как изменение корней или основ слов по определенной формуле (приводится 5 вариантов изменения корней и основ имен существительных в результате присоединения аффиксов). Это автор относит к первому этапу словоизменения. Например, в 4-м варианте приводится следующая последовательность: основа (или корень слова) + показатель прошедшего времени или состояния *-ччĕ*: *ача-ччĕ* «был ребенком». К сожалению, в качестве следующего примера взято не отдельное слово, а именное словосочетание (*пысăк ял-ччĕ* «было большим селом»), где аффикс *-ччĕ* присоединяется не к слову *ял* «село», а к словосочетанию *пысăк ял* «большое село» (с. 16).

Ко второму этапу словоизменения отнесено явление, названное формоизменением, которое отличается тем, что «происходит дальнейшее изменение категориальных, иногда и некатегориальных форм (маркированных форм множественного числа, принадлежности и падежей)» (с. 17). Второй этап агглютинации, по мнению В.И. Сергеева, происходит по 4 вариантам формулы. Например, формослова множественного числа + *-ччĕ* (показатель прошедшего времени): *ача-сем-ччĕ* «были детьми». К сожалению, пример *Эпир ун чух ачасем-*

ччĕ «Мы тогда были детьми» (с. 17) свидетельствует о том, что аффикс *-ччĕ* относит к прошедшему времени не только словоформу *ачасем*, но и все, что включается в содержание предложения. Это подсказывается и тем, что слова *ун чух* «тогда» по семантике сами требуют говорить о прошлом. Следует уточнить: по смыслу слова *ун чух* в качестве темы должны находиться в начале предложения: *Ун чух эфир ачасемччĕ*.

Заканчивая толкование порядка последовательности морфем, ученый останавливается на так называемых формах внепадежной системы, которые отличаются нетотальным употреблением. Это — аффиксы *-ла* (*-ле*, *-лла*, *-лле*), *-лă* (*-лĕ*), *-чен* (*-ччен*), *-алл* (*-елл*), *-лăх* (*-лĕх*), *-шар* (*-шер*), *-серен*, *-скер*, *-ăн* (*-ĕн*), *-рах* (*-рех*). Он относит их к формам существительных и считает некатегориальными формообразовательными аффиксами (с. 18—19). Автор делает вывод о том, что агглютинация в чувашском языке зиждется на словоизменении, формоизменении и формообразовании, и предупреждает, что дальнейшее исследование будет строиться с опорой на эти три измерения (с. 19). Делает попутное замечание о том, что в чувашском языке следует различать образование основных и вторичных категориальных форм и формообразование некатегориальных форм: *тăват-шар* «по четыре», *ик-шер* «по две» (категориальные формы), *улма-шар* «по яблоку», *тенк-шер* «по рублю» (некатегориальные формы). Есть слова, которые не принимают этих аффиксов вообще (с. 20). Грамматические понятия могут выражаться имплицитно. К таковым, например, относятся нулевая форма, единственное число.

Вышеназванные три измерения — словоизменение, формоизменение и формообразование, как утверждает исследователь, присущи каждой части речи чувашского языка в отделимости, но для одних частей речи они являются категориальными (выражается принцип тотальности), а для других — некатегориальными (выражается принцип избирательности).

Слово В.И. Сергеевым понимается как «основная единица лексико-грамматической системы языка, как двусторонний языковой знак, характеризующийся планом выражения и планом содержания. Признаки слова — фонетическая и грамматическая (морфологическая) оформленность, свободная выделяемость и воспроизводимость в речи, способность сочетаться с другими словами и образовать словосочетания и предложения» (с. 22). Хотя автор далее пишет о связанных корнях, упускает из виду, что связными могут быть также слова и словоформы: *сая яр* «тратить без пользы», *юла юп* «ссылаться на неестественные причины». Словоформа (грамматическая форма слова) — данное слово в данной грамматической форме. Словоформа, или форма слова, — способность лексемы распадаться на основную (основу, корень) и формальные части, т. е. слово в определенной грамматической форме» (с. 21). Лексему ученый понимает как основную единицу «как лексического, так и морфологического состава языка в совокупности всех ее грамматических форм» (с. 22). «Грамматическая (морфологическая) форма — формальная (словоизменительная, формоизменительная или формообразовательная) разновидность грамматической (морфологической) категориальной или некатегориальной формы» (с. 22).

Далее автор переходит к анализу морфемного состава чувашского языка и выявлению ошибок в прошлом, что было до специального изучения агглютинативного строя чувашского языка. В частности, в разделе 2 «Особенности агглютинативного строя чувашского языка. Словоизменительные и формоизменительные категориальные формы» и приводит доводы в пользу разложимости морфем, которые до сих пор трактовались как цельная морфема. Например, в считавшихся едиными *-ри*, *-ти*, *-чи*, автор находит по два аффикса: аффиксы местного падежа *-ра*, *-та*, *-че* и плюс к ним присоединяется выделительный аффикс *-и* (с. 29). Выделительный аффикс, по мнению ученого, есть также в единстве *-малл-и* (*-мелл-и*) (с. 46). Этот же аффикс, оказывается, есть в глагольной форме на *-иччен*: (*кай-и-ччен* «до ухода», *кил-и-ччен* «до прихода» (с. 47—48). Аффикс *-и* в пособиях для студентов автор в свое время называл аффиксом причастия возможности и невозможности («пули-пулми пайташ»)¹.

В монографии рассмотрены формы выделения наречий (с. 48—49), послелогов и частиц *мар*, *сук*, *пур* (с. 50—51). К морфемам, образующим такие формы, отнесены аффиксы *-и*, *-скер*, *-хи* (последний встречается только в наречиях). Правда, *сёрлехи* трудно отнести к наречиям, так как корень *сёр* «ночь» выделяется четко. Видимо, деление морфем происходит следующим образом: *сёр-ле-хи* (с. 48), где *-ле* трудно считать словообразовательным аффиксом, что подтверждает в этой же работе сам автор (с. 327). Так как послелоги и частицы присоединяются к предшествующим словам и словосочетаниям, то утверждение, что у

послелогов и частиц есть формы выделения, не соответствует действительности (такая же ошибка допущена на с. 63). В связи с этим следует говорить о формах выделения соединений слов: *Кун пеккине эсир курманччĕ те пуль* «Видимо, такого вы и не видели». *Лайăх марри лайăх марах ĕнтĕ* «Что нехорошо, то действительно нехорошо». К тому же слова *урăл* «поперечный», *хирĕс* «встречный», *юнашар* «соседний» не потеряли значения имен прилагательных.

Вместо примеров с частицами использованы примеры, в которых слова *пур* «есть» и *сук* «нет, отсутствуют» являются прилагательными: *Укăса пуррине шарламарĕ* «О наличии денег умолчал». *Виççĕшĕ сукки тепĕр кун та палăрчĕ* «То, что трое отсутствуют, выяснилось и на следующий день». *Укăса пурри и виççĕшĕ сукки* — придаточные предложения, в которых аффикс *-и* выполняет не только выделительную функцию, но и функцию субстантивирования.

Излагая свою точку зрения о выделительном формообразовании подражательных слов (с. 51—52), В.И. Сергеев не замечает, что в примере *Пĕри, майорĕ, питĕ вăрт-вартскер пулмалла* выделительный аффикс *-скер* присоединяется не к подражательному слову *вăрт-варт*, а к словосочетанию *питĕ вăрт-варт*. А в примерах типа *хурсен кикакĕ* аффикс *-ĕ* выражает, на его взгляд, два значения: значение выделения и значение лица (с. 51). На это следует обратить внимание: в будущем возможны специальные исследования, чтобы выяснить, как в самом деле обстоит дело.

На с. 52—54 В.И. Сергеев останавливается на анализе научных взглядов доцента И.П. Павлова и других языковедов, в работах которых выделительные аффиксы чувашского языка освещены в ходе рассмотрения морфологии частей речи в отдельности. Автор утверждает, что категория выделения в других тюркских языках не встречается, а в чувашском языке ее можно назвать стержневой (с. 53).

Далее речь идет о категориальной форме множественного числа в различных частях речи (с. 54—59), сквозных нестержневых категориальных формах на *-чĕ* (*-чĕ*) и *-ах* (*-ех*, *-х*) (с. 60—61). Формы на *-ах* (*-ех*, *-х*) названы формами усиления [аффикс *-чĕ* (*-чĕ*) здесь не указан, так как о нем говорилось на с. 17 работы]. Перечислены все части речи, к единицам которых присоединяются рассматриваемые морфемы. Есть неточность в переводе предложения *Юрлаканĕ Петĕрчĕ, ташлаканĕ Яккурчĕ*. Так как аффикс *-чĕ* (*-чĕ*) обозначает предикативность и входит в состав ремы, то в русском переводе слова *Петĕр* и *Якур* следует ставить на позицию ремы: «Певцом был Петр, танцором — Егор».

Раздел 3 называется «Грамматика порядков чувашского языка». Здесь речь идет о том, что в чувашском языке, как и в других тюркских языках, морфемы в словоформах располагаются в определенной последовательности. Подробно освещается вопрос о категориальных и некатегориальных формах: категориальные — свойственные большинству (не менее 75—95 %) слов, некатегориальные — формы, которые встречаются в 1—49 % слов (с. 74). Автор допускает, что есть полифункциональные аффиксы, так как могут создавать как новые слова, так и формы. На самом деле речь идет об аффиксах-омофонах, потому что аффикс деривационный по звучанию может совпасть с формообразовательным. Например: *илем-лĕх* «красота» и *кĕне-лĕх çитсĕ* «ситец, предназначенный на шитье рубашки» (с. 75). Еще раз дается разъяснение, как отличить словоизменение, формоизменение и формообразование и как рассматривают этот вопрос другие языковеды (с. 76—85). Для Виталия Ивановича важно отличать языковые категории от философских, логических, логико-грамматических и понятийных (с. 85—94). На основе анализа работ ученых-лингвистов он доказывает необходимость уточнить содержание термина «морфологическая категория» (с. 94—98). По мнению автора, принцип выделения обязательно противопоставляемых рядов форм не оправдывает себя, надежным принципом может стать тотальность употребления (с. 98), о чем шла речь выше (с. 68—75). Далее, продолжая раздел 3, ученый раскрывает, что пишут другие исследователи по данному вопросу и как следует трактовать вопросы о двусторонней сущности морфологических категорий (с. 98—99), явных и скрытых категориях (с. 100—104), словоизменении и словоизменительных категориальных формах (с. 104—105), формоизменении и формоизменительной категориальной форме (с. 106—108), формообразовании, форме слова и словоформе (с. 109—113) и основообразовании (с. 113—115).

Следующий, 4-й, раздел называется «Морфология, основанная на словоизменении, формоизменении и формообразовании» (с. 116—268). Автор ставит цель детально описать словоизменение, формоизменение и формообразование отдельных частей речи, но в данном

разделе останавливается только на именных словах, глаголы изложены в разделе 5 (с. 269—325), остальные части речи — в разделе 6 (с. 326—346). Раздел 5 имеет название «Глагол», а раздел 6 — «Части речи без присущих только им категориальных и некатегориальных форм». Видимо, по первоначальному плану материал раздела 5 должен был войти в раздел 4.

В.И. Сергеев остро ставит вопрос не только о разграничении словоизменения, формоизменения и формообразования, но и о необходимости нового подхода к определению частей речи. Автор пишет, что нужно использовать морфологический подход к классификации частей речи, предполагающий «установление их через лексико-грамматические категории» (с. 119).

Примечательно, что ученый возвращается к разложимости морфем и еще раз доказывает необходимость разделения на составные части объединений, считавшихся ранее едиными морфемами. Их, оказывается, особенно много у глаголов. Например: *кай-ма-лла* «необходимо идти», *вула-ма-ссерен* «каждый раз, когда читаешь», *асан-ма-лэх* «чтобы вспоминать», *кур-м-и* «до такой степени, что глаза перестают видеть», *кивел-нёр-рен-пе* «с тех пор, как стал старым», *сит-и-ччен* «до тех пор, как доберемся» (с. 314—317) (ср.: *кай-ма-лла*, *вула-ма-ссерен*, *асан-ма-лэх*, *кур-м-и*, *кивел-нёр-рен-пе*, *сит-и-ччен*). Кстати, настаивая на необходимости членения неличных форм глагола на более мелкие аффиксы, чувашский ученый доказывает, что аффиксов неличных глаголов фактически немного: инфинитив имеет аффикс *-ма (-ме)*, деепричастие — *-а (-е)*, *-са (-се)*, *-сан (-сен)*, причастие — *-акан (-екен)*, *-кан (-кен)*, *-ан (-ен)*, *-нэ (-нёр)*, *-ас (-ес)*. Теория В.И. Сергеева о формоизменении и формообразовании неличных форм глагола (с. 309—317) учтена нами в новой линейке школьных учебников по чувашскому языку.

Поскольку аффикс *-и* в глагольных формах *кайиччен*, *киличчен* ученый теперь считает не аффиксом возможности-невозможности, а выделительным, мы по всей монографии искали, как относится автор к аффиксу *-и* в наречии *халиччен*, но ответа не нашли. На странице, посвященной наречию времени, аффикс *-чен (-ччен)* назван аффиксом предельности (с. 329) и иллюстративный материал дан в виде вариантов, причем вариант с *-и* представлен первым: *халиччен (хальччен)*. Нет ответа: форма *халиччен* от *халё* или *халь*? Не назван вариант *халёччен*, хотя в чувашском языке есть начальная форма *халё* (см., например, «Чувашско-русский словарь» М.И. Скворцова²). Теперь возникает вопрос: можно ли все три варианта: *хальччен*, *халёччен* и *халиччен* — считать нормой, и как отразить это в орфографическом и других словарях? В словаре М.И. Скворцова, как и в предыдущих словарях, приведены два варианта начальной формы: *халё* и *халь*. Из этих вариантов должны образоваться только по одной форме предельности: *халёччен* и *хальччен*. Вариант *халиччен* оказывается лишним, так как нет начальной формы *хали*. Следовательно, раньше мы использовали разговорный вариант *халиччен* как литературный.

Автор, как и в начале труда, на страницах, посвященных послелогам, ошибается, говоря, что аффиксы присоединяются к отдельным словам. На самом деле аффиксы присоединяются к комплексу из двух слов: *кашкёр евёр* + *-ех*, *кашкёр евёр* + *-ччёр*, *пурсем пирки* + *-ех*, *ёр пирки* + *-ччёр* и др. (с. 336—339).

На наш взгляд, надо быть осторожным, причисляя слова *витёр* «сквозной, острый», *тавра* «круглый», *урлэ* «поперечный», *тёрэх* «продольный», *хирёр* «встречный», *юнашар* «соседний» к послелогам безоговорочно. Они еще не потеряли значения прилагательных, хотя в конструкциях типа *халэхра каланэ тёрэх* «как говорится в народе» последнее слово является послелогом.

Разумеется, рядовому человеку, ученику средней школы и даже студенту трудно сориентироваться, категориальная та или иная форма или некатегориальная, чтобы точно установить статус того или иного слова или формы. К тому же, надо различать, к чему присоединяется аффикс: к отдельному слову или словосочетанию? Например, в известных строках классика К.В. Иванова *Ханха тёрри шартлатат Саламатта сануна* «И трещат, трещат ворота Под ударами плетей» аффикс имени действия *-у* присоединяется не к слову *сан* «бить», как утверждает автор исследования (с. 331), а к глагольному словосочетанию *саламатта сан* «бить плетью», где имя существительное *саламат* соединяется со словом *сан* своим расположением и аффиксом творительного падежа *-на*. Подобные ошибки стали возможными из-за того, что В.И. Сергеев не учитывает, что исследуемые им слова могут использоваться не только отдельно, но и вместе с зависимыми словами, составляя те или иные синтагмы. На зависимые слова автор обращает внимание, если без них главное слово не может

употребляться, но, к сожалению, аффикс считает принадлежностью главного слова. Например, в приводимом отрывке из повести «Салампи» А. Артемьева встречаются сочетания *лайӑх салтак* «хороший солдат», *ырай сын* «добрый человек», *сывайх тус* «близкий друг»:

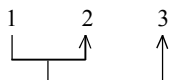
— *Лайӑх салтакчӑ-и Валерий?*

— *Паттӑр салтакчӑ. Тӑлӑмелле ырай сынчӑ. Сывайх тусӑмчӑ манӑн.*

«— Хорошим был солдатом Валерий?

— Бравым был солдатом. Душевный был человек. Моим близким другом был» (с. 151).

Виталий Иванович слово *сын* «человек» приводит в сочетании со словом *ырай* «добрый» и, указывая, что речь идет только о слове *сын* «человек», слово *ырай* «добрый» заключает в скобки, хотя у этого слова в свою очередь есть зависимое слово *тӑлӑмелле* «удивительный» (*тӑлӑмелле ырай* «удивительно добрый»). Аффикс *-чӑ* на самом деле принимает словосочетание *тӑлӑмелле* (1) *ырай* (2) *сын* (3):

Словами *салтак* «солдат» и *тус* «друг», принявшими аффикс *-чӑ*, автор оперирует, не обращая внимания на наличие у них соответствующих зависимых слов *лайӑх* «хороший» и *сывайх* «близкий»: *лайӑх* (1) *салтак* (2), *сывайх* (1) *тус* (2):

Вместе с тем следует обратить внимание на то, что ученый обладал тонким языковым чутьем и умел отличать друг от друга очень схожие факты. Например, В.И. Сергеев впервые в тюркологии начал большой разговор о формах прямой и косвенной принадлежности (с. 130—136). Об этом пишет так: «Под прямой принадлежностью понимаются отношения между предметами, когда один из них имеет непосредственное отношение к другому и является его ограниченной частью: *сӑтел ури* “ножка стола”, *этем (сын) алли* “рука человека”, *хӑвел пайӑрки* “луч солнца” и т. д. Косвенная принадлежность предполагает косвенную причастность, когда один предмет не является органичной частью другого предмета или же принадлежность одного предмета другому носит условный характер. Довольно часто выражение такой принадлежности бывает связано с выделительностью: *Сынни лайӑх сынах вӑл* “Человек-то он хороший человек”. *Ачи лайӑх-ха* “Парень он хороший”» (с. 134). Разумеется, любой языковой знак имеет абстрактное значение, а конкретное содержание проявляется в той или иной речевой ситуации.

В.И. Сергеев доказал, что морфология чувашских слов имеет глубокое содержание, что есть аффиксы категориальные и некатегориальные, что существуют аффиксы, на которые ученые не обращали внимания и не выделяли как самостоятельные. Следует особо указать на то, что некатегориальные аффиксы ученый рассматривает в числе синтаксических и не относит к словообразовательным, как это делают некоторые наши лингвисты (И.П. Павлов, Э.Е. Лебедев). Автор настаивает на том, что следует четко разграничивать словоизменение и формоизменение. Единственный недостаток в рассматриваемой работе — то, что автор упускает из виду примеры, в которых аффиксы присоединяются не к отдельным словам, а к синтагмам.

Надеемся, что выводы автора будут учтены как учеными-чувашеоведами, так и другими тюркологами при объяснении структуры того или иного языка, а также при составлении школьных и вузовских пособий разного назначения.

Литература

¹ Сергеев В.И. Современный чувашский язык. Морфология: учеб. пособие. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1992. С. 137.

² Скворцов М.И. Чувашско-русский словарь: в 2 т.: более 30 000 слов. Т. 2: Р—Я / под ред. Г.А. Дегтярёва, А.П. Долговой, И.П. Семёновой; Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2022. С. 411.

Монография известного чувашского лингвиста, профессора В.И. Сергеева о морфологии чувашского языка стала первой книгой, вышедшей в серии научных трудов, объединенных под общим названием «Строй чувашского языка». Этот труд, над которым ученый работал на протяжении большей части своей жизни, стал своего рода творческим завещанием. В каждой строчке исследования чувствуется напряженная работа мысли его автора, каждый постулат является результатом многолетних размышлений и поисков.

Основными направлениями научной деятельности В.И. Сергеева были морфология (точнее, морфемика), морфонология и лексикология чувашского языка. По этим областям им опубликован целый ряд знаковых для всего чувашского языкознания работ. Виталий Иванович известен своей оригинальной теорией о категориальных и некатегориальных формах чувашского языка¹. Этой концепции он придерживался до конца жизни, и в рассматриваемом нами труде она также представлена во всей полноте.

Большинство трудов по морфологии чувашского языка, опубликованных ученым, посвящено изучению морфемной структуры слов и их форм, при котором разбирается прежде всего внешняя, формальная сторона языковых знаков, а функционально-семантический аспект при этом либо отходит на второй план, либо отсутствует вовсе. Подобный подход в лингвистической традиции относят к особому разделу языкознания, который принято называть *морфемикой*. В.И. Сергеев был одним из первопроходцев в деле изучения чувашского языка в подобном ракурсе и добился в этой области существенных результатов. Содержание монографии «Морфология чувашского языка» явилось своего рода квинтэссенцией применения указанного подхода в чувашском языкознании.

Если говорить об основной константе грамматического учения В.И. Сергеева, то она ярко представлена в главе, посвященной теории морфологической структуры языка. Этой константой является *тотальность служебной морфемы*, то есть ее способность сочетаться либо со всеми без исключения знаменательными основами определенной части речи, либо с их максимальным количеством. Условие обязательного наличия тотальности у словоизменяющей формы в учении В.И. Сергеева возведено в абсолют. Все формы, обладающие тотальным распространением, названы автором монографии «категориальными формами», а неспособные присоединяться ко всем основам соответствующей части речи — «некатегориальными формами». На основании этого разделения дается и объяснение таких понятий, как *формоизменение* и *формообразование*. В первом случае «подлежит тотальному изменению... маркированная... словоформа основы, образующая формоизменяющие категориальные и некатегориальные формы», а во втором — «немаркированные и маркированные основы... образуют только некатегориальные формы» (с. 19). Надо сказать, что подобная трактовка этих понятий, с одной стороны, несколько необычна и не встречается у других ученых, работавших над этой проблематикой². С другой же стороны, она полностью соответствует той концепции, которую В.И. Сергеев разрабатывал на протяжении всей своей научной деятельности, и в принципе не содержит противоречий, если учитывать сам аспект рассмотрения грамматических явлений, которого придерживался ученый.

Структура книги в целом отражает основную логику исследования и является в определенной степени оригинальной, что, конечно же, вытекает из тех теоретических положений, о которых речь шла выше. Автором в первую очередь рассмотрены словоизменяющие и формоизменяющие категориальные формы чувашского языка, к которым, по его мнению, относятся формы выделения на *-и*, *-скер*; причастий на *-нӑ/-нӗ*, *-кан/-кен* (именно так, а не *-акан/-екен*), *-ан/-ен*, *-ас/-ес*, *-малла/-мелле*; форма множественного числа *-сем*, форма на *-чӗ/-чӗ*; форма усиления на *-ах/-ех* и падежные формы (с. 23—66). Для объяснения природы категориальных форм в чувашском языке В.И. Сергеев вводит еще два новых понятия — *сквозная категориальная форма* и *стержневая категориальная форма*. К первым относятся формы, способные сочетаться с разными частями речи (формы выделения, падежа, числа и др.), а ко вторым — формы, которые образуют основные морфологические категории той или иной части речи (с. 24). Собственно, эти два понятия не являются взаимоисключающими, и одна и та же категориальная форма может быть как «сквозной», так и «стержневой».

В третьем разделе монографии исследуются проблемы грамматики порядков чувашского языка. Данная проблематика непосредственно связана с основным способом образования грамматических форм, господствующим во всех тюркских языках, — агглютинацией и последовательностью присоединения морфологических показателей-аффиксов к знаменательным основам, принадлежащим к разным частям речи. В.И. Сергеев весьма обстоятельно подошел к раскрытию всех основных понятий в этой области чувашского и, шире, тюркского языкознания. Именно в данном разделе раскрываются основы морфемики чувашского языка, и в связи с этим автор здесь никак не мог обойти такие фундаментальные понятия, как «категориальная (некатегориальная) форма», «словоизменение», «формообразование» и «формоизменение», «философские, логические, логико-грамматические, понятийные и языковые категории», «словоизменительные и формоизменительные морфологические категории», «основообразование» и др. (с. 67—115). Как говорилось выше, концепция, созданная ученым на базе перечисленных понятий, является последовательной, логичной и непротиворечивой.

Содержание всех последующих разделов обсуждаемой монографии представляет собой обоснование теоретических положений, указанных автором в первых главах, на материале чувашского языка. В них исследуются формы имен существительных, прилагательных, числительных и местоимений (раздел 4), глагола (раздел 5), наречий, имен действия, мимем (звукоподражательных и звукообразных слов), послелогов и служебных имен (раздел 6). Имеет смысл подробнее остановиться на некоторых идеях и постулатах, представленных ученым на суд научной общественности в этих разделах.

В предисловии четвертого раздела В.И. Сергеев в тезисной форме излагает суть своих взглядов на уровни морфологии и состав частей речи в чувашском языке. Обращает на себя внимание, что такие части речи, как союз и междометия, ученый предлагает исключить из состава оных на основании отсутствия у них морфологических категорий. Причастия и деепричастия же он (на наш взгляд совершенно справедливо), напротив признает в качестве отдельных грамматических категорий глагола, мотивируя это тем, что они являются категориальными формами (с. 117). Такой взгляд является новаторским в чувашском языкознании, где традиционно их считали «безличными формами глагола», не вдаваясь при этом в функционально-семантическую суть этих явлений. Подобный подход мы можем встретить у другого известного исследователя тюркских языков В.Г. Гузева. В его концепции все формы причастий, деепричастий, имен действия и субстантивно-адективных форм объединены в единую *категорию номинализации действия*, которая «представляет собой обширную совокупность глагольных форм, означающих действие... или как предмет... или как признак... или как обстоятельство»³.

К словоизменительным категориям имени существительного автор относит категории числа, принадлежности, падежа и так называемые вторичные категориальные формы. Говоря о своеобразии категории числа в чувашском языке, В.И. Сергеев приводит мнение Д.М. Насилова и В.Г. Гузева, в соответствии с которым эта категория в тюркских языках представлена только одной формой — множественного числа, а слова, не осложненные аффиксом этой формы, могут передавать значение как единственного, так и множественного числа, то есть вне контекста они индифферентны к выражению семантики числа⁴. Ученый указывает, что в настоящей работе он по традиции все-таки использует термин «единственное число», но «чисто условно» (с. 124). Похожая ситуация сложилась и в вопросе толкования понятия *основного падежа* в тюркских языках. Те же Д.М. Насилов и В.Г. Гузев настаивали на том, что отсутствие показателя падежа, скорее всего, сигнализирует о том, что слово вовсе находится вне падежной парадигмы и не указывает на наличие у данного предмета каких-либо отношений с другими предметами⁵. Однако В.И. Сергеев в этом случае принимает сторону тех исследователей, кто все же признает присутствие в тюркских языках нулевой формы основного падежа. Он пишет: «Основной падеж в чувашском языке — немаркированный член оппозиции, противопоставленный маркированным» (с. 141).

К вторичным категориальным формам автор причисляет форму, образуемую аффиксом *-чѣ/-ччѣ* со значением прошедшего времени, и усилительную форму с показателем *-ах/-ех/-х* (с. 150—156). По его мнению, эти формы достойны того, чтобы считать их категориальными, так как они обладают свойством тотальности распространения. А вторичными они являются по той причине, что не относятся к какой-либо одной части речи, и могут

сочетаться со всеми знаменательными и некоторыми служебными частями речи (с. 151). В.И. Сергеев абсолютно справедлив, обращаясь в своей монографии к исследованию этих форм и делая попытку теоретически объяснить их грамматическую сущность. Смеем утверждать, что в чувашском языкознании — подобная попытка предпринимается впервые, и автор, объединяя эти формы в одну группу по их функциональным признакам, поступает совершенно правильно. Правда, иллюстрируя «категориальность» формы с показателем *-чĕ/-ччĕ* и ее способность присоединяться к основам разных частей речи, ученый допускает неточность. В представленном списке в ряду с другими частями речи он указывает причастия и деепричастия (с. 154), хотя ранее (с. 117) называл их категориальными формами глагола.

Далее в этом разделе представлены параграфы, посвященные формоизменению и формообразованию имени существительного, затем в таком же порядке раскрыты формы других именных частей речи. Строго следуя своей концепции, В.И. Сергеев скрупулезно расписывает все существующие варианты порядка следования аффиксов, присоединяемых к именным основам. Теоретические размышления ученого по этому поводу полностью отражают его научные взгляды. Говоря о содержании этих параграфов, мы хотим остановиться на некоторых вопросах.

Форму выделения с показателем *-и*, которая является уникальной для тюркских языков, ученый относит к формоизменительным формам. Однако категориальной, по его мнению, она не является, так как не обладает свойством тотальности распространения, и «речь может идти только о формах выделения некоторых падежных форм» (с. 171). К слову сказать, эта форма действительно вызывает интерес с точки зрения общей теории грамматики тюркских языков, во-первых, так как она присутствует только в чувашском языке, а во-вторых, в других языках этой группы подобное «выделение» также имеется, но в более ограниченном виде и передается при помощи аффикса принадлежности 3-го лица⁶. Термин «выделение», впервые примененный в чувашском языкознании И.П. Павловым⁷, на наш взгляд, не совсем удачный, так как общим значением этой формы является субстантивация — выделение же представляет собой лишь частный случай этой субстантивации.

Особый интерес вызывает параграф монографии, где говорится о так называемых «формах, близких к падежным» (с. 180—187). К ним, по мнению ученого, относятся формы, образуемые при помощи аффиксов *-ла/-ле/-лла/-лле*, *-чен/-ччен*, *-серен*, *-алл/-елл*, *-ăн/-ĕн*. Такой непривычный для тюркского языкознания термин В.И. Сергеевым используется с целью подчеркнуть «некатегориальность» этих форм. Действительно, они не обладают необходимой тотальностью распространения для того, чтобы считать их «полноценными» категориальными падежными формами. Именно по этой причине в школьных грамматиках по чувашскому языку они не включены в категорию падежа. С точки зрения формального подхода не включение этих форм в падежную парадигму имеет под собой все основания. Но если рассмотреть эту проблему в функционально-семантическом аспекте, исходя из внутреннего содержания и назначения этих форм, — они являются типичными падежными формами.

Пятый раздел монографии В.И. Сергеева посвящен формам глагола. Ввиду того, что эта часть речи во всех тюркских языках характеризуется обилием форм и категорий, именно здесь присутствуют и наиболее проблемные вопросы трактовки тех или иных морфологических явлений. Собственно, часть этих сложных и нерешенных до конца вопросов перечислена автором в предисловии к данному разделу. Один из таких вопросов рассматривается в первом же параграфе раздела. Название его говорит само за себя: «Есть ли залого в чувашском языке?» (с. 272—280). Ученый в русле своей грамматической теории отвечает на заданный вопрос отрицательно, присоединяясь к мнению большинства чувашских лингвистов. Основным доводом для такого решения является отсутствие тотального распространения этих форм. А так как в чувашском языке аффиксы залога не могут сочетаться со всеми глагольными основами, то они признаются не реляционными, а деривационными. Правда, В.И. Сергеев делает одну оговорку. Согласно его учению, одна из форм со значением залога, а именно понудительного залога [в терминологии автора «категория понудительности» (с. 276)], все же может считаться словоизменительной. Словоизменительный характер этой формы проявляется при вторичном присоединении аффикса понудительного залога *-ттар/-ттер*: *пĕç-ер-ттер* «заставить варить». Стоит сказать, что мнения тюркологов по поводу наличия или отсутствия в тюркских языках словоизменительной категории залога не сов-

падают. Часть из них считает, что аффиксы залога являются чисто словообразовательными⁸, другая же часть признает существование такой категории⁹. В данном случае та или иная позиция ученых зависит от аспекта рассмотрения проблемы. Мы считаем, что с точки зрения функционально-семантического подхода формы со значением залогов в чувашском языке вряд ли образуют новые слова, за исключением случаев лексикализации, когда это значение уже не ощущается: *пул* «быть» — *пулши* «помогать».

Среди форм наклонения глагола в чувашском языке В.И. Сергеевым выделяются повелительное, уступительное и желательное наклонения. При этом форма уступительного наклонения, по мнению автора, «целиком и полностью относится к формоизменительной морфологии» (с. 288). Существование в чувашском языке сослагательного и долженствовательного наклонений ученым отвергается. В первом случае это объясняется тем, что отсутствует специальный морфологический показатель со значением сослагательности (с. 290), во втором случае основными доводами стали отсутствие у соответствующей формы *-малла/-мелле* аффиксов лица и семантики отношения действия к действительности, «которое устанавливается говорящим» (с. 291). Показателем желательного наклонения В.И. Сергеев считает форму, образуемую аффиксом *-ай/-ей*, который в работах чувашских грамматистов признается формой со значением возможности совершения действия¹⁰. По поводу сослагательного наклонения мы все же придерживаемся другого мнения. Здесь аффиксы будущего и настоящего времени, на наш взгляд, образуют составной аффикс, который получает совершенно новое значение и тем самым все же представляет собой специальный показатель данного наклонения.

Категория времени глагола в чувашском языке, по мнению автора обсуждаемой монографии, включает в себя формы настоящего, будущего и несколько форм прошедшего времени (с. 293—303). Среди последних присутствуют и формы с показателями *-нă/-нĕ* и *-са/-се*, обозначенные В.И. Сергеевым как «формы аналитического типа спряжения» (с. 299). При этом формы давнопрошедшего времени (плюсквамперфекта) в соответствующем параграфе книги автором не отражены.

Резюмируя наш обзор основных положений, представленных в монографии В.И. Сергеева, хотелось бы высказать некоторые мысли по поводу тенденций, имеющих в современном чувашском языкознании в целом, и идей, изложенных в данной работе, в частности. Если говорить кратко, то в грамматических работах по чувашскому языку конца XX — начала XXI в. явно прослеживаются такие тенденции, как: 1) преобладание формального подхода к объяснению языковых фактов над функционально-семантическим; 2) жесткое требование тотальности распространения, предъявляемое к грамматическим формам, при этом в случае невыполнения этого требования соответствующая форма не признается словоизменительной и категориальной — ее относят либо к словообразованию, либо к формообразованию; 3) практически полное отрицание наличия аналитических форм глагола в чувашском языке, и если еще в работах Н.И. Ашмарина мы можем встретить, например, аналитические формы времени¹¹, то у современных авторов категорию времени составляют только синтетические формы.

По причине такого формального подхода к анализу морфологических явлений, по нашему мнению, описание грамматического строя чувашского языка теряет свою полноту. Часть форм при таком подходе просто отодвигается на периферию исследований — о них упоминается либо вскользь, либо не говорится вовсе. Требование тотальности, например, не позволяет ввести в падежную парадигму некоторые формы, которые по своей сути являются такими же падежными, а также не позволяет признать категорию залога. При этом передача субъектно-объектных отношений, что является общим значением залоговых форм, вряд ли может считаться словообразованием. Наконец, из грамматики чувашского языка полностью ушли аналитические формы глагола, которые, тем не менее, в ней присутствуют, передавая некоторые временные, аспектуальные и модальные значения.

Сказанное выше, конечно, ни в коей мере не умаляет заслуг В.И. Сергеева. Разработанная им теория категориальных и некатегориальных форм в чувашском языке заняла свое достойное место в нашем языкознании, а содержание монографии «Морфология чувашского языка» представляет собой подробное и логически выверенное изложение этой теории с опорой на факты самого языка.

Литература

- ¹ *Сергеев В.И.* Морфологические категориальные и некатегориальные формы в современном чувашском языке. Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т, 2002. 300 с.
- ² *Гузев В.Г.* Очерки по теории тюркского словоизменения: имя (на материале староанатолийско-тюркского языка). Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1987. С. 43—44.
- ³ *Гузев В.Г.* Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. гос. ун-та, 2015. С. 153.
- ⁴ *Гузев В.Г., Насилов Д.М.* Словоизменительные категории в тюркских языках и понятие «грамматическая категория» // Советская тюркология. 1981. № 3. С. 27.
- ⁵ Там же. С. 26, 29.
- ⁶ *Иванов С.Н.* Курс турецкой грамматики. Ч. 1. Грамматические категории имени существительного. Л.: Изд-во Лен. гос. ун-та, 1975. С. 61.
- ⁷ *Павлов И.П.* Категория выделения в современном чувашском языке // Исследования по фонетике, морфологии и фразеологии современного чувашского языка. Чебоксары: [б. и.], 1985. С. 3—15.
- ⁸ *Севортян Э.В.* Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М.: Изд-во вост. лит., 1962. С. 448—545.
- ⁹ *Зиннатуллина К.З.* Залоги глагола // Татарская грамматика. Т. II. Морфология. Казань: Ин-т языка, лит-ры и истории им. Г. Ибрагимова, 1997. С. 163—184.
- ¹⁰ *Сергеев Л.П., Андреева Е.А., Котлеев В.И.* Чăваш чĕлхи. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2012. С. 356—357.
- ¹¹ *Ашмарин Н.И.* Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 2. Симбирск: Тип. Полиграфсекции С.Н.Х., 1923. С. 171—236.

А.П. Долгова: *Многоплановое и многогранное исследование морфологического строя чувашского языка*

Морфология как раздел чувашского языкознания в монографическом исследовании В.И. Сергеева — это, прежде всего, учение о категориальных и некатегориальных формах слов, о разграничении словоизменения и формообразования, словоизменения и словоформоизменения (сокращенно — формоизменение). Автор поставил цель представить это в виде комплексного исследования «слов со стороны их внутренней словоизменительной, формоизменительной и формообразовательной структуры, т. е. морфемного состава, в плане образования словоформ» (с. 70), совместив с анализом грамматических категорий, которые этими формами выражаются. Автор поднимает широкий круг проблем, до этого настолько комплексно и в таком объеме не поднимавшихся.

В целом работа представляет собой обобщение и дальнейшее развитие идей, рассмотренных Виталием Ивановичем в опубликованных ранее статьях и учебных пособиях «Хальхи чăваш чĕлхи. Морфологи» (Современный чувашский язык. Морфология, 1992), «Именные части речи» (1994), «Морфемика тата морфонологи» (Морфемика и морфонология, 2001), «Морфологические категориальные и некатегориальные формы в современном чувашском языке» (2002) и др. Она кардинально отличается от привычных исследований морфологической системы чувашского языка предыдущих авторов [«Материалы по грамматике современного чувашского языка. Часть 1: Морфология», 1957; «Хальхи чăваш литературă чĕлхи. Морфологи» (Современный чувашский литературный язык. Морфология) И.П. Павлова, 1965; учебное пособие для студентов вузов «Чăваш чĕлхи» (Чувашский язык) Л.П. Сергеева и др., выдержавшее несколько переизданий с дополнениями и изменениями в течение 1988—2012 гг.], которые имели единую структуру представления сведений о словообразовательных и словоизменительных системах частей речи чувашского языка. Можно сказать, что В.И. Сергеев отходит от принятой до него в чувашском языкознании «словесно-парадигматической» (термин В.А. Плунгяна) модели морфологического описания (или модели «слово — парадигма» по В.М. Алпатову), которая удобна для рассмотрения флективных языков, и переходит к «элементно-комбинаторной» модели описания морфологии (мо-

дели «морфема — слово»). Эта модель рассматривает в качестве минимальной единицы морфологии морфему, а слово — как конструкцию с четкой линейной сегментацией на основу и на отдельные аффиксы; такой подход эффективен при рассмотрении морфологии агглютинативных языков, в которых слово на самом деле «не изменяется, а конструируется» (В.Б. Касевич) из череды морфем.

Классификация грамматических форм на категориальные и некатегориальные связана у В.И. Сергеева со степенью охваченности («тотальности — нетотальности») той или иной формой слов определенной части речи. Исходя из таких критериев, к грамматическим **категориям** автор относит только те, которые образуют грамматические формы от большинства слов в рамках одной части речи. Правда, амплитуда измерения этой тотальности имеет достаточно большой разброс — «больше половины или 75—90 %, до 99—100 % слов той или иной части речи» (с. 24, 112, 346). Все морфологические формы, образующиеся лишь с частью слов (их форманты «подчинены принципу избирательности употребления»), являются для слов той или иной части речи **некатегориальными**. Образование категориальных грамматических форм относится, по мнению В.И. Сергеева, к области словоизменения, а некатегориальных грамматических форм — к области формообразования. Выделение наряду с категориальными формами (например, падежные формы имен существительных) еще и некатегориальных позволяет автору объяснить группу так называемых непадежных форм существительных, ранее в большинстве случаев рассматривавшихся как словообразовательные (образующие прилагательные — *-лѧ/-лѣ, -лѧх/-лѣх*; наречиеобразующие — *-ла/-ле/-лла/-лле, -ѧн/-ѧн, -чен/-ччен, -серен* и т. д.). В свою очередь такая трактовка дает возможность более определенно, чем раньше, очертить круг наречий¹, число которых, как отмечал автор в своих других работах, не превышает 50 или 60. Однако даже в трудах самого В.И. Сергеева, по нашим подсчетам, упоминается не менее 110—120 наречий.

При характеристике категориальных морфологических форм автором также используется критерий «охваченности» слов различных частей речи, так как «морфологические категории небезразличны к тому, в словах какой части речи они реализованы» (с. 23), на этом основании он выделяет сквозные и стержневые формы. **Сквозные** грамматические категории в трактовке автора — это категории, «проходящие через *все* (выделено нами. — А.Д.) знаменательные части речи (и отчасти причастные к некоторым послелогам)», а **стержневые** — «самые главные (основные) категориальные формы *ряда* (выделено нами. — А.Д.) частей речи» (с. 24). Так, сквозными стержневыми являются, по мнению В.И. Сергеева, категориальные формы выделения на *-и, -скер* и категориальная форма множественного числа на *-сем* (с. 24—59); сквозными нестержневыми категориальными формами — формы на *-чѣ/-ччѣ*, формы усиления на *-ах/-ех/-х*, падежные формы (с. 60—63).

Подход к морфологическим категориям и морфологическим некатегориальным формам с точки зрения позиций, занимаемых их материальными показателями (то есть аффиксами), относительно основы и других аффиксов позволил автору классифицировать словоформы на **словоизменительные** (образование из немаркированной основы, то есть «первичной морфологической основы» *хѣр-ѣ* «твоя дочь») и **формоизменительные** (дальнейшее изменение «первичной морфологической основы» с образованием «вторичной, третичной морфологических основ» — *хѣр-ѣ-сем* «твои дочери», *хѣр-ѣ-сем-не* «с твоими дочерьми») (с. 79—80, 116). Формоизменительные аффиксы могут быть как категориальными, так и некатегориальными. Один и тот же аффикс для слов одной и той же части речи может выступать и как словоизменительный формант, и как формоизменительный формант; при этом он может быть представлен в двух ипостасях даже в одной словоформе; так, в форме *ача-се-ни-и-сем-не* «с теми, что принадлежит детям» показатель множественного числа используется дважды.

Особое место в «формоизменительной» морфологии отводится так называемой категории выделения, ««цементирующей» вокруг себя другие категориальные формы» (с. 64), в первую очередь — падежные формы и форму множественного числа на *-сем*. На «исключительную значимость» этой категории для всей грамматической системы обратил внимание И.П. Павлов². Он отметил, что форманты *-и, -скер* «во многих случаях замещают словообразовательные суффиксы имен существительных», «являются средством предметного наименования» и «образуют основу для словоизменения», приблизившись таким образом по

своему словоизменительному потенциалу «к производным существительным»³. Э.Е. Лебедев указывает на то, что «термин “выделение” в данном случае не совсем удачен, так как значение выделения прослеживается у данных аффиксов лишь в определенных контекстах»⁴, и пишет об этой категории как о типичном грамматическом средстве вторичного гипостазирования, выступающего «в качестве субстантиватора» (формы выделения прилагательных и причастий «представляют признак в качестве субстантива», формы выделения существительных в падежной форме представляют «передаваемые ими значения в качестве субстантива») ⁵.

В.И. Сергеев категорию выделения рассматривает как «отличительную черту морфологического строя чувашского языка», «уникальную стержневую и сквозную» морфологическую категорию, пронизывающую все части речи, являющуюся словоизменительной для слов всех знаменательных частей речи (за исключением существительных, для которых она — только формоизменительная). Он четко разделяет имеющие внешнее совпадение аффиксы выделения (-и) и аффиксы 3-го лица категории принадлежности слов с конечным гласным [лаша — унйа лаш(а)+-и]; для существительных — это однозначно форма 3-го лица принадлежности -и (как фонетический вариант -ё, используемый с согласным ауслаутным) (с. 26).

Еще один фактор, способствующий выстраиванию логичного объяснения, — рассмотрение формы косвенной принадлежности в качестве отдельной некатегориальной формы (с. 124—136), которая, в отличие от «прямой (непосредственной, неотчуждаемой, органичной) принадлежности» одного предмета другому, носит условный характер — «принадлежность предмета лицу носит условный характер» (с. 135). Эта форма, оформленная аффиксом 3-го лица с аффиксом -ё/-и «широко представлена в изафетных полупhrазеологичных конструкциях» (*антӑс курӑкӗ* «девясил», *шыв чӑххи* «жулик» и др.) (с. 136).

Наряду с категориальными аффиксами выделения -и, -скер автор рассматривает и некатегориальную форму выделения с формантом -хи некоторых существительных и наречий с темпоральной семантикой.

Монография В.И. Сергеева представляет собой многоплановое, многогранное исследование. В ней можно выделить несколько пересекающихся осей, вокруг каждой из которых выстраивается логическая система. Эти «оси» проходят по линиям «категориальные грамматические (или морфологические) категории — некатегориальные грамматические (или морфологические) формы», «сквозные морфологические категории (или формы) — стержневые морфологические категории (или формы)», «явные морфологические категории — скрытые (логические) категории» и некоторым другим. Однако из-за разноплановости представленных сведений проследить логику изложения материала непросто. В отдельных случаях допущены повторы информации. Нередко наблюдается излишнее увлечение автора членением морфологических показателей с доведением процесса до грани этимологических изысканий. Так, он отказывается трактовать в качестве цельных ряд аффиксов, которые остальные исследователи грамматического строя чувашского языка считают деепричастными и причастными (-иччен как -и + чен/-ччен; -малла/-мелле как -ма/-ме + -ла/-ле; -массерен/-мессерен как -ма/-ме + -серен и т. д.).

Так называемое формообразование послелога (с. 336—341), на наш взгляд, на самом деле представляет собой сочетание служебных средств; послелог — грамматическое средство, выполняющее так же, как синтаксический словоизменительный аффикс, функцию связи знаменательных слов (ср. с суждением И.А. Андреева: «Под словоформой... имеется в виду лексическая морфема вместе с относящимися к ней грамматическими морфемами, включая послелог»⁶). Следовательно, при такой трактовке послелога не присоединяют аффиксы и не принимают ту или иную грамматическую форму, а занимают место в линейной последовательности служебных морфем, расположенных после основы знаменательного слова или грамматической формы знаменательного слова, а сочетание знаменательного слова или словоформы с послелогом может в свою очередь тоже принимать аффиксы.

Недостатком можно считать своеобразие использованной в монографии терминологической системы. Так, не совсем понятно: уподобительная форма на -ла/-ле существительных (а также некоторых прилагательных, местоимений, числительных и даже глагольных форм) и уподобительная форма на -шкал/-шкел личных, возвратных, указательных местоимений представляют собой одну общую грамматическую категорию? Или это совершенно разные

формы, каждая со своими семантическими и функциональными характеристиками? Если второе, почему они обозначены одним термином? Попытка обоснования, изложенного на с. 75—76, выглядит неоднозначной и, на наш взгляд, неубедительна.

Затрудняет восприятие представленных в монографии идей оригинальное, отличное от привычного, употребление терминов. Например, оппозиция **«словоизменятельные аффиксы — формообразовательные аффиксы»** большинство языковедов, в том числе тюркологи, рассматривают как оппозицию **синтаксических аффиксов** (служащих для связи слов в предложении) и **несинтаксических аффиксов** (не обладающих такой функцией). Вызывает вопросы употребление термина «аналитический способ» при объяснении «спряжения» неличных форм глаголов: «В чувашском языке имеются два типа спряжения глаголов в прошедшем времени — аналитический и синтетический, к аналитическому типу «спряжения причастия прошедшего времени» им отнесены: 1) «прошедшее неопределенное время на -нӑ (-нӗ), которое характеризуется отсутствием синтетического выражения лица и числа, а эффект спряжения достигается постановкой (притом обязательной) в препозиции личных местоимений: *епӗ (эсӗ, ӳӑл) ҫырӑн* “я (ты, он) писал”»; 2) «прошедшее неопределенное время на -са (-се), характерное в первую очередь для верхового диалекта чувашского языка: *епӗ (эсӗ, ӳӑл) ҫырса* “я (ты, он) писал”» (с. 299).

Концепция и критерии, изложенные в этой монографии и других трудах В.И. Сергеева, представляют неоценимый вклад в чувашское языкознание и лингвистическую тюркологию. Смелость идей и свобода мышления ученого, умение отходить от устоявшихся, шаблонных схем анализа сложных проблем вызывают безмерное уважение. Если проследить ход изменения взглядов чувашских языковедов на грамматический строй чувашского языка с конца 1980-х гг. по сегодняшний день, можно заметить значительные трансформации в трактовке ряда вопросов; прежде всего — в разграничении словообразования и словоизменения, в определении количественного и качественного состава частей речи и некоторых других.

Это можно заметить не только в отдельных статьях, монографиях и справочниках⁷, но и в учебной литературе. Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова стал отправной точкой на пути смены концептуальной схемы интерпретации морфологической системы чувашского языка в преподавательской практике, так как В.И. Сергеев вел занятия и издавал учебные пособия в этом учебном заведении. Основное учебное пособие по чувашскому языку для студентов Чувашского государственного педагогического института (впоследствии университета) им. И.Я. Яковлева издавалось в течение 1988—2012 гг. четыре раза. Пособие, составленное Л.П. Сергеевым с использованием работ В.И. Котлеева (1988 г., второе издание — 1993 г.), затем с участием Е.А. Андреевой (2003, 2013) имеет заметные различия между первым и последним изданиями. Так, под влиянием работ В.И. Сергеева значительно обновилась информация о морфологических формах имени существительного (включая появление параграфов о словоформах, не входящих в падежную систему⁸), пересмотрена интерпретация материалов о словообразовании имен прилагательных и наречий⁹. Новая учебная программа чувашского языка как родного для общеобразовательных школ и соответствующая им линейка учебных пособий подготовлена также с учетом взглядов В.И. Сергеева¹⁰.

В наших суждениях представлена только часть новшеств ученого, в монографии уважаемого профессора представлен целый ряд теоретических и методологических положений, оригинальных соображений и умозаключений, касающихся агглютинации, последовательности морфем в словоформе, грамматики порядков и других вопросов. Не все «революционные» идеи В.И. Сергеева воспринимаются научным сообществом однозначно, но его гипотезы, аргументы и выводы заставляют задуматься, вновь и вновь обращаться к анализу фактического языкового материала в поисках решения тех или иных проблем.

Литература и примечания

¹ Трактовку этого вопроса своими предшественниками В.И. Сергеев охарактеризовал как чрезмерное увеличение числа производных наречий, при котором наречий в языке должно бы насчитываться «больше, чем существительных, прилагательных и глаголов, вместе взятых». См.: *Сергеев В.И.* Примечания и комментарии к разделу «Словообразование» // *Павлов И.П.* Современный чувашский язык: монография: в 2 т. Т. 1: Морфемика. Морфонология. Словообразование. Чебоксары: ЧГИГН, 2014. С. 258).

² Павлов И.П. Категория выделения в современном чувашском языке // Исследования по фонетике, морфологии и фразеологии современного чувашского языка: [сб. статей] / ЧНИИЯЛИЭ. Чебоксары, 1985. С. 3—15.

³ Павлов И.П. Указ. соч. С. 11—12.

⁴ Лебедев Э.Е. О некоторых отличительных чертах в морфологии чувашского языка // Тюркские языки и литературы в исторической перспективе: кол. монография. М.: [б. и.], 2022. С. 81.

⁵ См.: Лебедев Э.Е. Формы выделения в чувашском языке и их соответствия в других тюркских языках // Национальные языки и литературы в поликультурных условиях: сб. статей. Ч. 2. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковлева, 2017. С. 112—113, 114.

⁶ Андреев И.А. Структура именных синтагм в чувашском языке // Ученые записки / ЧНИИ. Вып. 39: Филология. Чебоксары, 1969. С. 81, 99.

⁷ Егорова О.Г. Глагольное словосочетание в чувашском и русском языках. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2009. 166 с.; Иванова А.М. Проблемы морфосинтаксиса в чувашском языкознании: типолого-контрастивный аспект. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2011. 308 с.; Короткова Н.Н. Грамматические формы имен существительных, не входящие в падежную систему чувашского языка: монография, Чебоксары, 2011. 165 с.; Андреева Е.А. Чăваш чĕлхи: синтаксис: справочник. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2008. 95 с.

⁸ Сергеев В.И., Андреева Е.А., Котлеев В.И. Чăваш чĕлхи: чăваш филологи факультетĕн студентĕсем валли хатĕрленĕ вĕренÿ кĕнеки. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2012. С. 300—308.

⁹ Там же. С. 243—247, 252—254.

¹⁰ Петрова Л.Г., Виноградов Ю.М. Чăваш чĕлхи: 6-мĕш класс валли. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2014. С. 22, 71, 78—79, 139—140 и др.; Виноградов Ю.М., Петрова Л.Г. Чăваш чĕлхи: 7-мĕш класс валли. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2016. С. 28—29, 34—35.

О.Р. Студенцов: Новый взгляд на морфологию чувашского языка

Монография В.И. Сергеева подготовлена в рамках проекта создания цикла исследований строя чувашского языка и посвящена морфологии современного чувашского языка как системе, строящейся на словоизменении, формоизменении и формообразовании. Основное внимание в ней уделяется выявлению и описанию системы грамматических (морфологических) категориальных и некатегориальных форм практически всех частей речи. Бесспорно, некоторые положения и идеи, рассмотренные в данном труде, могут быть применены в решении общелингвистических и общетюркологических проблем. Книга адресована специалистам-филологам, преподавателям вузов и учителям общеобразовательных школ, студентам.

Монография объемом около двадцати авторских листов (400 с.) имеет традиционную структуру: предисловие, шесть разделов — «Теория и терминология морфологической структуры языка», «Особенности агглютинативного строя чувашского языка. Словоизменительные и формоизменительные категориальные формы», «Грамматика порядков чувашского языка», «Морфология, основанная на словоизменении, формоизменении и формообразовании», «Глагол», «Части речи без присущих только им категориальных и некатегориальных форм», включающий в себя пункты «Наречие», «Имя действия», «Мимемы», «Послелogi и служебные имена». К основной части добавлены приложения. Это, во-первых, перечень производных глаголов, показывающих, по мнению В.И. Сергеева, несостоятельность идеи о наличии у глаголов чувашского языка категории залога, названный им «антизалоговым» материалом. Первая часть этого материала представлена в виде большого списка, составленного по принципам обратного словаря, остальные пять — менее крупные и оформлены в алфавитном порядке. Второе приложение представляет собой небольшой список отглагольных слов, образованных при помощи аффикса -у (-y) — материал, как считает автор, «подтверждающий наличие в чувашском языке имени действия (ĕс ячĕ) как часть речи». Также имеются списки использованной литературы (203 единицы), сокращений, указатель аффиксов и служебных слов чувашского языка.

Предметом исследования рассматриваемой монографии являются морфологический строй, морфологическая структура и морфологическая система чувашского языка. В предисловии автор дает четкую дефиницию основополагающим используемым терминам: «Морфологический строй — способ выражения грамматических отношений между морфемами как синтетическая характеристика языка. Морфологическая структура (лат. *structura* “строение, взаиморасположение”) — строение морфологических единиц, совокупность связей между элементами системы. Морфологическая система (греч. *systema* “целое, составленное из частей”) — совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных морфем языка; объединение некоторого разнообразия морфем как бы в единое и четко расчлененное целое, элементы (морфемы) которого по отношению к целому и другим частям занимают соответствующие им места» (с. 5).

Актуальность разрабатываемых в монографии проблем не вызывает сомнений. В.И. Сергеев критически осмысливает теоретические положения о морфологическом строе чувашского языка, выдвинутых в научных трудах множества ученых — от Н.И. Ашмарина до И.П. Павлова на протяжении более 100 лет. Он выдвигает новые суждения относительно словоизменения, формоизменения и формообразования чувашского слова. Для разработки и обоснования выдвинутых идей он использует целый ряд теоретических и специальных морфологических терминов и понятий [лингвотактика, морфотактика, морфемотактика, грамматика порядков, граммема, словоизменительные и формоизменительные категориальные формы, сквозная стержневая категориальная форма, сквозная нестержневая категориальная форма, явные (морфологические) и скрытые (логические) категории, двойное склонение, близкие к падежным формы, некатегориальные формы отдельных падежей и лиц, субкатегория наклонения и др.], сопровождая их довольно точными и исчерпывающими определениями.

В монографии явно прослеживается полемический стиль изложения, больше всего он дискутирует с автором книги «Хальхи чăваш литература чĕлхи. Морфологи» и монографии «Современный чувашский язык» в двух томах (т. 1 — «Морфемика, морфонология и словообразование», 2014; т. 2 — «Морфология», 2017) — видным исследователем грамматического строя чувашского языка И.П. Павловым. Так, В.И. Сергеев не согласен с утверждениями своего предшественника в отдельных моментах трактовки деривационных и реляционных аффиксальных морфем, значений тех или иных словоизменительных форм, членении аффиксальной части многих словоформ — как глаголов, так и имен существительных и других слов.

В рассматриваемой монографии новшеством в определении морфологических категорий является введение принципа тотальности (термин «тотальность», в том числе как компонент составного термина, встречается в монографии более 60 раз). Например, выделение категориальных форм имени существительного обосновывается следующим образом: «Учитывая **тотальность** употребления этих формантов с именами существительными, мы обязаны назвать их категориальными формами, вернее, словоизменительными категориальными формами» (с. 16). В системе языка не все основано на принципе **тотальности** употребления морфологических (грамматических) формантов. Нередко автор обращается к принципу избирательного употребления аффиксов, обоснованному впервые им же в более ранних работах. Так, форманты, использующиеся при именах существительных (но не при всех без исключения), в чувашеведении получили название «аффиксы внепадежной системы». В.И. Сергеев отмечает, что фраза «внепадежная система» (значит, не является падежной формой) сигнализирует о том, что словоформу с данными формантами невозможно трактовать как категориальную форму. «Таковыми являются следующие словоформы имен существительных: 1) уподобительная форма на -ла (-ле, -лла, -лле): *ачалла* “по-детски”, *упалла* “наподобие медведя” и т. д., но нет словоформы *курайманлăхла*, *Иванла*; 2) форма обладания на -лă (-лĕ): *кĕрĕклĕ* “в шубе”, *куслă* (*Уй куслă*, *вăрман хăлхалă* “Поле с глазами, лес с ушами”), но нет *Петĕрлĕ*, *Иванлă*; 3) форма предельности на -чен (-ччен): *ирччен* “до утра”, *Петĕрччен* “до Петра»» (с. 18) и т. д.

Такие формы существительных (хотя часть указанных в этом списке аффиксом ранее считались образующими наречия или прилагательные) не подчиняются принципу **тотальности** (всеобщности) употребления, для отмеченных в них аффиксов характерен прин-

цип избирательности. По этой причине, отмечает автор, они и формы, которые образуются при их помощи, не могут считаться категориальными. Следовательно, «эти формы существительных следует именовать некатегориальными, а образованные грамлемы (лексемы) называть формообразовательными единицами, при которых показательна не абсолютная, а относительная частотность, отражаемая понятиями “меньше”, “реже”» (с. 19). Основываясь на этих аргументах, В.И. Сергеев приходит к таким основополагающим выводам: агглютинация в чувашском языке, следовательно, грамматический (морфологический) строй чувашского языка, основываются на таких явлениях, как словоизменение (на уровне которого «выявляются тотальные словоизменительные морфологические категории числа, принадлежности, падежа, склонения, времени и усиления, основанные на принципе тотальности употребления формантов»), формоизменение [в рамках которого «подлежит тотальному изменению не корень и не основа слова, а маркированная та или иная словоформа основы (основоформа), образующая формоизменительные категориальные и некатегориальные формы»], формообразование (когда «немаркированные и маркированные основы, подчиняясь принципу избирательности употребления формантов, образуют только некатегориальные формы как в словоизменении, так и в формоизменении») (с. 19).

Заметим, что предложенный инновационный подход автора монографии по отношению к вычленению морфем в различных словоформах, на наш взгляд, выглядит более стройным и обоснованным, чем у его предшественников, в том числе в части, касающейся типов склонения. Например, если И.П. Павлов словоформу *йăнăшусенче* «в твоих ошибках» традиционно членит так: *йăнăш-у-сен-че*, то В.И. Сергеев считает иначе: *йăнăш-у-се-н-че*. Аргументом для него является форма притяжательного падежа — *йăнăш-у-се-н* «у твоих ошибок», в которой показателем множественного числа является *-се-*, а показателем генетива *-н*. Или другой, глагольный, пример: *йăнăшмăстпăр* «не ошибаемся» по И.П. Павлову: *йăнăш-мăст-п-ăр*. Его оппонент считает, что в чувашском языке нет композитного аффикса *-мăст-*, а здесь представлены аффикс отрицательной формы *-мас-*, и показатель настоящего времени *-т-*, значит, членение на аффиксы должно выглядеть так: *йăнăш-мас-т-п-ăр*. Очевидно, что В.И. Сергеев прав.

Заслуживает внимания мнение автора по поводу категорий направления и степеней сравнения имени существительного. По В.И. Сергееву, у имени существительного нет категорий направления и степеней сравнения, ибо аффиксы *-ал(л)-* + *-а*, *-ел(л)-* + *-е* и *-рах* (*-рех*) не подчиняются принципу тотальности употребления (с. 18—19, 21, 32, 61, 71—72, 83—84, 103, 175—176, 185 и др.), следовательно, должны признаваться некатегориальными формообразовательными аффиксами. Известно, что аффикс *-алл* (*-елл*) восходит к полноточному слову *ал* «сторона» (*хыç* + *ал* «задняя сторона», *тĕп+ел* «главная сторона», «передний угол избы», «почетное место»); ср. тат. *ал* «перед, передний», кирг. *алд* «передняя часть, сторона». Таким образом, неправы ни И.П. Павлов и А.И. Иванов с членением указанного аффикса в виде *-а-+л(л)* (*-е-+л(л)*), в котором сначала идет аффикс дательного падежа *-а(-е)*, затем к нему присоединяется *-л(л)* (*-л(л)*) (с. 166), ни И.А. Андреев, представивший его как цельный аффикс в словоформах типа *вăрманалла* (*вăрман* + *-алла*) (с. 185) и не заметивший наличие аффикса дательного падежа *-а* в финальной части словоформы. Правильное членение, по трактовке В.И. Сергеева, выглядит так: *вăрман-ал(л)-а*, *тĕпел-ел(л)-е*.

Материал, представленный в монографии, отличается достоверностью и конкретностью приведенных фактов и примеров, а также логичностью, последовательностью изложенной информации, системностью и связностью структурных элементов. Возможно, количество приведенных примеров местами даже избыточно (например, в приложениях или в разделе «Глаголы»), однако тут автор исходил, скорее всего, из необходимости полноты аргументов для доказательства своих тезисов.

В список научной литературы, использованной в монографии, автором включены издания, относящиеся в основном к периоду с 1957 по 1980-е гг. XX в. Удельный вес литературы, изданной в начале XXI в., незначителен. Автор, по-видимому, старался обращаться к наиболее известным и авторитетным работам и авторам, таким как А.А. Реформатский, В.В. Виноградов, Н.М. Шанский, Н.Ю. Шведова, А.В. Бондарко, А.М. Щербак, Н.А. Баскаков, Н.К. Дмитриев, А.Н. Кононов, В.Г. Гузев, Э.В. Севортян, Л.С. Левитская, Н.И. Ашмарин, В.Г. Егоров, А.И. Иванов, И.А. Андреев, Т.М. Матвеев, И.П. Павлов.

Вызывает вопрос терминология, в которой слишком часто допускается вариативность. Это хорошо прослеживается по тексту и наглядно представлено в списке сокращений указателя аффиксов и служебных слов: *форма направительности* — *направительная форма*; *форма выделения* — *форма выделительности* — *выделительная форма* и т. д. Думается, такая вариативность в научном тексте затрудняет его восприятие.

Рубрикация в книге несколько отличается от традиционной и доминирующей в настоящее время системы обозначения разделов, глав, параграфов и их частей уровнем ниже. На наш взгляд, принятый в монографии порядок не совсем удачен для ориентирования читателя (не только научного работника) в богатом и разнообразном содержании монографии. Более логичной и оправданной была бы десятичная классификация структурных частей арабскими цифрами.

В целом же монография является крупным фундаментальным научным трудом. Изложенные теоретические и практические материалы открывают широкий горизонт для дискуссий по проблемам грамматики чувашского языка. Кроме того, инновационные подходы автора к описанию морфологии конкретного языка можно применить в универсальном плане, что, несомненно, является шагом вперед и в тюркологии, и языкознании в целом.

Эта книга также может и должна быть использована в преподавании чувашского языка и, шире, тюркских языков, в вузах — на филологических факультетах Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева и Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова по соответствующим специальностям как в теоретическом, так и в практическом аспектах. Работа может служить и в качестве справочника не только для студентов, преподавателей вузов, научных работников, но и учителей школ, журналистов и др.

ЧГВ, 2024 г., № 19

© Э.Е. Лебедев. Рец. на: *Eyüp Bacanlı. Çuvaşça // Eyüp Bacanlı. Türk dillerinde düzensizlikler. — Ankara: Altındağ, 2016. — S. 109—124.* [Эйюп Баджанлы. Чувашский язык // Эйюп Баджанлы. Явления нерегулярности в тюркских языках. — Анкара: Алтындаг, 2016. — С. 109—124.]

В 2016 г. в Анкаре в издательстве «Алтындаг» вышла монография турецкого исследователя Эйюпа Баджанлы, посвященная явлениям нерегулярности в различных тюркских языках. Учитывая, что грамматические формы в этих языках образуются путем агглютинации — последовательным присоединением аффиксов к основе и друг к другу — и этот способ образования словоформ на фоне других считается наиболее регулярным и упорядоченным, уже само наличие в них нерегулярностей представляет собой необычное явление. Тем не менее нерегулярности существуют, правда, в меньшей степени, чем, например, в языках флективного строя. Автор в своем исследовании охватывает широкий круг как древних, так и современных тюркских языков. Им проведен анализ на предмет наличия нерегулярностей фонетической, морфологической и синтаксической систем орхоно-тюркского, древнеуйгурского, хорезмийского, османского, современного турецкого, узбекского, казахского, татарского и других тюркских языков. Одна из глав посвящена материалу чувашского языка, который мы и разберем в нашем отзыве.

Предваряя главу, автор дает краткую информацию о чувашском языке, особо подчеркивая его принадлежность к болгарской группе. Так как этот язык представляет собой наиболее удаленную от других тюркских языков ветвь, его изучение важно с точки зрения алтаистических исследований. Ученый справедливо отмечает, что чувашский язык имеет целый ряд морфонологических и морфосинтаксических отличий от языков общетюркской группы, демонстрируя при этом особенности, которые трудно было бы ожидать от языка агглютинативного типа. Например, одно из ярких морфонологических явлений в нем — это переход звуков -у и -ў в ауслауте именных и глагольных основ в -ăв и -êв соответственно при присоединении аффиксов, начинающихся на гласные звуки: *юрату* «любовь» → *юрата̋в̋м* «моя любовь», *ту* «делать» → *та̋ват̋а̋п* «я делаю». Примечательной также является геминация согласных звуков в корнях слов, оканчивающихся на редуцированные звуки -ă или -ê

Эдуард Евгеньевич Лебедев — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник секции языкознания филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: edlebed@gmail.com.

при присоединении к нему аффиксов, начинающихся на гласные звуки: *юрă* «песня» → *юр-рăм* «моя песня», *сасă* «голос» → *сасси* «его голос».

Исследование нерегулярностей в чувашском языке Э. Баджанлы начинается с морфологического уровня. Первый пункт исследования — категория числа, выделяющаяся на фоне других тюркских языков тем, что имеет особый показатель *-сем*. Автор указывает на наличие как минимум двух алломорфов этого аффикса, отличающихся звонкостью или глухостью первого согласного звука. Кроме этого им рассматривается парадигма склонения, где в определенных позициях появляется еще один его алломорф с конечным *-н* (*-сен*, *-сен-е*, *-сен-че*, *-сен-чен*).

Далее идет подробный анализ категории принадлежности, в котором ученый обращает внимание, прежде всего, на морфонологические особенности чувашского языка, проявляющиеся на стыке морфем. К ним относятся уже указанные нами выше переход *-у* в *-ăв* (*сыру* → *сырăвĕ*) и удвоение согласных (*кĕвĕ* → *кĕвви*), а также супплетивизм, выраженный в основном в словах, передающих значения родственных отношений (*анне* → *амăшĕ*, *атте* → *асçу*), и звуковые переходы *т* → *ч* (*вăхăт* → *вăхăчĕ*) и *ст* → *ç* (*область* → *облаçĕ*).

Морфологические нерегулярности в чувашском языке существуют, по мнению автора, и в категории падежа. Здесь он указывает на геминацию согласных звуков при присоединении аффиксов родительного и дательно-винительного падежей (*сын* → *сыннăн*, *сын* → *сынна*), на наличие трех алломорфов формы местного и исходного падежей *-ра/-ре*, *-та/-те* и *-че*; *-ран/-рен*, *-тан/-тен* и *-чен* и др. Определенное число нерегулярностей Э. Баджанлы обнаруживает у местоимений (*вăл* — *ун*, *вăл* — *вĕсем*; *эпĕ* — *ман*, *эсĕ* — *сан*) и у числительных (*пĕрре* — *пĕр*, *иккĕ* — *икĕ*) и др.

Среди категорий глагола тоже выявлено достаточное количество нерегулярностей. Одно из них — выпадение конечного звука *-р* в таких глаголах, как *пăр* «идти», *кĕр* «входить», *пар* «давать», *тăр* «стоять», *хур* «класть» и др. в форме прошедшего времени на *-рă/-рĕ* (*-тăл/-тĕ* и *-чĕ*), положительной и отрицательной форме причастия прошедшего времени (*-нăл/-нĕ* и *-ман/-мен*), форме причастия на *-малла/-мелле*. В отдельном параграфе рассматривается отсутствие в чувашском языке особых аффиксов сказуемости, которыми во многих тюркских языках (турецком, узбекском, казахском, якутском и др.) обозначается именное сказуемое. Подобное явление действительно нетипично для языков тюркского строя, в чувашском языке, по всей видимости, наблюдается влияние нетюркского русского языка, в котором также в подобных случаях опускается глагол-связка «быть»: *Эпĕ студент* «Я студент»; *Эсĕ студент* «Ты студент»; *Вăл студент* «Он студент» и т. д.

Автором отмечены также факты нерегулярности деепричастий (отсутствие корреляции между положительной и отрицательной формами деепричастия на *-сал/-се*: *килсе* — *килмесĕр*), причастий (совпадение отрицательных форм причастий настоящего времени и прошедшего времени, образующихся аффиксом *-ман*), форм прошедшего времени (особый алломорф 3-го лица *-чĕ*), формы настоящего времени (особый алломорф 3-го лица множественного числа *-ççĕ*) и др.

В следующем разделе изучаются нерегулярности на уровне синтаксиса. В нем Э. Баджанлы дает парадигму повелительного наклонения, отмечая, что отрицательное значение этого наклонения выражается необычными для других тюркских языков частицами *ан* и *мар*: *ан ил* «не бери», *ан илтĕр* «пусть не берет», *илем мар* «я не возьму», *илер мар* «мы не возьмем». Частица *ан* при этом располагается перед глагольной основой, что для тюркских языков совсем нехарактерно.

В последней части главы автором разбираются случаи так называемых неполных парадигм. Для тюркских языков, характеризующихся в целом регулярностью и упорядоченностью грамматических форм и их парадигм, такое явление также нетипично. К подобным неполным парадигмам, в частности, относится система форм слова, обозначающего понятие «младший брат». У него отсутствует начальная форма, в языке оно представлено только с определенным аффиксом принадлежности: *шăллăм* «мой младший брат», *шăлла* «твой младший брат», *шăллăмăр* «наш младший брат», *шăллăр* «ваш младший брат», *шăллĕ* «его, их младший брат».

Исследование Э. Баджанлы выполнено на высоком научном уровне и в целом производит хорошее впечатление. Автором используется четкий понятийно-терминологический

аппарат, принятый и однозначно понимаемый в международной лингвистике. Он отметил в основном нерегулярности, возникающие при морфонологических процессах на стыке морфем. Чувашский язык действительно характеризуется наличием в своей структуре определенного количества фонетических переходов и чередований, нетипичных для языков тюркской группы¹. Например, переходы типа -у в -ăv совсем нехарактерны для языков агглютинативного типа, в которых основа слова в подавляющем своем большинстве неизменяема, а между основой и аффиксом существует четкая граница.

Еще одним ярким примером нерегулярности на уровне морфологии является супплетивизм — явление, при котором разные формы одного слова образуются при помощи разных корней. Супплетивизм встречается в языках флективного типа, к которым относятся индоевропейские языки (русский, английский, немецкий и др.), но для таких «упорядоченных» языков, как тюркские, замена при словоизменении одного корня другим представляется абсолютно невозможной. В чувашском языке — это явление, конечно, тоже исключение и встречается в словах, передающих значения родственных отношений, или у местоимений (прежде всего, возвратных и личных). Справедливости ради отметим, что говорить о наличии в чувашском языке «классического» супплетивизма все же неправильно — связь между корнями разных слов все равно ощущается. По всей вероятности, здесь он тоже возник по причине определенных морфонологических процессов, то есть его природа и происхождение совсем иные по сравнению с индоевропейскими языками.

Автором проделан большой объем работы, в процессе которой выполнен скрупулезный поиск и отбор языкового материала. Однако необходимо указать, что в отношении нерегулярностей чувашского языка авторский подход основан прежде всего на материале языков так называемой общетюркской группы. В связи с этим чувствуется некоторая субъективность в выборе конкретных явлений для анализа: то, что с точки зрения других тюркских языков является неправильным и нерегулярным, в чувашском языке вполне вписывается в общую систему грамматики и для его носителей как нерегулярность не воспринимается. Тем не менее появление книги Э. Баджанлы по праву можно считать достойным событием с точки зрения развития общей теории грамматики тюркских языков.

Литература

¹ См., например: *Павлов И.П.* Краткий очерк морфонологии чувашского языка // Чувашский язык, литература и фольклор. Вып. 4. Чебоксары: [б. и.], 1974. С. 3—44; *Яковлев П.Я.* Фонетика и фонология чувашского языка. Чебоксары: ЧГИГН, 2020. С. 206—215 и др.

ЧГВ, 2024 г., № 19

© Э.Е. Лебедев. Рец. на: **Sinan Güzel. Çuvaşçada Yapmacıklık/Sahtelik Bildiren Yapıların Kiplik Analizi // Tarihi ve Çağdaş Türk Lehçeleri Araştırmaları: Fiil Kategorisi.** — Ankara, 2022. — S. 220—231. [Синан Гюзель. Анализ конструкций с модальными значениями притворности в чувашском языке // Исследования по истории и современному состоянию тюркских языков: Глагольные категории. — Анкара, 2022. — С. 220—231.]

Турецкий исследователь Синан Гюзель известен своими работами по чувашскому языку. В последние 10 лет из-под его пера вышел целый ряд статей, посвященных тем или иным вопросам чувашской грамматики. Среди них есть исследования послелогов и частиц чувашского языка (2014), лексикализации глагольных форм (2014), грамматических и лексических особенностей глагола *kay* «уходить» (2020), деепричастных форм (2014) и др. В 2022 г. в сборнике научных статей, изданном турецким издательством Бенгю (г. Анкара), вышла статья ученого о конструкциях с модальными значениями притворности в чувашском языке, краткий анализ содержания которой мы и предлагаем вашему вниманию.

Эдуард Евгеньевич Лебедев — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник секции языкознания филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: edlebed@gmail.com.

Тема, затронутая автором статьи, представляет собой интерес в первую очередь для специалистов по грамматике тюркских языков. В последнее время к исследователям приходит понимание того, что грамматическая структура тюркского глагола достаточно разнообразна, и ее нельзя сводить только к аффиксальным формам. Существует большое количество форм, образованных аналитическим путем, причем они представлены сразу в нескольких грамматических категориях глагола — времени, аспектуальности и модальности. Чувашский язык не является в этом смысле исключением, и здесь мы тоже видим наличие подобных аналитических форм. С. Гюзель рассматривает в своей статье конструкции, обладающие значением притворности.

По мнению автора, к формам с указанным значением относятся следующие: *-ам/-ем пек ту*, *-нӑ/-нӗ пек ту*, *-анси/-енси пул*, *-мӑш/-мӗш пул* и *-мӑш/-мӗш пер*. Как мы видим, в составе этих форм прежде всего представлены причастия с показателями *-нӑ/-нӗ*, *-анси/-енси*, *-мӑш/-мӗш*. Первое из них обладает достаточно высокой продуктивностью, другие два малопродуктивны в языке. В качестве вспомогательных выступают глаголы *ту* «делать», *пул* «быть, становиться» и *пер* «бросать». Наконец, в сочетании с формой желательного наклонения первого лица на *-ам/-ем* и причастия на *-нӑ/-нӗ* встречается послелог *пек* «как, подобно». Наличие в составе аналитической формы глагола такого форманта, как послелог, несколько необычно для тюркской морфологии, однако, на наш взгляд, вполне допустимо, если учитывать вспомогательный, служебный характер этой части речи.

С. Гюзель приводит разбор каждой из этих аналитических форм с использованием примеров из художественной литературы чувашских писателей. Однако его исследование не ограничивается только формальной стороной вопроса. Отдельный параграф автор посвящает анализу семантики, которую передают формы с модальными значениями. Он справедливо указывает, что в исследованиях, посвященных этой категории, пока еще не установлено точно, к какому наклонению относить те или иные модальные конструкции. И классификация, которая определена для одного языка, может не соответствовать классификации подобных значений в другом языке. Рассуждая на эту тему, автор статьи обращается к работам известного британского лингвиста Ф. Палмера, который являлся крупным специалистом в данной области лингвистики. На базе трудов этого ученого дается общая картина классификации модальных значений в языках мира. С. Гюзель отмечает, что существуют и другие подходы к решению этого вопроса, помимо того, что представляет Ф. Палмер, но ни один из них не является в полной мере достаточным.

Далее автор дает анализ собственно чувашских аналитических форм со значением притворности, опираясь на модель, предложенную Ф. Палмером. Надо сказать, что этот анализ проведен С. Гюзелем обстоятельно и подробно в функционально-семантическом аспекте на базе примеров, которые были даны по каждой аналитической форме, указанной нами выше. Разбор примеров по каждой из этих форм проводится с учетом значений других форм и слов, то есть в контексте. Так, в частности, рассматривая примеры на форму *-ам/-ем пек ту*, ученый учитывает такие моменты, как: лично ли рассказчик наблюдал это действие или судит о нем со слов других, что связано с употреблением той или иной временной формы (*-рӑ/-рӗ* или *-нӑ/-нӗ*), использованы ли в предложении другие, например, лексические указатели на способ совершения действия (наречие *юриех* «специально») и другие семантические условия. Подобный разбор применен им и в отношении примеров с другими формами со значением притворности — *-анси/-енси пул*, *-анси/-енси ту*, *-мӑш/-мӗш пул*, *-мӑш/-мӗш пер* и *-нӑ/-нӗ пек ту*. В качестве промежуточного вывода по проведенному анализу С. Гюзель пишет о том, что здесь наряду с информацией, получаемой рассказчиком напрямую или опосредовано, наблюдается стремление к совершению потенциального действия в будущем.

Анализу форм притворности с точки зрения *реальности* или *ирреальности* действия посвящен следующий параграф статьи. Прежде всего автор отмечает, что эти понятия связаны с возможностью или невозможностью совершения действия и входят в область модальности. При этом реальность отражает ситуации, при которых действие совершилось, и этот факт может восприниматься напрямую. Ирреальность же остается в области предположений и описывает ситуации, воспринимаемые лишь на ментальном уровне. Ссылаясь на труд Ф. Палмера, С. Гюзель говорит, что реальность и ирреальность не обладают одними и теми

же кодами в разных языках. Если в одном языке определенное сообщение может восприниматься как ирреальное действие, в другом языке это же сообщение передает реальность его совершения. Что же касается тюркских языков, то, по мнению автора статьи, реальность в них передается формами глаголов и имен в прошедшем и настоящем временах, а ирреальность — это действия, совершение которых предполагается в будущем, но ограничено такой семантикой, как запрет, вопрос, обязательность, желание, возможность и др. С этой точки зрения все формы с модальными значениями можно определить как относящиеся к группам значений, которые передают либо реальность, либо ирреальность. Но каждая из них демонстрирует центробежные тенденции, то есть направлена в сторону противоположной группы. Автор статьи сделал попытку распределить аналитические формы со значением притворности в чувашском языке в соответствии с принципами, изложенными выше. В итоге у него получилась следующая картина: а) форма *-ам/-ем пек ту* входит в группу значений реальности, но при этом передает информацию о том, что действие не произошло полностью или совсем не произошло, то есть наблюдается явная направленность в сторону ирреальности; б) формы *-анци/-енци пул* и *-анци/-енци ту* относятся к группе значений ирреальности, но имеют склонность в направлении другой группы; в) формы *-мăш/-мĕш пул* и *-мăш/-мĕш пер* также представляют собой группу ирреальности, но передают информацию о полном совершении действия; г) форма *-ăй/-ĕ пек ту*, как и другая форма с послелогом *пек*, несмотря на свою отнесенность к группе значений реальности, дает информацию о том, что действие не произошло полностью или совсем не произошло.

В завершении статьи С. Гюзель приводит выводы своего исследования. Наиболее важные из них следующие: 1) рассматриваемые автором формы имеют два основных значения — совершение действия способом, наиболее приближенным к реальности, и указание на то, что действие либо совершается, либо не совершается; 2) в исследуемых примерах упомянутые формы выражают субъективный подход говорящего в отношении притворности и ложности совершения действия; 3) все чувашские формы с указанным значением можно отнести к группам реальности или ирреальности совершения действия; 4) невозможна более четкая классификация значений этих форм, так как группы реальности и ирреальности могут пересекаться; 5) формы со значениями притворности или ложности необходимо выделить в отдельное наклонение глагола.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что исследование аналитических форм со значением притворности в чувашском языке проведено автором под новым, современным углом зрения, с использованием достижений мировой лингвистики. В результате этого исследования выявлены некоторые важные семантические особенности упомянутых форм. Считаем, что работа С. Гюзель представляет собой шаг вперед в развитии тюркологической науки в целом и чувашского языкознания в частности.

ЧГВ, 2024 г., № 19

© А.П. Хузангай. Рец. на: **Мордвинова А.И. Будущее не спешило ко мне... Художник Анатолий Миттов.** — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2022. — 272 с., ил.

«Пройденные пять десятилетий после смерти художника позволяют во многом переосмыслить и понять все величие его творческих достижений... со временем, все больше его произведений (особенно последние графические серии) получают самое широкое признание, в том числе и за рубежом... Жизнь и творческое наследие Анатолия Ивановича Миттова на фоне современного ему искусства стали явлением значительным и выдающимся. Новаторские идеи и художественные открытия, которые он принес в чувашское изобразительное искусство, после его смерти прямо или косвенно стали путеводными для многих чувашских художников» (с. 243—245) — таковы некоторые выво-

Атнер Петрович Хузангай — кандидат филологических наук, доцент; e-mail: anvaska@mail.ru.

ды, к которым пришла А.И. Мордвинова после тщательного анализа жизненного и творческого пути А.И. Миттова (1932—1971), «самого чувашского» из всех художников Чувашии.

Действительно, нам полвека понадобилось, чтобы обозначить его подлинный талант как художника, обозначившего основные векторы чувашского этнофутуризма.

Были посмертные персональные выставки (две из них в Москве — 1973, 2006), приуроченные к юбилейным датам и постепенно раскрывавшие все многообразие творческих поисков художника (они готовились вдовой О.В. Таллеровой и М.А. Карачарсковой, искусствоведом, сотрудником Чувашского государственного художественного музея). Помню первую выставку 1972 г., тогда еще в залах Картинной галереи на улице Р. Люксембург. Она была открытием Миттова для широкой общественности.

Поэма «Нарспи» К. Иванова с иллюстрациями и оформлением А. Миттова (на основе его дипломной работы в Академии художеств 1961 г.) была издана лишь в 1976 г., через пять лет после его ухода. О.В. Таллерова также подготовила и издала книгу «Анатолий Иванович Миттов: Воспоминания, стихотворения. Очерки, художественно-критические статьи. Дневниковые записи, рассказы, стихи художника» (Чебоксары, 1990). В своем предисловии А.И. Мордвинова подчеркивает роль О.В. Таллеровой в сохранении наследия художника (с. 8), а также его брата Виталия Ивановича Миттова, который после ухода Олимпиады Васильевны стал главным хранителем, кроме того он сохранял домашний архив (блокноты, дневники, альбомы с зарисовками, фотографии, записи размышлений, стихи, учебные конспекты). В.И. Миттов в меру своих сил помогал и в исследованиях, и весь этот материал («неизвестный Миттов») был учтен автором и тщательно проанализирован в ходе работы над данной книгой.

А.И. Мордвиной был опубликован ряд статей о творчестве А. Миттова. Она была составителем, научным редактором и одним из авторов своего рода коллективной монографии «Художник Анатолий Миттов. Дорога в гору» (Чебоксары: ЧГИГН, 2011). Ею был подготовлен «Каталог произведений А.И. Миттова» (Чебоксары: ЧГИГН, 2017), который является наиболее полным списком работ художника, хранящихся в Научно-исследовательском музее Академии художеств РФ, Государственной Третьяковской галерее, Чувашском государственном художественном музее, Чувашском национальном музее, коллекции семьи художника, частных собраниях.

Первая глава «Истоки» повествует о семье, сельской общине Сиккасси / Тобурданово с ее традиционным укладом, почитанием старших и внимательным любовным отношением к младшим, взаимной поддержкой в трудных ситуациях. Все это в роду **Митты** (> Миттовых) сохранялось и поддерживалось, особенно со стороны матери Феодосии Владимировны. В семье Миттовых было четверо сыновей — Василий, Николай, Анатолий и Виталий. Братья имели разные, в том числе и художественные, наклонности. У Анатолия была тяга и к музыке, и к литературе (писал стихи), а более всего к искусству. Оформлял все классные и общешкольные газеты.

Сам ландшафт Тобурданово стал доминантой мировоззрения Анатолия Миттова. Следует согласиться с автором, когда она пишет об облике села, что он «как будто доведен небесным художником до совершенства... то поднимаясь по холмам, то развертываясь широким полем, перерезанным оврагами и извилистой речкой Урюм, пылая огненными красками заката или погружаясь в таинственные сумерки, эта земля предстала затем в картинах и графических листах Миттова» (с. 28). Особо выделяется Тобурдановский лес. «Миттов-художник сотни раз воссоздавал в своих работах эти родные пейзажи со сказочно красивыми почти фантастическими цветами и травами. В итоге Тобурданово стало для художника **метафизическим образом родины**» (выделено мной. — А.Х.) (с. 29).

Время учебы в Чебоксарском художественном училище (1947—1952), а также полосу испытаний («две неудачные попытки поступления в Академию и вынужденная работа учителем в сельской школе», с. 53) были периодом творческого самоопределения и целеполагания в жизни, когда определилась «его главная идея — создать искусство для чувашского народа, национальное по содержанию и форме» (с. 50). А.И. Мордвинова приводит сredo из его дневника: «Всю свою энергию, все свои труды я решил отдать чувашскому народу. Я думаю писать картины из жизни чувашского народа. Я хочу, чтобы мои картины служили

нашему народу, являлись бы гордостью народа» (с. 50). Но реализации этого императива предшествовала огромная подготовительная работа. Автор анализирует сотни рисунков, акварельных этюдов, пленэрных работ, «написанных в период между учебой в художественном училище и “репинским” институтом», а также несколько десятков альбомов, охватывающих и время учебы в Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина Академии художеств СССР. Здесь же опять преобладают эмоциональные этюды-пейзажи окрестностей Тобурданова, которые могут рассматриваться как ростки будущих шедевров. А.И. Мордвинова характеризует эти «подготовительные» работы так: «В акварельных листах Миттов часто использовал для выразительности гуашь, темпера и тушь, положенную пером или кистью, в некоторых работах он уточняет детали белилами, очень осторожно, не утрачивая прозрачности этой сложной техники... как **тонко он чувствует цвет** (выделено мной. — А.Х.), как умеет создать общий колорит акварельного листа, а он у него почти всегда сложен, часто даже изыскан, построен на серебристых вальерах» (с. 52).

В главе второй «Расширение горизонтов» рассматривается новый этап в жизни Миттова. Он студент, иная культурная среда, иное общение, выставки периода «оттепели». Огромная — четыре с половиной тысячи работ — выставка современного мирового искусства в Москве на Международном фестивале молодежи и студентов в 1957 г. Выставки Пикассо (1956), Сикейроса (1957). Знакомство с нефигуративным искусством и другими подходами, отличными от реализма, тем более соцреализма как единственно возможного пути развития советского искусства. Первые опыты неконформистских, неофициальных художников. Все это впитывала душа чувашского неопита. Ему было необходимо освоить разные языки мирового искусства, для того чтобы обрести **свой язык** — метаязык. Миттов получает отличные оценки по всеобщей истории искусств и истории русского и советского изобразительного искусства. Сам много читает, знакомится с творчеством Михаила Ларионова и Натальи Гончаровой, Василия Кандинского, переписывает в свой дневник его стихотворение «Видеть» о синем и белом цвете.

А.И. Мордвинова на основе документов научного архива Академии художеств подробно описывает личности преподавателей-наставников А. Миттова и процедуру защиты (29 июня 1961 г.) его дипломной работы «Иллюстрации к поэме К.В. Иванова “Нарспи”» (на основе стенограммы заседания ГЭК). Известные мастера высоко оценили эту работу, которая фактически была «целостно оформленной книгой, включающей в себя все ее элементы: обложку и суперобложку, титульный лист и фронтиспис, развороты с текстом и заставкой, иллюстрации ко всем четырнадцати главам» (с. 71). При этом автор отмечает «огромную и кропотливую работу над темой — только зафиксированных, вполне завершенных вариантов (элементов) оформления. — А.Х.) известно около 400. Великолепный результат был достигнут за счет двух качеств Миттова: исключительно тонкого художественного чутья, данного от природы и развитого благодаря образованию, и невероятной трудоспособности» (с. 72). После защиты 25 листов дипломной работы А.И. Миттова были переданы в Научно-исследовательский музей Академии художеств (г. Санкт-Петербург). Они были также показаны на Девятой всесоюзной выставке работ студентов художественных вузов СССР (1961).

«Он уехал из дома четырнадцатилетним подростком, а вернулся двадцативосьмилетним художником с ясной, осознанной целью создать чувашское искусство» (с. 68).

Самостоятельный творческий путь А. Миттова начался с преподавательской работы в Чувашском педагогическом институте (1961—1964) — «наиболее успешный период Анатолия... эти три года стали в его жизни самыми благополучными: с постоянной, хоть и небольшой зарплатой» (с. 81—82). Но неприятие художника со стороны Н.В. Овчинникова, заведующего кафедрой, впоследствии председателя Союза художников Чувашии, изменило жизнь, на основании его докладной администрация института не заключила с Миттовым контракт на последующий период. Он был вынужден подрабатывать редкими заказами от Чувашского книжного издательства. В 1965 г. был расторгнут договор на издание «Нарспи» в его оформлении, а заказ передан П.В. Сизову.

Все это стало болезненным ударом по его самочувствию и усугубляло состояние его здоровья. После операции в Ленинграде (ЛОРНИИ) появился шум в голове, который «не исчезает ни на минуту и приносит большие страдания...». «Ему приходилось быть постоянно

под наблюдением лор-врача невропатолога в Чебоксарах и систематически консультироваться в Ленинграде и Казани» (с. 87).

Но несмотря на это шел напряженный поиск «собственного живописного языка и графического почерка». В таком плане А.И. Мордвиновой рассматривается триптих Миттова «Сказ о Волге» (1962), который был представлен на выставке «Художники — космонавтам» (осень 1963 г.), но был снят после ее открытия. Миттов, очевидно, хотел добиться эпического звучания самой темы, изобразив Волгу в связи времен — прошлого, революционного, будущего. Автор отмечает: «Первые годы самостоятельного творчества стали самыми богатыми на формальные эксперименты... Анатолий пробовал работать в самых разных направлениях: кубизме, символизме, пуантилизме. Чего стоит один его выход за рамки реализма в триптихе “Сказ о Волге”! Начало работы над главной темой в его творчестве, посвященной чувашской старине, тоже лежит в этом временном отрезке» (с. 97). Мне кажется, это слишком обобщенная картина поисков Миттова. Безусловно, он знал эти стилевые направления. Но все же для «Сказа о Волге» характерен не «фактурный импрессионистический мазок», А.И. Мордвинова там же дает более точную характеристику этой работы: «...трепетная вибрирующая фактура, и раздельные мазки, и просветы, через красочный слой белого фона перешедшие затем на холст» (с. 92).

Символизм, действительно, можно усмотреть в женских портретах цикла «Весна» и «Двое», но вряд ли можно видеть близость к кубизму в других женских портретах — «Сидящая в красной юбке», «Портрет чернокожей женщины в белом», «Портрет» «с изображением обнаженного торса в “горячем” желто-красном колорите, сильно геометризованном» (с.101). Конечно, это не классический кубизм Ж. Брака, П. Пикассо, Х. Гриса и их российских последователей. Сама же Мордвинова пишет, что это скорее смелые эксперименты с цветом. **«Цвет становится важнейшим средством выразительности** (выделено мной. — А.Х.) в его творческих поисках» (с. 102).

В качестве главных и общепризнанных произведений Миттова выделяются серии темперных картин «Земля наших дедов», «Алран кайми аки-сухи», «По мотивам поэмы К. Иванова “Нарспи”», «Чувашская старина» (см. раздел «Тайна — в традиционной народной культуре» в главе третьей, а также главу четвертую «Вершины Миттова»). Для ряда работ этих серий А.И. Мордвинова отмечает «молитвенное предстояние», «ритуализованность», «торжественность», «молитвенную тишину». В одном месте она прямо сравнивает эти композиции с иконами. «Отказ от линейной и воздушной перспективы, роль силуэта и строгий отбор деталей, статичность композиций, в которых используется момент “предстояния”, некоей отрешенности от земной “суеты сует”, придает произведениям мастера характер иконы...» (с. 192). Исследовательница утверждает, что «Звучание в них подобно выверенным сочетаниям красок Рублева или современной ему живописи кватроченто» (там же).

Художник Геннадий Ильич Исаев говорил, что Миттов хотел сотворить чувашскую иконопись (сообщено Ю.В. Яковлевым). А.И. Мордвинова говорит о «новой иконографии». В кругу интересов Миттова — «народные свадебные, похоронные обряды, хороводы, картины крестьянской жизни и труда» (с. 154).

Но что есть икона? «...Иконопись есть закрепление небесных образов, оплотнение на доске дымящегося окрест престола живого облака свидетелей. Иконы вещественно напоминают эти пронзенные знаменательностью лики, эти сверхчувственные идеи и делают видения доступными, почти общедоступными... Всякое изображение, по необходимости символичности своей раскрывает свое духовное содержание не иначе как в нашем духовном восхождении “от образа к первообразу”»¹. И еще: «Чем онтологичнее духовное постижение, тем бесспорнее принимается оно как что-то давно знакомое, давножданное всечеловеческим сознанием. Да и в самом деле, оно есть радостная весть из родимых глубин бытия, забытая, но втайне лелеемая память о духовной родине. И в самом деле, получая от проникшего в эту родину откровения, мы не извне воспринимаем его, но в себе самих *припоминаем*: икона есть напоминание о горнем первообразе»².

Миттов вряд ли мог знать «Иконостас» о. П. Флоренского, хотя конспект этой работы, сделанный архимандритом Сергием (Голубцовым) имел хождение в самиздате в 1954—1955 гг., но опубликован он был в «Богословских трудах» лишь в 1972 г. Тем не менее мы видим в вершинных достижениях чувашского художника и «духовное восхождение “от об-

раза к первообразу»», и стремление сотворить некое чувашское идеальное (сакральное) пространство. И мы действительно по Миттову припоминаем в себе духовную родину («чувашский мир» как первообраз).

А. Миттов, конечно, чтит весь чувашский background: язык, музыку, поэзию, вышивку, но воспринимал, видел это «собственными духовными очами». Это неожиданным образом отсылает нас к Казимиру Малевичу, который в своей автобиографии писал: «Я учуял какую-то связь крестьянского искусства с иконным: иконописное искусство — формы высшей формы крестьянского искусства. Я в нем вскрыл всю духовную сторону “крестьянского времени”, я полюбил крестьян через икону, понял их лик не как святых, но простых людей. И колорит, и отношение живописца»³ (Малевич, 1989, с. 110). Миттов не занимался реконструкцией «чувашского мира» (реконструкция прошлого — это дело историков). Он вскрывал духовную сторону чувашского крестьянства («сельских и полевых людей», как иногда называл чувашей Геннадий Айги). И это были не только крестьяне времени поэмы «Нарспи». Впрочем, и в поэме, и в работах Миттова образы даны вне времени, в вечности — *sub specie aeternitatis*. В этом смысле, как справедливо отмечает А.И. Мордвинова, Кесъентин Иванов и Анатолий Миттов были конгениальны. Конечно, в этих работах мы видим и следы освоения Миттовым шедевров мирового искусства, что «помогало ему пробираться сквозь социальные и идеологические напластования советского времени» (с. 127), его «народные сцены возникают в “чистом”, можно сказать, идеальном виде, без примеси бытовизма и литературности» (с. 128).

К числу наивысших достижений художника автор относит графические серии «Холмы», «Дорога через холмы в гору», «Дорога через овраг» (1967—1968), «Дорога в гору» (1970) (с. 239—240). Они объединены названием «По мотивам стихотворений К. Иванова, М. Сеспеля, В. Митты». Здесь он отказывается от линейности, орнаментальности, «формального экспериментирования с пейзажным пространством», сюжетности. «Конкретные, обыденные пейзажи — холмы и овраги Тобурданова, окраины села, лес — приобретают величественные и монументальные черты» (с. 239). При этом именно **«Тобурданово становится символом “чувашского мира”** (выделено мной. — А.Х.), а художник его “гением места”» (с. 106). Более подробно об эволюции пейзажа в творчестве Миттова говорится в разделе «Гений места» (с. 187—204). Пейзаж уже не реалистичен, а становится «пейзажем-аллегорией жизненного пути человека на земле» (с. 192).

Своего рода предварением философических пейзажей «Холмы», «Дорога в гору» и др. стала трагическая серия «Жизнь и смерть» (1968—1969). Это мучительное размышление о «жизнессмерти» и в то же время невыносимое ощущение одиночества, заброшенности и обреченности: в «Автопортрете (сидящий мужчина)» на фоне мерцающего бесконечного пространства Космоса.

В ряде мест книги говорится о «евангельской теме», о понятиях «примирение, смирение, прощение», «Крестном пути Христа», «сближении с православием и принятии его духовных установок». По мнению автора, А.И. Миттов одним из первых среди художников Чувашии «приходит к осмыслению христианства» (с. 248), делает «непростой шаг к православной вере» (с. 240).

Это сложный вопрос. Многие художники и деятели искусства XX в. — Василий Кандинский, Казимир Малевич, Марк Ротко, Джек Керуак, Джером Д. Сэлинджер, Боб Дилан и др. — не прибегали к *религии спасения* (христианству), а избирали *религию творчества, альтернативную религию искусства*⁴. А.И. Мордвинова сама цитирует дневник художника, где он прямо клянется верности искусству именно в этом аспекте: «Пусть будет искусство утешением в жизни, компенсацией за трудности в жизни. Пусть будет живопись моей религией, моей верой, моим стремлением. Нужно быть благодарным Богу, что есть искусство. Благодарю тебя искусство, что есть — я» (с. 218).

Достоинством книги-альбома «Будущее не спешило ко мне... Художник Анатолий Миттов» является и то, что автор, досконально изучив его наследие (не менее двух тысяч картин, иллюстраций, этюдов и рисунков, дневники, стихотворные опусы), дает цельное представление об этапах его творческого развития, об эволюции стиля, о разнообразии его поисков, новых подходах к пейзажному и портретному жанрам, о цветовых предпочтениях (доминанта золотого и синего цветов в некоторых работах), когда в конечном итоге **истина и красота** для него становятся мировоззренческими категориями. Это был трудный путь духовного восхождения «через страдания и боль... внутреннего очищения от земных обид и

несправедливости людского общества» (с. 240). Эта книга — важная веха в нашем осмыслении «самого чувашского из чувашских художников».

Наверное, невозможно лаконично определить своеобразие художественно-поэтического мира Анатолия Миттова. В одном месте А.И. Мордвинова говорит о «тайне серебристого свечения» (с. 71—72). Правда, это сказано об акварельных иллюстрациях к поэме «Нарспи», но может быть спроецировано и на другие работы мастера. Художник Владимир Яковлев (1934—1998), который видел работы Миттова на московской выставке 1973 г. писал: «Миттов мне сложен, он весь построен на воздушных формах. Вообще он — художник воздушный». СВЕТ (свечение) и ВОЗДУХ — важные характеристики, которые невольно возникают при внимательном созерцании вершинных работ Миттова темперой и графических серий (тушь, перо) последних лет. Мордвинова так и пишет: «...он насыщал рисунки светом и воздухом» (с. 238). Я бы в данном случае воспользовался определением о. П.А. Флоренского: «В произведении руки человеческой, каково бы оно ни было, в самом грубом, всегда есть **таинственное мерцание жизни**...» (выделено мной. — *А.Х.*)⁵ (Детям моим, с. 700). Миттов и хотел изготовить поэму «Нарспи» полностью вручную, включая шрифт самого текста. Мерцание его произведений — неярко-тихий свет — доходит до нас, значит, они живут, а их тайну будем еще и еще разгадывать.

Литература

¹ Флоренский П.А. Иконостас // Флоренский П.А. Имена: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1998. С. 369, 370.

² Там же. С. 382—383.

³ Казимир Малевич. 1878—1935 = Kazimir Malevich. 1878—1935: каталог выставок 1988—1989 гг. Ленинград — Москва — Амстердам. Амстердам: Stedelijk Museum Amsterdam, 1988. С. 110.

⁴ См.: Фаликов Б. Величина качества. Оккультизм, религии Востока и искусство XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 30—31, 211, 218.

⁵ Флоренский П.А. Детям моим // Флоренский П.А. Имена: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1998. С. 700.

ЧГВ, 2024 г., № 19

© А.И. Ногманов. Рец. на: **Образование и христианское просвещение чувашей Волго-Уралья во второй половине XIX — начале XX века: документы и материалы из фондов Н.И. Ильминского и Казанской учительской семинарии** / сост. Г.А. Николаев, Р.Р. Исаков. — Чебоксары; Казань, 2023. — 496 с.

Введение в научный оборот новых источников — актуальная задача исторической науки, поскольку расширение документальной базы исследований открывает новые грани и перспективы в изучении значимых событий и явлений прошлого, жизни и деятельности личностей, оставивших заметный след в отечественной истории. Рецензируемый сборник является логическим продолжением публикаций 1980—2010-х гг., посвященных истории народного образования и христианского просвещения чувашей во второй половине XIX — начале XX в. Издание восполняет лакуны в исследовании темы, аккумулировав в себе документы, связанные с деятельностью Казанской учительской семинарии (КУС), ее руководителей и воспитанников. Данное учебное заведение являлось главной кузницей кадров учителей и миссионеров для нерусских народов Волго-Уральского региона, составивших для части из них основу будущей национальной интеллигенции. Отсюда вытекает значимость введения в научный оборот этих источников, важных не только для

Айдар Ильдусович Ногманов — кандидат исторических наук, доцент, зав. отделом новой истории Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань); e-mail: nogmanov_a@mail.ru.

историков, но и специалистов в области этнологии, педагогики, языкознания, религиоведения и других гуманитарных дисциплин. Публикуемые документы, по замечанию составителей сборника, призваны «выправить крен, образовавшийся в региональной историографии в документальном «летописании» светского и христианского просвещения волго-уральских чувашей» (с. 20).

Композиционное построение издания является традиционным для публикаций источниковых материалов. Предисловие к сборнику состоит из двух частей. В первой (с. 3—19) представлен анализ общей ситуации в народном образовании и просвещения чувашей Волго-Уралья начиная с Великих буржуазных реформ и ее развития вплоть до Первой мировой войны. Следует отметить содержательность очерка, объективность и глубину осмысления авторами изменений, происходивших в данной сфере на протяжении пяти с лишним десятилетий. Во второй части «Археографическое предисловие» (с. 20—25) дана подробная характеристика самого сборника, раскрыты принципы подбора документов, оговорен круг проблем, получивших освещение в текстах. Забегая вперед отметим, что Г.А. Николаев и Р.Р. Исаков подвергли отобранные материалы взыскательной научно-археографической обработке, предельно вдумчиво подойдя к составлению заголовков. Столь же скрупулезно в «Археографическом предисловии» изложены принципы передачи текстов документов. Можно констатировать, что составители не упустили из виду ни один момент, требующий оговорки и разъяснений действий, предпринятых ими при работе с источниками. Поскольку издание адресовано не только специалистам, но всем тем, «кто проявляет интерес к культурной жизни народов Волго-Уралья» (с. 2), подробные пояснения выглядят вполне уместными.

В сборнике представлен широкий массив неопубликованных и опубликованных источников. Повторное воспроизведение отдельных документов оправдано желанием составителей дать максимально целостное представление о деятельности КУС, ее создателя и первого директора Н.И. Ильминского, его соратников и воспитанников. Основной массив публикуемых материалов извлечен из фондов Государственного архива Республики Татарстан (г. Казань) и Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (г. Москва). Большую часть из 256 документов составляют письма выпускников КУС, являвшиеся «основным каналом коммуникации, позволявшим обсуждать насущные проблемы народного образования и христианского просвещения чувашей на разных уровнях» (с. 21). В количестве 213 единиц они объединены в I разделе сборника. Второй раздел включает докладные записки, отражающие конфессиональную ситуацию в местах расселения чувашей в Волго-Уральском регионе и содержащих предложения по совершенствованию христианского просвещения. В третьем разделе представлены историко-этнографические сочинения и публицистика, в четвертом — биографические материалы воспитанников КУС и их наставников. Подобная структура представляется оптимальной для всестороннего освещения темы.

Что касается содержательной стороны документов, представленных в сборнике, это, безусловно, очень ценные источники, которые показывают жизнь и деятельность чувашских учителей и священников через индивидуальные их проявления, причем в действии и реальном времени. Хотелось бы обратить внимание на информационные возможности документов, которые помимо сюжетов, касающихся непосредственно образования и христианского просвещения, содержат массу интересных историко-этнографических фактов, наблюдений и зарисовок. Важно, что они принадлежат не сторонним наблюдателям, а людям, постоянно проживавшим среди чувашей, наблюдавшим и фиксировавшим изменения, происходившие при их личном участии в чувашском сельском социуме в пореформенный период. Интересны сведения о тех сложностях, которые приходилось преодолевать учителям и священникам при ведении просветительской деятельности (бытовые и финансовые проблемы, неприятие и недопонимание части соплеменников, прохладное отношение со стороны царских чиновников и представителей земств). Даже русское духовенство проявляло известный консерватизм, сопротивляясь внедрению чувашского языка в православную обрядность. Несмотря на эти трудности и превратности судьбы большинство авторов писем с честью выполняли свою миссию, рассматривая ее как служение родному народу.

В документах сборника в новом свете предстает фигура Н.И. Ильминского, который всемерно заботился о выпускниках КУС, оказывал им моральную и материальную поддержку, протекцию в продвижении на должности, проявлял деятельную заботу об обеспечении

чувашских школ учебной литературой, пособиями, партами, грифельными досками и другими принадлежностями. Это объясняет столь уважительное, граничившее с благоговением, отношение чувашских учителей и священников к этой знаковой для второй половины XIX в. личности, масштаб которой выходил далеко за пределы Волго-Уралья. К сожалению, в сборнике мало документов, отражающих обратную связь Н.И. Ильминского, И.Н. Яковлева, Н.А. Бобровникова со своими корреспондентами. Это, впрочем, нельзя ставить в вину составителям, поскольку сами корреспонденты и их потомки не могли обеспечить, а вероятно, и не ставили целью сохранность письменных посланий.

Помимо информации о чувашах, документы сборника содержат ценные сведения о татарах и их влиянии на братский народ в бытовом и религиозно-нравственном отношении. Анализ текстов показывает, что ислам был более приспособлен к повседневной крестьянской жизни, чем православие, более рационален и лишен элементов обрядности, казавшихся рядовым чувашам лишними и затратными в материальном плане. Отсюда восприятие ими отдельных элементов мусульманского культа (почитание пятницы вместо воскресенья, похороны умерших в день смерти и т. д.), бытовавшее в разных частях Волго-Уральского региона. Из документов сборника мы узнаем, что чуваша отдельных селений говорили на татарском языке, носили татарскую одежду, их дети обучались в мусульманских медресе. Женщины из таких деревень, выданные замуж в селения православных чувашей, нередко склоняли членов своих семей в ислам. Все это свидетельствует о процессе отатаривания части чувашей, не прекращавшемся во второй половине XIX в. и вызывавшем серьезную озабоченность представителей властных структур и православной общественности.

В сборнике приводятся интересные данные о культурном взаимодействии чувашей и татар. В частности, в письме чувашского писателя И.Н. Юркина, датированном 1891 г. (с. 350), сообщается о его желании приобрести книгу видного татарского историка, богослова и просветителя Ш. Марджани «Мустафад эль ахбар» и надеждах почерпнуть из нее сведения об истории чувашей.

Перечисление параметров, свидетельствующих о высоком качестве рассматриваемого издания, безусловно, может быть продолжено. Считаем нужным отметить, в частности, ценность справочной информации, представленной в 4-м разделе текстовой части сборника, в комментариях и географическом указателе. Все эти сведения необходимы для понимания содержания документов.

Как и любая научная публикация, рецензируемое издание не лишено недочетов.

1. Во вступительном очерке (с. 3) кажется неудачным использование определения «дворянские народы». На наш взгляд, лучше использовать понятие «народы, имевшие дворянскую верхушку».

2. Письма А.В. Рекеева (документы 122—123; с. 206—224) А.А. Воскресенскому от 1908 г. даны раньше писем его же Н.И. Ильминскому (№ 124—134; с. 209—224), датированных 1879—1889 гг. Не выдержана хронология и в письмах Д.Ф. Филимонова (№ 173—174; с. 287—288).

Вместе с тем указанные замечания носят частный характер и могут быть оспорены составителями сборника, которые вправе решать, какую терминологию использовать и какими принципами руководствоваться при выстраивании структуры издания.

В целом сборник «Образование и христианское просвещение чувашей Волго-Уралья во второй половине XIX — начале XX века: документы и материалы из фондов Н.И. Ильминского и Казанской учительской семинарии» следует квалифицировать как важное событие в ряду историографических фактов. Несомненно, он будет востребован и станет базой основательного изучения не только историками, но и специалистами других областей гуманитарного знания.

Отметим, что рецензируемое издание состоялось благодаря тесному сотрудничеству Чувашского государственного института гуманитарных наук и Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Подобную кооперацию научных учреждений следует всячески приветствовать, поскольку она открывает перспективы для широкого круга исследований, связанных с общими аспектами истории чувашей и татар, а также других народов Волго-Уральского региона.

Научное исследование Любови Ивановны Бушуевой посвящено одной из важных сторон процесса развития чувашской профессиональной музыки, которое требует выявления значимых сторон проблемы, среди которых: проблема зарождения профессиональной музыки (как вы сами можете догадаться, она происходила на материале народной песни); создание профессиональной среды (возникновение сообщества национальных чувашских композиторов, которые практически все оригинальные произведения параллельно с обработками создавали на основе чувашской песенной интонационности); изучение периодов развития поколений чувашских композиторов (которые также практически все обращались к чувашской народной музыке, как в оригинальных произведениях, так и в традиционных обработках). Из этого следует, что проблема, к которой обращается автор, имеет основополагающее историческое значение не только для профессиональной музыки, но и в масштабе всей чувашской культуры.

Книга состоит из предисловия с теоретическим обоснованием проблемы и ее научной постановкой. В первой главе определяются понятия обработки и гармонизации, с них идет начало рассмотрения профессиональных основ. Архитектоника теоретического исследования Бушуевой построена на проблемной базе, поэтому историческая часть исследования, охватывающая более чем полутора столетия развития чувашской профессиональной музыки, проходит через все четыре главы монографии. В указанной главе выявляются взаимоотношения фольклорного и национального в разные периоды развития чувашской музыки, рассматриваются процессы развития композиторского фольклоризма, его определение и введение в национальную музыкально-историческую науку. Вторая и третья главы представляют собой монографические очерки с анализом произведений, сгруппированных по типологии и жанрам. Проанализированы произведения и чувашских авторов, и многочисленных представителей разных национальных культур. Следует отметить, что чувашская музыка интересовала многих очень известных в свое время представителей русской музыкальной культуры. В конце XIX — начале XX в. — это хоровой дирижер Николай Кленовский и композитор Сергей Толстой. В 20-е гг. XX в. — Григорий Лобачёв. В 1930-е гг. и последующие несколько десятилетий к чувашским песням обращалась целая плеяда самых известных композиторов и музыкантов — композиторы Виктор Белый, Александр Касьянов, Мариан Коваль, Григорий Месснер, известный пианист и композитор Самуил Фейнберг, хоровой дирижер и профессор Александр Егоров из Ленинграда, композитор и педагог Анатолий Александров, композитор Андрей Эшпай, позже — болгарский музыковед и композитор Николай Кауфман и др. Во второй и третьей главах подробно анализируются произведения чувашских авторов, начиная со школы Яковлева в Симбирске и вплоть до второго десятилетия XXI в. Четвертая глава посвящена фольклоризму в хоровом творчестве композитора Александра Васильева. Бушуева справедливо выделяет его творчество в качестве наиболее значимого к настоящему времени и выдающегося в истории чувашской музыки с точки зрения создания образца классического типа в обращении к чувашскому фольклору.

Сформулированный на основе глубокого анализа научных терминологический аппарат имеет прочную аргументацию и обоснование, составлен на базе современной музыковедческой методологии. Исторический и искусствоведческий кругозор автора необычайно обширен и включает в работу практически все стороны композиторской и музыковедческой деятельности в области чувашской музыки. В структуре анализа в монографии выделены такие понятия, как «идея сохранения» и «принцип диалога». Под «идеями сохранения» имеется

в виду «отношение композитора к фольклорному образцу как к целостному явлению и сохранению всех его особенностей при переносе его в систему профессионального искусства». В «принципе диалога» заложено отражение отдельных сторон фольклорного образа, необходимых композитору для воплощения замысла. Использование «принципа диалога» автор коррелирует с целесообразным применением его в современной философии и культурологии, считая это явление «специфической формой выражения художественного авторства». В идее сохранения, или «охранительном подходе», автор опирается на высказывание к предисловию к сборнику обработок Виктора Белого «10 чувашских песен», где известный московский композитор раскрыл свое отношение к народной песне: «...как к раз навсегда данному, застывшему материалу, сильно дают себя знать в практике художественных обработок»¹. Воплощение этих двух принципов Любовь Бушуева совмещает с точным и скрупулезным историческим анализом. Для нее важно, кто сочинял, с какой целью, при каких обстоятельствах и какие творческие задачи решались. Разумеется, автор не ограничивается указанными двумя идеями, поскольку общая типологизация не может охватить все конкретные творческие устремления и задачи композиторов. «Хоральный стиль» и «светское направление» в обработках раннего этапа становления профессиональной музыки отражают творческий метод обработки народной музыки, авторы которых работали в эпоху главенствования стиля православной музыки. Обращает внимание глубокий анализ произведений, определяющий взаимодействие традиций и культур в обработках разных авторов. Наиболее частым образцом использования фольклора для композиторов явился опыт русской классической школы XIX—XX вв. В частности, творческое развитие идей Н.А. Римского-Корсакова, П.И. Чайковского, А.К. Лядова, С.И. Танеева, влияние Г.В. Свиридова и композиторов «новой фольклорной волны». Также указывается на плодотворное влияние традиций западноевропейской классической музыки, отмечается пример сочетания афроамериканской культуры с чувашским фольклором, выделяются и произведения, где в качестве фактурного и гармонического языка авторы используют потенциал и особенности самого чувашского фольклора.

«Пожалуй, ни один другой жанр, за исключением песни, не развивался в национальном музыкальном искусстве столь последовательно и динамично, как обработка, демонстрируя устойчивую стабильность и непрерывность процесса», — пишет автор в заключении (с. 205). Для чувашской профессиональной музыкальной культуры, имеющей не столь давние связи с классической традицией, но тысячелетние традиции богатейшей обрядовой музыкальной культуры и четкую организацию народного музыкального профессионализма этноса, данное замечание имеет важное значение. Это дает надежду на дальнейшую эволюцию созданного до настоящего времени богатейшего спектра традиций, и укрепляет перспективу развития существующей школы композиторского творчества в Чувашии. Можно говорить, что эта монография, по сути, является не только теоретическим исследованием, но и настоящей энциклопедией чувашского искусства в объявленной области.

Монография Л.И. Бушуевой «Чувашская народная песня», на мой взгляд, одна из самых серьезных и масштабных работ о профессиональной чувашской культуре за последние годы, заслуживает самой серьезной оценки. Это научное исследование, произведенное на проблемном материале локального масштаба, охватывающем культуру одного из народов России, по качеству привлеченного материала и значению обобщений выходит далеко за пределы Чувашии и Поволжского региона.

Литература

¹ Белый В.А. 10 чувашских песен. М.: Музгиз, 1937. С. 3.

Музыкальная культура Чувашии, так же как и культуры других регионов России, и в частности народов Волго-Уральского региона, в начале XX в. оказалась вовлеченной в процесс динамичного развития, охвативший разные сферы общественной и духовной жизни. Прошедшее столетие для чувашской национальной музыкальной культуры оказалось весьма результативным. Здесь сформировалась развитая инфраструктура культурной жизни, включающая композиторскую школу, одну из самых крупных в России, систему музыкального исполнительства и образования. Основу ускоренного становления национальной культуры в значительной степени составил фольклоризм — явление, к которому принято относить вторичные формы функционирования фольклора. Сегодня это важнейшая тенденция современной художественной культуры и одна из самых дискуссионных научных тем, к которой начиная с последней трети XX столетия проявляют пристальное внимание многие отечественные и зарубежные ученые.

Обращение Л.И. Бушуевой к рассмотрению многоуровневого понятия фольклоризма и его функционирования в музыкальной культуре Чувашии, безусловно, актуально и имеет многоцелевые установки. В своем докладе она делает попытку рассмотреть явление фольклоризма с разных сторон. Особо хочется отметить огромный охват исследуемого материала — как теоретического, так и практического. При этом автор творчески использует работы и литературоведов, и фольклористов — как региональных, так и российских. Основное достоинство работы состоит, на мой взгляд, в том, что проблемы фольклоризма впервые рассмотрены в тесной связи с традициями чувашской музыки.

Посвятив общим аспектам теории фольклоризма первую часть доклада, автор уделяет немало внимания вопросам связи и различия фольклоризма и фольклора, многообразию форм их взаимодействия. Для всестороннего рассмотрения привлечено множество источников — начиная от первых работ о фольклоризме видных отечественных ученых В.Е. Гусева, И.И. Земцовского, Г.Л. Головинского и заканчивая самыми современными исследованиями. Соотношение фольклора и фольклоризма, которые соответственно относятся к устной и письменной культурам, представлено на фоне известных в отечественной музыкальной науке культурологических концепций Ю.М. Лотмана, А.Н. Сохора, Т.В. Чередниченко, А.М. Лесовиченко, дополненных идеями М.Г. Арановского и В.Р. Дулат-Алеева. В этот широкий культурологический ракурс органично вписывается определение «чувашской музыки» чувашского музыковеда М.Г. Кондратьева, позволяющее выделить области национального музыкального искусства, которые в наибольшей степени испытали воздействие фольклоризма.

О многих важных аспектах фольклоризма автору приходится писать лаконично. Несомненно, весьма любопытна тема значительных изменений в самом фольклоре в ушедшем столетии и его понимания в науке, не обошедших стороной и чувашскую музыку. Упомянув о ней кратко, Л. Бушуева более подробно останавливается на проблеме взаимосвязи фольклора и фольклоризма. Привлекательно, что здесь среди разных источников цитируется малоизвестная в целом статья «Фольклор и композиторское творчество» оставившего яркий след в истории теоретико-композиторского факультета Казанской консерватории музыковеда А.Г. Юсфина, давшего сочинениям чувашского композитора-новатора М.А. Алексеева самую высокую оценку. Также достаточно сжато охарактеризовано в докладе соотношение фольклоризма с категориями «народного» и «национального», автором выделены лишь самые основные моменты.

Разноплановость систематизаций методов претворения фольклорных истоков — один из ключевых вопросов теории фольклоризма. Опыт каждой композиторской школы в обра-

Елена Васьяновна Порфирьева — кандидат искусствоведения, профессор кафедры истории музыки Казанской государственной консерватории им. Н.Г. Жиганова; e-mail: evporfirieva@yandex.ru.

щении с народной музыкой по-своему уникален, так же, как и неповторимо становление и развитие национального сценического искусства. Это связано и с историко-культурными условиями, и со спецификой материала музыкально-поэтической системы. Упомянутые Л. Бушуевой типологии фольклоризма демонстрируют многообразие подходов в разных национальных культурах. Автор систематизирует их по нескольким параметрам, отметив при этом, что единой четкой концепции, одинаково пригодной для всех культур, скорее всего, может и не быть совсем.

Более подробно две ведущие формы фольклоризма — сценическая и композиторская — затронуты в последующих разделах. Сценическое искусство Чувашии в аспекте фольклоризма ранее не рассматривалось, и во втором разделе можно встретить наблюдения и обобщения, новые для чувашского музыковедения. Отслеживая воссоздание фольклора на сцене от истоков и до современности, автор опирается на типологию сценического фольклоризма И.И. Земцовского, адаптируя ее к чувашскому искусству. Много интересного сказано в отношении современного этапа, имеющего яркие отличительные черты — как положительные, так и отрицательные. Предложенная Л. Бушуевой систематизация видов сценического фольклоризма может оказаться полезной при исследовании других национальных культур, поскольку она вобрала в себя явления, характерные для музыкального искусства России в целом.

В Чувашии всегда господствовала установка на связь композиторского творчества с фольклором — как среди композиторов Чувашии, так и среди всех тех, кто обращался к чувашской народной песне. В третьем разделе доклада анализируется широкий круг явлений чувашского профессионального музыкального искусства в контексте композиторского фольклоризма. Многие положения этого раздела коррелируют с ранее изложенными идеями в монографии «Чувашская народная песня в творчестве композиторов: композиторский фольклоризм, фольклорные “волны”, жанр обработки» (2021), где Л.И. Бушуева сосредоточилась на жанре обработки, наиболее показательном для музыкального искусства Чувашии. В данной работе круг рассматриваемых вопросов расширен, помимо обработки и метода цитирования здесь говорится о методах опосредованного претворения фольклора, а жанровый состав анализируемых произведений включает в себя как музыкально-театральные произведения, так и симфоническую музыку. Это позволяет более полно представить достижения композиторского фольклоризма и объективно оценить его значение для национального искусства.

Констатация и анализ проявлений фольклоризма в музыкальной культуре Чувашии встречаются во множестве публикаций — от первых статей Ф.П. Павлова и С.М. Максимова, появившихся после 1917 г., до последних современных изданий. Краткий библиографический обзор позволяет представить, как происходил процесс становления фольклоризма, как уточнялось его понимание и что нового привносили музыковеды в разные периоды развития чувашской музыки.

Заключение содержит историко-теоретические выводы, которые обнаруживаются при сравнении композиторского фольклоризма с другими явлениями музыкального искусства Чувашии. Автор говорит об интенсивном взаимодействии и отражении в сочинениях творческих идей разных традиций и культур, эпох и стилей: от наследия русской классической школы и традиций западноевропейской классической музыки до примет афроамериканской культуры и оригинальных технических приемов музыки второй половины XX в. Эти наиболее значимые направления отсылают в другие музыкально-художественные пространства, на фоне которых достижения чувашской музыки предстают достойно и с необычайно высокими творческими результатами. Вместе с изучением национального варианта фольклоризма в докладе одновременно характеризуется музыкальная культура Чувашии, конкретизируются ее специфические регионально-культурные и национальные закономерности, благодаря чему уточняются существующие представления о национальном музыкальном искусстве в целом.

Таким образом, в своем докладе Л. Бушуева, выявляя специфические национальные особенности решения проблемы разных форм музыкального фольклоризма, систематизирует интереснейший пласт национального музыкального наследия Чувашии, уточняя на самобытном чувашском материале многообразие подходов композиторов к работе с фольклором и конкретизируя его специфические регионально-культурные и национальные закономерности. Она успешно решает ряд основных исследовательских задач: дает типологичес-

кие характеристики форм фольклоризма и методов работы композиторов с фольклором; дает собственную периодизацию процесса композиторского фольклоризма и рассматривает динамику его эволюции.

Следует отметить, что глубоко исследуя проявления музыкального фольклоризма в чувашском музыкальном искусстве, автор внедряется в общую проблематику современного бытования фольклоризма. По существу, она намечает ряд проблем, которые можно обозначить как соотношение традиций и современности в музыкальном искусстве. Причем эти проблемы существенны для разных национальных культур, поэтому хотелось бы, чтобы автор доклада высказала свое собственное мнение по ряду вопросов, находящихся в этой плоскости.

Поясню, что я имею в виду. Начну с того, что в докладе детально разбираются типы сценического фольклоризма в разные исторические периоды. В числе приоритетных упоминается такой тип интерпретации фольклора как *этнографический концерт*. Хотелось бы услышать от автора, насколько устоявшейся и постоянной была форма проведения этнографических концертов и как она менялась начиная с 1920-х гг. до современного периода. Замечу, что осмысление истории этнографических концертов в сценической практике чувашской культуры в докладе дано достаточно основательно, но в силу ограниченности «пространства и времени» данная форма часто приводится в плане упоминания. Хотелось, чтобы автор обрисовал динамику соотношения фольклора и фольклоризма в разные периоды. Конкретно стоит остановиться на олимпиадах искусств, которые пришли в 1930-е гг. на смену этнографическим концертам предыдущего десятилетия. Бушуева указывает, что олимпиады отличались большими по сравнению с этнографическими концертами 1920-х гг. масштабами. Как известно, сходные мероприятия в это время испытывали сильнейшее влияние формирующейся советской нормативной эстетики, поэтому интересно, что, кроме масштабов, изменилось в фольклоризме практиковавшихся в 1930-е гг. олимпиад искусств?

В докладе справедливо говорится о возрождении традиций 1920-х гг. во второй половине XX в., когда этнографические концерты стали проводиться как «республиканские фольклорные вечера» и «праздники фольклора». Этот вопрос для меня интересен уже потому, что в «новейших» вариантах усиливается роль коллективов, которые называются фольклорными, но степень сохранения глубинных пластов народной культуры у них подчас вызывает сомнение. Необходимость осмысления этой проблемы возникает и потому, что сходные процессы характерны для проявления фольклоризма в разных республиках, в частности в Татарстане, где фольклорные коллективы, участвующие в многочисленных праздниках песни, в своем репертуаре лишь в декларативном плане намечают связь с аутентичным фольклором.

Подводя итог, следует сказать, что представленный Л.И. Бушуевой доклад вносит весомый вклад в современную науку и существенно обогащает понимание такого показательного для искусства Чувашии явления, как музыкальный фольклоризм.

ЧГВ, 2024, № 19

© Е.М. Напольнова. Рец. на: Дегтярёв Г.А. **Чувашский язык в условиях современного общества: проблемы витальности, вариативности и нормативности** / науч. ред. Г.А. Николаев. — Чебоксары: ЧГИГН, 2024. — 48 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 38).

Актуальность научного доклада Г.А. Дегтярёва определяется тем, что проблемы сохранения, развития и обеспечения полифункциональности национальных литературных языков, представляющих собой неотъемлемую часть и условие существования национальных культур, в настоящее время остро стоят на повестке дня вследствие глобализационных процессов в коммуникативной сфере. Укрепление по-

Елена Марковна Напольнова — доктор филологических наук, старший преподаватель кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; e-mail: elenapolnova142@mail.ru.

ложения национальных литературных языков требует существенных объединенных усилий языковедов и профильных специалистов, которые (усилия), ввиду их сложности, объемности, трудо- и времязатратности, должны поддерживаться на уровне государственных программ.

В представленном докладе подробно и четко охарактеризованы особенности функционирования чувашского литературного языка в различных общественно-политических условиях, а также связанные с этим языковые проблемы, которые обусловлены наличием активного чувашско-русского двуязычия. К числу таких проблем в докладе отнесены массовое проникновение в 90-х гг. XX в. в литературный чувашский язык диалектизмов, нарушавших языковую норму, последующий приток англицизмов, образование неологизмов, противоречащих закономерностям чувашского языка и не укладывавшихся в рамки существующих словообразовательных моделей, чрезмерное «разрастание» синонимии и многозначности, несоблюдение орфографической нормы, неразработанность научной и правовой терминологии и некоторые другие.

Автор совершенно правильно характеризует значительную роль массмедиа в упрочении литературной нормы, что требует повышенного внимания к строгому соблюдению языковых норм в средствах массовой информации. Образование неологизмов является естественным процессом во всех живых языках, однако при их создании безусловно необходимо соблюдение лексических и морфологических норм языка и различий в членении лексико-семантических полей между языком-источником и языком-реципиентом, в особенности при использовании калькирования. Не вызывает сомнений, что этот подход должен соблюдаться и в отношении сложных слов и аббревиатур. Вместе с тем представляется, что смысловая насыщенность современных текстов и ограниченность их объемов будут безальтернативно провоцировать дальнейшее упрочение сокращений в чувашском языке.

Автор доклада убедительно демонстрирует, что для развития лексического состава чувашского языка не задействуются в достаточной мере его выразительные средства, а создатели новых слов и выражений идут самым легким путем, не задумываясь о его богатых ресурсах. Однако, по нашему мнению, при этом необходимо учитывать, что действительно созидательный подход к словотворчеству требует очень глубокого знания и тончайшего понимания родного языка, чего трудно ожидать от обычных носителей. Следовательно, это направление языкового строительства должно находиться под «патронажем» лингвистов-чувашеведов.

Такое условие распространяется на различные сферы культуры, права, науки и, в особенности, образования. Г.А. Дегтярёв совершенно прав, отдельно рассматривая положение в терминологической сфере в нескольких областях знаний, поскольку в каждом случае сложилась достаточно специфическая ситуация. В сфере юридической терминологии, а также музыкального и хореографического искусства в качестве основной проблемы выделяется наличие синонимов, используемых для обозначения одного и того же понятия, что противоречит представлению о сущности терминов, призванных обеспечивать единообразное понимание их всеми пользователями. Автор доклада объективно перечисляет критерии пополнения и упорядочения терминологии на чувашском языке, которые могут быть соблюдены только при условии углубленной и целенаправленной совместной работы отраслевых специалистов и языковедов.

В сфере биологической номенклатуры проблему представляет несоответствие общих названий животных и растений их научной классификации. В этой связи следует отметить, что использование одного и того же наименования в отношении генетически далеких видов является характерной особенностью тюркских языков, на которую и ранее обращали внимание лингвисты. Такое положение может объясняться географически очень широким расселением тюркских народов и обилием контактных языков и культур.

В сфере компьютерных технологий проблема заключается в том, что в чувашском языке, как и во всех других, основное количество терминов и понятий являются заимствованиями, образованными от английских корней словами или кальками.

В географической терминологии автор останавливается главным образом на отсутствии единообразия в написании названий улиц, которое соответствовало бы структурным особенностям чувашского языка.

В связи с очень подробно, глубоко и профессионально охарактеризованными разнообразными лексикологическими проблемами в докладе хотелось бы видеть предложения о конкретных мерах, которые могут помочь исправить положение, сложившееся в каждой из рассмотренных сфер деятельности, хотя, возможно, автор доклада не ставил перед собой такой цели. Представляется, что для решения проблемы недостаточно издания отраслевых словарей и другой справочной литературы, и необходимы разнообразные подходы. По нашему мнению, в области права нельзя ограничиваться созданием и совершенствованием двуязычных словарей, а следует обратить внимание на толковые, которые могут обеспечить логическую взаимосвязь между значением и использованием отдельных терминов. В сфере музыки и хореографии следует обратить внимание на практическое применение уточненной системы чувашских терминов в системе специального образования, что требует целенаправленного редактирования учебных пособий и работы с педагогами. В отношении биологической терминологии наиболее действенным средством представляется создание иллюстрированных атласов, прежде всего в формате онлайн, с указанием как бытовых, диалектных названий отдельных видов животных и растений, так и их места в научной классификации, в том числе чувашской. Прежде всего следует разработать номенклатуру флоры и фауны, представленной на территории Чувашской Республики и в граничащих с ней регионах, и на основе полученного опыта переходить к выработке общей терминологической системы. Особенностью компьютерной технологии является активное использование ее представителями профессионального сленга, который уместно взять за основу терминов.

В любом случае сохранение и развитие чувашского языка требует огромных усилий специалистов и должно быть организовано на высоком профессиональном уровне, с учетом структурных особенностей чувашского языка и специфики каждой сферы его использования.

Такой подход позволит избежать ошибок, допущенных, например, в ходе языковой реформы, начатой в Турецкой Республике с целью перехода от староосманского литературного языка к турецкому, и также ставившей основной целью очищение от заимствований. В результате особенностей развития лингвистической науки в Турецкой Республике, недостаточного авторитета Турецкого лингвистического общества, бесконтрольного участия в создании неологизмов представителей разных профессиональных групп без участия лингвистов, а также под влиянием некоторых других факторов оказалась нарушена семантика многих корневых и вспомогательных морфем, непродуманно использовалось калькирование, при словообразовании не соблюдались морфологические модели слов и т. д. Все это привело к хаотичности и размытости языковой нормы и отрицательно отразилось на уровне преподавания родного языка. Подобный негативный опыт также следует учитывать.

Вне зависимости от высказанных замечаний представленный научный доклад Г.А. Дегтярёва «Чувашский язык в условиях современного общества: проблемы витальности, вариативности и нормативности» следует охарактеризовать как очень подробный, высокопрофессиональный и заслуживающий пристального внимания.

ЕГОРОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ

(к 75-летию со дня рождения)

20 февраля исполнилось 75 лет профессору, доктору филологических наук Николаю Ивановичу Егорову — известному тюркологу-компаративисту, исследователю чувашского языка (в первую очередь его истории и этимологии), а также фольклора, этнологии и истории чувашского народа.

Н.И. Егоров родился в 1949 г. в д. Старое Янситово Урмарского района Чувашской АССР. После окончания Синекинчерской восьмилетней школы в 1964 г. поступил в Казанское фармацевтическое училище. В 1972 г. продолжил обучение в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова (ЧГУ).

В 1977 г., окончив чувашское отделение историко-филологического факультета ЧГУ, приступил к работе в Научно-исследовательском институте языка, литературы, истории и этнологии при Совете министров Чувашской АССР (ныне Чувашский государственный институт гуманитарных наук, ЧГИГН). В 1992—1993 гг. был директором Чувашского краеведческого музея (ныне Чувашский национальный музей). В 1992 г. защитил научный доклад на тему «Проблемы генетической и хронотопологической стратификации лексики чувашского языка и теория булгаро-чувашской этноязыковой преемственности» по опубликованным трудам, представленный на соискание ученой степени доктора филологических наук.

В 1993—2004 гг. преподавал в ЧГУ, где выступил организатором кафедр культурологии и тюркологии, в 1995—2004 гг. возглавлял кафедру тюркологии. В 2004 г. Николай Иванович вернулся в ЧГИГН, до 2010 г. занимал должность ведущего научного сотрудника отдела языкознания, в 2010—2012 гг. руководил отделом, затем работал главным (2013—2014) и ведущим (2014—2018) научным сотрудником филологического направления ЧГИГН. В 2020—2021 гг. — ведущий научный сотрудник Центра регионального развития Чувашского республиканского института образования.

В 2023 г. Н.И. Егоров приступил к работе в должности главного научного сотрудника Научно-исследовательского института тюркологии и алтаистики при Казахском национальном университете им. аль-Фараби (г. Алма-Ата, Казахстан), получившего статус исследовательского университета. Институт был создан в октябре 2022 г. для осуществления фундаментальных и прикладных исследований по актуальным проблемам истории тюркоязычных народов, их традиционных культур и языков.

Публикации будущего профессора еще со студенческих лет носили междисциплинарный характер. Со временем приоритетным направлением в его научно-исследователь-

ской деятельности стала не просто лингвистика, а синтез языкознания с историей и культурой этноса. Научное творчество направлено в целом на изучение этнолингвокультурной истории чувашского народа в тесной связи с историей родственных (тюркских) и исторически контактировавших с предками чувашей народов Центральной Евразии. Н.И. Егоров — автор более 400 научных работ, в числе которых публикации по чувашскому этно- и глоттогенезу, критическому осмыслению алтайской теории, древнейшим контактам языков булгаро-чувашского типа, чувашской этимологии и исторической лексикологии, ономастике и диалектологии, чувашским календарным праздникам и обрядам, фольклористике. Многочисленные статьи посвящены разработке концепции огуро-булгаро-чувашского этноглоттогенеза и истории развития непосредственно чувашского языка, хронологически охватывающей период примерно с VIII—VII вв. до н. э. и вплоть до наших дней. Эта концепция опровергает многие сюжеты в сложившейся до него концептуальной парадигме этноязыковой истории степной полосы Евразии. Особый интерес вызывают работы об этнической культурной традиции чувашей, представленной в виде единой фольклорной, обрядовой, религиозной, семейно-нравственной, бытовой, хозяйственной, эстетической структуры, охватывающей все сферы жизни народа.

Николай Иванович много времени посвящает преподаванию в высшей школе. Даже во время работы в научно-исследовательском институте находил возможность для занятий со студентами, составления учебных программ и подготовки методических пособий. А с 1993 по 2004 г. полностью погрузился в вузовскую стихию: в Чувашском государственном университете читал лекции студентам, проводил семинары, принимал зачеты и экзамены, руководил работой студентов над курсовыми и дипломными работами, аспирантов — над диссертациями. Вводил новые дисциплины, составлял для них программы, трансформировал программы наук, преподающихся уже в течение долгого времени, приводя их в соответствие с новыми достижениями и требованиями времени, открывал новые кафедры.

Еще одна важная черта уважаемого юбиляра — его активная общественная позиция: участие в работе общественных организаций, профессиональных коллегий, выступления перед различной аудиторией. Активное сотрудничество со средствами массовой коммуникации, неутомимое стремление донести до как можно большего числа людей научного знания о своем народе, его языке, истории и культуре сделали его легендарной личностью, уважаемой народом не только в пределах Чувашии, но и в регионах с компактным проживанием чувашей.

Николай Иванович поддерживает связи с научными и учебными заведениями Чебоксар, Москвы, Казани, Йошкар-Олы, Уфы, Стерлитамака, Улан-Удэ, Элисты и др. Его труды хорошо знают и ценят в различных центрах тюркологической науки, часто приглашают на крупные научные форумы не только в городах России, но и Казахстана, Кыргызстана, Турции, Китая. Он является членом Национального комитета тюркологов Российской Федерации (больше известного как Российский комитет при Отделении историко-филологических наук РАН) и членом редакционного совета журнала «Российская тюркология». Кроме того, он — член-корреспондент Турецкого лингвистического общества (Türk Dil Kurumu, 2000), член президиума международной ассоциации тюркологов (штаб-квартира в г. Туркестан Республики Казахстан, 2004), почетный профессор КазНУ им. аль-Фараби (2023).

За свой благородный и самоотверженный труд Н.И. Егоров удостоен почетного звания «Заслуженный деятель науки Чувашской Республики» (1999), награжден медалью ордена «За заслуги перед Чувашской Республикой» (2010), орденом «За заслуги перед Чувашской Республикой» (2020), золотой медалью Международной тюркской академии (г. Астана, Казахстан), памятной медалью «300 лет Михаилу Васильевичу Ломоносову» и др.

Н.И. Егоров продолжает активную профессиональную и общественную деятельность. Желаем юбиляру здоровья и плодотворной деятельности, новых свершений в науке.

Основные научные труды

Опыт этимологизации чувашских терминов родства и свойства. I. Мать (Родительница) // Вопросы лексикологии и фразеологии чувашского языка. Чебоксары, 1979. С. 41—68. (Труды / ЧНИИ; вып. 87).

О названиях времен года в тюркских языках // Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. Чебоксары, 1980. С. 43—50. (Труды / ЧНИИ; вып. 97).

Опыт этимологизации чувашских терминов родства и свойства. II. Отец (Родитель) // Исследование по этимологии чувашского языка: сб. статей. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1981. С. 3—46.

Опыт этимологизации чувашских терминов родства и свойства. II. Отец (Родитель) // Исследование по лексикологии и фразеологии чувашского языка: сб. статей. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1982. С. 3—15.

Опыт этимологизации чувашских терминов родства и свойства. II. Отец (Родитель) // Исследования по исторической лексикологии чувашского языка: сб. статей. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1983. С. 3—26.

Историческое развитие общетюркского *a* первого слога в булгаро-чувашском языке // Вопросы фонетики, грамматики и фразеологии чувашского языка: сб. статей. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1983. С. 35—63.

Опыт этимологизации чувашских терминов родства и свойства. III. Старший брат // Этимологические исследования по чувашскому языку: сб. статей. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1984. С. 3—32.

Булгаро-чувашско-кыпчакские этноязыковые отношения в XIII—XVI веках // Булгары и чувашы: сб. статей. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1984. С. 90—102.

Историческое развитие общетюркского *a* первого слога в булгаро-чувашском языке. II // Вопросы истории чувашского языка: сб. статей. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1985. С. 3—28.

Опыт этимологизации чувашских терминов родства и свойства. IV. Старшая сестра // Чувашский язык: Проблемы исторической лексикологии: сб. статей. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1986. С. 3—26.

Женские личные имена низовых чувашей-язычников // Культура и быт низовых чувашей: сб. статей. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1986. С. 88—104.

Женские имена низовых чувашей-язычников. II // Вопросы фонетики, грамматики и ономастики чувашского языка: сб. статей. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1987. С. 54—71.

Оногуры, савиры, булгары и их взаимоотношения в первой половине I тысячелетия н. э. // Чувашский язык: История и этимология: сб. статей. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1987. С. 16—31.

Оногуры, савиры, булгары, угры и их взаимоотношения в первой половине I тысячелетия н. э. Продолжение // Исследования по этимологии и грамматике чувашского языка: сб. статей. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1988. С. 3—18.

Историческое развитие чувашской лексики // Современный чувашский литературный язык. Т. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. С. 128—145.

Проблемы генетической и хронотопологической стратификации лексики чувашского языка и теория булгаро-чувашской этноязыковой преемственности: науч. доклад по опубликованным трудам, представленный к защите на соискание ученой степени д-ра филол. наук. Алма-Ата, 1992. 82 с.

Заговорят ли абашевцы?... (К этимологии гидронима *Сура* и проблеме этноязыковой принадлежности создателей абашевской культуры) // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. 2003. № 4. С. 93—114.

Избранные труды. Этимология. Этноглоттогенез. Этнолингвокультурология: в 2 т. Астана; Чебоксары, 2009. Т. 1. 1016 с.; Т. 2. 848 с.

В нем душа Востока и разум Запада: к 80-летию со дня рождения академика Андраша Рона-Таша. Чебоксары: ЧГИГН, 2011. 96 с.

Откуда мы? Куда идем? Беседы под Древом познания. Чебоксары: Хыпар, 2012. 608 с. В соавторстве.

Динамика формирования национальных концепций идентичности у татар и чувашей: от конфессионального к этнонациональному / науч. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. 51 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 10).

Исторические судьбы терминов *türk* и *t'u-küe* // Туркологиялык зерттеулер. Астана: Сарыарка, 2012. С. 22—64.

О названиях города Шупашкар и Чебоксары // Старые Чебоксары: археология, история, топонимика: сб. статей / сост. и науч. ред. Е.П. Михайлов. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 165—190.

Некоторые методологические подходы к этнокультурной идентификации кочевнических древностей евразийских степей // Гуннский форум: Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов: сб. статей. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2013. С. 321—335.

Проблемы этнокультурной идентификации средневековых древностей Урало-Поволжья: финно-угры или огуры? // *Türkology*. Astana: Prosper Print, 2013. P. 46—85.

О создании космической опоры в чувашских мифах // Мифология чувашей: истоки, эволюция и культурные взаимосвязи: материалы Межрегион. научно-практич. конф. (Чебоксары, 8 октября 2015 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2016. С. 97—118.

Избранные труды по лингвогенезу и этнической истории чувашского народа: в 2 кн. Чебоксары: Новое время, 2017. Кн. 1. 428 с.; Кн. 2. 440 с.

Алтаистика на рубеже XX—XXI веков: итоги и перспективы // Международный форум «Алтайская цивилизация и родственные народы алтайской семьи»: сб. выступлений и статей, посвященных истории народов, имеющих общие алтайские историко-культурные и этногенетические корни (20—22 июля 2017 г.). Бишкек: Турар, 2017. С. 126—141.

Синописис концептуальной парадигмы истории прототюркской этнолингвокультурной общности (I тысячелетие до н. э.) // Сборник статей XI Международного симпозиума «Языковые контакты народов Поволжья и Урала» (Чебоксары, 21—24 мая 2018 г.). Чебоксары: ЧГУ, 2018. С. 32—39.

Ю.Н. Исаев, Э.Е. Лебедев, А.П. Долгова

САЛМИН АНТОН КИРИЛЛОВИЧ

(к 75-летию со дня рождения)

А.К. Салмину, ведущему научному сотруднику Центра европейских исследований Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, доктору исторических наук исполнилось 75 лет.

Антон Кириллович родился 20 октября 1949 г. в д. Старое Ахпердино Батыревского района Чувашской АССР. В 1968—1970 гг. служил в Воздушно-десантных войсках, сержант, командир отделения.

В 1975 г. с отличием окончил историко-филологический факультет Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова. С 1979 по 1983 г. — соискатель, с 1983 по 1986 г. — аспирант-очник группы общих проблем Ленинградской части Института этнографии АН СССР, защитил диссертацию «Типология этнографических связей чувашских сказок о паттырах» (1986). С 1989 по 1992 г. являлся докторантом-очником группы религиоведения Института этнологии и антропологии АН СССР/РАН в Москве, защитил диссертацию «Народная религиозно-обрядовая система чувашей» (1992). Научная специальность — «Этнология». Основные научные интересы — история и этнография чувашей и их исторических соседей.

В 1974—1983 гг. А.К. Салмин работал в должности старшего лаборанта, ассистента по фольклористике в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова (ЧГУ), библиографом Государственной книжной палаты Чувашской АССР, переводчиком в редакции республиканской газеты «Коммунизм ялавл». С 1986 по 2004 г. — старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник, руководитель лаборатории религиоведения Чувашского государственного института гуманитарных наук. Одновременно работал профессором в Чувашском государственном педагогическом университете им. И.Я. Яковлева (2000—2001) и ЧГУ (2002—2004), преподавал этнологические дисциплины. В 2004 г. Антон Кириллович приступил к работе в Библиотеке РАН в должности старшего научного сотрудника, в том же году стал ведущим научным сотрудником Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

А.К. Салмин является автором 296 научных работ (в том числе 20 монографий) по этнологии и истории чувашей и их исторических соседей. Он активно печатается в странах дальнего и ближнего зарубежья (Баку, Белград, Берлин, Бразилиа, Брюссель, Будапешт, Бухарест, Конья, Киото, Льюистон, Милан, Нью-Йорк, Оттава, Саарбрюккен, Ташкент, Висбаден, Ереван, Минск, София). Работы Антона Кирилловича Салмина публиковались на английском, болгарском, итальянском, немецком, русском, сербском, турецком, французском и чувашском языках. Индекс Хирша по публикациям в РИНЦ — 14.

Среди основных научных достижений ученого — создание первого монографического анализа этнической истории чувашского народа, подготовка и издание первой монографии об академических исследованиях этнической самобытности чувашского народа, выполнение первого монографического исследования чувашских сказок о богатырях. Он также является автором первого научного обоснования системы традиционных обрядов и верований чувашей. Его учителями в науке являлись академик РАН И.М. Стеблин-Каменский, член-корреспондент РАН С.А. Арутюнов, доктор исторических наук Н.Л. Жуковская, доктор филологических наук Б.Н. Путилов, профессор Питер Голден. А.К. Салмин — единственный доктор исторических наук из числа чувашей, работающий ныне в институте Российской академии наук.

А.К. Салмин удостоен Президентской стипендии РФ в области науки «Выдающиеся ученые России» (1997—2000). Он проводил исследования в рамках грантов Программы фундаментальных исследований Президиума РАН [«История адаптации чувашей в Петербурге: XVIII в.», 2006—2008; «Тексты традиционной культуры чувашей (материалы Научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук)», 2012—2014], Российского фонда фундаментальных исследований («Народная обрядность чувашей», 1994), Российского гуманитарного научного фонда («Семантика дома чувашей», 1997), Санкт-Петербургского научного центра РАН [монография «Система религии чувашей», 2007; организация и проведение фотовыставки в Чувашском государственном институте гуманитарных наук «Чуваши: Материалы из фондов Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН», 2013], Музея антропологии и этнографии РАН («Материалы о чувашах в архиве Société Finno-Ougrienne, Helsinki», 2010), Edwin Mellen Press («The Encyclopedia of Chuvash Folk Rites and Beliefs», Lewiston, USA, 2011), издательского гранта Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России» (2016).

А.К. Салмин — член-корреспондент Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики (1996—2004); член диссертационных советов по защите кандидатских и докторских диссертаций по специальностям «Этнография, этнология, антропология», «Отечественная история» и «Языки и литература народов России» при ЧГУ, по специальности «Этнография, этнология, антропология» при Ульяновском государственном педагогическом институте (1997—2004). В 1999—2004 гг. — член Ученого совета ЧГИГН. С 2008 г. — член Диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций при МАЭ РАН. Среди учеников — три кандидата исторических наук (Н.С. Волкович, Е.В. Кондратьева и Т.В. Семенова). Об авторитете Антона Кирилловича в ученом мире говорит и то, что он в течение ряда лет выступает экспертом Российского научного фонда (2015—2024), был экспертом Российского фонда фундаментальных исследований (2013—2020). А.К. Салмин — член Ассоциации этнологов и антропологов России (с 1989 г.), Японского общества славянских и восточноевропейских исследований (Japanese Society for Slavic and East European Studies) (2009—2019), Европейской ассоциации по изучению религии (European Association the Study of Religion) (2010—2013). Он является членом редколлегии журналов из списка ВАК «Вестник Чувашского университета» (2014—2024), «Этническая культура» (2020—2024) и журналов, индексируемых в РИНЦ, — «Известия УФИЦ РАН. Серия: История. Филология. Культура», «Чувашский гуманитарный вестник». Выступал официальным оппонентом на защитах 12 докторских и 16 кандидатских диссертаций в Санкт-Петербурге, Москве, Новосибирске, Ижевске, Казани и Чебоксарах по специальностям «Этнология», «История», «Фольклористика», «Философия», «Искусствознание», «Педагогика».

Кроме того, Антон Кириллович ведет активную общественную жизнь. В 2007—2009 гг. на общественных началах редактировал газету региональной общественной организации «Санкт-Петербургское чувашское объединение» «Питерские чуваш». Является научным консультантом Чувашской национально-культурной автономии Санкт-Петербурга и Ленинградской области (2019—2024), членом Союза журналистов России (с 1979 г.). Удостоен почетного звания «Ветеран труда» (2009).

А.К. Салмин имеет серию наград и благодарственных писем: медаль «За воинскую доблесть» (1970), Благодарственное письмо Президента ЧР (1999), Почетная грамота Президиума Государственного Совета ЧР (1999), Почетная грамота Национальной академии наук и искусств ЧР (1999), премия имени члена-корреспондента РАН Н.Я. Бичурина Национальной академии наук и искусств ЧР (2001), Почетная грамота Санкт-Петербургского научного центра РАН (2009), диплом МАЭ РАН за книгу «Энциклопедия традиционных обрядов и верований чувашей» «Лучшая научная монография 2012 года», Благодарность МАЭ РАН (2012, 2022), «Заслуженный деятель науки Чувашской Республики» (2015), Почетная грамота Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела ЧР (2015), Благодарственное письмо от Чувашского государственного института гуманитарных наук (2015), сертификат «50 лучших региональных изданий» за монографию «Праздники, обряды и верования чувашского народа» (2016), Благодарственное письмо Российского этнографического музея (2018), Почетная грамота Чувашского национального конгресса (2019), Почетная грамота Батыревского района Чувашской Республики (2019), памятная медаль «100-летие образования Чувашской автономной области» (2020), диплом Дома дружбы Ленинградской области за участие на всенародном празднике «Акатуй» (2021). Фотография и краткая биография А.К. Салмина в числе лучших выпускников размещены на сайте Чувашского государственного университета в разделе «Наши выпускники» (2016—2024).

С публикациями ученого можно познакомиться на его личном сайте (<https://salmin-ak.com/>).

Коллектив Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН искренне поздравляет юбиляра и благодарит руководство Чувашского государственного института гуманитарных наук за предоставленную возможность.

Основные научные труды

- Народная обрядность чувашей. Чебоксары: ЧГИГН, 1994. 339 с.
- Традиционные обряды и верования чувашей. СПб.: Наука, 2010. 239 с.
- Система религии чувашей. СПб.: Наука, 2007. 653 с.
- The Savirs in the Caucasus // *Acta Ethnographica Hungarica: An International Journal of Ethnography*. 58 (1). 2013. P. 197—201.
- Ethnographical Sources about the Origin of the Chuvash / A. Salmin // *Japanese Slavic and East European Studies*. 2013. Vol. 34. P. 95—104.
- Savirs — Bulgars — Chuvash. Ed. Peter Golden. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2014. 147 p.
- Угорская глава в истории чувашей // *Этнографическое обозрение*. 2014. № 2. С. 153—166.
- История чувашей в их этнонимах // *Вестник Чувашского университета*. 2014. № 4. С. 71—85.
- Традиционная культура чувашей: материалы научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2014. 358 с.
- Българите: от Армения до Казан / научен редактор Ружа Нейкова / превод на бълг. ез. Живко Войников. София: Бъдник, 2016. 51 с.
- Праздники, обряды и верования чувашского народа / науч. ред. член-корреспондент РАН С.А. Арутюнов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2016. 688 с., ил.
- История чувашского народа: савирская гипотеза. Чебоксары: ЧГИГН, 2016. 126 с.
- History of the Bulgars: from Armenia to Kazan // *Bulgarian historical Review*. 2017. № 1—2. P. 3—17.

История чувашского народа: анализ основных версий. СПб.: Нестор-История, 2017. 464 с.

Свадебные платки во времени и пространстве // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск. 2017. № 3. С. 106—118.

Савиры, булгары и тюрко-монголы в истории чувашей. СПб.: Нестор-История, 2019. 296 с.

Две курьезные версии о происхождении чувашского народа // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Т. 26. № 2. С. 35—39.

Уход чувашей в татары и потеря идентичности // Былые годы: Российский исторический журнал. 2020. Вып. 2. С. 387—397.

The History of the Chuvash People in Ethnographic Facts // Revista Turismo: Estudos & Práticas. Brazil. 2020. № 2. P. 1—12.

The Beer Tradition of the Chuvash // Issues in Ethnology and Anthropology, n. s. Belgrade. Vol. 15. Is. 2 (2020). P. 523—532.

Изучение Среднего Поволжья в Петербургской академии наук в XVIII веке. СПб.: Нестор-История, 2020. 176 с.

Жанровые особенности богатырских сказок: теоретические изыскания // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 70. С. 285—297.

Академические исследования этнической самобытности чувашей. СПб.: Нестор-История, 2022. 332 с.

Genetic Geography of the Historical Ancestors of the Chuvash // Advances in Anthropology. 2022. № 12. P. 9—17.

Рассуждение о науке и о жизни // Этнография. 2022. № 2. С. 238—251.

The Migration History of the Savirs // Journal of Frontier Studies. 2023. № 2. P. 331—351.

Тайна геродотовских каспиров // Этнографическое обозрение. 2023. № 1. С. 5—22.

Традиционные материалы строительства жилья у чувашей: историко-этнографические аспекты // Наследие веков. 2023. № 4 (36). С. 99—107.

The Armenian tracks in the history of the Chuvash / A. K. Salmin // Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye Otnosheniya. 2024. Vol. 29. № 2. P. 27—35.

Этническая история чувашей на савиро-булгарском перепутье. СПб.: Нестор-История, 2024. 336 с.

*В.Н. Давыдов, зам. директора
МАЭ РАН по научной работе*

ИВАНОВ АНАНИЙ ГЕРАСИМОВИЧ

(к 70-летию со дня рождения)

1 января 2024 г. исполнилось 70 лет доктору исторических наук, профессору, заведующему кафедрой отечественной истории Марийского государственного университета Аниану Герасимовичу Иванову.

А.Г. Иванов родился 1 января 1954 г. в многодетной марийской крестьянской семье в д. Важнангер Горномарийского района Марийской АССР (ныне Горномарийского муниципального района Республики Марий Эл). В 1961—1969 гг. учился в Малосундырской восьмилетней, в 1969—1971 гг. — в Усолинской средней школах.

В 1971—1976 гг. обучался в Чебоксарах у профессоров В.Д. Димитриева, П.В. Денисова, И.Д. Кузнецова, В.Ф. Каховского и других преподавателей на историческом отделении историко-филологического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, который завершил успешной защитой дипломной работы по истории государственных крестьян Козьмодемьянского уезда конца XVIII — первой половины XIX в. (научный руководитель доцент Д.М. Макаров).

После окончания университета выпускник А.Г. Иванов был приглашен в Йошкар-Олу и в августе 1976 г. принят на работу на должность младшего научного сотрудника сектора истории Марийского научно-исследовательского института при Совете министров Марийской АССР, в декабре 1976 г. избран по конкурсу на должность ассистента кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета. В декабре 1979 г. поступил в очную целевую аспирантуру при кафедре истории СССР периода феодализма исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (МГУ). В октябре 1982 г. на специализированном совете при историческом факультете МГУ защитил кандидатскую диссертацию по теме «Крестьянство Марийского края в XVIII веке», выполненную под научным руководством известного ученого, доктора исторических наук, профессора М.Т. Белявского.

В ноябре 1982 г. вновь приступил к работе в должности ассистента кафедры истории СССР Марийского университета, в июне 1983 г. избран на должность старшего преподавателя, в 1987 г. — доцента этой же кафедры. В 1986—1987 гг. работал заместителем декана историко-филологического факультета. С 1988 г. по настоящее время является заведующим кафедрой отечественной истории (до 1992 г. — истории СССР), одновременно в 1999—2003 гг. был проректором по научной работе Марийского государственного университета.

В 1993—1994 гг. находился в должности старшего научного сотрудника в связи с завершением докторской диссертации. В ноябре 1995 г. на специализированном совете исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова защитил докторскую диссертацию на тему «Социально-экономическое развитие деревни и города Марийского края в XVIII веке» (научные консультанты — профессор М.Т. Белявский; академик РАН, заведующий кафедрой истории России до начала XIX в. МГУ им. М.В. Ломоносова профессор Л.В. Милов). В том же году избран на должность профессора. В 1996 г. Высшей аттестационной комиссией А.Г. Иванову присуждена ученая степень доктора исторических наук, в мае 1997 г. Министерством общего и профессионального образования Российской Федерации ему присвоено ученое звание профессора.

Почти полвека А.Г. Иванов трудится в Марийском государственном университете. Он проявил себя как вдумчивый исследователь, высокопрофессиональный специалист, мастер своего дела, требовательный и отзывчивый педагог. Внес значительный вклад в становление и развитие исторического образования и исторической науки в Марийском государственном университете, где он длительное время возглавляет научное направление «Историко-культурное развитие народов России зарубежных стран» и научную школу «Актуальные проблемы истории Марий Эл и региональной археологии».

Научная работа А.Г. Иванова связана с разработкой социально-экономических, социально-политических и социокультурных проблем истории Марийского края и Средневолжского региона раннего Нового времени и Нового времени, главным образом XVIII в. Область его научных интересов включает историю России, российское крестьяноведение, историю городов, аграрную, региональную, этническую и социокультурную историю, археологию, краеведение.

В своих исследованиях А.Г. Иванов впервые в целостном виде рассмотрел слабо разработанные проблемы истории марийского и других народов региона Среднего Поволжья и Марийского края, представив собственную концепцию развития одного из полиэтничных и многосословных регионов страны в системе Российского государства конца XVI—XIX вв. Результаты проделанной научной работы в обобщенном виде нашли отражение в написанных А.Г. Ивановым в соответствующих главах коллективных монографий, учебниках, учебных пособиях. В последние два десятилетия внимание ученого привлекли и вопросы развития культуры и образования, в том числе история народного просвещения, общеобразовательной и высшей школы.

Как знаток исторических источников и археограф А.Г. Иванов внес большой вклад в расширение документальной базы исторических исследований. Опубликованные им документы позволяют глубоко и всесторонне изучать многие вопросы социально-экономической, политической истории и культурной жизни народов и региона Среднего Поволжья в XVI—XIX вв.

Различные аспекты исследуемой проблемы в качестве докладов и сообщений были представлены А.Г. Ивановым к обсуждению на международных, всероссийских, межрегиональных и республиканских научных конференциях. Он является одним из организаторов проведения научных конференций историков-аграрников Среднего Поволжья и исследования проблем истории средневожских городов.

Научно-исследовательская работа А.Г. Иванова очень результативна. Им опубликовано свыше 500 научных и учебно-методических трудов, в том числе 30 монографий, учебных пособий и сборников документов.

Педагогическая деятельность А.Г. Иванова связана с его преподавательской работой со студентами, аспирантами и соискателями. В качестве преподавателя А.Г. Иванов ведет лекционные и семинарские занятия по истории России раннего Нового времени и Нового времени, российскому крестьяноведению, истории сословий, государственных учреждений, государственного управления, введению в историю, вспомогательным историческим дисциплинам. Длительное время он возглавляет кафедру отечественной истории. На этом поприще А.Г. Иванов проявил себя как организатор коллектива, требовательный руководитель, уважаемый коллега. Им сделано немало в организации учебного процесса, проведении учебных, музейных, архивных и археографических практик, подготовке будущих историков, преподавателей и ученых. Как заведующий он прилагал и прилагает большие усилия по обеспечению учебного процесса современной научной и учебно-методической литературой. Кафедра с благодарностью приняла щедрый дар его научного руководителя, профессора Московского университета М.Т. Белявского — библиотеку в несколько тысяч томов, ставшую основой кабинета отечественной истории и читального зала историко-филологического факультета. Кафедра под руководством А.Г. Иванова добилась больших творческих успехов. Здесь работают 3 доктора исторических наук, профессора. Результативно работает аспирантура, 14 аспирантов А.Г. Иванова защитили кандидатские диссертации.

А.Г. Иванов в качестве главного редактора возглавляет основанный им в 1991 г. научно-практический ежегодник «Марийский археографический вестник». Входит в состав редколлегий журналов «Вестник Марийского государственного университета», «Вестник Чувашского университета», «Финно-угроведение», «У сем», «Из истории и культуры народов Среднего Поволжья» (г. Казань), «Исторический вестник» (г. Чебоксары).

А.Г. Иванов является заместителем председателя объединенного диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций при Чувашском и Марийском государственных университетах, членом Научно-технического совета, Ученого совета историко-филологического факультета и Марийского государственного университета; научного совета по аграрной истории при Отделении истории РАН; председателем Марийского регионального отделения Российского общества историков-архивистов; научным и ответственным редактором многих сборников статей, рецензентом монографий, учебных пособий, официальным оппонентом докторских и кандидатских диссертаций. Профессор А.Г. Иванов поддерживает научные связи с ведущими вузами страны и зарубежными коллегами.

Научная и педагогическая деятельность А.Г. Иванова отмечена различными наградами. Он является заслуженным работником высшей школы Российской Федерации, почетным работником высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженным деятелем науки Республики Марий Эл, лауреатом Государственной премии Республики Марий Эл, Почетным профессором Марийского государственного университета, почетным гражданином Горномарийского района; награжден знаком отличия «Ветеран» Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, медалью ордена «За заслуги перед Марий Эл», памятной медалью «Служение народу» в честь 100-летия Марий Эл, орденом «За заслуги перед Марий Эл» II степени, медалью «За заслуги перед городским округом «Город Йошкар-Ола»», различными грамотами, благодарностями и дипломами.

Имя А.Г. Иванова известно как в отечественной, так и зарубежной исторической науке, о чем свидетельствуют специальные статьи о нем в энциклопедиях и биобиблиографических словарях-справочниках. 70 лет — хороший повод для подведения некоторых итогов и реализации новых планов.

Основные научные труды

История Марийской АССР: кол. монография. Т. 1. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1986. С. 66—95, 95—120, 156—159.

Крестьянская война под предводительством Е.И. Пугачева в Марийском крае: документы и материалы. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. 184 с.

Марийцы Поволжья и Приуралья (по их наказам в Уложенную комиссию 1767—1768 гг.). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1993. 104 с.

Очерки по истории Марийского края XVIII века. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1995. 368 с.

Монастырская колонизация Марийского Поволжья. По материалам Спасо-Юнгинского монастыря Козьмодемьянского уезда. 1625—1764 гг.: Исследование. Тексты документов. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2000. 464 с. В соавторстве.

Русская палеография: учеб. пособие. М.: ЛОГОС, 2003. 343 с. В соавторстве.

Акпарс: исследования и материалы / сост. Г.Н. Айплатов, А.Г. Иванов. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2007. 216 с.

Купчие акты горожан Козьмодемьянска XVII—XVIII веков / сост., предисл. и коммент. А.Г. Иванова. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2007. 168 с. (История и культура народов Марий Эл в документальных памятниках).

Козьмодемьянск в конце XVI — начале XX веков: документы и материалы по истории города / сост., предисл. и коммент. А.Г. Иванова. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2008. 616 с. (История и культура народов Марий Эл в документальных памятниках).

Энциклопедия Республики Марий Эл. Йошкар-Ола, 2009. С. 87—91, 283, 301, 322, 328, 351, 436, 452, 472, 550, 579, 616, 638, 662, 729, 770, 846.

Царевококшайск в конце XVI—XVIII веков. Очерки по истории уездного города: монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2011. 440 с.: ил.

История Марийского края в лицах. XIV — начало XX веков. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2012. С. 90—96.

Исследования по истории Среднего Поволжья (XVI — начало XX вв.) / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2013. 384 с.

Источники по истории и культуре народов Волго-Вятского региона (XVIII — начало XX вв.) / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2013. 544 с.

Историки Марий Эл XX — начала XXI века: биобиблиографический справочник / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2013. 216 с. В соавторстве.

Михаил Тимофеевич Белявский: К 100-летию со дня рождения. М.: Исторический факультет МГУ, 2013. 72 с. (Труды исторического факультета МГУ: вып. 63. Сер. IV. Биобиблиографии: 4). В соавторстве.

История татар с древнейших времен. Т. 5: Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI—XVIII вв.). Казань, 2014. С. 320—329.

Палеографическая школа профессора В.Д. Димитриева (К 90-летию со дня рождения) // Марийский археографический вестник. Йошкар-Ола, 2014. Вып. 24. С. 217—228.

История Марий Эл: учеб. пособие. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2015. 300 с. В соавторстве.

Традиционная семья горных марийцев в источниках начала XVIII века: монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2017. 416 с.: ил.

Нотариат Марий Эл: исторические очерки: монография. Йошкар-Ола, 2018. 304 с.: ил. В соавторстве.

История и культура народов Республики Марий Эл: информационно-просветительский сборник: в 2 ч. Ч. 1. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2018. 256 с.: ил. В соавторстве.

История и культура народов Республики Марий Эл: информационно-просветительский сборник: в 2 ч. Ч. 2. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2019. 256 с.: ил. В соавторстве.

Традиционная крестьянская семья горных марийцев в XIX — начале XX века: монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2019. 252 с. В соавторстве.

История Марий Эл с древнейших времен до наших дней. Т. 1. История Марий Эл с древнейших времен до начала XX века / отв. ред. А.Г. Иванов. Йошкар-Ола: Мар. НИИЯЛИ им. В.М. Васильева, 2020. С. 3—8, 97—301, 400—401, 521—524.

Женщины Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2021. 232 с. В соавторстве.

Источники истории города Козьмодемьянска конца XVI—XVIII веков: тексты документов и материалов / автор предисл., коммент. А.Г. Иванов. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2022. 436 с.

Марийский государственный университет. 50 лет. 1972—2022: иллюстрированное издание / Мин-во науки и высшего образования Рос. Фед., Мар. гос. ун-т; отв. ред. А.Г. Иванов. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2022. С. 7—25.

Научные миры профессора К.И. Козловой — к столетию со дня рождения: кол. монография / под ред. О.Е. Казьминой, В.В. Карлова, Г.Ю. Устьянцева. СПб.: Алетейя, 2022. 262 с.: ил. (Труды исторического факультета МГУ; вып. 218. Сер. 2: Исторические исследования, 148). С. 65—73.

История Йошкар-Олы / отв. ред. А.Г. Иванов, О.А. Кошкина, Е.П. Кузьмин. Йошкар-Ола: Мар. НИИЯЛИ им. В.М. Васильева, 2024. С. 3—112.

Исследования и источники по истории Марий Эл конца XVI—XX веков: науч. издание / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2024. 420 с.

И.И. Бойко

ИЛЬИНА ГАЛИНА ГЕННАДЬЕВНА

(к 55-летию со дня рождения)

30 декабря 2024 г. исполняется 55 лет ведущему научному сотруднику филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук, кандидату филологических наук, доценту по специальности «Фольклористика» Галине Геннадьевне Ильиной.

Г.Г. Ильина родилась 30 декабря 1969 г. в д. Старое Котьяково Батыревского района Чувашской АССР (ныне Батыревский муниципальный округ Чувашской Республики). Окончила Старокотьяковскую 8-летнюю школу (1985), Батыревскую среднюю школу № 2 с серебряной медалью (1987), факультет чувашской филологии и культуры по специальности «Чувашский язык и литература» (1992) и аспирантуру Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (2003). Научный руководитель — доктор филологических наук, профессор В.Г. Родионов. Своими учителями-наставниками считает профессоров Виталия Григорьевича Родионова и Николая Ивановича Егорова. В 2006 г. в Удмуртском институте истории, языка и литературы Уральского отделения РАН успешно защитила кандидатскую диссертацию по теме «Несказочная проза в системе жанров чувашского фольклора».

В трудовой книжке юбиляра несколько записей: учеба в университете (1987—1992), которую совмещала с трудовыми буднями на Чебоксарской лентоткацкой фабрике в 1989 и 1991 гг., Сенгилеевском педагогическом училище с января по март 1992 г., затем работа в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова (1992—2019) и в Чувашском государственном институте гуманитарных наук (с 2019 г.). Педагогическую деятельность в вузе она продолжает и по сегодняшний день, ведет теоретические и практические занятия по чувашскому устному народному творчеству на 1-м и 2-м курсах факультета русской и чувашской филологии и журналистики.

В ЧГУ им. И.Н. Ульянова Г.Г. Ильина последовательно занимала должности преподавателя-стажера и ассистента кафедры чувашской литературы (1992—1993), старшего преподавателя кафедры тюркологии (1994—2002), старшего преподавателя кафедры востоковедения (2002), старшего преподавателя кафедры чувашской литературы и доцента кафедры чувашского и сравнительного литературоведения (2002—2007), доцента кафедры чувашской филологии и культуры (с 2015 г.). В 2011—2019 гг. была заместителем декана по научной, а затем по учебной работе факультета русской и чувашской филологии и журналистики.

С февраля 2018 г. приступила к работе в отделе литературоведения и фольклористики ЧГИГН в качестве ведущего научного сотрудника (по совместительству). В том же году отдел преобразован в две самостоятельные секции филологического направления — по литературоведению и фольклористике. Руководство деятельностью фольклористов поручено Галине Геннадьевне.

Научные работы Г.Г. Ильиной известны в ученом мире не только в пределах Чувашии, но и в Волжско-Уральском регионе в целом. Будучи высококвалифицированным специалистом по фольклору как чувашей, так и других тюркских, а также финно-угорских народов, она опубликовала ряд научно-проблемных статей, касающихся демонологических персонажей чувашской, татарской и башкирской мифологии, историко-типологические и сравнительно-сопоставительные публикации о существах из марийских, удмуртских и мордовских мифов. На сегодня она — единственный в Чувашии кандидат наук по специальности «Фольклористика».

Г.Г. Ильина последовательно и многогранно исследует чувашскую народную прозу, в различных российских, республиканских и вузовских журналах и сборниках научных трудов опубликовала более сорока научных статей по этой области фольклористики. В них рассмотрены такие жанры чувашского фольклора, как сказания об исполинах *Улап*, исторические и топонимические предания, былички (*ыр-усал халапĕсем*) и т. д.

В круг интересов Г.Г. Ильиной входит и такая актуальная тема, как рассмотрение параллелей в мифологии чувашей и других этносов. «В своих исследованиях она через сопоставительное изучение с фольклором соседних тюркских и финно-угорских этносов показывает особенности чувашской картины мира, доказывает, что система образов и мотивов чувашского фольклора сочетает в себе наследие, идущее из глубин пратюркской общности» (Ученые Чувашского государственного института гуманитарных наук. Год 2020-й: научно-справочное издание. Чебоксары: ЧГИГН, 2020. С. 90).

Опубликованные труды юбиляра показывают, что Галина Геннадьевна является исследователем демонологии чувашской, тюркской, финно-угорской. Подтверждение этому можно увидеть в составленных ею исследованиях таких персонажей, как *Шуйттан*, *Шатан* / *Шатун* / *Шатъм* / *Шатон*, *Вупăр*, *Вупкăн*, *Суккăр Хвери* (*Пери*), *Инкек* / *Имкек*, *Арсури*, *Върман*, *Върман амăш*, *Върман ашшĕ*, *Върман ийи*, *Упăте*, *Описан*, *Усал*, *Эсерл* / *Чун илли*, *Киремет*, *Юхха* / *Ювха*, *Астаха*, *Алпастă*, *Вĕре сĕлен* / *Врислен* и др. В сфере исследовательских интересов фольклориста — сюжеты, связанные с представлениями чувашей о меже (*йăран* / *чикĕ*), перекрестке (*сул тăваткалĕ*), домашней змее (*кил сĕленĕ*) и домашней жабе (*кил шапи*), мифологемах «строительной жертвы», колдовстве (*ăрăмлани/асамлани*) и колдунах (*тухатмăш*) и т. п.

Она подготовила и издала учебные пособия и методические пособия для студентов вузов, посвященные как целому курсу по чувашскому фольклору («Чăваш халăх сăмахлăхĕ. Практикум», 1999; «Чăваш халăх сăмахлăхĕ. Спецкурс программы», 2007, в соавт.; «Чăваш халăх сăмахлăхĕ. Халăх прози», 2016), так и отдельным фольклорным персонажам («Чăваш халăх сăмахлăхĕ. Върманти ыр-хаярсем», 2017). Является составителем и научным редактором сборников статей Межрегиональной научно-практической конференции «Фольклор народов Поволжья и Урала: жанры, поэтика, проблемы изучения» (2021), научного форума «Традиционный и современный фольклор народов Волго-Уралья», посвященного 100-летию со дня рождения фольклориста И.И. Одюкова (2024).

Значителен вклад Г.Г. Ильиной в изучение фольклорных традиций и устно-поэтических мотивов в произведениях чувашской изящной словесности. В статьях, посвященных творчеству мастеров художественного слова (например, М. Сеспеля, А. Воробьева), она прослеживает сюжеты, явно и неявно связанные с фольклорными мотивами и традициями. В этом же русле можно рассматривать изданный отдельной книгой сборник фольклора малой родины классика чувашской литературы К.В. Иванова («Слакпуç сăл куçсем: К.В. Иванов сĕр-шывĕнчи сăмахлăх», 2010; в соавт.) и подготовленную рукопись «Енчĕ сăл куçсем: П.П. Хусанкай сĕр-шывĕнчи сăмахлăх». Кроме того, в публикациях ученого анализируются модернистские тенденции в чувашской литературе начала XX в., фольклорно-мифологическая семантика фитонимов в поэтике чувашских произведений, и ряд других вопросов, нахо-

дящихся на стыке фольклористики и лингвистики (например, почему же чувашскую книгу «съела корова?»).

С 2018 г. Чувашским государственным институтом гуманитарных наук издается двуязычная серия свода «Чувашское народное творчество», под руководством Г.Г. Ильиной подготовлены и увидели свет четыре тома в шести книгах. Она занималась научным редактированием томов рекрутских песен средненизовых и верховых чувашей (т. 2, 2021), низовых и этнотерриториальных групп чувашей (т. 3, 2022). Стала одним из составителей тома быличек (т. 4 в 2 книгах — кн. 1, 2023; кн. 2, 2024), автором предисловия, комментариев, указателей ключевых слов к нему.

Г.Г. Ильина не замыкается в рамках академической науки и преподавательской деятельности. Она является научным консультантом анимационного фильма «Чăваш тĕнчи» (Чувашский мир, 2010, режиссер В.П. Галошев), соавтор цикла передач «Эткер» на национальном радио Чувашии, была консультантом спектакля «Шуйттан чури» Чувашского государственного академического драматического театра.

За плодотворную и многолетнюю научно-педагогическую работу и добросовестное отношение к выполнению должностных обязанностей Г.Г. Ильиной вручены Благодарность министра образования и молодежной политики Чувашской Республики (2019), Благодарственное письмо депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (2020).

Поздравляем Галину Геннадьевну с юбилеем, желаем новых творческих успехов на стезе науки, крепкого здоровья и долгих лет жизни.

Основные научные труды

Демонологические персонажи в чувашской народной мифологической прозе // Чувашская филология и культура: материалы науч. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1998. С. 21—24.

Демонимы в чувашском языке // Ономастика и языки Урало-Поволжья: материалы регионал. конф. (Чебоксары, 13—14 ноября 1997 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2002. С. 161—169.

О некоторых особенностях чувашских топонимических преданий // Вестник Чувашского университета. 2006. № 4. С. 396—399.

Ритуальные формы по избеганию/изгнанию демонологических персонажей по данным чувашских и удмуртских быличек // Язык. Культура. Познание: межвузов. сб. науч. трудов. Чебоксары: Новое время, 2006. С. 75—82.

К вопросу о типологизации семантической деривации названий демонических персонажей чувашского фольклора (на примере демонима *Шуйттан* 'дьявол') // Пермистика 10: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: материалы X Междунар. симпозиума «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» (Ижевск, 24—25 марта 2004 г.). Ижевск: Удмурт. ун-т, 2009. С. 167—170.

Проблемы атрибуции демонологической номенклатуры в фольклоре (на примере персонажей леса) // Актуальные проблемы современной фольклористики: материалы Междунар. научно-практич. конф. (Казань, 29 июня 2009 г.) / ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ; сост. и отв. ред. Ф.И. Урманчеев. Казань: Алма-Лит, 2009. С. 291—292.

Традиционные представления чувашей о Вупър и Вупкән // Проблемы филологии народов Поволжья: материалы Всерос. научно-практич. конф. (Москва, 17—19 апреля 2014 г.). Вып. 8. М.: Ярославль: Ремдер, 2014. С. 100—106.

Мифологема «строительной жертвы» по данным чувашского фольклора // Мифология чувашей: истоки, эволюция и культурные взаимосвязи: материалы Межрегион. научно-практич. конф. (Чебоксары, 8 октября 2015 г.) / сост. и отв. ред. А.П. Леонтьев. Чебоксары: ЧГИГН, 2016. С. 150—157.

Улыпы в контексте фольклорно-образных параллелей Урало-Поволжья // Проблемы Марийской и сравнительной филологии ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет» / сост. и отв. ред. Р.А. Кудрявцева. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2016. С. 252—256.

Чăваш халăх сăмахлăхĕ. Халăх прози: вĕренÿпе методика пособийĕ. Шупашкар: Чăваш ун-чĕ, 2016. 119 с.

Перекресток (чув. *сул тăваткалĕ*) в традиционном представлении чувашей // Ашмаринские чтения: сб. трудов X Междунар. научно-практич. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. С. 206—207.

Чăваш халăх сăмахлăхĕ. Вăрманти ыр-хаярсем: вĕренÿ пособийĕ. Шупашкар: Чăваш ун-чĕ, 2017. 116 с.

Вербально-акциональные приемы избегания / изгнания злых духов в традиционной чувашской культуре (по материалам Н.И. Золотницкого): в 3 ч. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 6 (84). Ч. 1. С. 16—19. В соавторстве.

Персонажи леса чувашского фольклора: в 3 ч. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 7 (85). Ч. 1. С. 37—41.

Чувашские древние обряды, связанные с выбором места поселения // Языковые контакты народов Поволжья и Урала. Проблемы регионального литературоведения и фольклористики: материалы XI Междунар. симпозиума. Чебоксары: ЧГИГН; ЧГУ им. И.Н. Ульянова, 2018. С. 67—74.

Классификация жанров сказочной прозы в чувашской и марийской фольклористике как научная проблема // Чуваш и марийцы — соседи по «общему дому»: материалы Межрегион. научно-практич. конф. (Большой Сундырь, Кулаково, 17 мая 2019 г.) / сост. и отв. ред. Г.А. Николаев; ЧГИГН, МарНИИЯЛИ. Чебоксары: ЧГИГН, 2019. С. 320—331.

Об экспериментах над народной песней в советское время (1920—1930-е годы) // Исторический опыт нациестроительства и развития национальной государственности чувашского народа: материалы Всерос. научно-практич. конф. Чебоксары: ЧГИГН, 2020. С. 483—498.

Фольклорные традиции Канашского, Янтиковского и Урмарского районов Чувашской Республики: жанровый состав // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2020. № 2 (107). С. 41—50. В соавторстве.

Чувашская фольклористика: итоги и перспективы развития // Фольклор народов Поволжья и Урала: жанры, поэтика, проблемы изучения: материалы Межрегион. научно-практич. конф. Чебоксары: ЧГИГН, 2021. С. 6—30.

Предварительный обзор чувашского демониума // Сибирский филологический журнал. 2021. № 3. С. 38—48. В соавторстве.

Фольклорная традиция д. Яманово и с. Тобурданово Канашского района Республики Чувашия и ее бытование у чувашских переселенцев северного района Новосибирской области // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2021. № 2 (111). С. 65—79. В соавторстве.

Основные мотивы сказаний о великанах в чувашском и татарском фольклоре // Татары и чувашы — ветви одного древа: материалы Всерос. научно-практич. конф. / сост. и отв. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2021. С. 342—351.

Фольклорно-этнографические традиции чувашей Нурлатского района Республики Татарстан (по материалам фольклорной экспедиции 2021 г.) // Калейдоскоп культур: сб. материалов по результатам научных экспедиций по изучению культуры народов Республики Татарстан. Казань: АН РТ; ИЯЛИИ им. Г. Ибрагимова; МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева; НИИГН при Правительстве РМ; УдМФИЦ УрО РАН; ЧГИГН, 2021. С. 218—227.

Чувашский злой дух, вызывающий ломоту и ревматизм // Национальные языки и литературы в условиях би- и полилингвизма: сб. науч. статей по материалам Всерос. с междунар. участием научно-практич. конф. Чебоксары, 2022. С. 55—59.

Проблемы идентификации лесных персонажей в чувашском и мордовском фольклоре // Мордва в Чувашии: история и современность: материалы Межрегион. научно-практич. конф. / сост. и отв. ред. Д.В. Егоров. Чебоксары: ЧГИГН, 2022. С. 268—276.

В.А. Ендеров

НИКИФОРОВА ВЕРА ВИТАЛЬЕВНА

(к 50-летию со дня рождения)

8 августа исполнилось 50 лет Вере Витальевне Никифоровой — старшему научному сотруднику филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук, литературоведу, автору более 70 научных трудов, в том числе 3 коллективных монографий.

В.В. Никифорова родилась в с. Шибылги Канашского района Чувашской АССР (ныне Канашского муниципального округа Чувашской Республики). Окончила Шибылгинскую среднюю школу (1991), филологический факультет Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова по специальности «филолог, преподаватель русского языка и литературы» и психолого-педагогический факультет Чувашского государственного педагогического института им. И.Я. Яковлева по специальности «педагог-психолог» (1996), аспирантуру Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова по специальности «Литература народов РФ» (2001). Под научным руководством доктора филологических наук Ю.М. Артемьева защитила кандидатскую диссертацию на тему «Особенности художественной прозы Юрия Скворцова» (г. Чебоксары, 2002).

Работала педагогом-психологом Канашской средней школы-интерната для детей-сирот (1996—1997), воспитателем Социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних при отделе социальной защиты населения Московской районной администрации г. Чебоксары (1997—2001). С марта 2001 г. — в Чувашском государственном институте гуманитарных наук, занимала должности младшего научного сотрудника научного архива (2001—2002), научного сотрудника (2002—2004), старшего научного сотрудника (2005—2009), заведующего отделом литературоведения и фольклористики (2009—2010), старшего научного сотрудника секции литературоведения филологического направления (с 2011 г.).

В.В. Никифорова — один из ведущих специалистов Чувашии по истории литературы XX в. и современной литературе. Будучи членом авторской группы коллективной монографии «XX ёмёрти чăваш литератури: 1900—1950 сълсем: литература историйĕн тĕпчевĕсем» (2012) она проанализировала в ней историю чувашской драматургии с момента ее возникновения (начало XX в.) до середины 1950-х гг., она также выступила ответственным редактором этого издания. В качестве автора разделов коллективной монографии «История чувашской литературы XX века» в двух частях (2015, 2017) она представила историко-литературные портреты Михаила Сеспеля, Петра Осипова, Ивана Мучи, Юрия Скворцова, обзорные статьи о литературном процессе конца XX в. Эта коллективная монография стала первым исследованием на русском языке в Урало-Поволжье, рассмотревшим историю литературы всего XX в. отдельного народа как единый процесс. В.В. Никифорова также является соавтором коллективной монографии «История чувашской литературы XVIII—XIX веков» (2020), ее перу принадлежат разделы, посвященные литературно-публицистической и педагогической деятельности школы И.Я. Яковлева, чувашской поэзии и прозе конца XIX в., творчеству Игн. Иванова, И. Юркина, братьев Я. и Хв. Турханов.

Немало усилий прикладывает ученый для сохранения и изучения творческого наследия ушедших писателей. В.В. Никифоровой подготовлены собрания избранных произведений известной чувашской писательницы М. Трубиной (2014), драматурга и поэта Г. Тал-Мрзы (2019). Творчеству Юрия Скворцова она посвятила диссертационное исследование, ряд статей и выступлений на научных форумах, они способствовали объективной оценке произведений выдающегося чувашского прозаика и популяризации его наследия в чувашской культуре.

В последние годы в поле зрения В.В. Никифоровой — современный литературный процесс. Большой интерес представляют обзорные работы о чувашской прозе 1985—2020 гг., статьи о творчестве Б. Чиндыкова, Г. Федорова, В. Степанова, М. Карягиной и др., научный доклад «Современный литературный процесс: чувашская интеллектуальная проза рубежа XX—XXI веков» (2018). Она анализирует общее состояние современной чувашской литературы, выявляет новые явления и тенденции, новые имена. Результаты исследований ученого успешно используются при составлении программ и учебников для школ.

В обзорных очерках об истории и современном состоянии чувашской поэзии (2017) и прозы (2018) в антологии «Современная литература народов России», издаваемой в Москве, В.В. Никифорова достойно представила чувашскую литературу в контексте литературы народов Российской Федерации в целом.

Кроме этого, Вера Витальевна является автором статей для многотомной Чувашской энциклопедии (2006—2011), участником международных и всероссийских научных конференций в Чебоксарах, Москве, Казани, Йошкар-Оле, Турции и т. д.; членом Научно-методического совета Министерства образования и молодежной политики ЧР, членом Экспертного совета по закупке книг для библиотек ЧР, постоянно приглашается в качестве члена жюри различных творческих конкурсов и олимпиад, проводимых в республике.

Как квалифицированного специалиста ее привлекают для чтения лекций и ведения семинаров в образовательные организации, Национальную библиотеку ЧР. Одновременно с работой в ЧГИГН она в 2005—2012 гг. работала доцентом кафедры чувашского языка и литературы Чувашского республиканского института образования, в 2018—2019 гг. — доцентом кафедры русского языка и литературы ЧГУ им. И.Н. Ульянова.

В.В. Никифорова удостоена Государственной молодежной премии ЧР в сфере литературы, культуры и искусства (2001), Почетной грамоты Министерства образования и молодежной политики ЧР (2010), Государственной премии Чувашской Республики в области гуманитарных наук (2018).

Искренне поздравляем коллегу со знаменательной датой и желаем новых научных открытий.

Основные научные труды

XX ёмёр вёсёни чăваш прозинчи сĕнĕ пулăмсем (1995—2000) // Халăх пултарулăхĕпе илемĕх аставамĕ фольклорпа литературăра палăрса тăни = Фольклорное и литературное отражение художественно-эстетической памяти народа: сб. статей по материалам научно-практич. конф. Чебоксары: ЧГИГН, 2006. С. 125—154.

Хальхи литература идеи-идеалĕ: 2001—2005 сÿлсенчи проза // Чăваш халăх историйĕпе культури сивĕч ыйтăвĕсем: статьясен пухи = Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа: сб. статей. Чебоксары: ЧГИГН, 2011. Вып. 1. С. 204—228.

Сĕн ёмёрти проза сăн-сăпачĕ (2006—2010) // Чувашский гуманитарный вестник. 2012. № 7. С. 69—90.

XX ёмёрти чăваш литератури: 1900—1950 сÿлсем: литература историйĕн тĕпчевĕсем. Шупашкар: ЧПГАИ, 2012. 392 с. В соавторстве.

История чувашской литературы XX века. Ч. 1 (1900—1955): кол. монография. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. 431 с. В соавторстве.

История чувашской литературы XX века. Ч. 2 (1956—2000): кол. монография. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017. 432 с. В соавторстве.

История чувашской литературы XVIII—XIX веков: кол. монография / ЧГИГН. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2020. 296 с. В соавторстве.

Современный литературный процесс: чувашская интеллектуальная проза рубежа XX—XXI веков / В.В. Никифорова; науч. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары: 2018. 48 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 25).

Литературный процесс середины 1980-х — начала XXI в.: развитие чувашской поэзии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 11. (89). Ч. 1. С. 43—47.

Борис Чиндыков тата чăваш культури // Tehlikedeki Türk Dilleri Dergisi (Журнал исчезающих языков). 2020. Август. С. 403—407.

Художественные поиски современной чувашской литературы: поэзия Марины Карягиной // Национальные литературы в контексте культурной интеграции: материалы Международного круглого стола (9 июня 2021 г., г. Казань). Вып. 3 / сост.: Л.Р. Надыршина, Ф.Х. Миннуллина. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 2021. С. 214—219.

Хальхи чăваш прозин аталанăвĕ = Çağdaş Çuvaş Nesrinin Gelişimi // Uluslararası İstiklâl Marşı'nın Kabulünün 100. Yılı ve Türk Dünyası Edebiyatlarında Hürriyet Fikri Sempozyumu. Atatürk University Publications, 2021. 299—316 s.

Чăваш прозин 2011—2015 çулсенчи аталанăвĕ // Чувашский гуманитарный вестник. 2021. № 16. 152—170 с.

Малые формы современной чувашской прозы // Чувашский гуманитарный вестник. 2022. № 17. С. 104—123.

Нон-фикшн в современной чувашской прозе (на материале жанра повести) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2023. Т. 15. № 2 (66). С. 178—185.

Фольклорно-мифологическое начало в поэзии Марины Карягиной // Национальные картины мира. К 100-летию со дня рождения Р.Г. Гамзатова: тезисы докладов междунар. науч. конф. (5—6 октября 2023 г., г. Москва, ИМЛИ РАН) / отв. ред. С.С. Макаров. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 174—180.

Чувашская повесть начала XXI века и ее жанровые разновидности // Чувашский гуманитарный вестник. 2023. № 18. С. 135—170.

Некоторые жанровые разновидности современной чувашской и мордовской повести // Национальные литературы Поволжья и Приуралья: исследовательские парадигмы и практики: материалы Всерос. научно-практич. семинара / сост.: Л.Ш. Галиева, Ф.Х. Миннуллина. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 2024. С. 353—361.

И.Ю. Кириллова

Хроника научной жизни института 2023 год

10.01.2023 — в Художественной галерее им. Ю.А. Зайцева (г. Мариинский Посад) состоялась творческая встреча с заслуженным художником Российской Федерации А.П. Рыбкиным, в ходе которой с оценкой творчества живописца выступили сотрудники искусствоведческого направления ЧГИГН, кандидаты искусствоведения А.И. Мордвинова и Ю.В. Викторов.

17.01.2023 — в ЧГИГН прошел круглый стол «Наследие М.И. Сковцова в контексте современности», посвященный 90-летию со дня рождения лексикографа. На мероприятии с сообщениями выступили сотрудники филологического направления, кандидаты филологических наук Г.А. Дегтярёв, А.П. Долгова, Э.Е. Лебедев, И.Ю. Кириллова, В.В. Никифорова, И.П. Семёнова, кандидат исторических наук А.П. Леонтьев.

26.01.2023 — в эфире «Радио Чувашии» вышла радиопередача «Словарьсен ашшĕ», посвященная 90-летию со дня рождения лексикографа М.И. Сковцова, с участием сотрудников филологического направления ЧГИГН, кандидатов филологических наук Г.А. Дегтярёва, А.П. Долговой, О.Р. Студенцова. Они поделились с радиослушателями воспоминаниями о своем учителе, раскрыли вклад ученого в изучение чувашского языка.

27.01.2023 — в конференц-зале Федерального центра травматологии, ортопедии и эндопротезирования состоялась встреча активистов Фонда культурного наследия «Память поколений» им. Петра Егорова. В собрании единомышленников, объединенных общей идеей популяризации и развития национально-культурных достижений чувашского народа, приняли участие сотрудники искусствоведческого направления ЧГИГН: доктор искусствоведения М.Г. Кондратьев и кандидат искусствоведения Ю.В. Викторов.

01.02.2023 — в XI республиканском конкурсе «Лучший молодой ученый Чувашской Республики», организованном Министерством образования и молодежной политики Чувашской Республики и Советом молодых ученых и специалистов Чувашской Республики, звания «Лучший молодой ученый Чувашской Республики в области социогуманитарных наук» был удостоен кандидат исторических наук, старший научный сотрудник археологического направления ЧГИГН Н.С. Мясников.

03.02.2023 — в ЧГИГН состоялось заседание Совета по развитию гуманитарной науки под председательством министра образования и молодежной политики Чувашской Республики Д.А. Захарова. На встрече с руководителями профессиональных организаций и научных сотрудников гуманитарного направления были подведены итоги деятельности совета в 2022 г. и утвержден план работы на 2023 г. На мероприятии с сообщениями выступили сотрудники ЧГИГН: доктор исторических наук И.И. Бойко, кандидат исторических наук А.А. Чибис, кандидат филологических наук Г.Г. Ильина.

06.02.2023 — в ЧГПУ им. И.Я. Яковлева был организован межрегиональный круглый стол «Диалекты и их роль в изучении истории языка», посвященный 50-летию кандидата филологических наук, доцента А.Д. Ахвандеровой, на котором кандидат филологических наук, старший научный сотрудник филологического направления ЧГИГН А.П. Долгова выступила с докладом «К вопросу о сведениях по диалектологии в трудах по этнографии чувашей».

09.02.2023 — состоялась очередная итоговая научная сессия ЧГИГН, посвященная Дню российской науки. Был заслушан доклад А.П. Долговой «Синтаксический строй чувашского языка как объект лингвистического исследования». Выступили с сообщениями сотрудники института: Н.Г. Ефремова-Ильина, А.П. Леонтьев, О.Н. Михайлова, Г.Г. Ильина, В.Г. Родионов, В.В. Никифорова, И.Ю. Кириллова, И.В. Софронова, А.А. Чибис, Ю.В. Гусаров, В.Н. Клементьев, Н.Б. Смирнова, Е.В. Касимов.

09—10.02.2023 — в зимней социологической школе «Современные социологические исследования: данные, методы, результаты», организованной Высшей школой современных социальных наук МГУ им. М.В. Ломоносова и исследовательским холдингом Romir, в дистанционном формате принял участие младший научный сотрудник исторического направления ЧГИГН А.Д. Гаврилов.

15.02.2023 — в Московском доме национальностей состоялся семинар «Языки народов России и приоритеты образовательной политики», направленный на выявление и возможность трансляции лучших практик этнокультурного образования и просвещения, межкультурного взаимодействия и сотрудничества, их распространение на территории столицы и в регионах страны. В мероприятии в онлайн-формате приняли участие сотрудники ЧГИГН: доктор исторических наук И.И. Бойко и кандидат филологических наук А.П. Долгова.

22.02.2023 — в Мемориальном музее-квартире М.С. Спиридонова — филиале ЧГХМ состоялся круглый стол «Роль журналистов в чувашском искусствоведении», посвященный 95-летию со дня рождения кандидата искусствоведения, заслуженного работника культуры ЧАССР Н.А. Ургалкиной, в работе которого принял участие младший научный сотрудник искусствоведческого направления ЧГИГН А.А. Малинина.

02.03.2023 — в г. Саранск прошла Межрегиональная научно-практическая конференция «Подвиг во имя Победы». Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник исторического направления ЧГИГН В.Г. Харитонов выступила с докладом «Подвиг тружеников Чувашии: вопросы сохранения исторической памяти». За активное участие в межрегиональном патриотическом марафоне «Рубежи Победы» ей была вручена Благодарность Главы Республики Мордовия А.А. Здунова.

02—03.03.2023 — в г. Казань на базе Академии наук Республики Татарстан состоялась итоговая Всероссийская научная конференция (с международным участием) Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. В ее работе приняли участие сотрудники археологического направления ЧГИГН Н.С. Мясников, Е.П. Михайлов, А.Ю. Березин, В.Ю. Григорьев и Л.В. Сивова. Они представили доклады, посвященные итогам совместной работы с татарскими коллегами на Большетаябинском городище и разведкам по сопредельным территориям Чувашии и Татарстана.

03.03.2023 — в Чувашском государственном художественном музее состоялся вернисаж выставки Юрия и Сергея Ювенальевых «Живопись. Пейзажи деревни Аслы-Ялы. Искусство книги. Музейная экспозиция», на церемонии открытия которой выступили сотрудники искусствоведческого направления ЧГИГН Ю.В. Викторов, А.И. Мордвинова, А.А. Малинина.

06.03.2023 — в ЧГИГН был организован круглый стол, посвященный 95-летию со дня рождения кандидата искусствоведения Н.А. Ургалкиной. В обсуждении вклада ученого в чувашское искусствоведение приняли участие сотрудники ЧГИГН: М.Г. Кондратьев, Ю.В. Викторов, А.И. Мордвинова, Л.И. Бушуева, А.А. Малинина, Д.В. Басманцев и А.Д. Гаврилов.

18.03.2023 — в Министерстве цифрового развития, информационной политики и массовых коммуникаций Чувашской Республики на Дне главного редактора представил результаты своих социологических исследований медиапотребления в Чувашии кандидат филологических наук, младший научный сотрудник исторического направления ЧГИГН А.Д. Гаврилов.

22.03.2023 — в Национальной библиотеке Чувашской Республики кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник исторического направления ЧГИГН В.Н. Клементьев прочитал в онлайн-формате лекцию «Образование Чувашской автономной области».

24.03.2023 — в Чувашской государственной филармонии состоялось расширенное заседание коллегии Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, в работе которого приняли участие кандидат философских наук, директор ЧГИГН П.С. Краснов и доктор исторических наук, главный научный сотрудник исторического направления ЧГИГН В.П. Иванов.

25—26.03.2023 — в Российской академии музыки им. Гнесиных (г. Москва) на пленарном заседании VII Всероссийской научно-практической конференции «Сохранение национальных традиций в народно-инструментальном искусстве: проблемы и перспективы» выступил доктор искусствоведения, главный научный сотрудник искусствоведческого направления ЧГИГН М.Г. Кондратьев. Он представил доклад «Мастер Павел Волков в истории псалтиревидных гуслей».

28.03.2023 — в ЧГИГН состоялось расширенное заседание секции этнологии исторического направления «Традиционная культура чувашей глазами священников», посвященное 175-летию со дня рождения А.В. Рекеева. С докладами выступили сотрудники истори-

ческого и филологического направлений ЧГИГН Д.В. Егоров, В.П. Иванов, Г.Б. Матвеев, Д.В. Басманцев, Г.Г. Ильина и А.А. Антипина.

28.03.2023 — в Национальной библиотеке Чувашской Республики открылась выставка «Параллели: песни мудрости народов Поволжья», созданная на основе научных трудов доктора искусствоведения, главного научного сотрудника искусствоведческого направления ЧГИГН М.Г. Кондратьева.

03—09.04.2023 — на кафедре общего и русского языкознания филологического факультета РУДН (г. Москва) кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник филологического направления ЧГИГН Э.Е. Лебедев прошел стажировку по теме «Общая и частная методология филологической науки».

05.04.2023 — в Национальной библиотеке Чувашской Республики доктор искусствоведения, главный научный сотрудник искусствоведческого направления ЧГИГН М.Г. Кондратьев прочитал в онлайн-формате лекцию «Чувашская музыка: традиционная музыкально-поэтическая система».

07.04.2023 — на кафедре тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва) состоялась Международная конференция «XXX Дмитриевские чтения», на которой с докладом «Об аффиксальном словообразовании имен существительных в чувашском языке» выступил кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник филологического направления ЧГИГН Э.Е. Лебедев.

11.04.2023 — в Национальной библиотеке Чувашской Республики прошел круглый стол, посвященный обсуждению монографии кандидата искусствоведения, старшего научного сотрудника искусствоведческого направления ЧГИГН Л.И. Бушуевой «Чувашская народная песня в творчестве композиторов: композиторский фольклоризм, фольклорные “волны”, жанр обработки», выдвинутой на соискание Государственной премии Чувашской Республики в области литературы и искусства 2022 г.

12.04.2023 — в ЧГИГН состоялся круглый стол «Научное наследие Н.И. Ашмарина», посвященный обсуждению коллективной монографии «Н.И. Ашмарин — корифей чувашской филологии» (2020), представленной на соискание Государственной премии Чувашской Республики в области науки и техники 2022 г. (в области гуманитарных наук).

13.04.2023 — в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова факультетом русской и чувашской филологии и журналистики совместно с ЧГИГН был организован круглый стол «Языковая ситуация в Чувашской Республике», приуроченный к 175-летию со дня рождения И.Я. Яковлева и Международному десятилетию языков коренных народов, на котором выступили сотрудники ЧГИГН: доктор исторических наук И.И. Бойко, кандидаты филологических наук А.П. Долгова и А.Д. Гаврилов.

17.04.2023 — в Национальной библиотеке Чувашской Республики состоялся вернисаж выставки «Самые уникальные издания из фондов Книжной палаты», на открытии которого выступил кандидат филологических наук, старший научный сотрудник филологического направления ЧГИГН О.Р. Студенцов.

22—24.04.2023 — в Чувашской воскресной школе им. П.М. Миронова (г. Уфа) прошли праздничные мероприятия, посвященные 175-летию со дня рождения выдающегося просветителя Ивана Яковлева, в которых приняли участие кандидат исторических наук, ученый секретарь ЧГИГН Д.В. Басманцев и кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник филологического направления ЧГИГН Г.Г. Ильина.

23—24.04.2023 — в Академии наук Республики Татарстан (г. Казань) состоялся Международный научно-практический семинар «Татароведение в ситуации смены парадигм: теория, методология, практика», посвященный 145-летию со дня рождения классика татарской литературы Гаяза Исхаки. На секционных заседаниях семинара с докладами выступили сотрудники филологического направления ЧГИГН: доктор филологических наук В.Г. Родионов, кандидаты филологических наук И.Ю. Кириллова и И.В. Софронова.

24—25.04.2023 — на открытии Межрегионального форума учителей родного языка «Пёрлӗхре — вай / В единстве — сила» выступила кандидат филологических наук, старший научный сотрудник филологического направления ЧГИГН А.П. Долгова.

24.04—08.05.2023 — в поисковой экспедиции в Волгоградской области в составе поискового отряда «Память» ЧГПУ им. И.Я. Яковлева находились сотрудники археологического направления ЧГИГН Н.С. Мясников и В.Ю. Григорьев.

25.04.2023 — в ЧГПУ им. И.Я. Яковлева состоялась Международная научно-практическая конференция «Яковлевские чтения: патриотизм, гражданственность, духовность в аспекте современных социокультурных процессов», посвященная 175-летию со дня рождения И.Я. Яковлева, в работе которой с докладами выступили сотрудники ЧГИГН: кандидаты исторических наук Ю.В. Гусаров и В.Н. Клементьев, кандидаты филологических наук Э.Е. Лебедев и О.Р. Студенцов.

28.04.2023 — в Государственной публичной исторической библиотеке России (г. Москва) прошел межрегиональный круглый стол «Гений места. Технология работы с наследием И.Я. Яковлева в современных архивах, музеях и библиотеках», на котором с докладом выступил кандидат филологических наук, старший научный сотрудник филологического направления ЧГИГН О.Р. Студенцов.

03.05.2023 — на Дне чеченского языка в Доме дружбы народов Чувашской Республики с докладом о языковой ситуации в Чувашии выступил доктор исторических наук, главный научный сотрудник исторического направления ЧГИГН И.И. Бойко.

11.05.2023 — в ЧГИГН состоялся круглый стол «Советская эпоха глазами современника», посвященный презентации книги «Моя жизнь» инженера-строителя и публициста Г.И. Кондратьева.

15.05.2023 — в работе круглого стола «Чувашский язык: новые подходы к исследованию и преподаванию», приуроченного к 125-летию со дня рождения Н.А. Резюкова и А.И. Иванова, к 95-летию со дня рождения И.А. Андреева, приняли участие сотрудники филологического направления ЧГИГН, кандидаты филологических наук Г.А. Дегтярёв, Э.Е. Лебедев, О.Р. Студенцов и И.П. Семёнова.

17.05.2023 — на «Радио Чувашии» в передаче «Самое время», посвященной 145-летию со дня рождения историка и этнографа Н.В. Никольского, выступил кандидат исторических наук, научный сотрудник филологического направления ЧГИГН А.П. Леонтьев.

18.05.2023 — в ЧГИГН состоялся круглый стол «Актуальные проблемы этнической истории и культуры чувашского народа», посвященный 145-летию со дня рождения этнографа и историка Н.В. Никольского.

22.05.2023 — в XIX Абашевских историко-краеведческих чтениях приняли участие сотрудники археологического направления ЧГИГН: Е.П. Михайлов, Н.С. Мясников, А.Ю. Березин, В.Ю. Григорьев и Л.В. Сивова.

25.05.2023 — в ЧГИГН состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы лексикографии, терминологии и теории перевода», посвященная 90-летию со дня рождения чувашского лексикографа и педагога М.И. Скворцова.

29.05.2023 — в Национальной библиотеке Чувашской Республики на Республиканском мастер-форуме «Стратегия развития библиотек Чувашии: направления, тенденции и модели» кандидат филологических наук, старший научный сотрудник филологического направления ЧГИГН А.П. Долгова рассказала о проблемах сохранения и развития чувашского языка в условиях изменяющегося мира.

29.05—11.06.2023 — в чувашских селениях Моргаушского и Ядринского муниципальных округов Чувашской Республики, граничащих с марийскими селами и деревнями Горномарийского муниципального района Республики Марий Эл, состоялась комплексная экспедиция ученых ЧГИГН. В ней приняли участие кандидат исторических наук Д.В. Егоров, кандидат филологических наук Г.Г. Ильина, кандидат исторических наук Е.В. Сергеева, кандидат филологических наук И.П. Семёнова, младший научный сотрудник А.А. Антипина.

01—15.06.2023 — сотрудники археологического направления ЧГИГН провели раскопки на Большетаябинском городище X—XIII вв.

07.06.2023 — сотрудники искусствоведческого направления ЧГИГН М.Г. Кондратьев, А.И. Мордвинова и А.А. Малинина посетили региональную выставку «Большая Волга XIII. Культурный код народов Поволжья» в Йошкар-Оле.

14.06.2023 — в ЧГПУ им. И.Я. Яковлева состоялась научная конференция, посвященная Году педагога и наставника в Чувашской Республике, на которой с докладом выступила младший научный сотрудник искусствоведческого направления ЧГИГН А.А. Малинина.

14.06.2023 — за работу в экспертной комиссии и содействие в проведении конкурсов «Аспирант года» и «Открытая лекция» Благодарственным письмом министра образования Чувашской Республики награжден кандидат филологических наук, младший научный сотрудник исторического направления ЧГИГН А.Д. Гаврилов, за работу в экспертной комиссии и содействие в проведении конкурса «Лучший молодой ученый Чувашской Республики» — кандидат исторических наук, ученый секретарь ЧГИГН Д.В. Басманцев.

15.06.2023 — в Национальной библиотеке Чувашской Республики прошел круглый стол, посвященный чувашской книге. Он был приурочен к выходу в 1769 г. первого печатного издания о чувашском языке — «Сочинений, принадлежащих к грамматике чувашского языка». В его работе приняли участие кандидаты филологических наук, старшие научные сотрудники филологического направления ЧГИГН В.В. Никифорова и О.Р. Студенцов.

26—27.06.2023 — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник исторического направления ЧГИГН А.Д. Гаврилов прошел обучение в рамках V Летней социологической школы «Социология сегодня: практика эмпирических исследований» (г. Москва).

26—30.06.2023 — в Санкт-Петербурге на XV Конгрессе антропологов и этнологов России представили доклады сотрудники ЧГИГН: доктор исторических наук И.И. Бойко, кандидат исторических наук Е.В. Сергеева и младший научный сотрудник А.А. Антипина.

26.06—09.07.2023 — сотрудники археологического направления ЧГИГН провели раскопки могильника и поселения «Чебоксарский городок» в Заволжье.

06.07.2023 — в заседании конкурсной комиссии по подведению итогов республиканского конкурса и отбору творческих проектов профессиональных коллективов Чувашской Республики на получение грантов Главы Чувашской Республики приняли участие кандидат исторических наук, заместитель директора по науке и развитию ЧГИГН Г.А. Николаев и кандидат исторических наук, научный сотрудник филологического направления ЧГИГН А.П. Леонтьев.

27.07—11.08.2023 — сотрудники археологического направления ЧГИГН в рамках полевой археологической школы для детей «Детективы прошлого» провели раскопки на Третьевурманкасинском городище эпохи раннего железного века (I—II вв. н. э.).

21.08.2023 — на набережной Волги в акции-перформансе «Примерочная», приуроченной ко дню рождения народного поэта Чувашии Г.Н. Айги, приняли участие сотрудники искусствоведческого направления ЧГИГН А.И. Мордвинова и А.А. Малинина.

22.08.2023 — в подготовке видеоролика для учащихся 5—9 классов по теме «Языческие божества и духи чувашей» принял участие кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник исторического направления ЧГИГН Д.В. Егоров.

24.08.2023 — в Национальной библиотеке Чувашской Республики состоялся вечер памяти «Выдающиеся голоса XX века: Максим Михайлов и Анна Казакова», на котором выступили сотрудники искусствоведческого направления ЧГИГН М.Г. Кондратьев и А.И. Мордвинова.

24.08.2023 — во внеочередном заседании коллегии Минкультуры Чувашии принял участие кандидат философских наук, директор ЧГИГН П.С. Краснов.

28.08.2023 — в Доме дружбы народов Чувашской Республики состоялся ежегодный семинар для заместителей глав муниципальных образований Чувашской Республики, ответственных за реализацию Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г., на котором с докладом выступил доктор исторических наук, главный научный сотрудник исторического направления ЧГИГН И.И. Бойко.

08.09.2023 — Указом Главы Чувашской Республики почетное звание «Заслуженный работник культуры Чувашской Республики» за заслуги в области культуры и многолетнюю плодотворную работу присвоено кандидату исторических наук, ведущему научному сотруднику ЧГИГН Ю.В. Гусарову.

08.09.2023 — Указом Главы Чувашской Республики за заслуги перед Чувашской Республикой и многолетнюю плодотворную научную деятельность орденом «За заслуги перед

Чувашской Республикой» награжден доктор искусствоведения, главный научный сотрудник искусствоведческого направления ЧГИГН М.Г. Кондратьев.

08.09.2023 — в бизнес-центре «Амазония» в открытии выставки чувашского художника-этнофутуриста Праски Витти приняли участие сотрудники ЧГИГН М.Г. Кондратьев, В.Г. Родионов, Л.И. Бушуева, А.А. Малинина, М.Г. Митина.

13.09.2023 — за высокую научную ценность исследовательских работ престижная творческая премия им. Д.Д. Шостаковича присуждена доктору искусствоведения, главному научному сотруднику искусствоведческого направления ЧГИГН М.Г. Кондратьеву.

15.09.2023 — в ЧГИГН состоялась презентация сборника статей «Алексей Александрович Трофимов: ученый, организатор науки, общественный деятель».

20.09.2023 — в Национальной библиотеке Чувашской Республики прошла презентация книги-альбома «Чувашия: веки истории и современность», в которой приняли участие кандидаты исторических наук, научные сотрудники ЧГИГН Н.С. Головина и Н.Б. Смирнова.

22.09.2023 — в Красноярской СОШ (Республика Марий Эл) ЧГИГН и МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева провели Межрегиональную научно-практическую конференцию «Мари и чуваш: этнокультурный диалог в исторической ретроспективе».

26.09.2023 — в Институте русского языка Российского университета дружбы народов на научном семинаре «Социокультурная адаптация и межкультурная коммуникация: русский язык в междисциплинарном поле научных исследований» выступил с докладом кандидат филологических наук, младший научный сотрудник исторического направления ЧГИГН А.Д. Гаврилов.

27.09.2023 — в открытии мемориальной доски в честь первого музыковеда Чувашии, видного деятеля национальной культуры Ю.А. Илюхина принял участие доктор искусствоведения, главный научный сотрудник искусствоведческого направления ЧГИГН М.Г. Кондратьев.

27.09.2023 — в ЧГИГН на собрании по вопросу создания Чувашского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация антропологов и этнологов России» приняли участие сотрудники исторического и археологического направлений института.

27.09.2023 — в заседании организационного комитета по подготовке и проведению праздничных мероприятий, посвященных 125-летию со дня рождения выдающегося чувашского поэта Михаила Сеспеля, приняла участие кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник филологического направления ЧГИГН И.Ю. Кириллова.

02.10.2023 — во Всероссийской научно-практической конференции «XXII Петровские чтения» принял участие старший научный сотрудник археологического направления ЧГИГН Е.П. Михайлов.

03.10.2023 — на историко-географическом факультете ЧГУ им. И.Н. Ульянова состоялся круглый стол, посвященный 95-летию со дня рождения профессора П.В. Денисова, в работе которого приняли участие кандидаты исторических наук, ведущий научный сотрудник исторического направления ЧГИГН Г.Б. Матвеев и научный сотрудник исторического направления ЧГИГН Е.В. Сергеева.

04.10.2023 — в Национальной библиотеке Чувашской Республики в рамках арт-класса «Простой язык искусства» доктор искусствоведения, главный научный сотрудник искусствоведческого направления ЧГИГН М.Г. Кондратьев прочитал лекцию «Геннадий Воробьев — феномен 1930-х годов» из цикла «Чувашская музыка в XX веке».

05.10.2023 — в ЧГПУ им. И.Я. Яковлева на пленарном заседании Всероссийской с международным участием научно-практической конференции «Язык. Личность. Культура» выступил с докладом кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник филологического направления ЧГИГН Э.Е. Лебедев.

06.10.2023 — в Институте стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова на XXXI Международной научной конференции «Дмитриевские чтения» выступил с докладом кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник филологического направления ЧГИГН Э.Е. Лебедев.

11—12.10.2023 — в ЧГИГН состоялась Межрегиональная научно-практическая конференция «Традиционный и современный фольклор народов Волго-Уралья».

12—13.10.2023 — в Казанской государственной консерватории им. Н.Г. Жиганова на Международной научно-практической конференции «Музыка в диалоге культур: традиционная инструментальная культура тюркских народов: наука и практика» выступил с докладом доктор искусствоведения, главный научный сотрудник искусствоведческого направления ЧГИГН М.Г. Кондратьев.

17.10.2023 — в прямом эфире «Национального радио Чувашии» вышла радиопередача «Эткер», посвященная прошедшей в ЧГИГН Межрегиональной научно-практической конференции «Традиционный и современный фольклор народов Волго-Уралья», приуроченной к 100-летию со дня рождения педагога, фольклориста и литературоведа И.И. Одюкова, с участием кандидата филологических наук, ведущего научного сотрудника филологического направления ЧГИГН Г.Г. Ильиной.

18.10.2023 — в ЧГИГН состоялось заседание Совета молодых ученых и специалистов Чувашской Республики под руководством заместителя министра образования Чувашской Республики М.Н. Лежниной. Председателем обновленного состава Совета молодых ученых и специалистов Чувашской Республики был единогласно избран кандидат филологических наук, младший научный сотрудник ЧГИГН А.Д. Гаврилов.

19.10.2023 — в ЧГИГН состоялся круглый стол «Гурий Иванович Комиссаров — этнограф, историк, писатель».

20.10.2023 — в ЧГХМ на вернисаже персональной выставки заслуженного художника Чувашской Республики Станислава Юхтара выступила кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник искусствоведческого направления ЧГИГН А.И. Мордвинова.

26.10.2023 — в Национальной библиотеке Чувашской Республики на круглом столе «Язык, филология и феномены чувашской культуры», посвященном 75-летию юбилею известного чувашского ученого и общественного деятеля А.П. Хузангая, выступили сотрудники ЧГИГН: доктор филологических наук В.Г. Родионов, кандидаты филологических наук Г.А. Дегтярёв, А.П. Долгова, И.Ю. Кириллова, Э.Е. Лебедев, О.Р. Студенцов, кандидат искусствоведения А.И. Мордвинова, кандидат исторических наук А.П. Леонтьев.

27.10.2023 — в ЧГУ им. И.Н. Ульянова на научно-практической конференции «Законодательная власть в Чувашии: этапы становления и ее развитие в условиях конституционной реформы публичной власти» выступил кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник исторического направления ЧГИГН В.Н. Клементьев.

30—31.10.2023 — во II Международной научно-практической конференции «Опыт сохранения и развития традиционной культуры в современном мире. Народные художественные промыслы» (г. Казань) приняли участие сотрудники искусствоведческого направления ЧГИГН А.И. Мордвинова и А.А. Малинина.

02.11.2023 — на Международной научно-практической конференции «Гуманитарные науки в современном мире: Уракинские чтения» (г. Уфа) с докладами выступили сотрудники ЧГИГН: кандидат филологических наук И.П. Семёнова и кандидат исторических наук Н.С. Головина.

03.11.2023 — в Национальной библиотеке Чувашской Республики в открытии литературно-художественной выставки «Параллели: мифы и легенды в поэзии» приняли участие сотрудники ЧГИГН: доктор филологических наук В.Г. Родионов и кандидат филологических наук Г.Г. Ильина.

03.11.2023 — в Чувашском национальном музее состоялась Международная просветительская акция «Большой этнографический диктант», в которой приняли участие сотрудники исторического направления ЧГИГН Д.В. Егоров, Е.В. Сергеева и А.А. Антипина.

14.11.2023 — в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ прошла Всероссийская (с международным участием) научная конференция «Казанское ханство в зеркале фольклора», в которой приняли участие сотрудники ЧГИГН: кандидат филологических наук Г.Г. Ильина и кандидат исторических наук С.В. Охотникова.

15—16.11.2023 — в V Всероссийской научно-практической конференции «Регионы России в военной истории страны» (г. Йошкар-Ола) приняли участие кандидаты исторических

наук, ведущий научный сотрудник исторического направления ЧГИГН В.Г. Харитонов и научный сотрудник исторического направления ЧГИГН Н.Б. Смирнова.

16.11.2023 — в ЧГИГН прошел круглый стол «Венгерский дискурс в парадигме зарубежного чувашеведения», приуроченный к юбилею известного исследователя чувашского языка Юдит Дмитриевой-Салонтаи.

21.11.2023 — в Национальной библиотеке Чувашской Республики с лекциями на тему «Михаил Федоров — классик чувашской литературы» выступили кандидаты филологических наук, ведущие научные сотрудники филологического направления ЧГИГН И.Ю. Кириллова и Г.Г. Ильина.

23.11.2023 — в региональной научно-практической конференции «Татарские селения Чувашской Республики: прошлое и настоящее. Село Урмаево» приняли участие директор ЧГИГН П.С. Краснов и главный научный сотрудник исторического направления ЧГИГН В.П. Иванов.

23.11.2023 — в ЧГИГН состоялась презентация книги доктора искусствоведения, главного научного сотрудника искусствоведческого направления М.Г. Кондратьева «Избранное. Т. 1. Полвека музыкальной жизни Чувашии».

24—25.11.2023 — на кафедре тюркской филологии СПбГУ (г. Санкт-Петербург) в Международной научной конференции «XXXVIII Кононовские чтения» с докладом выступил кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник филологического направления ЧГИГН Э.Е. Лебедев.

01.12.2023 — в ЧГИГН состоялся круглый стол, посвященный 250-летию со дня рождения известного общественного деятеля XVIII в., русского историка, поэта и прозаика Николая Сергеевича Арцыбашева (1773—1843).

01—02.12.2023 — в ЧГПУ им. И.Я. Яковлева в III Международной конференции «Этнокультурные феномены в образовательном пространстве» приняла участие кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник филологического направления ЧГИГН Г.Г. Ильина.

07—08.12.2023 — в VII форуме «Языковая политика в Российской Федерации», приуроченном к проведению в Содружестве Независимых Государств в 2023 г. Года русского языка как языка межнационального общения (г. Москва), с докладом принял участие кандидат филологических наук, старший научный сотрудник филологического направления ЧГИГН О.Р. Студенцов.

10—12.12.2023 — на XXXII Всероссийском фестивале музыки композиторов Поволжья и Приуралья (г. Уфа) приняла участие кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник искусствоведческого направления ЧГИГН Л.И. Бушуева.

19.12.2023 — в ЧГИГН прошел круглый стол «Результаты полевого сезона 2023 года археологического направления ЧГИГН».

22.12.2023 — в ЧГИГН состоялась презентация книги о Герое Российской Федерации Николае Федоровиче Гаврилове «Позывной Маэстро».

28.12.2023 — в ЧГИГН прошел научный семинар по чувашской лексикографии «Теория и практика составления словарей».

Подготовил *А.Д. Гаврилов*

Правила для авторов

1. Материалы для публикации должны соответствовать тематике журнала и представлять оригинальное научное исследование, не издававшееся ранее. Как исключение к печати могут быть приняты сочинения, издававшиеся частично — до 25 % объема. Текст предоставляемой научной продукции должен быть тщательно выверен авторами на предмет наличия орфографических ошибок и опечаток.

2. Предоставляемые в редакционную коллегию материалы должны иметь титульный лист, содержащий следующие сведения: фамилия, имя, отчество автора; почтовый адрес; адрес электронной почты; номер телефона (домашнего, рабочего, мобильного); место работы; должность; ученая степень и ученое звание; тематика научных изысканий. На первой странице рукописи печатаются: название статьи (сообщения); инициалы и фамилия автора (инициалы перед фамилией). Заголовок набирается строчными буквами. На первой странице под текстом указываются: полное имя, отчество и фамилия автора; ученая степень, ученое звание и должность. Форма: Иванов Иван Иванович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературоведения Чувашского государственного университета.

3. Материалы для публикации должны быть напечатаны в 2 экземплярах, на одной стороне листа. В редакционную коллегию они предоставляются вместе с электронным вариантом (на дискете). Распечатанный текст должен быть подписан автором (авторами). Основные параметры верстки печатного и электронного текстов: кегль — 14 пунктов, междустрочный интервал — полуторный, формат страницы — А-4, выравнивание по ширине (для заголовка — по центру), отступ абзаца — 1 см, все поля 2 см, без переносов, нумерация страниц снизу и по центру листа. Гарнитура Times New Roman. Редактор — MS Word. При наличии таблиц и рисунков они должны быть созданы стандартизированными средствами MS Word и внедрены в текст. Таблицы и рисунки должны иметь собственную нумерацию и названия. В таблицах обязательно указываются единицы измерения величин. Названия и нумерация к ним помещаются над конструкцией и набираются полужирным шрифтом 12. Текст внутри таблиц набирается шрифтом 12. Нумерация и пояснения к рисункам помещаются под конструкцией и набираются шрифтом 12. Формулы располагаются по центру страницы. Шрифт для греческих букв Symbol, для всех остальных — Times New Roman. Число таблиц и рисунков в рукописи не должно превышать 6. Фотографии прилагаются в двух файлах — в тексте рукописи и отдельной единицей — с разрешением 300 dpi в формате TIFF, JPEG.

4. Рукописи в редакционную коллегию авторами предоставляются вместе с двумя рецензиями, написанными кандидатами или докторами наук по профильной научной дисциплине. Они должны быть заверены печатью той организации, где работают рецензенты. Решением редакционной коллегии полученные материалы могут быть приняты к печати, отправлены на дополнительное рецензирование или возвращены на доработку. Возвращение рукописи на доработку не означает, что она принята к печати.

Доработанный текст автор вправе вновь предоставить вместе с первоначальным его вариантом и ответами на замечания в редакционную коллегию журнала.

5. Поступившие в редакционную коллегию рукописи, как принятые к печати, так и отклоненные, а также рецензии и сопутствующие материалы поступают в Научный архив ЧГИГН. Они авторам не возвращаются.

6. В рукописях допускается использование общеизвестных аббревиатур (СССР, РСФСР и др.). В случае оперирования с малоизвестными аббревиатурами в тексте при первом употреблении им должны предшествовать расшифрованные формы. Например: Всероссийский союз городов (ВСГ). Замена ключевых понятий исследования (например, «СО» вместо «сельское общество») аббревиатурами не допускается.

7. Структура статьи (сообщения) должна определяться соображениями целесообразности. В ее (его) вводной части (не менее 0,5 с.) обязательны постановка проблемы и определение исследовательских задач, в заключительной (не менее 0,5 с.) — полученные в ходе анализа выводы. Статью (сообщение) завершают примечания и краткое резюме. Используемая литература и источники указываются в примечаниях.

8. Ссылки на использованную литературу и источники даются с помощью автоматических номерных сносок в конце текста. Кегль — 14 пунктов. Фамилия и инициалы авторов исследований в сносках выделяются курсивом. Названия архивов даются аббревиатурами. При первом употреблении аббревиатуры должны быть расшифрованы. Форма: Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ).

9. Источники, представленные для публикации в качестве самостоятельной исследовательской единицы, должны быть оформлены в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990) и иметь предисловие, примечания и комментарии.

10. Ориентировочный объем для публикаций: для статьи — до 25 страниц (50 тыс. знаков), сообщения — до 15 страниц (20 тыс. знаков), рецензии — до 7 страниц (12 тыс. знаков), аннотации — до 3 страниц (5 тыс. знаков). В печатный объем входят текст, таблицы, рисунки и список литературы. Источники, представленные к публикации в качестве самостоятельной исследовательской единицы, могут иметь объем до 23 страниц (40 тыс. знаков). Объем Краткого резюме к статье (сообщению) — 8—10 строк.

11. Редакционная коллегия вправе вносить в настоящие правила изменения.

СОДЕРЖАНИЕ

Знаменательные даты. К 555-летию города Чебоксары

<i>Гусаров Ю.В.</i> Из истории Чебоксарской Спасо-Преображенской Героньевской пустыни	3
---	---

Археология

<i>Михайлов Е.П.</i> Следы ритуальных действий XVIII — начала XX века на Большеатайском городище	20
--	----

История

<i>Охотникова С.В.</i> Социокультурное развитие чувашей правобережья и левобережья реки Волги в XVI веке: общее и особенное	40
<i>Смирнова Н.Б.</i> Архитекторы и художники Чувашии — жертвы сталинских репрессий	55

Социология

<i>Гаврилов А.Д.</i> Чуваш в Интернете: этнокультурный контент и коммуникативные практики самоидентификации	65
---	----

Этнология

<i>Сергеева Е.В.</i> Женщины в праздниках деревенского сообщества чувашей (вторая половина XIX — начало XX века)	88
--	----

Искусствоведение

<i>Малинина А.А.</i> Академическая школа в чувашской живописи. Роль Р.М. Ермолаевой в ее становлении и развитии	101
---	-----

Филология

<i>Лебедев Э.Е.</i> Проблемы изучения словоизменения глагола в чувашском языке	127
<i>Афанасьева Л.А.</i> Названия выкупов в чувашской свадебной обрядности ...	151

Чувашеведение в лицах

<i>Митина М.Г.</i> Лучший друг чувашского театра	162
<i>Басманцев Д.В., Долгова А.П.</i> Дневники директора ЧНИИ В.Д. Димитриева 1972—1988 годов: краткий обзор	174

Дискуссии и обсуждения

Диалог о книге В.И. Сергеева «Морфология чувашского языка: словоизменение, формоизменение и формообразование». Чебоксары: ЧГИГН, 2017. — 400 с.	190
--	-----

Рецензии

<i>Лебедев Э.Е.</i> Рец. на: Eyüp Bacanlı. Çuvaşça // Eyüp Bacanlı. Türk dillerinde düzensizlikler. — Ankara: Altındağ, 2016. — S. 109—124. [Эйюп Баджанлы. Чувашский язык // Эйюп Баджанлы. Явления нерегулярности в тюркских языках. — Анкара: Алтындаг, 2016. — С. 109—124]	208
<i>Лебедев Э.Е.</i> Рец. на: Sinan Güzel. Çuvaşçada Yapmacılık/Sahtelik Bildiren Yapıların Kiplik Analizi // Tarihi ve Çağdaş Türk Lehçeleri Araştırmaları: Fiil Kategorisi. — Ankara, 2022. — S. 220—231. [Синан Гюзель. Анализ конструкций с модальными значениями притворности в чувашском языке // Исследования по истории и современному состоянию тюркских языков: Глагольные категории. — Анкара, 2022. — С. 220—231]	210
<i>Хузангай А.П.</i> Рец. на: Мордвинова А.И. Будущее не спешило ко мне... Художник Анатолий Миттов. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2022. — 272 с., ил.	212
<i>Ногманов А.И.</i> Рец. на: Образование и христианское просвещение чувашей Волго-Уралья во второй половине XIX — начале XX века: документы и материалы из фондов Н.И. Ильминского и Казанской учительской семинарии / сост. Г.А. Николаев, Р.Р. Исаков. — Чебоксары; Казань, 2023. — 496 с.	217
<i>Осипов А.А.</i> Рец. на: Бушуева Л.И. Чувашская народная песня в творчестве композиторов: композиторский фольклоризм, фольклорные «волны», жанр обработки: монография. — Чебоксары: ЧГИГН, 2021. — 304 с.	220
<i>Порфирьева Е.В.</i> Рец. на: Бушуева Л.И. Фольклоризм и его преломление в чувашском музыкальном искусстве / науч. ред. Г.А. Николаев. — Чебоксары: ЧГИГН, 2024. — 44 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 37)	222
<i>Напольнова Е.М.</i> Рец. на: Дегтярёв Г.А. Чувашский язык в условиях современного общества: проблемы витальности, вариативности и нормативности / науч. ред. Г.А. Николаев. — Чебоксары: ЧГИГН, 2024. — 48 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 38)	224

Наши юбиляры

Егоров Николай Иванович (к 75-летию со дня рождения)	227
Салмин Антон Кириллович (к 75-летию со дня рождения)	230
Иванов Ананий Герасимович (к 70-летию со дня рождения)	233
Ильина Галина Геннадьевна (к 55-летию со дня рождения)	237
Никифорова Вера Витальевна (к 50-летию со дня рождения)	241

Хроника научной жизни института. 2023 год	244
--	-----

Правила для авторов	252
----------------------------------	-----

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Чувашский гуманитарный вестник
№ 19. 2024

Научный журнал

Редактор *Е.П. Семенова*
Корректор *Н.Г. Герасимова*
Верстка *Н.И. Никифоровой*

Публикуемые материалы
не обязательно отражают точку зрения редколлегии
При перепечатке материалов ссылка
на журнал «Чувашский гуманитарный вестник» обязательна

Подписано к печати 10.12.2024. Дата выхода в свет 20.12.2024. Формат 70×100¹/₁₆.
Печать оперативная. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman. Цена свободная.
Усл. печ. л. 20,96. Уч.-изд. л. 19,30. Тираж 100 экз. Заказ № 10.

Учредитель: БНУ ЧР «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования Чувашской Республики
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-60986 от 5 марта 2015 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Издатель — БНУ ЧР «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования Чувашской Республики
428015, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1
тел 8(8352) 45-00-10, 45-00-05, факс 45-00-05
e-mail: human2000@yandex.ru

Адрес редакции: 428015, г. Чебоксары, Московский пр., 29/1
Тел.: 8(8352) 45-00-10, 45-00-05, факс 45-00-05,
e-mail: human2000@yandex.ru

Оригинал-макет подготовлен РИО ЧГИГН
Отпечатано в РИО ЧГИГН 20.12.2024
г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1

9 772225 731212

ISSN 2225-7314

9 772225 731212 >

Чувашский гуманитарный вестник, 2024, № 19

ISSN 2225-7314